

КЭТРИН НИКОЛАС ПОИСК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОНА ИЩЕТ ЛЮБОВЬ.
ОН ИЩЕТ ДРУГУЮ.

18+

Кэтрин Николас

Поиск

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55523533

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-05569-8

Аннотация

Она – та, кто в детстве не получила родительской любви и тепла. И теперь, спустя годы, она ищет это тепло у противоположного пола. Но стеснительность и неуклюжесть не большие помощники в том, что касается любви. Пока в ее жизни не появляется он...

Он с самого детства окружен любовью и заботой. Мать воспитывала его в одиночку, но с самых пеленок дарила ему все свое внимание. И вроде вокруг него нет недостатка во внимании. Но старая история о девочке по соседству не дает ему покоя. Он влюблен в нее, хоть уже и не помнит ее лица. Но зато он помнит ее ладони, обхватывающие его лицо. И ласковый голос, повторяющий, что она будет его ждать.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	53
Глава 7	61
Глава 8	69
Глава 9	77
Глава 10	87
Глава 11	95
Глава 12	102
Глава 13	109
Глава 14	117
Глава 15	124
Глава 16	132
Глава 17	141
Глава 18	151
Глава 19	160
Глава 20	170
Глава 21	178
Глава 22	187

Глава 23	195
Глава 24	205
Глава 25	215
Глава 26	225
Глава 27	235
Глава 28	245
Глава 29	256
Глава 30	265
Глава 31	275
Глава 32	285
Глава 33	295
Глава 34	305
Глава 35	316
Глава 36	326
Глава 37	336
Глава 38	346
Глава 39	356
Глава 40	366
Глава 41	376
Глава 42	386
Глава 43	396
Глава 44	406
Глава 45	416
Глава 46	426
Глава 47	436
Глава 48	446

Глава 49	456
Глава 50	466
Глава 51	476
Глава 52	486
Глава 53	496

Кэтрин Николас

Поиск

Пролог

В одной из высоток города, в пентхаусе под крышей, сидело двое. Посреди гостиной стоял черный кожаный диван и два кресла. В одном кресле, напротив панорамного окна, сидит блондин с пузатым бокалом и покачивающимися внутри кубиками льда. Напротив него смотря в окно, застыл брюнет с взъерошенными волосами и сложенными за спиной руками в замок.

– Ты уверен, что это хорошая идея? – спрашивает в полумраке комнаты блондин, нахмутив темные брови.

Было десять часов вечера, когда к блондину в квартиру залетел брюнет, отказавшись слушать какие-либо возражения по поводу того, что он мешает.

– Уверен, – твердым голосом отвечает парень, отвернувшись к окну и рассматривая огни ночного города.

– Но, чувак, зачем тебе это нужно? – вновь спрашивает блондин, сидя в кресле. – Какого черта ты должен туда ходить?

– Потому что хочу, – отвечает он, смотря в отражение своего лучшего друга. – Мужик, ты же знаешь, мне это нужно.

– Я понимаю, что ты туда хочешь. Но ты не думал о том, что тебя могут узнать? И тогда Захарыч нам головы открывает.

– Почему нам? Я ведь туда буду ходить? – спросил парень, изогнув темные брови.

– Тебе, потому что ты туда будешь ходить, и тебя узнают. А мне, за то, что отпустил тебя, – насупившись, ответил его друг, сложив руки на груди и поджав губы.

– Тогда ходи со мной, сам проследишь за тем, что бы меня не узнали, – пожав плечами, предложил брюнет.

– Ты спятил? – гневно выкрикнул блондин, перед этим едва не расплескав на себя оставшийся в бокале виски. – Я в этот ад ни за что в жизни не вернусь!

Но на его слова, брюнет только залиvisto рассмеялся. Спустя несколько минут, не замечая угрюмого лица друга и вытерев слезы в уголках зеленых глаз, брюнет успокоился.

– Давай, для начала вспомним о том, что ты там ни разу не был. Ты с трудом даже школу закончил. Что уж говорить про универ.

– Тем более, а ты хочешь, что бы я с тобой туда ходил. Ты спятил, – так и не успокоившись от негодования идеей своего друга, сказал блондин.

– Ни хрена. Я абсолютно здоров, могу даже заключение от психиатра показать, – ответил брюнет, безразлично пожимая плечами.

– Да нахрена мне сдался твой психиатр? Он мне тоже на-

писал о том, что со мной все норм.

– Ага, только он не знал, что ты вытворяешь после того, как выпьешь, – со смешком сказал брюнет.

– Это не имеет значения. Захарыч сказал, что бы на прием к психотерапевту пришли трезвыми, – парировал блондин.

– А ну да, трезвый ты нормальный.

– Так что, никаких ко мне претензий, – удовлетворенно ответил блондин. – И вообще, не переводи тему. Я до сих пор думаю, что это плохая неделя, что бы ты ходил в университет.

– Чувак, я уже все решил, – устало выдохнув, ответил брюнет.

– Скажи честно, – сказал блондин, наклонившись и сцепив руки в замок, устремил свой взгляд на своего не просто друга, а, можно сказать, брата. – Тебя опять предки достают с высшим? Ты же знаешь, что обо всем можешь мне рассказать.

– Я знаю, – опустив голову, ответил парень. – Нет, это не предки. Это мое решение.

– Тогда я тем более ничего не понимаю, – вымученно ответил блондин, откидываясь на спинку кресла.

– Просто прими это, и все, – сказал брюнет, перед тем как отвернулся к окну. – И ответь, ты со мной или нет?

– Ох, черт с тобой, – блондин поднялся с кресла и подошел к брюнету. – С тобой хоть на край света, брат.

– На край света, брат, – подтвердил парень, смотря на

блондина. – Тогда готовься к изменениям.

– Зачем?

– Ну, если ты не хочешь что бы нас узнали, нам нужна маскировка.

– И во что я ввязался? – спросил блондин, подняв голову, как будто задавая этот вопрос богам. На что его друг только громко рассмеялся, сверкнув в темноте яркими зелеными глазами.

Глава 1

Говорили мне в детстве, не надо быть такой наивной. Перестать верить в чудо и ждать своего принца на белом коне. И ведь наглядный пример есть. Рядом, стоит только руку протянуть. И от кого? От самого родного человека.

И я должна была научиться на этих ошибках. Перестать доверять всем и вся. Понять, что не стоит влюбляться не в тех людей. Но, я не учусь. И вновь и вновь наступаю на одни и те же грабли. Ошибаюсь, расстраиваюсь и разочаровываюсь. Но все равно влюбляюсь.

Вот опять, моя очередная влюбленность проходит мимо, даже не обратив на меня внимания. Конечно, куда мне до самого популярного парня университета. Любимца всех девушек и гордость всего университета. Виктора Соснова. Ярко-рыжие волосы зачесаны назад, зеленые глаза цвета зелени, прямой нос и полные выразительные губы.

У меня в ушах играет песня группы Linkin Park – Castle of Glass. Голос Честера так круто отодвигает на второй план все звуки в коридоре, оставляя для меня только самую картинку. Как Виктор медленно идет по коридору, уверенный в каждом своем шаге. Вслед ему оборачиваются девчонки, а те что перед ним хлопают глазками, привлекая его внимание. Но он ни на кого не смотрит. Его зеленые глаза устремлены вперед, а на губах застыла широкая ухмылка.

– Ты опять вздыхаешь по своему принцу? – раздается голос рядом со мной, после того, как у меня бесстыдно вытащили наушники из ушей. Поворачиваю голову, обнаруживая рядом с собой игривые теплые глаза своей подруги Машки.

Маша Круглова – моя подруга с первого класса. Не очень высокого роста девушка с широкой улыбкой, теплыми карими глазами. И абсолютно не вписывающееся в этот образ невинного создания, отсутствие речевого фильтра. Дело в том, что моя подруга всегда говорит то что думает, и даже не переживает о том, что ее слова могут быть кому-то неприятными. Она всегда говорит, что она всего лишь говорит правду, а какая это правда, это уже не ее дело. Как и то, как отреагируют на это другие. Именно так мы и познакомились. В первом классе я была скромной и тихой девочкой, всегда сидящей в стороне, ни с кем не общающаяся. И некоторые девочки решили, что я довольно легкая добыча для их издевок. На перемене они отобрали у меня мой блокнот, дергали за волосы и обсуждали мой внешний вид.

Дело в том, что у меня не очень обеспеченная семья. Мои родители развелись когда мне было двенадцать. Мама уехала вместе со своим любовником, а папа стал пить, и достаточно сильно. Но это сейчас, а раньше, даже не смотря на то, что мои родители были вместе, все было также. Если у нас и были деньги, то мама с папой тратили их исключительно на себя. Папа на новые запчасти для машины, а мама на косметологов, фитнес и косметику с одеждой. Мне покупали

новую одежду только тетя с дядей, когда я ночевала у них. А это было достаточно редко.

И вот тогда я была в одной из тех одежд, что подарили мне тетя и дядя. Но, на тот момент они уже были достаточно потрепанные, и имели несколько неосторожных грубых стежков, сделанных мной. А те девчонки были из достаточно обеспеченных семей. Им едва ли не каждую неделю покупали новые наряды. Я же была готова до самого последнего носить свои вещи. Даже речи и быть не могло, если у меня на платье или юбке появилась дыра. Залатать дыру, и ходить дальше. Но что бы выбросить. Нет, никогда.

Тогда и появилась Маша. Она подбежала к девчонкам, обошла их и стала передо мной, уперев руки в боки. На ее лице тогда было выражение чистейшего недовольства и ярости. Пока никто ничего не понял, она начала достаточно резко и грубо объяснять этим девочкам, где им самое место. Я только поняла, что это очень далеко и там не очень приятно. Услышав обидные слова и, с трудом, вырвав юбки из пальцев Машки, девчонки в слезах убежали. Я с Машей с того времени стали лучшими подругами, а меня больше никто не смел обижать, боясь гнева ее гнева.

– Ничего я не вздыхаю, – отвечаю, вернувшись из своих воспоминаний и, все-таки, отводя взгляд от того места, где только что стоял Виктор. Его макушка мелькнула где-то в конце коридора, а затем пропала за углом среди толпы студентов.

– Ну я же вижу, что вздыхаешь, – настаивает на своем подруга. Поворачиваю голову, смотря на взъерошенную темно-волосую Машку. Это ее фирменный стиль – художественный беспорядок. Беспорядок на голове, ноль макияжа и простая одежда. Ничего выдающегося и кричащего. Маша всегда говорит, что если и должны любить то только за то, каким ты есть на самом деле, а не за то, кем ты хочешь казаться. Она, также как и я, верит в искреннюю и чистую любовь, как в книжках. И абсолютно не скрывает того, что не любит когда прикасаются к ее волосам, трогают непонятными вещами ее лицо и наряжают, словно фарфоровую куклу. А также то, что она никогда не врет. Постоянно всем говорит только правду. И утверждает, что обязательно найдется человек, который полюбит ее такой, взъерошенной, не покрашенной и грубой. Просто он прячется от нее, или ждет, когда она сама найдет его.

– Ты должна подойти к нему и взять быка за рога, – вновь говорит Маша, ничего не скрывая.

– За какие рога? Какого быка? – спрашиваю, повернувшись к девушке.

– Это образно, – недовольно скривилась подруга. – Я тебе говорю о том, что хватит вздыхать, когда он проходит мимо. Подойди и познакомься с ним. Поговори. Предложи выпить кофе.

Если бы я сейчас что-то пила, то на сто процентов уверена, что это что-то оказалось бы у меня под ногами и на мо-

ей кофе. А все потому, что я слишком стеснительная для таких поступков. Это прерогатива Маши – подойти к парню и первой предложить ему пойти гулять или выпить кофе. Я же в такие моменты теряюсь, начинаю что-то бессвязно бормотать, и, конечно же, не могу обойтись без того, что бы не опозориться.

– Может ты меня с собой перепутала? – спрашиваю, выгнув бровь. – Потому что так ты делаешь, а не я.

– Ну да, – всплеснула руками девушка. – То есть ты будешь и дальше продолжать сидеть в стороне и пускать слюни на своего принца. А в это время какая-то безмозглая выдра возьмет и прикарманит твоего Соснова. Что ты тогда будешь делать? Плакать мне в плечо и жаловаться на жестокую судьбу?

Мне приходится только огорченно вздохнуть. А все потому, что права моя подруга. И это так и будет, если я что-то не сделаю. Из-за своей стеснительности и скромности, я останусь в стороне. А в это время, где-то на горизонте появится другая девушка, которая не постесняется подойти к Виктору и познакомиться. Возможно они пойдут в кафе или парк. Найдут общие темы и незаметно друг для друга, начнут встречаться. Я же, так и останусь одна, молча смотреть, как очередная моя любовь счастлив с другой девушкой.

И даже не забыла упомянуть про прошлый раз, когда парень, который мне нравился, начал встречаться с первокурсницей. Я тогда два дня сидела у Машки и рыдала в три ру-

чья, жалуясь, что как только эта первокурсница появилась, у него сразу крышу снесло. Он не мог от нее отойти. Пока она не влюбилась и они не начали встречаться.

– Я помню, Маш, – отвечаю, опустив голову. – Но что я могу сделать? Ты же знаешь, что если я подойду к нему, то точно опозорюсь. И канут мои шансы быть с ним, в небытие.

– Я знаю!! – внезапно воскликнула Маша, оглушая своим криком едва ли не весь коридор, а я чуть не свалилась с подоконника, на котором сидела.

Сейчас как раз подвернулся удачный момент, то есть перемена между парами. Все студенты отправились в кафетерий на первом и третьем этаже, а я села на подоконник напротив кабинета истории. Где у меня через несколько минут должна начаться одна из самых занудных и энергетически выматывающих пар. История. Конечно, многие другие студенты ошибочно считают, что история – мой самый любимый предмет. Но они немного путают понятия. Учить и любить. Потому что люблю я только литературу. А историю мне приходится учить, и то только из-за того, что я не хочу вылететь из университета. Это ведь богатым деткам хорошо. За них родители заплатили, а они уже как хотят, ходить в универ или нет.

– О чем ты? – ошалело смотрю на подругу, пытаюсь успокоить нервно бьющееся сердце.

Глаза Маши горят безумным огнем, а губы растянулись в широкую ухмылку.

– Алинка, – обратилась подруга ко мне по имени. – Я знаю отличный способ для тебя, как пообщаться с твоим любимым Виктором и при этом не опозориться.

Сердце забилось в несколько раз быстрее, при мысли о том, что у меня все с Виктором еще может получиться. Что в этот раз, я не буду плакаться в подушку, переживая об очередном поражении за сердце своего принца.

– Интересно послушать, – говорю спокойно, хотя внутри все дрожит от ожидания и предвкушения. Что же такого она придумала?

– Слушай, – начала Машка, немного ко мне подвинувшись и интригуяюще ухмыльнувшись. – Завтра препод по экономике должен разделить нашу группу по парам и выдать темы для проектов.

Ох черт, – проносится у меня в голове, когда я вспоминаю о том, что Константин Геннадиевич – наш преподаватель по экономике, упоминал об этом на прошлом занятии.

– Ты думаешь, что Геннадиевич рассортирует нас так, что я окажусь в паре с Виктором? – спрашиваю, сглотнув ком в горле.

– Я уверена. Помнишь, он нас уже два года сортирует так, что сразу становится понятно, кто с кем будет. Он ведь по списку всех считает. А Соснов идет сразу после тебя.

Да, один из самых ненавистных курсов, главный на моем факультете, в начале этого года стал моим самым любимым. Потому что в этом году экономику стал посещать Виктор, и

сидит он прямо передо мной на ряд ниже. И я целых полтора часа могу им любоваться.

– Я надеюсь, что твоя версия подтвердится, – кивнув, надеясь на то, что так и будет. Что Геннадиевич выберет мне в пару по проекту Виктора. Что мы с ним сблизимся, и вскоре, моя мечта исполнится.

Глава 2

После разговора с Машей, мы разошлись каждая по своей аудитории. Я отправилась на скучную историю, а подруга на юридическое право. Усевшись на свое место на четвертом ряду, получше устроив рюкзак, я приготовилась к лекции, которая весьма быстро унесет меня в страну грез, где парни, а не я, пытаются добиться моего внимания.

Удачно выпавшись на лекции, остальной день для меня прошел более-менее нормально. Я с Машкой виделась только на переменах, и то вскользь. Подруга постоянно куда-то бежала, что-то проговаривая о том, что она опаздывает и про реферат.

Как только закончилась четвертая пара, я отправилась домой. К сожалению, без своей подруги, так как у нее еще дополнительный семинар по истории, а также она говорила что-то про свидание. Но с кем это свидание, она не уточнила.

После того, как мои родители развелись, мама уехала, а даже не знаю куда, а папа через год постоянных пьянок и драк, попал в тюрьму за нанесение тяжелых увечий сыну генерала полиции нашего города. Нашу квартиру тогда отобрал банк за неуплату долгов. Мне негде было жить, и тогда тетя с дядей в очередной раз проявили благородство по отношению ко мне и забрали к себе жить.

На первом курсе я проклинала тот факт, что квартира мо-

их тети и дяди находится в нескольких минутах от университета. Потому что отговорка с пробками и плохой погодой просто не срабатывала. Какие могут быть пробки или плохая погода, если тебе здесь нужно пройти каких-то пару километров.

Наша квартира находится на десятом этаже элитного новостроя, с аккуратным двором, собственной парковкой и новенькой детской площадкой. Но, даже не это все украшает наш небольшой райончик. А классические бабульки у подъезда и постоянные бормотания вслед проходящим людям «Проститутка. Наркоман. Алкоголик. Сектант. Извращенец». Вот и сейчас они не покидают свой пост. Сидят в рядочек, и до меня доносятся обрывки их фраз. Что-то про кошек на четвертом этаже, очередном наркомане, поселившемся на тринадцатом, и семье сектантов на десятом. И почему-то я знаю о ком идет речь, про сектантов на десятом.

– Здравствуйте, – вежливо здороваюсь с бабульками, приветливо улыбаясь. Это как с дворовыми собаками, ни за что нельзя показывать свой страх – загрызут.

– Здравствуй, Алиночка, – приветливо отвечают бабушки, нацепив на свои морщинистые лица приветливые улыбки. Ага, так я и повелась. Как только я скроюсь в дверях подъезда мне сразу начнут перемывать кости, даже к доктору не ходи.

Оказавшись в нашем чистом и уютном подъезде, облегченно выдыхаю. Не люблю я каждый раз мимо них прохо-

дить. Я бы не обращала внимания на то, что они говорят за моей спиной, если бы они просто обсуждали мой вид или еще какие-то слухи. Но нет. Каждый раз они не забывают упомянуть о моих родителях. О моей маме, уехавшей вместе со своим молодым любовником в другую страну. О папе, ушедшим в запой, а потом оказавшемся в тюрьме. Они ничего не упускают. И слышать каждый раз о них, это как ножом по сердцу. Дядя говорит, что бы я не обращала на них внимания. Но, так уж случилось, что я слишком ранимая и впечатлительная. Даже мелодрамы не могу смотреть, начинаю рыдать на более-менее драматических моментах.

Даже не запыхавшись на ступеньках, спасибо восьми годам проживания в этом доме, подхожу к двери нашей квартиры и открываю своим ключом. В квартире тихо и спокойно. Значит ни тети нет, ни дяди.

Помню в детстве, когда к нам домой на праздники приезжали тетя с дядей, я думала, что они муж и жена. Просто они были абсолютно придиричивы по отношению друг к другу. Они ссорились из-за неубранной посуды, говорили про детей. И я думала о том, что они любят друг друга. Когда я рассказала об этом маме, она долго смеялась, а потом объяснила мне, что дядя и тетя, на самом деле – брат и сестра – близнецы. Они младшие брат и сестра моего папы. Живут вместе и не собираются разъезжаться. Не смотря ни на что.

Из мыслей меня вырывает звонок телефона, резко раздавшегося в кармане куртки.

– Да, – принимаю звонок, поднося телефон к уху.

– Алинка, ты уже дома? – спрашивает бодрый женский голос.

– Да, Лиза, только что зашла, – отвечаю, пытаюсь без помощи одной руки снять босоножки.

– Отлично, я скоро буду. У нас очередной заказ и я, как обычно, ничего не успеваю. А Эдик ушел еще рано утром, ничего не сказав, но что-то мне подсказывает, что к очередной юбке поперся.

Тетя никогда не любила изрядную любвеобильность дяди по отношению к женщинам. Также и дядя терпеть не мог, когда у нас под дверью оставляли очередные букеты цветов и коробки конфет от Лизиных ухажеров. Правда, он сам же и сжирал эти конфеты. Ни с кем не делился. Ни со мной, ни тем более с Лизой. Так что, у нас уже давно появилось негласное правило, кто первый заберет конфеты от поклонника Лизы, того и конфеты. Так что чаще всего конфеты достаются именно Эдику. Лиза их почти не получает. Мне достаточно редко удается отобрать коробку до прихода дяди.

Кстати, они оба наотрез отказались, что бы я называла их дядей и тетей. А все из-за того, что они слишком молодые для таких прозвищ. Ведь им всего лишь двадцать шесть лет. Просто Лиза и просто Эдик. Больше ничего. Но, конечно, когда мы начинаем ругаться, то обязательно вспоминает статусы в семье.

– Если не вернется до ночи, то скорее всего очередная гон-

ка, а не юбка, – отвечаю, усмехаясь.

Я этого не говорила, но даже занятия Лиза с Эдиком себе выбрали слегка необычные. Лиза работает графическим дизайнером в известном по всей стране книжном издательстве. Оформляет обложки и картинки внутри книги. А Эдик, когда я узнала, вообще меня удивил. Он не работает, но достаточно много зарабатывает благодаря гонкам. Да, он гонщик. Ездит на байке, на гоночной машине и на каре Формулы-1. И за каждую победу на треке получает достаточно хорошую сумму.

В трубке раздаётся смешок Лизы.

– Та да, скорее всего, – поддакнула она. – Тогда ты нас, если что, не жди. Ложись спать. В холодильнике остатки пиццы, салата и чизкейка.

– Все-таки приготовил, – отвечаю, невольно улыбаясь. – А говорил, что хрен он еще раз будет для нас готовить.

– Конечно, не оставит же Эдик своих любимых девочек без еды. Та и себя тоже.

– Ладно, не забуду. Тогда сиди, рисуй.

И не услышав ничего в ответ, отключаюсь.

Иду к себе в комнату и устало бросив на стол сумку, плюхаюсь на кровать. Моя комната довольно хорошо обставлена. Широкая кровать, компьютерный стол, большое кожаное кресло, небольшой диван, шкаф-купе. И дверь на просторный балкон. Все выполнено в светло-бирюзовом и розовом цветах.

Переодевшись в домашнюю футболку и шорты, приступаю к домашнему заданию. Перед этим, не забыв разогреть приготовленную Эдиком пищу. В обычных семьях готовит женщина, а у нас мужчина. Потому что ни тетя, ни я не умеем готовить. А Эдик, не смотря на свои увлечения, достаточно хорошо это умеет делать. Ну, а мы этим умело пользуемся.

Спустя два часа домашней работы, и заметно уставших глаз и перегруженной головы, я ложусь на кровать с недочитанным романом. В уши вставляю наушники с песней моей любимой рок-группы, самой известной в нашей стране. Эти парни всего два года выступают на сцене, почти три, но уже достаточно известны. А все благодаря их музыке, образам и потрясающему голосу солиста. Группа «В огне» – это четверо парней, в кожаной одежде, с постоянными огненными шоу на концертах. Их музыка нереальна. Песни потрясающие. Да и они сами.

Даже не смотря на звучащую в наушниках песню «В огне», я продолжаю читать недочитанную ночью книгу. Это новый роман известной писательницы, пишущей в жанре любовного романа. И чаще всего главные герои ее романов учатся в школе или колледже. И как же круто читать и представлять на месте главной героини себя. Думать, что самый популярный парень школы или университета посмотрит на меня и влюбится. Что не смотря на разные препятствия, мы будем вместе.

Хоть в какой-то реальности, но мои мечты сбываются. Я влюбляюсь. По-настоящему. Безрассудно. И на мгновение, эта самая реальность позволяет мне помечтать, о том, что в моей жизни может произойти также. Что найдется парень, который меня искренне полюбит. Что ему буду нужна именно я.

Тут же вспоминаю о том, что завтра у меня может появиться шанс сблизиться с Виктором. Если, конечно, Машка права, и Геннадиевич сделает как обычно, рассортирует всех по списку. А так как я Розанова, а он – Соснов, нас должны поставить в пару, если, уже я, ничего не путаю и между мной и Сосновым не появилась новая нежелательная персона.

Через некоторое время у меня звонит телефон.

– Привет, мое смущение, – произносит веселый голос подруги в ушах, после того, как я приняла ее звонок.

– Привет, мой правдолюб, – отвечаю, раздумывая о том, как прошло свидание подруги. Хотя, если у нее веселый голос, значит все прошло довольно хорошо.

– Ну как ты? Готовишься к тому, что завтра сможешь поговорить со своим принцем?

– Я-то готовлюсь, – отвечаю, хотя не очень понимаю, к чему готовиться. Не опозориться. Вот с этим надо как-то справиться. – А как твое свидание?

– Ох, и не напоминай, – голос Машки мгновенно меняется. В нем появляется разочарование, в очередной раз.

– Что там уже случилось?

– Ты не поверишь! – начинает говорить подруга на повышенных тонах. – Все с самого начала пошло коту под хвост. Потому что, он умудрился опоздать на свидание.

– Ты ведь тоже постоянно опаздываешь, – напоминаю подруге ее привычку. Хоть моя подруга и не любит краситься и вызывающе одеваться, это не мешает ей всегда и везде опаздывать.

– Да, я опаздываю, – с гордостью говорит подруга, и я сразу могу представить ее вид, высоко задранный подбородок и взгляд свысока. – Но он побил мой рекорд по опозданиям!

У Машки есть некая таблица рекордов. И нет, там нет рекордов типа, похудеть на двадцать килограмм за этот год или собрать коллекцию билетов. Нет, там рекорды ее опозданий. И рекордсменом на данный момент у нее был рекорд в три с половиной часа. И сейчас меня удивила ее фраза насчет того, что он побил ее рекорд.

– Стой, ты хочешь сказать, что он опоздал на четыре часа? – может он опоздал на две минуты, а Машке показалось что три часа прошло?

– Да, он опоздал на четыре часа, – спокойно говорит Машка. – На четыре гребанных часа!! Я стояла его ждала, ждала. А его все не было. И когда этот угод соизволил показать свою персону, то даже не оправдывался. Сказал, что у него были дела. Мы пошли в кафе, двадцать минут посидели, он выпил бутылку коньяка и мы попрощались.

Пока она рассказывала, я едва сдерживала смех. Да, чув-

ствую, что это свидание попадет в ее рекорды, как самое ожидаемое и неудачное.

– Ну, ничего, – пытаюсь успокоить подругу. – Значит второго свидания не будет.

– Конечно, я с такими занятыми паразитами встречаться не буду. И то, когда я его увидела, то еще подумала, что за его мордочку ему все простить можно. Так нет, потом эта падла открыла свой хавальник, и начала рассказывать о себе любимом. Я сидела, терпела, думала, что это он сейчас поговорит, поговорит. А потом возьмет да извиниться передо мной, угостит. И снова промах! Эта тварь сказала, что у него денег нет, и я должна за нас обоих заплатить.

Все, плотину прорвало. Я начала ржать не стесняясь. Машка покорно заткнулась, выслушивая мой смех.

– Ты закончила? – сухо спросила подруга, когда я вытирала слезы в уголках глаз.

– Закончила, – отвечаю, немного успокоившись. – Это поистине твое самое провальное свидание, а ты тут даже не причем.

– Это точно, – подтвердила подруга.

Мы еще недолго поговорили, и я отправилась спать. Как говорят, утро вечера мудренее, а мне еще нужно подготовиться к подарку судьбы. Если, он конечно будет.

Глава 3

Следующий день у меня начался довольно рано. Что еще было странно, так это то, что я сама проснулась, раньше, чем прозвенел будильник. Так что, утро у меня прошло довольно спокойно. В квартире была тишь да гладь. Очевидно, что Эдик с Лизой домой так и не вернулись. Ну, мне и проще, они ругаться с самого утра не будут. А ведь это у нас в порядке вещей. Что бы утро начиналось с криков о том, что кто-то вновь разбросал свои листы, карандаши, кисти и краски. Или с того, что чей-то шлем вновь валяется посреди коридора, и об него можно убиться.

Я спокойно отправилась в душ. Выйдя оттуда через двадцать минут вся чистая и душистая, начала неспешно собираться. Неброский макияж, состоящий только из туши, консилера, карандаша для бровей и нюдовой помады. Машка сказала бы, что я встречаю своего принца во всеоружии. Надеваю бирюзовую футболку с коротким рукавом и треугольным вырезом. Джинсовую юбку чуть выше коленей с завышенной талией. На ноги обуваю бирюзовые открытые туфли на толстом черном каблуке и подошве. Сверху набрасываю на плечи светлую джинсовую куртку. Тетради с учебниками складываю в джинсовый рюкзак с белыми полосами.

Еще раз осмотрев себя в зеркале, понимаю, что выгляжу довольно неплохо. Ну, и как говорят, внешностью меня при-

рода тоже не обделила. Чуть выше груди прямые темно-русые волосы. Большие голубые глаза. Маленький прямой нос и полные четко-очерченные губы. Плюс невысокий рост и стройная фигура.

Со спокойной душой выхожу из дома на пятнадцать минут раньше. Сил нет сидеть дома и ждать подходящего времени. Пусть и приду раньше, – вновь придется ждать Машку, – но если я увижу Виктора, мне уже будет легче.

Уже подойдя к университету, начались странности. На крыльце, сутулившись и надув губы стояла рассерженная Машка. Каштановые волосы до плеч вновь в художественном беспорядке, без косметики на лице. Одета в черную кофту с капюшоном и светлые джинсы с завышенной талией. На ногах черные кроссовки с белой подошвой.

– Привет, – пытаюсь говорить приветливо, но хмурый вид подруги немного ослабляет мой энтузиазм.

– Привет, – хмуро отвечает Мария.

Устало выдыхаю, понимая, что хмурый вид у нас не просто так.

– Ладно, в чем дело?

– Ни в чем. Абсолютно, – сухо отвечает подруга, пожав плечами.

– Хорошо, тогда я пойду, – делаю два первых шага, как появляется результат.

– Ты представляешь, этот ублюдок готический, даже не перезвонил мне! – хмурость, как маска, слетела с лица де-

вушки, являя всем и каждому ее истинное лицо. Ярость, гнев и чуть-чуть ненависти.

– То есть? Вообще? – вот это новости. Да, это было самое худшее свидание в истории Марии Кругловой. Без сомнений.

– Прикинь, – продолжает негодовать подруга. – Я уже почти успокоилась после вчерашнего, думала что это так, у него плохой день. Думала он возьмет, позвонит утром, скажет типа так и сяк, не получилось, а потом пригласит на второй круг.

– Но ты бы не пошла на второй круг? – это так Маша привыкла называть второе свидание. Потому что обычно, в ее практике, второе свидание, это то же первое, только вы друг друга немного лучше знаете и не так сильно позоритесь.

– Нет, естественно, – фыркнула брюнетка. – Еще бы я с этим идиотом пошла на второй круг.

– Тогда зачем ждала звонка? – спрашиваю, тупо ради того, что бы позлить ее глупыми вопросами. Она сейчас пар спустит, а потом будет ходить мягкая и пушистая, как задница кролика.

– Потому что он должен хотя бы извиниться за свой скотский характер! – вспыхнула Маша.

– А тебе не кажется, что после такого свидания даже извинения не помогут?

– Не помогут, но хотя бы из вежливости надо, – не отступала от своего подруга. – Но он не позвонил! Не извинился!

Скотина блондинистая!! Урод гамадрильный!! Удод белозубый!

– Все, успокойся, – пытаюсь утихомирить ее, схватив за локти. – У него уши точно покраснели после твоих слов. А может, икает.

– Та пусть, хоть усрется! – в последний раз выкрикнула на весь двор подруга, а затем слегка успокоилась. – Теперь все хорошо, – довольно успокоившимся голосом отвечает Маша.

– Вот и отлично, – улыбаюсь, ожидая дальнейших действий.

– Я вижу, ты готова к покорению своего принца, – довольно хмыкает Маша, осмотрев меня.

– Я выгляжу как обычно, – теперь пришла моя очередь хмуриться. И пусть, она права, я имею полное право делать вид, будто то, что сегодня произойдет, меня никак не волнует.

– Так я тебе и поверила, – усмехается, сложив руки на груди. – Ну, это уже не мое дело. Самое главное, что ты не должна начать прыгать от радости, когда вас поставят в пару. А то это будет выглядеть немного стремно.

– Хорошо, хорошо, – отвечаю, не смотря на подругу. А все потому, что рядом с воротами нашего университета, незаметно для многих, но очень заметно для меня, притормозила моя мечта.

Да, это довольно необычно, с моим характером и спокойным темпераментом, но я фанатею от них. А это, моя самая

лучшая мечта. То, о чем я сама мечтаю, но также, я знаю, сколько эта самая мечта стоит. И хоть я сотню раз разглядывала ее фотки, видеть ее в живую, совершенно другое дело.

– Алинка, – начала Маша предупреждающим тоном, схватив меня за запястье. Она тоже увидела ее. И сразу поняла, что это добром не кончиться. Ну, не для всех. – Успокойся.

– Я спокойна, – отвечаю, не отводя взгляда от этих гладких форм и урчавшего, словно огромный довольный кот, мотора.

– Ни хрена, – ее голос дрожит от напряжения, а я едва не пускаю слюни от открывшегося передо мной вида. – Ты себя со стороны видела? Если я отпущу тебя, ты полетишь туда, и убьешь любого, кто подойдет к тебе близко.

– Никого я не убью.

– Убьешь. Ты ведь понимаешь, что здесь есть хозяин? – при последнем слове в горле встает ком, а ладонь сжимается в кулак. – Вот об этом я и говорю, – увидела мои действия Маша. – Так что, что бы избежать избиения или, того хуже, убийства, пойдем отсюда.

– Ни фиги, – отвечаю сквозь зубы. – Я должна знать своего врага в лицо.

– Ты про хозяина машины? – удивленно спрашивает подруга.

Да, моя самая огромная и любимая мечта – это спортивная машина Mercedes Benz SLS AMG этого года. Это не машина, а мечта. Моя мечта. И сейчас, какой-то богатенький

ребенок приехал на машине, о которой я мечтаю с одиннадцати лет. А я, между прочим, слежу за всеми выпусками этой машины. Но машина именно этого года самая шикарная, быстра и потрясающая.

– Он не хозяин, он враг, – произношу тихо.

– Успокойся, – Маша встряхивает меня за запястье. – Если ты узнаешь кто ее хозяин, тебе легче от этого не станет.

Машка, наверное, единственная, кто знает о моей любви к гоночным машинам. Я даже несколько раз пробиралась на закрытые нелегальные гонки в самых стремных районах нашего города. Правда, она об этом не в курсе. Но о том, что именно об этой машине я мечтаю, она знает. И знает, что это превращается в некую идею-фикс. Хотя, на самом деле, это только на словах, мне хотя бы прикоснуться к этой машине, не говоря уже о ее покупке.

– Возможно, – безразлично пожимаю плечами. – Но я все равно хочу знать, кто это.

И тут я замечаю владельца моей мечты. Высокий парень с каштановыми волосами чуть ниже плеч, завязанными на затылке в хвост. Одетый в черную кожаную куртку и белую футболку. Черные джинсы с дырками и грубые ботинки Док Мартинс.

– Мне кажется, что ему ты ничего не сделаешь, – заключает Машка, также увидев его. – А теперь пойдем.

Она силком утаскивает меня в здание университета, так и не дав увидеть мне, кто вышел из пассажирского сидения ма-

шины. Может это был всего лишь шофер, а настоящий владелец машины сидит рядом? Ну, Машка, опять не дала мне все увидеть.

– А теперь, – Маша останавливается рядом с кабинетом высшей математики. Сейчас у меня математика, и только на третьей паре экономика. Еще никогда в жизни я ее столько не ждала. Хотя, я всегда ждала экономику, из-за того, что могу беспрепятственно смотреть на Виктора. Но сегодня, у меня, наконец, появиться возможность с ним пообщаться. – Забудь про машину, и сосредоточься на учебе.

– Забыть? – мой ослабленный мозг с видом моей любимой машинки перед глазами не согласен с ее словами.

– О Боже, – устало поднимает глаза Маша к потолку. – Ты только про машину услышала?

– Возможно, – поджимаю губы. Мозг медленно приступает к работе, после того, как машина окончательно исчезла с моего поля зрения.

– Хорошо, – устало выдыхает подруга. – Тогда повторю для мечтателей. Забудь про машину. У тебя впереди еще две пары до экономики, где ты, сможешь пообщаться с любовью всей своей жизни.

– Хорошо, – соглашаюсь, кивнув для уверенности. Только пока непонятно, для чьей, моей или Машки?

– Отлично, – как-то слишком резко активировалась подруга. – Значит, я, со спокойной душой, могу оставить тебя одну на две пары?

– Конечно.

– Вот и здорово, тогда до экономики, – помахав мне рукой из-за угла, ответила Маша и исчезла.

Ну вот, осталось только перетерпеть два занудных предмета. Которые с каждым мгновеньем все ближе и ближе приближают меня к разговору с Виктором Сосновым.

– Ну что, ты готова? – спрашивает Машка, залетев вперед меня в кабинет экономики на одну секунду раньше.

Ничего не отвечаю. Потому что в горле словно пустыня образовалась, а колени готовы в любой момент подогнуться.

– Ладно, не отвечай, по тебе все видно, – посмотрев на меня, заключает подруга.

– Я что, ужасно выгляжу? – спрашиваю, невольно пытаюсь поправить волосы или футболку.

– Все хорошо, – ее ладони останавливают мои мельтешения. – Успокойся, просто у тебя выражения лица, как на похоронах или перед прыжком с парашютом.

Вновь некое напоминание от подруги о моих страхах. Я до ужаса боюсь высоты. Не могу даже на наш балкон выйти, потому что начинает кружиться голова. А чертовое колесо для меня вообще страшнее ада. Что уж говорить про полеты на самолете или вертолете. Хотя, мы не такие уж и богатые, что бы на самолетах и вертолетах летать.

– Ладно, – выдыхаю, подняв глаза к потолку. – Я спокойна.

– Все пройдет хорошо, ты главное не нервничай. Когда ты нервничаешь, то начинаешь вытворять глупости, – усмеха-

ется подруга, припоминая мне все мои попытки разговоров с парнями.

– Хорошо, – киваю, а затем мы с Машкой поднимаемся на четвертый ряд. Виктор был уже на месте, сидел прямо передо мной на ряд ниже. Его ярко-рыжие волосы были небрежно растрепаны, и меня так и норовило взять, протянуть руку и прикоснуться к его прядям.

Звенит звонок на пару и все рассаживаются по местам. Мое сердце колотится, словно сумасшедшее, в предвкушении предстоящего парного проекта. Точнее в выборе партнера.

– Здравствуйте, студенты, – говорит Константин Геннадиевич, именуемый среди студентов просто Геннадиевич, заходя в кабинет.

Невысокого роста мужчина с прилизанными черными волосами с сединой на висках. Он как обычно в очках Гарри Поттера и в шерстяном свитере цвета зеленых соплей. Весьма неприятная личность. Особенно, когда открывает рот и начинает рассказывать экономику на примере каждого из нас. И ведь, этот гном очкастый все про всех знает.

– Итак, на прошлом занятии я упоминал о том, что вас ожидает парный проект до конца учебного года, – торжественно начинает Геннадиевич, словно объявляет действительно хорошие новости. Хотя это ни хрена не так.

– Так, а теперь записываем тему, – мгновенно ослабил мой пыл ожидания Геннадиевич.

– Эмм, профессор? – подает голос один из студентов с заднего ряда. И зачем он лезет? Только хуже может сделать.

Профессор поднимает голову, смотря на нас, а у меня душа в пятки уходит. Вот чего не любил наш экономический Гарри Поттер, так это когда его перебивали и задавали вопросы не по теме. Так что, переглянувшись с Машкой, мы приготовились к худшему.

– Я внимательно вас слушаю, Тургев, – говорит Геннадиевич твердым голосом.

– А, вы разве не будете объявлять темы и партнеров по проекту? – вновь спросил Тургев, немного туповатый парень с коротким ежиком светлых волос. Туповатым он был в смысле того, что постоянно задавал вопросы не вовремя и не по теме. Вот и сейчас, навлечет на нас беду.

– Тургев, вы извините, где находитесь? В детском саду или в школе? – саркастично начал профессор. – Это высшее учебное заведение. И вы, студент, который учится здесь уже почти три года. И должны знать, что объявление о темах проектов и партнерах висят на входной двери. Будете выходить, увидите.

После этого в кабинете повисает молчание. Все всё поняли и никто не хочет больше злить Геннадиевича. И самое главное теперь, не забыть заглянуть в список и посмотреть, что у меня за проект и с кем. Хотя так хочется, что бы мои надежды сбылись и я работала вместе с Виктором.

– Ну что, готова? – спрашивает Машка поигрывая бро-

вьями, после того, как Геннадиевич покинул кабинет после звонка на перемену.

– Готова, – произношу на выдохе, подойдя к списку на двери.

Машка передо мной тихо ругается сквозь зубы, очевидно не увидев того, чего она ожидала. Она ведь обычно работала вместе с Ласкиным. Он был местным ботаником. Но весьма неформальным. Он был готом и очень громко слушал тяжелый рок. Но, как говорит Машка, триндец какой умный.

С трепетом подхожу к списку и принимаюсь искать свое имя и тему проекта. Первым мне на глаза попадается – «Значение и использование маркетинга для повышения конкурентоспособности предприятия». Ух, довольно сложная тема кое-кому досталась. Ладно, просматриваю дальше, в поисках своей темы. Вот, нашла – «Стратегии устойчивого развития предприятий». Ладно, беру свои слова обратно. Им еще более-менее тема досталась.

А теперь, решающий момент. Кто мой партнер по проекту? Как только мои глаза натываются на имя рядом с моим, сердце падает в пятки, а надежды разбиваются, как дорогой хрусталь. Рядом с моим именем стоит ранее неизвестное мне имя.

«Максимилиан Самойлов».

Глава 4

– Ну что, Соснов? – с любопытством в голосе спрашивает Машка, подойдя ко мне, когда я подхожу к подоконнику. Но я ее не слышу. У меня в голове шумит испорченное радио, а перед глазами рядом с моей фамилией стоит совершенно другая фамилия. Не та, что я ожидала.

Молча качаю головой из стороны в сторону. Не он.

– В смысле, не он? – не менее ошарашенная чем я, спрашивает Маша. – Тогда кто?

– Самойлов, – шепчу непослушными губами.

– Кто? – вновь спрашивает Маша, пытаясь понять мою реакцию. Но я вижу только носки ее ботинок.

Поднимаю голову на подругу, и говорю уже, более-менее, нормальным голосом:

– Мой партнер по проекту Максимилиан Самойлов.

– Что? Кто? Я не... – лицо Маши приобретает растерянное выражение. – Стоп, что еще за Максимилиан Самойлов? У нас точно в группе есть такой чувак? Или это Геннадиевич издевается так?

– Есть, – раздается голос рядом с нами. Поворачиваю голову, обнаруживая рядом с собой и подругой нашу одногруппницу Ксюшу Синицыну. Это тот человек, которого не все знают, но его просто обязательно нужно знать, так как он все про всех знает. Вы даже можете не подозревать о том, что

где-то есть какой-то человек, а наша Ксюша уже знает всю подноготную этого человека, вплоть до имени первой собачки, которую сбили на машине злые соседи десять лет назад.

– Он новенький? – спрашивает Маша, так как это уникальный случай, что бы Мария Круглова кого-то не знала, особенно если это особь мужского пола.

– Нет, он с нами с первого курса, – отвечает Ксюша, смотря на меня. Что-то мне не нравится ее взгляд.

– Почему ты на меня так смотришь? – спрашиваю, чувствуя, что где-то здесь есть подвох.

– Тебе ведь с Самойловым делать проект? – отвечает вопросом на вопрос Сеницына.

– Да, так ты ответишь?

– Конечно, – пожав плечами отвечает девушка.

Кстати, Ксюша кажется весьма непримечательной личностью. У нее спокойная, ничем не выделяющаяся внешность. Темно-каштановые волосы чуть ниже линии талии, карие глаза. Тонкий нос и пухлые губы. Вроде бы ничего сверхъестественного. Но только увидев чертики у нее в глазах, вы понимаете, что этот человек обожает новости, интриги и новых персонажей.

– Смотри, – девушка слегка оборачивается, что бы указать в сторону соседнего окна, где стоят двое парней. Даже не так, я бы сказала ботаников. И кстати, один другого не лучше. Я даже боюсь спросить, кто из них Самойлов.

– И кто из них Самойлов? – мне и не пришлось спраши-

вать. Маша, как всегда, все сделала за меня.

– Черноволосый в прямоугольных очках, – отвечает на вопрос Сеницына и принимается что-то рассказывать об этих двух ботаниках.

Итак, Максимилиан Самойлов представляет собой высокого худощавого парня с черными волосами, разделенными на прямой пробор и закрепленными лаком. Что можно заметить даже с моего места. Большие прямоугольные очки в черной оправе с диоптриями. В красной рубашке, поверх которой накинута тонкая свитер с V-образным вырезом. Светлые джинсы свободно висят. И черные кроссовки с белыми полосами.

– Ты серьезно? Это Максимилиан Самойлов? – спрашиваю, все еще надеясь на чудо.

– Да, уверена, – незамедлительно отвечает Сеницына, для уверенности кивнув головой.

Немного постояв с нами, Ксюша развернулась и направилась в сторону кафетерия.

– Сочувствую, подруга, – положила ладонь мне на плечо Маша. – Надеюсь, что он действительно умный.

– Надеюсь, – повторяю за подругой и принимаю решение сразу с ним познакомиться и договориться. Даже не буду пытаться с кем-то поменяться партнерами. Геннадиевич узнает, двойки в зачетки выставит.

– Тогда я пойду? – спрашиваю, повернув голову на подругу.

– Иди, – кивает для убедительности брюнетка.

Разворачиваюсь и иду к Самойлову. Хотя мой шаг с каждым мгновением все медленней и медленней. Подойдя ближе, кашляю для вида, так как Самойлов уткнулся в конспект и отказывается поднять глаза.

– Эмм, привет, – говорю нерешительно.

– Привет, – удивленно говорит Самойлов, подняв на меня голову.

– Ты, Максимилиан Самойлов? – боже, мне кажется, что я так никогда не нервничала. И перед кем? Ботаником, который кроме тетрадей ничего не видит?

– Да, но можно просто Макс, – произносит парень, протягивая мне руку. Руки у него довольно необычные, для такого человека. Широкие с длинными музыкальными пальцами.

Пожимаю парню руку, чувствуя мозоли на кончиках пальцев. Чем он занимается?

– Алина. Алина Розанова, – отвечаю, понимая, что рука у меня дрожит, а от его ладони идет странное электричество, пробирающее меня до кончиков волос.

– Так, ты что-то хотела? – спрашивает парень, поправив очки.

– Эм, да, – с этим электричеством я забыла, зачем к нему подходила. – Просто хотела уточнить, что мы партнеры по проекту по экономике.

– Точно, – подтверждает мои слова Макс кивком головы.

– И... я хотела узнать, когда тебе удобно заниматься?

– Давай два раза в неделю, около четырех, – отвечает Макс.

– Отлично, а где? – спрашиваю, а он уже собирается куда-то уходить.

– Ну, у тебя или у меня. Кому и где будет удобно, – говорит парень, смотря на меня.

– Ладно, – отвечаю, все еще растерянная происходящим.

– Тогда дай мне свой телефон, – что?

– Мы же должны как-то согласовывать наши встречи, – объясняет мне Максим, пока я не понимаю, зачем именно ему мой телефон.

– Оу, да, конечно, – достаю свой телефон в бирюзовом чехле и протягиваю Максу. На мгновение наши пальцы соприкасаются, и я снова чувствую электричество, пробегающее по кончиках пальцев. Нервно отдергиваю руку, когда он берет мой телефон и принимается вводить цифры. Затем из кармана его джинс начинает играть знакомая мне песня Linkin Park. И меня, неизвестно для меня, нереально радует, что не считая одежды и странной прически, популярной в советские годы, он слушает нормальную музыку.

– Ну вот, – говорит он, протягивая мне телефон. – Теперь у меня есть твой номер, а у тебя – мой.

– Спасибо, – на этот раз я осторожно вытягиваю свой телефон из его рук, так что бы наши пальцы не соприкасались.

– Я тебе напишу или позвоню, – отвечает парень, широко улыбнувшись, кстати, белыми и ровными зубами, уходит.

Несколько минут стою в растерянности, уставившись на удаляющуюся спину Максима Самойлова.

– Ну как? – спрашивает Маша, подойдя ко мне.

– Я ничего не понимаю, – отвечаю, повернув голову на Машку, у которой на лице четко читается любопытство.

– То есть? – не очень понимает мои слова подруга.

– Эмм, – я до сих пор не могу прийти в себя от разговора с каким-то ботаником. – Он предложил заниматься два раза в неделю где-то в четыре часа у него или у меня.

– Что еще? – любопытствует моя подруга.

– Он взял мой номер телефона и сказал, что сам позвонит или напишет и мы решим, когда встретиться, – продолжаю, понимая, что что-то здесь не так.

– А он решительный ботаник, – со смехом говорит Машка.

– Ага, – соглашаюсь, кивнув головой.

– Что у тебя за тема проекта? – спрашивает подруга, отвлекая меня от мысли, что с этим Максимом не так?

– Эмм, «Стратегии устойчивого развития предприятий», – отвечаю, вспоминая тему проекта. Поворачиваю голову на Машу, вспомнив о ее выражении лица. – А у тебя что за тема?

– Эх, Геннадиевич точно решил всех подставить. Меня так уж точно, – устало говорит Маша, опустив голову. – «Прибыль и факторы ее определяющие. Роль прибыли в развитии экономики (Принципы распределения и направления

использования прибыли).

– Не повезло, – говорю, сжав губы в полоску, – ты расстроилась из-за темы проекта или тебе не Ласкин попался?

– Прикинь, не Ласкин, – отвечает подруга, сжав губы и избегая моего взгляда.

– А кто? – спрашиваю, но подруга отводит глаза в сторону, смотря на окно. – Маш?

– Это Соснов, – на выдохе произносит подруга фамилию моего любимого.

– Твой партнер по проекту – Виктор? – спрашиваю, в очередной раз в шоке смотря на подругу.

– Да! – всплескивает руками Маша, смотря на меня. – Алинка, ты же знаешь, что мне твой Соснов нужен, как собаке пятая лапа.

– Я все понимаю, – произношу дрожащими губами.

– Розанова, ты же моя лучшая подруга. Ты же знаешь меня лучше всех, – примирительно говорит подруга, взяв мои ладони в свои. – И я всеми руками и ногами «за», за то, что бы мы поменялись партнерами.

Нервно усмехаюсь от характера своей подруги. Остальным людям Маша кажется немного грубой из-за того, что всегда говорит правду в глаза. Но на самом деле у нее довольно ранимая душа. И она очень быстро привязывается к людям. Поэтому часто за маской грубости и безразличия прячется маленькая девочка с мягким сердцем, которая боится потерять родных ей людей.

– Сомневаюсь, что нам потом это сойдет с рук, – отвечаю, сжимая в своих, ладони Маши, и этим движением подтверждаю то, что не обижаюсь на подругу.

– А мы пойдем к Геннадиевичу и спросим, – тут же ожи-вилась девушка.

– Ты уверена?

– Мы должны попробовать. Мне уж лучше готовить про-ект с этим Самойловым, чем с твоим любимым Сосновым, – говорит подруга и уверенно тянет меня к кабинету Геннади-евича.

Надеюсь, что он согласится.

Глава 5

Он не согласился. Геннадиевич нам отказал. А потом сказал, что если мы попробуем поменяться партнерами по проекту, то, даже не глядя, поставит нам за год по двойке. И мы, молча, опустив головы вышли из кабинета, пробормотав о том, что мы все поняли.

– Ты же на меня не обижаешься? – спрашивает Машка, посмотрев на меня извиняющимся взглядом.

– Конечно нет, – смотрю на подругу, слегка улыбнувшись. – Ты же не виновата, что Геннадиевич так решил.

– Эх, – с горечью отвечает, опустив голову. – Тогда я пойду искать твоего Соснова. Надо все-таки договориться о встречах.

– Хорошо, – улыбаясь, отвечаю девушке. Улыбнувшись, Машка развернулась и пошла на поиски своего партнера по проекту, соответственно любви всей моей жизни – Виктора Соснова.

Весь последующий день, то есть еще две пары, я ходила, как в воду опущенная. Настроения совсем не было. И причина этому была в том, что мой план, как всегда, полетел в Тартар. Конечно, у меня была мысль о том, что все еще может не получиться, но все-таки хотелось верить в то, что это напрасные переживания. Как оказалось, мои переживания подтвердились. Машке достался Соснов, а мне – неиз-

вестный ранее Самойлов.

Хотя в душе какой-то огонек надежды продолжал верить в то, что все еще обойдется. Что может готовить этот проект с Самойловым будет не таким уж ужасным процессом. А мне, без сомнений, хочется получить пять за этот проект и, в следующем году, получать повышенную стипендию.

Добиралась домой я, словно сонная муха. Ничего не хотелось делать. Ни с кем не хотелось говорить. Хотя, последнего мне, очевидно, не избежать. Оказавшись в нашей квартире на десятом этаже, я застала дома тетю, что-то тщательно вырисовывающуюся на листе бумаги на кухне. И дядю, стоявшего у плиты и что-то помешивающего в сковородке.

– Очень вкусно пахнет, – говорю, застыв в дверном проеме.

Мои дядя с тетей, точнее Эдик с Лизой, довольно странные близняшки. Потому что они в принципе близняшки и должны быть друг на друга похожи. Но на самом деле факт остается фактом и они совершенно не похожи друг на друга. Лиза – хрупкая невысокая девушка с темными густыми волосами, светлой кожей и яркими голубыми глазами. И Эдик – высокий, с широкими плечами и узкой талией парень с постоянно зачесанными назад русыми волосами, светлой кожей и карими глазами. Полные противоположности друг друга. Но при этом, они настолько близкие – дружные, что даже страшно представить, когда в их жизнях может появиться кто-то ближе, чем они.

– Ты снова опоздала, мелкая, – широко ухмыляясь полными губами, говорит Эдик. В непонимании перевожу взгляд на Лизу. Та же, закатив глаза, указывает кивком головы на очередной букет на подоконнике. Так, все ясно.

– Ты снова забрал себе все конфеты? – спрашиваю, повернув голову на Эдика. Тот стоит, как ни в чем ни бывало.

– Я пришел раньше, – и пожимает плечами. Вот же...

– А я не могу сбежать из занятий, только что бы раньше тебя забрать конфеты.

Да, другим наши разговоры кажутся довольно странными, но, а что вы хотели? У нас в доме три сладкоежки, которые обожают конфеты. У нас вообще ничего сладкого дольше пары часов не держится. А то говорят, что в большой семье клювом не щелкают. Нет, клювом не щелкают в моей семье. Хоть и три человека, а сладкое едят за десятерых.

– Тогда, все вопросы к ее ухажерам, – говорит Эдик, тыкнув лопаткой на сидящую на угловом диванчике Лизу.

– А что я? – спрашивает Лиза, отвлекаясь от своих рисунков. – Я что, должна им говорить когда именно оставлять мне конфеты?

– На самом деле, это было бы довольно странно, – отвечаю, немного смягчаясь. – Но ты же можешь перед ним, – указываю пальцем на спину Эдика, – забирать их.

А тут все просто. Если Лиза забирает конфеты, то обязательно делиться ими со мной. А Эдик никогда не делиться. Вообще. Я это поняла после того, как однажды первая за-

брала конфеты, а потом дала несколько штук Эдику. Потом думала, что он также со мной поделиться. Но куда там. Ни хрена. Сказал, что конфетами он не делиться. Я тогда с ним целый день не разговаривала. А утром меня на кухне ждала тишина и только испеченный шоколадный торт. Только тогда, вечером, Лиза мне рассказала, что после конфет у Эдика появляется желание приготовить что-нибудь вкусненькое. Так что, после этого, мы с Лизой стали часто оставлять конфеты Эдику. А сами потом с удовольствием ели приготовленные им кексы, пирожные и торты.

– Не могу. Ты же сама знаешь, что если перед ним поставить коробку конфет и вывеску «Финиш», он быстрее поедет к конфетам, – говорит Лиза, и я хихикаю. В тот же момент, мы слышим, как фыркает Эдик.

– Неправда, – говорит Эдик, выключая газ.

– Ага, так мы тебе и поверили, – отвечает Лиза, усмехаясь и подмигивая мне. Мы же знаем, что это правда.

– Ладно, – сдаётся Эдик, повернувшись к нам лицом. – Мелкая, как там твой проект?

– Ох, спасибо, что перевел тему, – говорю, подойдя к дивану и сев на него. Опускаю голову на стол и закрываю глаза. – Все пошло совсем не по плану.

– Не по плану? – спрашивает Лиза, что-то штрихуя на своем рисунке.

– Ага. Обычно Геннадиевич распределяет всех по списку.

– Ты была бы в паре с Сосновым? – вставляет свой вопрос

Эдик.

– Да, – соглашаюсь, кивая. Но на столе это довольно трудно. Волосы электризуются от соприкосновения с поверхностью стола. Опираюсь подбородком об дерево. – Но на этот раз он решил все сделать по-другому. Разделил нас так, что в конце концов, я оказалась в паре с Самойловым.

– Ху из Самойлов? – выгнув русую бровь, спросил Эдик.

– Это ботаник из моей группы, – отвечаю, выдыхая.

– Может все не так страшно? – предполагает Лиза.

– Если он ботаник, это не значит, что он урод, – говорит

Эдик.

Когда я только переехала к Лизе и Эдику, она показывала мне их детские фотографии. И в каком же я была шоке, когда оказалось, что наш сорвиголова Эдик, который без труда может сделать какой-нибудь трюк на мотоцикле... Наш Эдик, который любимец женщин, и ему просто противопоказано ходить в клубы, потому что его мгновенно окружают толпы девушек. В школе и университете был самым настоящим ботаником. Он носил очки с огромными линзами и безобразные свитера связанные бабушкой. Конечно, бабушка у нас прекрасно вяжет. Но это все равно ничего не меняет.

Так что, хоть с тех пор и прошло много времени, и Эдик изменился, он все равно считает, что каждый ботаник не такой, каким кажется на самом деле. Хотелось бы мне верить, что это правда и Эдик не исключение из этого правила.

– На самом деле он не урод, – говорю, представляя, что

если Максиму сделать нормальную прическу, заменить очки на линзы и снять с него этот безобразный свитер, он будет вполне симпатичным парнем.

– Тогда не расстраивайся, – говорит Лиза, приобняв меня за плечи. – Уверена, что у тебя с твоим Сосновым еще будет шанс пообщаться.

– Надеюсь, – говорю, улыбаясь уголками губ.

Вечером, я сижу за своим столом, слушая грустную и немного слюнявую песню «В огне – Разочарование». Песня про разбитые мечты и надежды. Как парень, влюбившись в девушку, одел розовые очки и забыл обо всем на свете. Как он, ничего не замечая, начал с ней встречаться. И слишком поздно увидел ее истинное лицо. Лицо, которое стало для него безобразным и уродливым. Как он, полностью в ней разочаровавшись, обратил внимание на свою подругу, которая была с ним рядом долгие годы. И теперь, очнувшись, он заметил, что опоздал. Девушка, которая его любила, вышла замуж и у нее есть своя собственная семья. От бессилия, он повесился в своем собственном доме.

Довольно мрачное содержание, но удивительно, что оно здесь вообще есть. А в наше время песни со смыслом редкое явление. Каждый раз слушая эту песню, я сама едва не плачу. Потому что моя ситуация немного похожа на ситуацию этого парня. Только разве что, я не влюблена в одного парня всю свою жизнь. Место любви в моем случае заменяет моя застенчивость. Я настолько боюсь опозориться в глазах пар-

ня, что чаще всего предпочитаю остаться в стороне. А когда проходит достаточно времени и я наконец решаю поговорить с ним, становится слишком поздно. Пока я думала и решала, парень познакомился с девушкой, между ними завязывалась дружба, со временем перешедшая в отношения. И я, как всегда, осталась в стороне. Одна.

От моих мыслей и прослушивая хриплого, с капелькой боли, голоса солиста «В огне», меня отвлекает звонок телефона. Переведя взгляд на экран телефона, замечаю знакомое имя.

«Максим».

Глава 6

Дрожащими руками беру в руки телефон и принимаю вызов.

– Алло, – мой голос немного подрагивает. Хотя... какого черта? Это же обычный ботаник, с которым мне следует несколько месяцев делать проект по экономике.

– Алина? – спрашивает немного хриплый голос Максима. Странно, он не хрипел днем.

– Максим? – спрашиваю, в том же духе.

– Хух, Слава Богу, – облегченно говорит Макс, и я могу понять по его голосу, что он усмехается. Хотя я никогда не видела, как он ухмыляется. – Прости, просто у меня с телефоном некоторые проблемы. Он сам путает номера, а я потом должен догадаться кому звоню.

– Ясно, – на моем лице невольно расплывается улыбка.

– Я как раз хотел спросить, тебе завтра будет удобно? Ну, встретиться для подготовки проекта? – спрашивает Максим, и я слышу в его голосе нерешительность. Довольно странно слышать ее после разговора в коридоре, где он был каким угодно, но точно не нерешительным.

– Завтра? – пытаюсь вспомнить, что завтра у меня по планам. Лиза вновь будет сидеть у себя на работе, так как у нее там постоянно появляется вдохновение. Эдик вновь будет на своих очередных встречах с другими гонщиками, а потом у

него очередная гонка, после которой до утра будет вечеринка в каком-то клубе.

– Да, конечно, – киваю для подтверждения, хотя он не может этого видеть.

– Отлично, тебе будет удобно, если я к тебе приду? – спрашивает Максим.

– Да.

– Хорошо, тогда до завтра? Пришлешь мне свой адрес эс-месской или после пар вместе пойдем?

– Думаю вместе. Здесь много высоток, можно заблудиться.

– Хорошо, – на секунду мне показалось, будто я услышала его смех. Но это слишком быстро закончилось, и я не успела, как следует расслышать.

– Пока, Алина, – говорит Максим.

– Пока, Максим, – прощаюсь с парнем, а потом отключаюсь.

Это был довольно странный разговор. Даже не считая того, что мы просто обсудили нашу встречу для занятия проектом. Но все равно, такое чувство, будто произошло что-то большее чем просто разговор. Странно.

Не успеваю надеть наушники и снова включить прекрасный голос солиста «В огне», как телефон вновь начинает звонить. Только в этот раз вместо Максима, мне звонит Маша.

– Привет.

– Привет, – отвечает Маша голосом придушенной мы-

ши. – Ты на меня обижаешься?

– За что? – ее вопрос немного повергает меня в шок.

– Ну, мне ведь теперь видаться три раза в неделю с Сосновым. И заниматься с ним общим проектом по экономике.

Я настолько зациклилась на этом всем, что совершенно забыла о том, что Машке придется видаться с Сосновым ради проекта.

– Машка, я тебе говорила, что ты дура? – спрашиваю, улыбаясь.

– Ты про все разы? Или только про последний? – уточняет подруга.

– Я про вообще, – объясняю, услышав смешок на том конце провода. Вот и отлично. – Я на тебя не обижаюсь. Это же не ты определяла партнеров по проекту. Твоей вины в этом нет.

– Я ведь сама тебе предложила, – в голосе подруги вновь появляется грусть.

– Ты предположила, что это будет отличная возможность начать общаться с Виктором. Мы обе с тобой не подумали о том, что Геннадиевич может поступить по-другому. Так что это не твоя вина.

– То есть, ты на меня не обижаешься?

– Нет.

– Ну хорошо, – выдыхает подруга, а я посмеиваюсь.

– Ну так что, ты созванивалась с Самойловым? – переводит она тему, и я задумываюсь о том, что ей ответить.

– Да, он вот только что звонил.

– И что вы решили?

– Завтра после пар пойдем ко мне.

– Ясно.

– А зачем ты спрашиваешь? – спрашиваю, услышав, как немного изменился голос Маши.

– Алинка, если я тебе скажу, ты либо убьешь меня, за то, что я тебе так поздно говорю. Либо начнешь орать мне в трубку.

– С чего это вдруг? Хватит шифроваться, и говори, что происходит?

– Завтра клубе выступает вогне, – скороговоркой говорит Машка настолько быстро, что я ничего не успеваю услышать.

Дыхание на секунду замирает, когда мне слышится название нашей любимой группы «В огне». Господи, пусть мне это не послышалось.

– А теперь медленно повтори все, так что бы это можно было понять, – говорю, чувствуя, как стремительно начинает биться мое сердце.

– Завтра в клубе выступает «В огне», – она едва заканчивает говорить, а я уже прыгаю на постели, и ору что-то типа «Ура! О Господи! Не может быть!».

Я не знаю, сколько длиться такое мое состояние, но сердце бьется как бешеное, дыхание прерывается, и кажется, будто я в любой момент упаду в обморок. Моя любимая группа «В огне», выступает завтра в клубе. Боже, я думала, что не

дождусь этого дня.

Эти парни всего за три года из обычной среднестатистической группы превратились едва ли не в идолы. Я слышала, что даже есть целые культы, которые поклоняются как всей группе, так и отдельным его участникам. Многие музыкальные критики и продюсеры пророчат парням «В огне», будущее «Linkin Park». Говорят, что их концерт, это всегда фурор. Что ни одно их выступление не обходиться без обязательного огненного шоу. Я обязана попасть на их концерт. Обязана увидеть их вживую. У меня даже их плакат возле кровати висит. Я прослушала все их песни. Я себе тупо не прощу, если не попаду на этот концерт.

– Пожалуйста, – шепчу в телефон, немного успокоившись. – Скажи мне, что я сейчас не буду рыдать.

– Ну, – говорит подруга, так и не закончив. В глазах скапливаются слезы. Я не выживу, если не попаду туда. Я буду, как тот несчастный парень из песни «Разочарование» – возьму и повешусь. – Туда вход только по приглашениям...

– Иии?

– Мы идем на концерт «В огне»!!! – кричит мне в ухо Маша, и я кричу ей ответ. Кажется, что в этот момент меня могут услышать в соседнем доме.

– Мы идем на концерт «В огне»!!!! – кричим мы с Машей одновременно и смеемся от счастья. Боже, это случилось.

– Господи, – немного охрипшим голосом говорит Маша, после того, как эйфория немного прошла, и мы успокои-

лись. – Я не верю, что наконец-то увижу Рейва вживую.

– Я тоже. Он нереален, – это да.

Рейв – солист группы «В огне». Он нереально круто поет. Играет на гитаре. И говорят, что и на барабанах. Но возможно это просто слухи. Но черт, если вы увидите этого парня, то уже никогда его не забудете. А если услышите его голос, то вообще забудьте что это такое, жизнь без Рейва.

К сожалению, это его выдуманный псевдоним, а свое настоящее имя он, как и остальные участники группы тщательно скрывают. Никто не знает, кто они на самом деле. Но всем хватает и того, что они делают. Создают нереально крутую музыку. Устраивают офигительные огненные шоу.

– Так что, готовься подруга, я завтра за тобой заеду, – говорит напоследок Маша, перед тем как бросить трубку.

– До завтра, – отвечаю, а потом кладу телефон на тумбочку у кровати.

Я не верю в это. Но, черт. Это реально. Это правда. Я завтра вечером иду в клуб, где будут выступать «В огне». Я услышу их вживую. Увижу их. Ведь просто слушать их песни и слышать голос Рейва – это одно дело. А видеть их в реальности, видеть, как он поет – это совершенно другое.

Несколько минут лежу на постели, блаженно улыбаясь. Пока мне в голову не закрадывается одна мысль. Так ведь я завтра в четыре часа занимаюсь вместе с Максом. Я не успею подготовиться к походу на концерт.

Ладно, надеюсь, что Макс завтра согласится совсем

недолго позаниматься проектом. Я в любом случае не упущу шанса пойти на концерт своей любимой группы.

Следующим утром я вся была на нервах. Меня волновало все. Как лежат волосы. Нормально ли на мне сидит юбка или джинсы. И плевать, что сейчас только утро и до концерта у меня целый день, притом в университете. Проснувшись в шесть часов утра, я не знала что делать, подготовившись к занятиям. Зато вспомнив про концерт, и что мне это не приснилось, я принялась искать себе подходящий на вечер наряд. Но, черт, вновь задумалась о том, что я не могу пойти просто в платье. Даже если мое самое лучшее платье нереально красивое, подаренное Лизой и Эдиком на восемнадцатилетие, я не могла его надеть. Достаточно легкое и простое, из воздушной многослойной ткани бирюзового цвета. Без рукавов, с треугольным вырезом и длиной чуть выше колена. Это платье действительно круто на мне смотрелось. Но, я подозреваю, даже уверена, что в клуб придет очень много народу. И, я вновь уверена, все будут стремиться в первые ряды, что бы быть поближе к сцене и увидеть парней совсем рядом. А я не собираюсь каким-то гламурным фифам отдавать свое место перед сценой. Так что, нужно подготовить удобную одежду, что бы потом было не жалко разорванную ткань.

В конечном итоге я так и не смогла подобрать подходящую одежду для концерта. Пришло время идти в университет. Значит, уже после того, как позанимаюсь с Максимом

проектом, буду выбирать.

Одевшись в черные обтягивающие джинсы с завышенной талией, свободную серую рубашку и черные конверсы, я отправилась на учебу. На плече висел черный рюкзак с эмблемой фирмы Nike. Волосы стянуты в конский хвост.

В университете день проходил довольно спокойно и размеренно. Машка целый день улыбалась, и играла бровями, напоминая мне о том, что случится сегодня вечером. В эйфории от предстоящего концерта, мне было даже плевать на Соснова, несколько раз проходившего мимо меня. Даже очередная любовь всей моей жизни меркла перед предстоящим концертом любимой группы.

После занятий я, отправив сообщение Максиму о том, что жду его на крыльце, стояла, суетливо стуча ногой по камню крыльца.

– Ну что, ты готова? – спрашивает неожиданно за моей спиной голос. Поворачиваюсь, что бы вновь увидеть слишком много геля на черных волосах, разделенных на прямой пробор. Непонятного цвета глаза за толстыми линзами прямоугольных очков. И неизменный, но уже другого цвета, тонкий свитер поверх, теперь, синей рубашки.

– Да, конечно, – соглашаюсь с парнем, а в душе все трепыхается от ожидания приближающегося концерта, до которого осталось всего пять часов.

Но для начала нужно заняться проектом.

Глава 7

Вместо того, что бы предложить парню пойти ко мне домой, мы сели заниматься в ближайшей кофейне. Горячий кофе, свежее испеченные тортики и булочки, легкая музыка и несколько тетрадей и учебников на столе. Прямо гармония. Если бы не мое желание поскорее все закончить и отправиться домой заниматься подготовкой к концерту.

– С тобой все нормально? – в четвертый раз спрашивает Максим, отвлекаясь от конспекта по экономике.

Поднимаю глаза на парня, понимая, что вновь летаю в облаках, полностью игнорируя лежащие передо мной учебники и конспекты.

– Да, нормально, – отвечаю, поспешно кивая.

– Не похоже, – переведя взгляд обратно на тетрадь, сказал Максим.

Между нами повисает тяжелое молчание. Каждый из нас не знает, что сказать. Точнее, я не знаю, что ответить. А ему видимо все равно. Но немного поразмыслив, понимаю, что от того, что я не расскажу ему, ничего не изменится.

– Я нервничаю, – говорю, поднимая глаза на парня. Он поднимает на меня свои глаза, скрытые за стеклами очков. Черт, и я снова понимаю, что не знаю, какого они цвета. И, неизвестно почему, но этот факт меня невообразимо бесит, требуя узнать их цвет.

– Что-то случилось? – в его голосе появилась тревога.

– Ничего плохого, – пожимаю плечами. – Сегодня вечером я с подружкой иду в клуб, на концерт.

– И что? Первый раз на концерт идешь? – спрашивает парень, выгнув темную бровь. А бровей то за оправой не видно.

– Вообще, нет, – отвечаю, качая головой из стороны в сторону. Потихоньку, но ко мне возвращается счастье и предвкушение. – Мы с подружкой идем на концерт нашей любимой группы.

– И что за группа? – спрашивает Макс.

– Ты не знаешь, кто сегодня выступает? – мне так и не удается скрыть потрясения и шока в голосе.

Максим в ответ только безразлично пожимает плечами. Несколько секунд молчу, только открывая и закрывая рот, словно рыба, выкинутая на берег.

– Если ты скажешь, что никогда не слышал про группу «В огне», я тебя ударю, – говорю, замечая, как в тот же момент, вздрогнул и неверующе посмотрел мне в глаза, Максим. Но мне точно непонятно от чего у него такая реакция. От слов, что я его ударю или он знает группу, просто не ожидая, что я их слушаю.

Что? Неожиданно, что я слушаю рок?

– Та нет, слышал, конечно, – рассеяно ответил Максим, почесывая затылок. – Просто не ожидал, что ты их слушаешь.

Ха, угадала.

– Почему же? – спрашиваю, откинувшись на спинку кресла и сложив руки на груди.

– Ну, просто неожиданно, что ты слушаешь рок.

Ах, ну да. Я ведь выгляжу такой девочкой-девочкой. Мне нужно сидеть и слушать попсу про любовь и лабутены.

– А что по-твоему я должна слушать? – выгибаю одну бровь и сложив руки на груди, смотря на растерянного парня.

– Не знаю, – отвечает Максим, пожав плечами. – Просто ты не выглядишь, как человек, который слушает рок.

– И что же по-твоему, мне бы подошло слушать?

– Лирику или попсу, – отвечает Максим. Ну да, именно это я и должна слушать.

– Тебе не кажется, что это очередной дурацкий стереотип. Если я ношу платья и юбки, и предпочитаю вести себя культурно, значит я должна слушать плаксивую лирику и безвкусную попсу?

– Прости, я не хотел тебя обидеть, – примирительно поднимает руки вверх Максим. – Просто это действительно неожиданно.

– Тогда встречный вопрос, – говорю, смотря на парня. – Какую музыку ты слушаешь?

– А какие у тебя предположения? – спрашивает, опираясь локтями о стол, и положив на ладони голову. Даже через очки я могу видеть веселых чертят в его глазах вкупе с предвкушением. И почему чертиков в его глазах я вижу, а их цвет

– нет?

– Классика, – отвечаю, не задумываясь. – Одеваешься в свитера с рубашками и носишь очки, значит, предположительно, слушаешь Моцарта, Баха, Чайковского.

Максим, услышав мой ответ, только заливисто рассмеялся, закинув голову на спинку кресла.

– Прости, я понял, что не стоит оценивать людей настолько явно, – говорит парень, успокоившись.

– Так ты ответишь на мой вопрос?

– Конечно, отвечу, – говорит брюнет, принимаясь копаться в собственном рюкзаке. – Но лучше все-таки послушай.

И достает из недр рюкзака свой телефон с подсоединенными к нему вакуумными наушниками. Кстати, весьма дорогой телефон. Протягивает мне один наушник, а другой вставляет себе в ухо.

– Слушай, – говорит Максим, перегибаясь через стол. Слегка наклоняюсь над столом, опираясь о локти. И тут парень включает первую песню.

– Ты серьезно? – ошарашено смотрю на парня, широко улыбаясь. Кто бы мне сказал, ни за что бы не поверила. Потому что в наушниках играет ничто другое, а «Возмездие» группы «В огне».

– А что? – говорит парень, пожав плечами. – Не стоит быть настолько стереотипной. Только из-за того, как я выгляжу, это не значит, что я должен слушать классику.

– Ладно, – говорю, опустив голову. – Я тоже была не права

так думая.

– Теперь мы в расчете, – широко ухмыльнувшись, сказал Максим.

– Теперь, да, – подтверждаю, кивнув.

Остальное время мы сидели слушая музыку и разбирая первые пункты нашего проекта. Мы решили весь проект разбить на три этапа, а каждый из них на три пункта. Таким образом, мы продумаем каждый пункт и каждую тему.

Только после того, как мы закончили заниматься, перед нами появился новый вопрос и новая проблема. Кто платит.

– Я заплачу, – говорю, вытаскивая кошелек из рюкзака.

– Я заплачу, – говорит Макс, также доставая бумажник из своего рюкзака.

– Нет, я.

– Нет. Я заплачу и это не обсуждается, – говорит Макс твердым голосом.

– Нет, я заплачу, потому что мы сегодня должны были идти ко мне, – возражаю, смотря на парня. Вот уперся, как осел.

– Так, – твердым голосом говорит Самойлов, при этом мягко накрыв мою ладонь своей, останавливая ее на полпути к кошельку. – Даже не смотря на то, что мы должны были пойти к тебе, это не значит, что ты можешь оскорблять мою мужскую гордость.

Едва сдержавшись от смеха, я фыркаю. Но, на удивление, руки не убираю.

– А ты не фыркай. Я не могу так, что бы девушка платила за меня в кафе или где-нибудь еще.

– Мы ведь никто друг другу, только партнеры по проекту. Значит, я могу заплатить за нас, – пытаюсь противостоят парню хоть какими-то аргументами. Но в конце концов он теряет терпение, и даже не глядя на меня, отдает деньги в руки только подошедшей официантке. А потом спокойно принимается собирать свои вещи.

– Да ты...! Ты вообще...! – не могу толком ничего ответить, только ошарашенно смотреть на спокойного парня.

Что-то меня этот Максим Самойлов начинает напрягать. Хотя бы тем, что ведет он себя вообще не как классический ботаник. Он должен быть зажатым, стеснительным и нерешительным. Таким, который боится слово лишнее сказать. А взамен этого он спорит со мной, слушает музыку совсем не для ботаников и абсолютно не принимает чье-либо мнение. Даже насчет того, что бы заплатить в кафе, у него свои принципы.

Выйдя из кафе, я все еще немного на него обижена. Потому что со мной ни разу так не поступали. Пытались мне что-то выговорить об их якобы мужской гордости. Говорили, что это не дело, девушке платить за себя. Но что бы взять и просто заплатить. Хотя, как бы это странно не звучало, мне стало немного приятно от того, что он взял и заплатил. Но только немного. Большая же часть меня была в ярости.

Я не феминистка, и не выступаю за права женщин в об-

ществе. Просто я с самого детства привыкла, что никто не обязан платить за меня. Раньше, даже когда у меня не было денег, что было довольно частым явлением, я отказывалась есть за счет других. Потому, что всем когда-то придется отдавать долги. И неизвестно, что люди могут потребовать за то, что ты однажды согласился с тем, что бы за тебя заплатили.

– Ты обижаешься? – спрашивает нерешительно Максим за моей спиной.

– Ты не должен был вот так просто за меня платить, – отвечаю, не поворачиваясь к парню, и, что бы отвлечь себя от мысли сказать ему пару нехороших слов, поправляю лямку рюкзака на плече.

– Возможно, не должен был, – говорит Максим, все еще оставаясь за моей спиной. – Ладно, давай так.

– Интересно, как? – поворачиваю голову на парня, смотря, как он поправляет очки на носу.

– Я в этот раз за нас заплатил. А в следующий раз, ты купишь еды. По рукам? – Максим появляется передо мной, протягивая мне ладонь.

– Хорошо, – говорю, пожимая его ладонь. И вновь то же самое электричество, проходящее по всей ладони.

– Отлично, – улыбается Максим. – Тогда до понедельника.

И помахав на прощание ладонью, уходит. Несколько минут наблюдаю за ним, пока он не скрывается за углом дома.

Резкий звонок моего телефона вырывает меня из мыслей.

На экране появляется знакомое имя «Маша».

– Ну что, подруга, ты готова к концерту? – как только подношу телефон к уху, говорит Машка.

Глава 8

Услышав Машкин голос и упоминание о сегодняшнем концерте, я мысленно бью себя по лбу от мысли о том, что время идет, а я даже не знаю, что именно мне сегодня надевать.

– Черт, а через сколько ты приедешь? – спрашиваю, смотря на циферблат наручных часов. Только половина шестого вечера. По сути, у меня еще есть время.

– Через два часа, – отвечает подруга.

Стремительно перехожу через дорогу, услышав слова девушки. Два часа. Два часа на то, что бы помыть голову, привести волосы в порядок и одеться.

– А концерт во сколько начинается?

– Никто точно не знает. Даже в приглашениях этого не указано. Есть только то, что концерт будет в клубе «Полночь», после открытия.

– А открытие когда?

– В восемь.

– Хорошо, я буду готова вовремя, – говорю, видя вдалеке крышу своего дома.

– Отлично, – говорит Машка, а затем бросает трубку.

Всю дорогу до дома я иду в раздумьях о том, что мне надеть. Это ведь не простой вечер в клубе, где мы немного потанцуем и выпьем. Во-первых, я хочу запомнить концерт «В

огне». Так что выпить несколько коктейлей, сразу отменяется. Мне весело и без них будет. Во-вторых, если танцевать, вряд ли можно увидеть самих парней из группы. Я их столько раз видела на плакатах и фотографиях в интернете, что у меня просто зубы сводит увидеть их вживую. Даже если я буду просто стоять возле сцены, а Рейв будет петь передо мной, это будет самое лучшее, что случилось в моей жизни.

Возле нашего подъезда вновь сидят бабушки, словно коршуны ожидающие новую жертву. Хотя, они и так ожидают новую жертву. Когда она пройдет мимо и они коллективно решат, к кому же отнести эту особь.

Помню, как мы с Машкой смеялись, когда смотрели развлекательное шоу. Там была ситуация, что дочь отправляется на выпускной вечер. За ней заходит ее друг, а папа принимается с ним говорить. Вид парня настолько его удивил, что тот не выдержал и сказал – «Ты чего натворил? Там же сейчас бабульки под подъездом сидят с разорванным мозгом. Они не понимают, что к нам сейчас зашло: наркоман или проститутка!?!».¹

– Здравствуйте, – вновь мило улыбаюсь, проходя мимо старушек на лавочке.

– Здравствуй, Алиночка, – единогласно отвечают бабушки.

С самого начала, как я переехала к Эдику и Лизе, для себя решила, что всегда буду здороваться с бабушками на лавоч-

¹ Фраза из одного из номеров развлекательного шоу «Дизель шоу».

ке. А все потому, что кто с ними не здороваются и при этом мило не улыбается, немедленно переходит в разряд «проститутка, наркоман, извращенец и сектант». И слышать такое себе в спину весьма неприятно. Так что, приходится делать вид, будто мне приятно их видеть каждый день.

Лифт в подъезде снова не работает, приходится своим ходом подниматься по лестнице на десятый этаж. Так и ноги накачать недолго. Даже в тренажерку ходить не надо.

Оказавшись на своем этаже, меня ожидает приятный сюрприз в виде очередных цветов от Лизиного поклонника и достаточно большая коробка шоколадных конфет с разными начинками. Ну что, Эдик, в этот раз обойдешься без конфет. С улыбкой захожу в квартиру, неся в одной руке букет цветов, – красные розы, между прочим, – а в другой коробку конфет. И если заметить, что коробка конфет и цветы остались на пороге, то дома никого не было с самого утра. Эдик, наверно, вновь укатил на какой-то прием, который почему-то начинается с утра, а не вечером. Лиза снова в редакции, скорее всего. Конфеты заранее прячу под кроватью, спрятав в тайнике.

Даже не смотря на то, что у мы все сладкоежки, у нас давно установилось одно правило. Кто первый конфеты нашел, тот их и ест. Категорически запрещено забирать конфеты у кого-то из комнаты. Своя комната – это крепость. Все сокровища попавшие сюда, неприкосновенны. И даже Эдик согласен с этим правилом. Потому что и сам не намерен делиться

конфетами попавшими к нему в комнату.

Цветы отправляются в вазу на кухню. Небольшой сигнал для Эдика, что конфеты в этот раз он пропустил. Это давно уже так установилось в нашей семье, что букеты от поклонников у нас долго не держаться. А все потому, что подарки ухажеры Лизы приносят нам каждый день. У нас попросту нет столько ваз, что бы их всех оставить. И поэтому Эдик постоянно, на второй день, забирает цветы, что бы подарить их своей очередной даме сердца. Вечером же, когда кто-то из нас первым приходит домой и обнаруживает на пороге цветы и конфеты, сладкое забирает себе, а цветы – в вазу. Некий сигнал для остальных, что сегодня конфеты уже забрали.

Ни теряя ни минуты, отправляюсь в ванную. Я с детства всегда любила воду. Особенно дождь. Верила, что он смывает все плохое, оставляя только хорошее. Эдик вообще надо мной смеется, когда я выхожу на балкон в дождь. Правда, когда я была младше он пытался меня оттуда вытащить. Но потом смирился и решил, что не будет меня тревожить. А я сидела на балконе и наслаждалась ощущением, когда капли воды ударяются о кожу и скатываются на пол, словно тысячи слезинок, смывая все грязное.

Выйдя из душа в полотенце и тюрбане на голове, принимаюсь за свой внешний вид. И тут постаает вопрос – что мне надеть? За эти годы жизни с Эдиком и Лизой, у меня скопилось достаточное количество одежды, хотя бы для того, что бы я могла ходить две недели подряд в разных вещах, ни ра-

зу не повторив. И вроде я знаю, что мне одевать на прогулку с подругой, в университет, на вечеринку или званый ужин в доме друзей Эдика. Но, черт, что мне надеть на концерт любимой группы, которую я впервые увижу вживую?

Я перебрала уже весь свой гардероб. Платья отбросила сразу, потому что я хочу не только зайти в клуб нормально, но и выйти оттуда, хотя бы живой. Юбки с футболками я еще рассматривала, но ничего такого, что бы подошло на концерт.

Резкий хлопок двери отвлекает меня от моих раздумий. Слышится из коридора возня, а затем шаги направляющиеся на кухню.

– Вашу бабушку, я опоздал? – возмущенно спрашивает голос Эдика, а я улыбаюсь. Цветы увидел. Так тебе и надо. У меня вчера стресс был, мне нужны были конфеты. Ты их зажал. Теперь, пришла моя очередь жадничать.

– Опоздал! – кричу, стоя перед раскрытым шкафом.

Тяжелые шаги приближаются к моей комнате, а затем распахивается дверь.

– Успела, малявка? – спрашивает Эдик, опираясь плечом о косяк двери. На его губах кривая ухмылка, а руки сложены на груди.

– Успела, – отвечаю, повернув голову обратно к шкафу полному одежды. Ну и что мне делать?

Увидев мое выражение лица, которое полюбому выражает крайнюю степень озадаченности, лицо самого Эдика ме-

няется, становясь взволнованным и растерянным.

– Что случилось, Алинка? – спрашивает, подходя ближе ко мне и смотря на кучу одежды разбросанной не только в самом шкафу, но и на полу, на кровати, тумбочке, кресле и столе. – Ты открыла окна и двери одновременно?

Ага, залетел ветер и раскидал всю мою одежду.

– Я иду сегодня в клуб на концерт, – начинаю издали, смотря, как Эдик опасно поднимает с пола одно из моих платьев. Черное, с кружевами по бокам и на лопатках в виде черепа. Он переводит на меня взгляд, спрашивающий, откуда у тебя такое? – Машка подарила на День Рождения.

– Ну, так надень платье и не морочь голову, – пожав плечами, говорит мужчина. – Конечно, кроме этого, – указывает пальцем на черное платье, только что отброшенное им в недра моего шкафа.

– Нет, ты не понял, – качаю головой из стороны в сторону. – Я иду на концерт своей любимой группы.

– На них? – Эдик, не глядя, указывает пальцем нам за спину, где рядом с моей кроватью висит огромный плакат с парнями «В огне», из их последнего клипа на песню «Огонь». Языки пламени за спинами, черные кожаные плащи развиваются на ветру и яркие зеленые глаза Рейва на первом плане.

В ответ киваю головой.

– Ясно, – говорит Эдик, уперев руки в боки. – Думаю, я смогу тебе помочь.

Дело в том, что помимо того, что Эдик байкер и гонщик,

он еще и частый гость клубов. А пять лет назад у него была серьезная мания готикой и тяжелым роком. Помню, у нас даже несколько бабулек упали в обморок возле подъезда, когда он проходил. Думали, смерть за ними пришла. Просто он тогда выкрасил волосы в черный цвет и отрастил их ниже плеч. Черная футболка, черные джинсы с цепью на поясе. И длинный, касающийся своим подолом коленей, кожаный черный плащ с капюшоном надвинутым на голову. Думаю, что большего шока, чем увидеть Эдика в виде смерти перед собой, бабульки никогда не испытывали. Но в общем, после того, он прекрасно знает, как не выделяться на фоне рокеров и готов, и при этом выглядеть как человек.

– Хорошо, – соглашаюсь, понимая, что у меня остался всего час до приезда Машки.

Согласно кивнув, Эдик принимается копошиться в моих вещах, в поисках идеального наряда на этот вечер. Спустя несколько минут, он бросает мне пару вещей, велит одеваться, а затем он поможет мне с макияжем и прической. После этого он уходит на кухню, что бы разогреть себе поесть. От предвкушения предстоящего концерта у меня тупо нет аппетита.

Быстро одеваюсь, заправляя футболку в джинсы и накидывая сверху курточку. В комнату возвращается Эдик и принимается надо мной колдовать. Кому бы сказала, не поверили. Эдик делает мне макияж, и кстати, весьма неплохо. Затем принимается за мои волосы.

Спустя сорок пять минут, я стою перед зеркалом совершенно готовая к концерту. Волосы мягкими волнами ниспадают до груди. Большие голубые глаза кажутся еще больше благодаря черным дымчатым теням и накрашенным ресницам. На губах легкий слой нюдовой помады. Черная футболка с небольшим овальным вырезом, которую просто нельзя охарактеризовать как таковую, из-за того, что черная она только на спине. Спереди же это переплетение цветов языков пламени. Футболка заправлена в черные укороченные джинсы и подпоясана красным ремнем с серебряной пряжкой. На ногах ботильоны на невысоком устойчивом каблуке с ремнями по подъему.

Несколько раз осмотрев свой наряд, я соглашаюсь с Эдиком. В таком виде я точно не буду казаться девушкой готовой на все ради ночи с кумиром, но и не буду выделяться на фоне остальных фанатов «В огне».

Сказав, что буду поздно вечером, я выхожу из квартиры. Машка на такси уже ждет меня около дома.

Глава 9

Я оказалась права, Маша уже ждала меня в такси около подъезда. Громко захлопнув за собой дверь подъезда, подбегаю к такси и распахиваю заднюю дверь.

– Можем ехать, – говорю, пытаюсь отдышаться. Да, пробежать десять этажей на одном дыхании, это вам не три круга вокруг стадиона.

Согласно кивнув, водитель трогается с места, а я поворачиваюсь к подруге. Она находится в таком эйфорическом предвкушении, как и я. Карие глаза горят ярким огнем в ожидании концерта.

– Привет, – приветствую девушку, рассматривая ее внешний вид. Машка решила даже в вечер концерта нашей любимой группы, не изменять себе и своему стилю. Волосы вновь в художественном беспорядке, на лице ноль косметики. Длинная черная футболка прикрывает бедра и ниспадает на одно плечо. В руках у нее черная джинсовая куртка. Обтягивающие черные джинсы с потертостями и дырками на коленях. На ногах высокие кожаные ботинки на шнуровке и с металлическими застежками по подъему.

– Привет, круто выглядишь, – говорит Машка, осмотрев мой наряд.

– А ты как всегда в своем стиле, – отвечаю с улыбкой. Машка только ухмыляется, пожав плечами.

– Значит ты тоже намерена добраться до сцены? – спрашиваю, что бы хоть на минуту заполнить это молчание между нами.

Подруга фыркает, как будто я задала глупый вопрос. Хотя, в принципе, это так и есть. Мы начали обожать парней «В огне», как только они начали набирать популярность. А случилось это в один обычный день, когда ничего не предвещало появлению этих парней в нашей жизни.

Два года назад.

«Мы сидели у Машки дома, за поиском чего-то крутого в интернете. На тот момент это было все что угодно – музыка, передача или фильм. Без разницы. Нам просто нечем было заняться.

– Знаешь, кажется, что весь мир сошел с ума, – безэмоционально говорит Машка, бездумно пролистывая сайты, которые нам выбил Google. – Все слушают какую-то хрень. Либо этот идиотский реп про потерянные чувства, либо тупо мелодия и два слова.

– Остановите планету; я сойду, – усмехаюсь, выпивая колы и взяв кусочек пиццы.

Мы сидим за Машкиным столом, удобно устроившись на двух широких стульях. Клавиатуру нам пришлось убрать в сторону. Между нами лежала коробка пиццы с курицей и ветчиной, а в высоких стаканах была разлита кола. Сама бутылка с газировкой стояла под столом.

– Это да, – посмеивается подруга. – Нет, я серьезно. Вме-

сто нормальных фильмов с бойнями, кровью и стрельбой, сплошные трагедии и драмы. Я что, похожа на тринадцатилетнюю малолетку, которую бросил парень?

До этого, мы зашли в Instagram и ржали над страничками девочек 10-16 лет. Нет, ну правда. Это реально ржачно. Как девочка двенадцати лет написала у себя на страничке, что жизнь дерьмо и она больше не хочет жить. Просмотрев пару постов до этого, мы поняли, что ее бросил мальчик. Соседский паренек, который нес рюкзак другой девочке. Самая настоящая измена. Кстати, фото к тому комментарию, было немного жутким. Темная комната, эта девочка стоит в лучах света, а в ее руке ярко блестит лезвие. Мы с Машкой так и не поняли, это она себе так аудиторию набивает или реально настолько страдает.

Конечно, я тоже довольно часто страдаю от невзаимной любви. Но, черт, что бы резать вены и говорить, что это конец света? Поверьте, я не настолько сошла с ума. Да, все парни, которые мне нравились, были для меня любовью всей моей жизни. Но не настолько, что бы думать, что жизнь на этом закончилась. Я предпочитаю думать, что это всего лишь препятствия на пути к чему-то большому и светлому. Да, и если вспомнить, как я страдала, то точно не скажешь, что для меня наступил конец света. Это больше похоже просто на девчачьи посиделки с печеньем, пиццей, колой, мороженым и крутым боевиком. И между поеданием пиццы и просмотром фильма, мы с Машкой говорим о том,

какие парни козлы.

В ответ на Машины слова, я только смеюсь.

– Вот на кого ты точно не похожа, – говорю, едва не подавившись куском пиццы.

– Слава одуванчикам, – у нее на тот момент только началась проявляться любовь к придумыванию разных вариантов классических фраз. – Но я все равно не понимаю. На планете, что, вообще не осталось нормальных людей? Все смотрят сопливые мелодрамы и слушают русский репчик?

И тогда произошло то, что полностью изменило нашу жизнь. Оказавшись на очередной странице, которую нам посоветовал Гугл, мы полностью расстроились сегодняшним состоянием окружающего мира. Но это действительно было несправедливо. В то время, мы только начали втягиваться в мир рока благодаря Linkin Park. И послушавшись голоса Честера, нам захотелось чего-то новенького, неизвестного. Но его, как назло, нигде не было.

– А это еще что такое? – спрашивает Машка, отвлекая меня от моих мыслей. Поворачиваю голову на подругу, застывшую перед экраном. Обернувшись к монитору, я заметила, что Машиа зашла на неизвестный нам сайт группы под названием «В огне». Черный фон, и со всех сторон к огромной надписи «В огне», тянутся языки пламени.

– Судя по всему, какая-то рок-группа, – говорю, отбирая у подруги мышку и самостоятельно пролистывая главную страницу. – Итак, это новая группа, играющая рок. Осно-

вали группу совсем недавно. Около полугода назад. И судя по визжащим смайликам, довольно популярны среди девчонок.

– Значит, они либо прекрасны, как царевна-лебедь, либо у них нереально крутая музыка, – сложив руки на груди и откинувшись на спинку кресла, говорит Машка.

– Это и так понятно, – отвечаю, повернув голову на подругу. – Интересно послушать.

– Тогда включай, – махнув рукой в сторону монитора, в жесте «давай уже», сказала подруга.

– Хорошо, – отвечаю, повернув голову обратно к монитору, и заходя во вкладку клипы и песни. А парни круто разработали свой сайт. Здесь и галерея с фотографиями с концертов или со съемок клипов. И песни, где их сразу можно скачать, и целые альбомы. Видимо, даже не смотря на то, что они появились совсем недавно, создавать кучу альбомов это им не помешало.

– Что лучше: клип или песня? – спрашиваю, думая над собственным вопросом.

Если песня, то можно акцентировать все свое внимание на песне, на голосе солиста и самой музыке. А если клип, то тогда на самой группе, их выбору сюжета клипа и спецэффектов. Хотя, в данном случае, лучше прослушать песню.

– Давай сначала песню, а затем посмотрим клип, – предлагает Маша и я с ней соглашаюсь. Включаю первую попавшуюся песню с мрачным названием «Месть»...».

Я до сих пор помню тот момент, когда мы впервые услы-

шали голос Рейва. Это было что-то с чем-то. У меня и сейчас нет точных слов, что бы описать его голос. Потому что, это было что-то сногшибательное. Мы сидели разинув рты, уставившись на строчку песни, надеясь, что она никогда не закончится. Прослушав большую половину песен, мы тогда наконец решились посмотреть на парня, который имеет настолько нереальный голос. Но ничего не вышло...

– Ты чего застыла? – вырвал меня из раздумий голос подруги. Повернув голову на Машку, замечаю вопросительно поднятую бровь и руку, вцепившуюся мне в запястье.

– Ты нервничаешь? – спрашивает девушка, а я перевожу взгляд на ее ладонь, плотно обхватывающую мое запястье.

– Ох, прости, – отвечает Машка и, ойкнув, – увидела, что до сих пор вцепилась в меня, – убрала свою руку. – Просто ты сидела десять минут, тупо уставившись на спинку кресла. Я переживаю вообще-то.

– Прости. Просто вспомнила кое-что.

– Интересно, что же? – выгнула бровь брюнетка.

На моем лице появилась улыбка. Думаю, ей понравится то, что я скажу.

– Я вспомнила тот вечер, когда мы впервые услышали Рейва. Когда ты случайно наткнулась на их сайт.

– Ох, это было нечто, – засмеявшись ответила Машка откинув голову на спинку сидения. – Мы, кажется, до утра сидели, слушали их музыку, пока до нас не дошло...

– Что их можно было скачать, – заканчиваю за подругу.

– Точно, – подтверждает она, усмехаясь. – И прикинь, мы столько раз слушали их песни, как одержимые ждали новый клип или альбом...

– А сегодня мы идем на их концерт.

– Мы впервые увидим их вживую. Я уверена, что Рейв намного красивей в жизни, чем в клипах и на постерах.

– Это точно.

Когда мы впервые услышали голос Рейва, мы занялись поиском биографии его и остальных парней. Но... нас ждало глобальное разочарование. Про этих парней совершенно ничего не было известно. Да и скажу честно, мы просматривали их клипы сотни раз, но ни разу не видели самих парней. Мы слышали голос Рейва, звуки двух гитар, барабаны. Но нигде не было их лиц. Даже на фотографиях они постоянно стояли спинами к камере или полностью накрыв свои лица капюшонами. Пока полгода назад они не решили показать себя миру. Вот это был фурор тогда. Девушки сходили с ума. И тогда мы с Машкой не в первый раз пожалели парней за то, что они открыли на своем сайте чат, где девушки могут задавать различные вопросы. Правда, там говорилось, что сами парни отвечают, но мы-то знали, что ни фига это неправда. Посадили за ноут человека, а он и отвечает на все эти визжащие смайлики.

Так вот, после того, как их лица стали доступны публике, мы с Машкой вместе влюбились – как в певца и просто красивого парня – в Рейва. Но он действительно нереален.

– А теперь, раз мы успокоились, – начинаю издалека, посмотрев на подругу. – Откуда у тебя билеты в клуб на концерт «В огне»?

– Эмм, – немного замялась девушка и по традиции, как обычно, от нервов, закусила губу. – Ты ведь не отстанешь?

– Нет, – качаю головой из стороны в сторону. – Отвечай на вопрос, нечистая.

– Сама нечистая, – надув губы бросила Машка. – А билеты я у сестры забрала.

– У Ольки?

Ольга Круглова – старшая сестра Машки, всего на год старше нас, и классическая блондинка. Повернутая на деньгах, красоте, одежде и всем розовом. И неудивительно, что слушает она также соответствующую музыку. Попсу про любовь, расставания и шопинг.

– Ага, прикинь. Я сама была в ауте, когда увидела у нее билеты, – округлив глаза, говорит Машка, показывая, в каком шоке она была в тот момент. – И, ты не поверишь, она собиралась их выкинуть! – выкрикнула подруга на все такси, а я едва за сердце не схватилась. Выкинуть билеты на концерт «В огне». Если бы я стояла, то упала бы в обморок. А так, откинувшись на спинку кресла и схватившись за сердце, закрыла глаза.

– Она хоть жива? – спрашиваю, приоткрыв один глаз.

– Жива конечно, – с досадой в голосе говорит подруга. Видимо, такое она сестре никогда не простит. – Но, короче,

билеты она выбросила в свою мусорку, а затем ушла с подружками по делам. Точно не знаю куда, да и плевать. А я к ней в мусорку, за билетами. А там какие-то розовые бумажки, сердечки, блески.

– Только не говори, что билеты в блесках, лаке и какой-то другой херне? – прикрываю глаз, пытаюсь успокоиться. Не дай Бог я встречу Ольку. За билеты – откручу голову.

– Нет, Слава Богу, – говорит Машка, а я облегченно выдыхаю. – Там было, как раз, два билета.

– Ты что-то не договариваешь, – говорю, так и не открыв глаза. Что-то слишком резко она остановилась.

– Ты о чем? – невинно-наивным голосом спрашивает подруга. Даже с закрытыми глазами я знаю, что она врет.

– Маш?

– Тебе понравится. Я просто не хочу сейчас говорить.

– О чем?

– Секрет.

– Большой-большой секрет, – с усмешкой заканчиваю, уже достаточно успокоившись.

– Точно.

– Мы на месте, – говорит незнакомый хриплый голос, я бы даже сказала прокуренный, спустя несколько минут.

– Уже? – поднимаюсь со своего места, открыв глаза. Оглядываюсь по сторонам, заметив, что мы уже остановились рядом с высоким темным зданием с яркой неоновой вывеской и несколькими фонарями. А также бешеной толпой девчо-

нок в коротких платьях и с ярко накрашенными лицами, пытающимися пройти сквозь огромных вышибал.

Мы уже на месте. Месте, где совсем скоро на сцену выйдет моя самая любимая группа.

Глава 10

– Уже? – с шоком в голосе от увиденного, спрашиваю, повернув голову на подругу.

– Кажется да, – отвечает она, также как и я секунду назад, уставившись на входные двери клуба.

– Я надеюсь, что билеты не именные, – шепчу с надеждой в голосе, повернувшись обратно к вывеске с огромными буквами «Полночь».

– Нет, – отвечает подруга.

– Вы долго собираетесь здесь сидеть? – с ноткой недовольства говорит таксист.

– Мы будем... – гневно начинает Машка, но я ее перебиваю, положив ладонь на ее сжатый кулак.

– Конечно, мы выходим, – с нажимом смотрю на подругу. Посмотрев на меня, она немного успокаивается.

Выйдя из такси, машина мигом исчезает за ближайшим поворотом, на прощание проскользнув по асфальту.

– Ну что, готова? – спрашивает Машка, стоя возле меня.

– К концерту или к тому, что с боем придется добираться к сцене? – выгибаю бровь.

– Ко всему? – предлагает девушка.

– Тогда готова, – отвечаю, делая первый шаг по направлению к клубу.

Сначала я подумала о том, что огромная толпа безумных

девчонок мне просто показалась. Но, как же я ошибалась. Она была еще больше, чем мне показалось. Просто огромная. И они пытались зайти в клуб. Хотя, зайти – это еще мягко сказано. Они штурмовали вход в клуб. И кажется, четвертых вышибал было для них мало.

– Скажи мне, что я не спятила? – прошептала Машка мне на ухо. – Потому что только такое могло прийти мне в голову.

– К сожалению, – начинаю, осознавая, что мне предстоит двойной бой – вход в клуб и подход к сцене. – Это реальность. Но меня волнует другое.

– Что именно?

– Как мы собираемся пройти сквозь это полчище безумных крашенных существ?

– Очень просто. Я знаю вышибалу, – у ухмылкой в голосе сказала Машка, а затем со всей силы, что была в ее легких, заорала:

– КИРРРРР!!!

Мне кажется, что я оглохла. На одно ухо точно. И, конечно, на крик Машки оборачиваются все, кто его слышал. Буквально все. В то числе и сам Кир. А это, просто огромный вышибала с не менее огромными мускулами. Кажется, что черная рубашка на его груди треснет в любой момент.

– Мария!!! – не так громко, но достаточно что бы мы с подругой услышали, кричит Кир. Ему даже не нужно поднимать руку, что бы мы его увидели. Этот парень, в два метра ростом, возвышается над остальными вышибалами, словно

башня. А девчонки рядом с входом, кажутся лилипутами по сравнению с ним.

– Пошли, – с улыбкой на лице говорит Машка, подхватив меня под руку и ведя в сторону клуба.

Что становится для нас испытанием. Даже не смотря на то, что многие девчонки поняли, что Машка знает огромного охранника, они не собирались отходить, что бы дать нам пройти. Каждая из них была готова нам голову оторвать за то, что мы отодвигали их с нашей дороги. Только если я отодвигала их со словами «Извините-простите», то Машка в крайне грубой форме орала на девушек, проходя вперед, словно таран. Для уверенности, что я не потеряюсь в этой толкучке, подруга схватила меня за руку. Так что, получалось, что Машка бесстрашно шла к своей цели, а я тянулась позади, извиняясь за отдавленные ноги в лаковых туфлях и толчки в ребра под супер короткими платьями.

Как только мы, наконец-то, протискиваемся к входу в клуб, мне начинает казаться, будто до сцены я уже добраться не смогу. Мы останавливаемся прямо перед Киром, который скорее всего является Кириллом. И, мои очередные надежды на то, что мы спокойно зайдем к клуб, вновь разбиваются, словно хрустальный бокал.

Рядом с нами стоит высокая блондинка в донельзя вульгарном платье ярко-розового цвета с огромным треугольным вырезом и подолом едва прикрывающим бедра. На ее лице слишком много макияжа, настолько, что она очень хорошо

напоминает знакомую всем ночную бабочку. Но, как только мы подходим к входу, что бы Машка предоставила своему знакомому наши билеты, эта блондинка встает у нас на пути, уперев руки в боки.

– Вы должны стать в очередь, мымыры, – а так все хорошо начиналось. Вроде любезно «Вы должны стать в очередь», и такой плохой конец «мымыры».

Повернув голову в сторону, я наблюдаю, как лицо Машки медленно искажается гневом.

– Слышь ты, – сложив руки на груди и сверля взглядом блондинку, начала Маша. – Ночная мымыра, я буду стоять там, где хочу и когда хочу.

– Девочка, мигом стань назад. Я стою здесь пять часов и не намерена, что бы какая-то гримза, первой попала в клуб, – усмехаясь ответила блондинка.

– Кир, – обратилась подруга к огромному вышибале. – Пожалуйста, скажи этой недалекой блонди, что нужно для входа в клуб?

– Приглашение или билет на концерт, – незамедлительно ответил парень. Хотя, я бы вряд ли бы так его назвала. Огромный, с выпуклыми мускулами. Короткий ежик черных волос, глубокие серые глаза и тонкие поджатые губы.

– Вот именно, – поднимает вверх палец подруга. – А теперь, тупорылая курица, ответь мне, у тебя есть то или другое?

– Мне оно и не нужно, я знаю Рейва, – говорит блондинка.

В этот момент мне едва удается сдержать смешок.

– Ага, я тоже его знаю, – отвечает ей Маша. – А также я знаю Честера Беннингтона.

И тогда Машка удивляет блондинку и многих девчонок стоящих за нашими спинами. Она достает из внутреннего кармана куртки два билета из плотной бумаги с языками пламени и огромной надписью «Пригласительный». Вручает его Кириллу и тот после двух секунд осмотра, надевает нам на запястья два флуоресцентных браслета с надписью «Полночь».

Уже в открытых двойных дверях клуба Машка оборачивается, для того, что бы бросить блондинке взгляд полный превосходства и оставить последнее слово за собой.

– И кстати, все знают Рейва. Такие трюки уже сто лет не работают, – и подмигнув, мы заходим в недра клуба.

Оказавшись внутри, я, в очередной раз за этот вечер, едва не глохну. На этот момент из-за слишком громкой музыки, звучавшей в клубе. Я бы даже сказала, что музыки почти не слышно. Слышно только басы и какие-то слова выкрикиваемые диджеем сбоку от огромной сцены с колонками и установленными инструментами.

– Здесь нереально! – кричит мне на ухо Машка. Соглашаюсь с ней кивком головы, так как что-либо говорить в таком шуме бесполезно.

– Нам нужно к сцене, пока они не появились! – не смотря на свои слова, мне все равно приходится кричать Машке в

ухо. Кивнув мне, и, для уверенности в том, что мы не потеряем друг друга, сжав мою ладонь в своей, она ведет меня вперед.

Правда, к сожалению вновь, это дается нам не совсем просто. Потому что люди буквально сходят с ума от музыки. Они трутся друг о друга своими потными телами, дергаясь в такт ритму. И таким образом мешают нам пройти к сцене. Каждый раз Маша яростно отодвигает людей со своей дороги, а я, уже плюнув на все, кроме ожидающего выхода «В огне», наступаю на ноги всем подряд, что бы они свалили с моего пути. Короче, медленно превращаюсь в Машку.

С горем пополам, уже не чувствуя ног, но мы добираемся до сцены. Все-таки как я была права, когда напрочь отказалась от юбки, платья и туфель. Я бы сюда не добралась. Возле сцены значительно тише, чем в центре клуба или ближе к диджею. И уже не приходится кричать, что бы подруга меня услышала.

– Я и не думала, что здесь будет столько пародий на куклу Барби, – говорю Машке, смотря на большинство посетительниц клуба в этот вечер. У меня буквально рябит в глазах от переизбытка макияжа, лака и коротких ярких платьев мелькающих перед нами.

– Ага, мне кажется, будто я попала на слет ночных бабочек. Чувствую себя белой вороной, – передернувшись от отвращения ответила Маша.

– А может это они ошиблись клубом? – предполагаю.

– Сомневаюсь, – сложив руки на груди говорит подруга, откинувшись спиной на сцену. Повторяю за ней, осматривая зал. Из-за огромной толпы трущихся друг о друга и дергающихся тел, я не могу понять что здесь еще есть кроме танцпола. Хотя, учитывая в основном мужскую аудиторию в другом конце клуба, там находится барная стойка. Второй этаж огражден перилами, а на лестнице, ведущей к VIP-местам, стоят огромного вида амбалы в костюмах, не скрывающие кобуры с оружием на поясах.

– После того как парни решили показать себя миру, все гламурные чики стали их слушать только из-за их внешности, – говорит подруга.

– Но ты ведь не будешь отрицать того факта, что они симпатичные, – выгибаю бровь, усмехнувшись. Этого ведь реально нельзя отрицать.

– Я и не отрицаю. Просто теперь, у них появилось еще больше тупорылых, с блестками вместо мозгов, поклонниц. Ты представляешь что начнется, когда они выйдут?

– Нас выпрут от сцены, что бы какая-то ночная бабочка попыталась забраться к ним на сцену.

– Машка, – внезапно до меня доходит кое-что. – А твоя сестра сегодня куда-то собиралась?

– Да, в клуб на концерт... – в начале уверенный голос подруги, в конце едва слышен. Мы поворачиваем друг на друга головы, что бы вместе понять одну истину.

– Нам хана, – говорим в один голос.

Спустя секунду весь клуб погружается во тьму. В воздухе, кроме избытка ароматов духов, пота и алкоголя, ясно можно почувствовать ожидание и предвкушение. И в этой тишине, словно удары грома, раздаются громкие шаги по сцене. Мы с Машкой синхронно поворачиваемся к сцене и сцепившись в ладони друг друга, смотрим вперед. Нас пытаются оттеснить жаждущие внимания группы девушки, но мы непреклонны. Стоим на месте, как раз перед тем местом, где останавливаются последние шаги.

А затем включается свет над сценой. «В огне» появились.

Глава 11

Весь зал, кажется, замер, любуясь своими кумирами. Машка с силой сжала мою ладонь в своей. Некий знак, что она в ауте. Если бы мы были слабодухими неженками, то сейчас бы упали в обморок. Я уж точно. Потому что одно дело видеть парней «В огне» на плакатах, в клипах и на фотографиях, и совершенно другое, когда вот, они стоят рядом с тобой. Только руку протяни.

Рейв остановился в двух шагах от нас. Высокий, широкоплечий, с черными взъерошенными волосами, яркими зелеными глазами с золотыми всполохами. В черной рубашке плотно обтягивающей его тело, с закатанными рукавами до локтей и расстегнутыми несколькими верхними пуговицами. Черные джинсы с низкой посадкой и тонкой серебряной цепью сбоку на кармане. Черные невысокие Док Мартинс с заклепками по бокам. На запястьях несколько кожаных браслетов, и даже один с деревянными бусинами. На левой руке массивное серебряное кольцо с красным рубином.

По правую сторону от него, приготовившись играть первые аккорды на своей легендарной, черной, с белыми молниями и красными вспышками огня, гитаре, стоит Фрост. Высокий, спортивного телосложения с длинными тонкими музыкальными пальцами. Каштановые волосы длинные на макушке, завязанные в гульку и короткие по бокам. Холодные

голубые глаза слегка прикрыты. Белая рубашка с закатанными до локтей рукавами, расстегнута на две верхние пуговицы. Черные джинсы с подкатами и кожаными вставками по бокам. Черные казаки с железными вставками по подъему. На правой руке, кроме рукава из множества переплетенных узоров, несколько разноцветных браслетов. На шее выглядывает из выреза рубашки, тонкая цепочка с сапфиром.

Напротив Фроста, по левую сторону от Рейва, стуча ладонью по гитаре, стоит Винд. Чуть ниже Фроста на несколько сантиметров, с широкими плечами и крепким телом. Небрежно растрепанные светло-русые волосы прикрывающие кончики ушей. Теплые карие глаза, довольно сильно контрастируют с ледяными глазами Фроста. Красная рубашка в черную клетку с языками племени на коротких рукавах, не заправлена в джинсы. Темно-синие джинсы с низкой талией. На поясе, из-под подола рубашки выглядывает черный кожаный ремень с массивной пряжкой в виде символа огня. Черные конверсы с белыми полосами. На руке тонкий серебряный браслет с мордой льва. Вместо глаз у льва блестят два изумруда.

За спинами остальных, и за барабанной установкой сидит последний член группы «В огне» – Хоук. Он сидит, расслаблено расставив ноги и крутит в руках барабанные палочки. Зачесанные вверх волосы цвета блонд, пронзительные серые глаза с играющими в них чертиками. Широкие плечи плотно обтягивает белая футболка и поверх нее кожаный

жилет. На шее висит цепочка с алмазом в форме капельки. Всего остального не видно из-за освещения и барабанной установки.

Но, кажется, только то, что парни стоят перед людьми едва не сносит последним крышу. Девчонки начинают истошно визжать, и, если я не ошибаюсь по звукам в этой тишине, несколько из них падают в обморок. Нам с Машкой в спину давит толпа, пытаюсь протиснуться к Рейву и остальным. Но хрен им я сойду с этого места. Если я с него и сойду не по своей воле, то только ногами вперед. И, посмотрев на подружку, я понимаю, что она такого же мнения. Не для того мы два раза рисковали своей жизнью рядом с ряжеными блондинками, что бы сейчас потерпеть поражение и любоваться парнями «В огне» и их музыкой с другого конца зала.

Наконец, Рейв поднимает руку вверх, пытаюсь всех успокоить. Но, черт, от этого стало только хуже. Визг стал громче и просьбы Рейву взять их стали долетать до моих ушей.

Поднимаю голову вверх, к софитам, что бы помолиться и что бы все эти голодные пираньи взяли и замолчали в один момент. Но кто там меня слышит. Ничего не происходит. Мы с Машкой вновь переглядываемся, задумываясь, чего парни ждут.

– Рейв скоро все?! – сквозь этот шум обращается к Рейву Хоук, стуча палочками друг о друга.

– Давай подождем, – говорит Рейв в микрофон, полуобернувшись к барабанщику. – Тем более, нам все-таки заплати-

ли за время, а не за песни. Я не против тупо стоять и получать деньги.

И тишина. Мне больше непонятен тот факт почему все замолчали. От слов Рейва или просто от того, что он заговорил. Хотя, мне самой также непонятно. Я в шоке. И сразу от всего. Я не ожидала, что его голос будет вживую еще лучше, чем когда я слушала его тысячи раз на телефоне или компьютере. А также от его слов. Он это серьезно? Или это специальный прием, что бы все заткнулись?

– Ну вот, – удовлетворенно говорит Рейв, улыбнувшись. Боже, до чего же у него шикарная улыбка с ровными белыми зубами. На этот раз никаких визгов нет. Все в ожидании концерта. – Мы можем играть?

Со всего зала до нас стали долетать изумленные бормотания и перешептывания.

– Примем это за «да»? – вновь говорит Рейв, обернувшись в остальным членам группы. Те ему в ответ кивают.

А затем начинается то, чего все так долго ждали. Звучат удары палочек, первые аккорды гитары, а затем, уже полноценная мелодия знакомой песни «Раскаянье». И вот, то, что мы с Машкой ждали. Звучит хриплый голос Рейва. Он словно сладкая карамель растекается по залу, давая ощутить всю сладость каждому. Я в ступоре, не обращая внимания ни на какое оживление людей, стою на месте, полностью поглотившись мелодией и словами. Голосом Рейва.

«Раскаянье». Песня о любви, верности и потере. Песня о

том, что мы осознаем важность вещей и людей только после того, как потеряем их. История парня, любящего всем сердцем девушку из соседнего дома. О том, как он верно любил ее, со стороны наблюдая за ее мимолетным счастьем с друзьями. Как втайне провожал ее до дома. Как, скрываясь за углом, оставлял для нее букет цветов под дверью с любовными стихами. И как она даже не подозревала о его существовании. Пока однажды не получила прощальное письмо. Письмо от него. Полное ласки и любви письмо от того, кого не замечали годами. От того, кто совсем недавно умер от рака, так и не познав взаимной любви. Раскаянье девушки на могиле парня о том, что не заметила, не полюбила, не ответила.

Эта песня голосом Рейва поражает в самое сердце. Заставляет испытать те же чувства, что и тот парень, которому так и не ответили взаимностью. Кто так и не дождался своей любви. На моих глазах появляются слезы, которые мне едва удастся сдерживать. И почему он выбрал именно эту песню? Почему они начинают концерт с самой грустной песни их последнего альбома?

Но в конце концов она заканчивается протяжным пением Рейва и зал вновь взрывается криками и визгами, стоявшая тишина замороженных пением солиста исчезла, словно ее и не бывало прежде.

Слава Господи, последующие песни довольно веселые, все еще немного мрачные и полные энергетика самой группы, но отличающиеся от «Раскаянья». Зал постепенно ожи-

вает, двигается в ритме «В огне», уже веселый и пытающийся забраться на сцену к своим кумирам, но постоянно оттесняемые близстоящими охранниками.

Мы с Машкой также медленно принимаемся улыбаться от уха до уха и двигаться, пытаясь ни на один миг не отводить взгляда от парней на сцене. Я нахожусь, словно в прострации. Далеко от этого мира. Полностью поглощенная их музыкой.

А затем, на последней песне, которая в такт группе называется «Пламя», происходит долгожданное огненное шоу. То самое шоу, без которого не обходиться ни один их концерт. И благодаря которому их узнал мир.

С протяжным криком Рейва и долгими звуками гитар, Хоука и его барабаны обволакивает высокий круг огня. Затем Фроста, Винда. И в завершении самого Рейва. Весь зал замирает от шока. Кажется, будто пламя вокруг парней танцует вместе с музыкой. А потом, пламя в один момент гаснет оставляя за собой только густой туман. Когда он рассеивается, по клубу проходит слаженный вздох. Парни исчезли. Растворились в собственном огне, оставив по себе лишь дым. На стене за барабанами и прочей аппаратурой только ярко горят в огне буквы «В огне».

Но, вся музыка и все волшебство рано или поздно заканчивается. В нашем с Марией случае все закончилось в тот момент, когда обезумевшая толпа просила парней «В огне» исполнить на бис. Входная дверь в клуб резко отворилась с

лязгом ударив по стене. В шоке обернувшись, я едва не ругаюсь вслух. В дверях клуба, с разъяренным видом, с бешеным огнем в глазах стояла Ольга, – сестра Машки, – вместе со своими гламурными подружками.

– ГДЕ ВЫ, СУЧКИ МЕЛКИЕ!! – прогреготал на весь клуб ее голос. Зал, всего несколько минут назад просивший парней «В огне» вернуться на сцену, заполнили тревожные перешептывания.

– Кажется, нам пора, – проговорила Машка, делая несколько шагов назад.

– Ага, – ответила я, пытаюсь не отставать от подруги. Вся эйфория от концерта и огненного шоу медленно падала в Тартар, оставляя по себе лишь ужас от предстоящей участи от рук озлобленной блондинки и ее подружек.

Шустро развернувшись, мы с подругой бежим в совсем противоположную сторону. Подозреваю в сторону запасного выхода. Не имея понятия, как мы отсюда выберемся, бежим вперед, ведомые только желанием жить.

Глава 12

Нам в спины доносится яростный крик Ольки, который только ускоряет наш бег. Мы заворачиваем за угол в длинный темный коридор с кучей дверей без табличек или указательных знаков.

– Стоять! – летит нам вслед мужской крик, а затем слышится возня, голоса людей. Теперь нас, кроме озлобленной блондинки, преследует еще и вооруженная охрана в виде амбалов, с мой шкаф ростом.

– Быстрее, – подгоняет меня Машка.

Мы бежим дальше по коридору. Некоторые двери закрыты, а другие нет. Но времени проверять все у нас нет. Надо срочно где-то укрыться и переждать, пока опасность пробежит мимо нас. В прямом смысле этого слова.

– Куда мы, по-твоему бежим? – спрашиваю, пытаюсь не отставать от подруги. Легкие горят от задышки, – а мне Эдик говорил, бегай по утрам, – но кто там слушал.

– Давай сюда, – Машка открывает первую попавшуюся дверь. Забегаю в темное помещение, с одинокой лампой в углу.

– Вот и все, – захлопываю дверь, прижимаясь к ней спиной. Подруга стоит передо мной, пытаюсь отдышаться.

– Ты уверена?

– Естественно нет, – отвечаю незамедлительно. Ужас мед-

ленно вытесняется гневом. – Я в ужасе! И в шоке.

– И что от чего? – спрашивает подруга ухмыляясь.

– А ты не радуйся, мы с тобой в полной жопе оказались из-за этих билетов.

– Черт, откуда я знала, что если у Ольки что-то попало в мусорку, значит оно ей надо.

– Ага, а теперь нас преследует твоя сестрица вместе со своими черлидершами, – говорю, все еще прижимаясь спиной к двери. Из коридора ни доносится ни звука. Возможно, они пробежали мимо или направились в другое место. – Оу, и не забудь об огромных амбалах-охранниках. Сомневаюсь, что они нас по головке погладят за то, что мы украли билеты.

– Мы не украли, – возражает подруга, отдышавшись. – Вообще-то, я не заметила у сестры плакаты «В огне» или очередные охи-вздохи по этим парням. Она вообще их не слушает. Только свою Бьенсе и Гагу.

– Тогда какого нам сейчас в спину летели угрозы о расправе? – складываю руки на груди.

– Я не знаю, может она передумала, – говорит Машка, а я обращаю внимание на свой браслет.

– Машка, – начинаю, сглотнув ком в горле. – Посмотри на свой браслет.

– Твою ж бабушку, – ошарашенно говорит подруга, поднимая на меня глаза.

– Теперь-то я понимаю, какого хрена она хочет нас прикончить.

– Это билеты с пропуском за кулисы, – оглашает Машка.

Между нами на минуту повисает тишина. Каждая из нас думает о своем. Не имею понятия о чем думает Машка, но, черт возьми, если бы не угроза нависшая над нами в виде разозленной Ольки и ее подруг, я бы прыгала до потолка от радости. Билеты на концерт любимой группы не просто на халяву, но еще и с пропуском за кулисы. Да за такое реально умереть не жалко. Но, вашу мать, я жить хочу.

– Знаешь, ты только не подумай дурного, но я черт возьми не собираюсьдохнуть от рук твоей сестрицы и ее гламурной шайки из-за того, что мы помешали им захомутать одного из «В огне».

– Ты думаешь я собираюсь? – огрызается Круглова.

– А я точно нет! – восклицаю нервно. – Потому что, твою мать, я не согласна «увидеть Париж и умереть»!

– В нашем случае «Увидеть «В огне» и умереть».

– Какая к черту разница?! Я в любом случае хочу выйти отсюда живой. А если и подохну, то пусть парни хотя бы сыграют на моих похоронах. Уходить, так с песней.

– Только с какой? «Раскаянье»? «Жертва»? Или возможно «Падение»?

– Пускай тогда придумают новую песню. Не знаю, может быть «На помощь!»? – развожу руки в стороны.

– Нам надо что-то придумать, что бы выйти отсюда живыми, – спокойно говорит подруга, но меня уже хрен остановишь. Адреналин выветрился через вентиляцию, если она

здесь есть, оставив по себе только ужас, нехватку нервных клеток и страх.

– Что придумать? Может я похожа на Тони Старка? Где мой гребанный костюм? Дырка в стене и все, мы на свободе. Так по-твоему? – спрашиваю, бросая гневные взгляды в сторону подруги.

– Ты Марвел опять смотрела? – выгибает бровь Машка.

– Я не смотрела Железного человека уже полгода, – отвечаю, насупившись. – Ты говоришь, нам нужно найти выход. Какой, к черту выход? Мы с тобой одни в комнате. Где-то по клубу бегает твоя безумная, жаждущая нашей крови, сестра вместе со своими гарпиями и огромными охранниками на хвосте. Как ты предлагаешь отсюда выбраться?

– Нужно подумать, – спокойно говорит девушка. Скажу честно, это реально странная ситуация. Потому что это Машка обычно выступает в роли истеричной и саркастичной, а я пытаюсь придумать логический выход из ситуации. Но не в этот раз.

– О чем? Может разыскать «В огне», намолотить им чепухи про то, что нас убивают, что скорее всего так и будет, благодаря твоей сестре, и укатить вместе с ними с клуба?

– А что, неплохой вариант, – соглашается подруга, сжав пальцами подбородок.

– Ни хрена, – отвечаю, резко повернув на нее голову, так что волосы ударяют меня по лицу. – Может они вообще уже смотались отсюда?

– Черт, – мой пыл потихоньку сходит на нет, и остается только безысходность, приправленная беззащитностью. Поворачиваюсь спиной к подруге, прижимаясь лбом к холодной поверхности двери. – А я ведь просто хотела сходить на концерт. Послушать любимую группу. Повеселиться.

– Ты думаешь я не хотела просто спокойно провести время?

– А день так хорошо начинался, – продолжаю, не обращая внимания на подругу. – Я забрала конфеты раньше Эдика. А они шоколадные, с разными начинками. Французские, по моему.

– Алинка, успокойся, – пытается влезть в мои бредни Круглова.

– Может мне стоит написать завещание? Типа, завещаю спрятанную под кроватью коробку конфет своей тете Лизе, а новый мотоциклетный шлем в комод с вещами передайте Эдику и скажите, что бы он в следующий раз не разгонялся до 300.

– Могу ручку одолжить, – говорит голос.

– Спасибо, ногтем на двери нацарапаю, – отвечаю, машинально, а потом замолкаю. Погодите, это не Машка.

Поворачиваю голову на подругу, которая также как и я, застыла в ужасе. Здесь все время кто-то был? И слышал все, о чем мы говорили?

– Пожалуйста, скажи мне, что мне просто послышалось. У меня начались глюки на фоне паники, – умоляюще смотрю

на подругу.

– Я-то могу пообещать, но это ничего не изменит, – отвечает из темноты другой голос. Знакомый голос.

Стремительно, я бы даже сказала очень, до меня доходит, что я этот голос слышала. Совсем недавно. Не больше полу-часа назад.

– О нет, – шепчу, но в тишине комнаты мой шепот звучит, словно удар гонга. – Почему именно сюда?

– Это мы хотели бы спросить, – говорит третий голос из темноты. Они что, все здесь были?

– Вы в курсе, что это неприлично подслушивать чужие разговоры? – спрашиваю, повернувшись лицом к двери. Не смотри. В темноте ты их не видишь. Но если включат свет, тогда ты уже нихрена не скажешь. Опозоришься еще больше, чем уже есть.

– А у нас не было другого выхода после того, как вы влетели сюда, словно угорелые, – говорит последний, четвертый голос из темноты.

– У нас был весомый повод, – говорит Машка, стоя на месте, спиной к комнате.

– Кстати, мы так и не поняли, в чем прикол? – говорит вновь знакомый голос. Голос, который я сотни, нет тысячи, раз слушала в наушниках.

– Это долгая история, – говорю на выдохе.

– А у нас много времени, – отвечает другой, неизвестный мне голос. Ну, здесь одно из трех.

– А у нас нет, – говорит Машка.

– Может быть включить свет, вы нам все расскажете и мы сможем вам помочь? – спрашивает такой известный голос.

– НЕТ! – восклицаю, смотря в дверь. – Не надо!

– Поздно, – говорит тот же голос, и лампочка под потолком загорается светом. – Теперь можно и поговорить.

Страшась новой ожидающей нас участи, медленно разворачиваюсь лицом к комнате. Да, я не ошиблась.

Мы зашли в комнату где была группа «В огне» в полном составе.

Глава 13

Недавно темная комната приобрела множество красок. Серые обои с витиеватыми узорами. Паркетный пол в виде шахматной доски, кстати у меня дома в ванной такой же. Несколько небольших, для двух человек, диванчиков с черной кожи. Две небольших бара с выпивкой между ними. В углу стоят гитары, валяются микрофоны, барабанные палочки и прочее музыкальное оборудование. Но самым главным украшением этой комнаты являются четверо парней на этих самых диванах, спокойно пьющие виски в пузатых бокалах. Рейв сидит на диване, раскинув руки в стороны, не позволяя никому другому сесть рядом с ним. На втором диване, по правую руку от него, удобно вместились Фрост и Хоук. На третьем диване, во весь свой немаленький рост, со свисающими ногами с подлокотника, разместился Винд. И все они с любопытством смотрели на нас с Машкой, замерших, словно статуи на морозе, возле двери.

– Эмм, привет, – неловко вылетает из моего рта, за что сразу хочется себя ударить по губам. Крутое начало разговора лицом к лицу.

– Садитесь, – кивнул на диваны, точнее на оставшиеся места рядом с собой и Виндом, солист.

Нервно переглянувшись с подружкой, мы идем к диванам. Машка, как самая остроумная и быстрая, что очень удивляет

меня, беспардонно стряхнув ноги Винда с половины дивана, усаживается сама. Мне же подруга оставила почетное право сесть рядом с Рейвом. Она, что, не в курсе, что я сейчас либо грохнусь в обморок, либо начну визжать, как сумасшедшая. И то, это только от того, что я нахожусь с парнями «В огне» не просто в одном клубе, а в одной комнате. А сейчас еще и должна сидеть рядом с Рейвом – парнем которым я восхищаюсь. Его голосом, тем, что он и остальные делают с обыкновенными нотами и словами. Что я по-вашему должна делать, что бы вести себя в этой ситуации спокойно?

Но, делать нечего, Рейв не шевелиться, лишь немного подвигается в сторону, оставляя место для меня, но руки со спинки так и не убирает. Ничего, я вытерплю. Сажусь рядом, вся накалена до предела.

– Может, тебе налить? – с широкой усмешкой на лице и горящими золотыми вспышками в зеленых глазах, спрашивает Рейв, слегка наклонившись ко мне. Ну зачем ты это делаешь? Мой контроль не вечен. Я ведь и наброситься могу.

– Нет, спасибо. Я и так на пределе, – отвечаю, качая головой.

– Как хочешь, – пожав плечами отвечает солист, вновь откинувшись на спинку дивана.

Я не могу просто сидеть, сжавшись в комочек. В конце концов, он обычный человек. Да, звезда. Да, солист рок-группы, которую я обожаю уже третий год. Но он все равно человек. Обычный парень. Так что ничего преступного не

будет, если я немного расслаблюсь.

Выдохнув, откидываюсь на спинку, на мгновение ощущая соприкосновение своей шеи с рукой Рейва. Была бы бешеной фанаткой, никогда бы больше не мыла волосы и шею, желая оставить на себе ощущение руки парня.

– Ну так, рассказывайте, во что вы ввязались и причем здесь билеты на наш концерт? – саркастично выгнув бровь спрашивает с другого диванчика Хоук, переводя взгляд с меня на Машку.

– Рассказывай, – повернув голову, говорю подруге. – Потому что мне и самой интересно, как у твоей сестры оказались эти билеты?

– В общем, – начала девушка свой рассказ. – Вчера вечером Олька, моя старшая сестра, пришла домой едва ли не подпрыгивая до потолка от счастья. По всей квартире летели блестки, и она что-то бормотала о том, что скоро она переедет из этой халупы.

Вот это новости. То есть, это не просто случайно оказавшиеся у нее билеты. Ольке они и нужны были.

– И что дальше? – спрашивает Винд, видимо также заинтересовавшись историей моей подруги.

– Потом она пошла в свою комнату, где полвечера слушала Тейлор Свифт, – на последних ее словах мы с подругой немного кривляемся. Ну, не любим мы песни Тейлор Свифт. Это не противозаконно. – Спустя час у нее зазвенел телефон. Я точно не слышала о чем она там говорила. Но именно то-

гда она достала из сумки билеты, посмотрела на них, а затем выкинула в мусор у себя в комнате.

И у меня снова едва не случается инфаркт. Выбросить билеты на концерт «В огне» в мусор. Та на кол ее посадить нужно. И то, это будет слишком слабое наказание за такой поступок. Расстрел. И можно мне провести расстрельный приговор? Я даже знаю, где достать оружие.

– Ну, а я просто не могла упустить такую возможность. Билеты лежали в мусоре, и я не могла их там оставить. Когда сестра ушла на встречу со своими подружками, я зашла к ней в комнату и забрала билеты.

– После этого, – продолжаю за подругу, так как эту часть истории я уже знаю. – Машка позвонила мне, и сказала, что у нее есть билеты.

– И соответственно, вы собрались сегодня на концерт? – спрашивает Хоук, снова выгнув бровь.

– Конечно, – говорю так, будто это элементарно, а это так и есть. – Мы что, два с половиной года зря смотрели клипы и слушали песни?

– Два с половиной года? – удивляется Рейв.

– Да, – киваю. – В общем, все было нормально. Мы собирались; Маша приехала за мной на такси и мы приехали к клубу. Едва прорвались через кучу ночных бабочек дежурящих у входа. А потом прошли через дергающиеся под басы тела на танцполе. Ну, а дальше уже появились вы.

– Давай к самому интересному, – прерывает мой рассказ

Фрост.

– Хорошо, – вновь киваю. – Как только вы исчезли со сцены, двери клуба открылись и появилась Олька вместе со своей свитой, в гневе.

– Мы сразу поняли, – продолжает подруга. – Что она сегодня собиралась в клуб. И, кажется, именно в этот клуб. Ну, мы и сбежали от них. Забежали в первую попавшуюся дверь и... вот мы здесь.

– Это в общем-то и все, – завершаю наш рассказ, переглянувшись с Машкой взглядами. В ее глазах, также как и в моих, застыл страх.

– А о том, что у вас оказались билеты с пригласительным за кулисы, вы не знали? – спросил Хоук.

– Нет, не знали. Вы же слышали, я только здесь заметила, что на браслетах что-то написано.

– А до этого, я сильно билеты не рассматривала, – говорит подруга, пожав плечами.

– Ясно, – качая головой из стороны в сторону говорит Рейв, и от этого несколько черных прядей падают ему на лоб, вызывая у меня нестерпимое желание убрать их. – Вы сильно вляпались. Скажите еще спасибо, что билеты не именные.

– Спасибо, уже поблагодарили. Теперь находимся под угрозой смерти от разъяренной блондинки и не менее разъяренной шайки ее подружек, – говорю, повернув голову на солиста.

– Неужели вы настолько сильно боитесь каких-то блон-

ди? – с усмешкой на лице спрашивает барабанщик. – Ну подумаешь, помахают руками, немного пообзывают, и успокоятся.

На его реплику я едва не прыскаю от смеха. А Машка, со скептицизмом во взгляде, который так и говорит о том, что парень пересмотрел мелодрам, отвечает:

– Ты, извини за вопрос, когда в последний раз женскую драку видел? В сериале, судя по твоим словам?

– Только драку в грязи. Но, – парень поворачивается к остальным членам группы. – Они кажется, были профессиональными мастерами спорта.

– А знаешь, как все в реальности будет? – с чертиками в глазах, немного наклонившись вперед, спрашивает Машка. – Они налетят на нас, как стая гопников в переулке. Сначала уложат на лопатки, а затем будут бить ногами, пока не начнем харкать кровью.

– И не забудь про когти, которые они величают дорожным маникюром, – подсказываю подруге.

– А теперь, еще раз, подумай, и скажи, почему мы настолько боимся стаю разгневанных блондинок?

И тишина. Парни обдумывают слова моей подруги, а я надеюсь на то, что после этих слов они согласятся нам помочь. Потому что я без понятия, как нам отсюда выбраться, живыми. Может они проведут нас через запасной выход? Или у них тут есть секретный путь на этажи дома?

– Ладно, эта участь пострашнее, чем то, что обычно про-

исходит, – заключает Винд, цокнув языком, и прервав эту тишину.

– А что обычно происходит? – спрашиваю, выгнув бровь.

– Девушки, желая ободрать с кого-то из нас футболку или оторвать цепь со штанов, вырывают друг другу волосы и машут руками со словами «Держите меня! Держите! Не то я этой корове все патлы повырываю!».

– Дай угадаю, – у меня появляется идея, как все происходит дальше. – Она тупо стоит посреди зала и никто не решается к ней подойти. И тем более, держать.

– Точно, – подтверждает Фрост, задумчиво уставившись в пол с ухмылкой в уголках полных губ.

– И если то, о чем вы говорите, правда... – начинает Хоук, но Маша вновь его прерывает.

– Моя сестра два года назад вместе со своей шайкой настолько избили девушку, что она едва копыта не отбросила в больнице. Врачи говорили, что она родилась в рубашке.

– Ни за что? – спрашивает Винд, не скрывая своего удивления и шока. Те же эмоции отразились на лицах остальных парней. Даже на лице спокойного и безмятежного Рейва.

– Ну, для них за что. Олька тогда встречалась с одним старшекурсником. Имени не помню, да и его самого, в принципе, тоже. Но одна из ее подружек видела, как эта девушка, ну, которую они потом избили, обнималась с ним на улице, а потом он поцеловал ее в щеку.

– Ты лучше расскажи им о том, что это оказалась его

младшая сестра, которая приехала в город повидать брата, – рассказываю вместо подруги самое интересное.

– И, если вы думаете, что моей сестре было стыдно или она хотя бы сожалела, то нифига. Ей было плевать. Для нее факт остался фактом – ее парень обнимался на улице с другой девушкой. А то, кем она являлась для него, дело другое, и ее совершенно не касается.

– Хорошо, – прерывает мрачный рассказ Машки Рейв. – Мы поняли. Мы вам поможем выбраться отсюда.

Едва ли не прыгаю от счастья, что я буду жить. Я съем те конфеты, спрятанные сегодня по кровати. Я, вашу мать, поговорю с Сосновым. И сдам этот гребанный проект по экономике на пять.

Но в следующий момент я едва ли не сваливаюсь с дивана. Раздается стук в дверь и мужской крик «Охрана!».

Они нашли нас.

Глава 14

Все замерли, будто парализованные. Мы с Машкой от ужаса, что парни так и не смогли нам помочь выбраться отсюда. А парни, судя по всему, от неожиданности. Ведь так спокойно сидели, разговаривали, а тут раз, стук в дверь и крик «Охрана!».

В смятении я едва ли не начинаю метаться по дивану в поисках какого-нибудь выхода из этого положения. Ну все, сейчас охрана зайдет сюда, увидит нас с Машкой и выкинет отсюда, как вшивых котят. В лучшем случае, если до этого нас не перехватит Олька, или не будет поджидать вместе со своими подругами в ближайшем переулке.

– Что нам делать? – в панике поворачиваюсь к подруге. Она находится в таком же ужасе и смятении, что и я.

– У нас есть идея, – за всех парней отвечает сидящий рядом с моей подругой Винд.

Следующее, что происходит, приводит меня в ступор и шок. Потому что, как только входная дверь приоткрывается, я мгновенно оказываюсь в руках Рейва. Его лицо склоняется ко мне, а затем я чувствую его губы на своих. И это черт побери, заставляет меня в шоке застыть в его руках. Руки и ноги одеревенели и кажется, что если постучишь, то услышишь стук. А нет, мне не кажется. Стук есть. Он отдается у меня в ушах громкими ударами барабана – это мое сердце настоль-

ко сильно колотиться. И я даже не знаю от чего больше.

Все последующие мои мысли вылетают из головы под напором губ солиста. Если вначале это было просто прикосновение губ, то с каждым последующим мгновением он превращался в настоящий поцелуй. Борьба, сопротивление, захват. Нещадный танец страсти, отбирающий дыхание.

– Рейв, чувак, отпусти ее, – как сквозь воду, долетают до меня сказанные кем-то слова, возвращая меня с небес на землю.

– Весь кайф испортил, – на выдохе, отстранившись от меня, говорит Рейв, тут же отводя взгляд.

Это что еще за фокусы? Сам поцеловал, отправил на небеса, а потом морду воротит? Ну нет, я так не играю. Я еще даже от поцелуя не отошла, а он уже все впечатление портит своим поведением.

– Что это было? – озвучивает мои мысли Машка с другого дивана. Поворачиваю голову, все еще находясь в некой прострации от поцелуя с Рейвом, на подругу. И, что крайне удивительно, я удивлена тому, что вижу. Машка, моя дорогая лучшая подруга, которую без ее разрешения даже за руку подержать нельзя, сидела сейчас в полном ауте, едва дыша, с опухшими от поцелуя губами и затуманенными глазами. Рядом с ней сидит крайне довольный собой Винд, с усмешкой смотрящий на мою подругу. Видимо, Машку постигла та же участь, что и меня только что.

– Мы спасали вас от участи быть убитыми от рук бешеных

блондинок, – облизывая губы ответил Винд, с удовольствием поглядывая на Машку.

– Целуя нас? – спрашиваю, повернув голову на не менее довольного своим поступком, Рейва.

– Ты не успела увидеть, – отвечает Рейв, повернув на меня голову. – Но за спинами охранников, тех самых огромных амбалов со стволами за пазухой, стояли жестоко настроенные блондинка и кучка ее подружек.

– То есть таким образом вы спасали нас? – спрашиваю саркастично.

– Можно сказать и так, – уклончиво ответил солист, делая глоток виски из своего бокала. И где он его только взял? Минуту назад же не было.

– А другого выхода не было? – спрашивает Машка, очевидно, очнувшись от поцелуя гитариста.

– В данной ситуации, нет, – отвечает на вопрос подруги Винд. – Надо было действовать быстро.

– А кроме того, что бы поцеловать нас, вам в голову больше ничего не пришло? – спрашиваю, вновь обратившись к Рейву.

– Ладно, объясню более подробно, – говорит солист таким тоном, будто мы надоели ему со своими глупыми вопросами. – Обычно, когда к нам заходят что бы проверить нас...

– Что бывает довольно часто, – поддакивает своему солисту Хоук.

– Мы предпочитаем чем-то заниматься, иначе нас начи-

нают донимать песнями на бис и автографами.

– Что вы, конечно, делать не любите? – прерываю объяснения Рейва.

– Это не очень круто, – отвечает за солиста Фрост. – Потому что выйти оттуда живыми просто нереально. Когда выходишь играть на бис, зал уже сходит с ума, и ни за что не отпустит тебя со сцены живым и целым. А нам, знаете, наша одежда немного дорога.

– Почему? – удивляюсь, осматривая парней. На них, что вполне очевидно, весьма дорогая одежда. Но, черт, они звезды, они могут себе позволить в течение года каждый день покупать себе полный лук и их карманы от этого не сильно опустеют.

– Вы ни разу не видели, но такое бывает довольно часто. В последний раз, когда мы согласились выйти на бис, а потом раздать пару автографов, у нас вырвали несколько клочков волос, оторвали браслеты и пытались снять штаны.

Последнее упоминание про штаны немного веселит нас с Машкой. Переглянувшись, мы прыскает от смеха.

– Это только кажется довольно смешным, – продолжает за Фроста Хоук. – Но не тогда, когда вы выйдя оттуда выглядите так, будто вас пережевали и выплюнули. Не знаю, как другие звезды, но я манал так собой жертвовать. Я не чертов сувенирный магазин.

– Создайте себе неприкосновенность, – предлагает Машка.

– Тех девушек, которых вы видели в зале, какая-то бумажка о неприкосновенности не остановит, – отвечает сидящий рядом с ней Винд.

– Так что, мы предпочитаем делать вид, будто чем-то заняты. Играем, переодеваемся... – говорит Рейв.

– Или кто-то из нас специально бежит в другой коридор. Типа не все вместе, мы не выйдем, – продолжает за него Хук.

– Ну, или, – начинает Винд, чьи губы вновь расплзаются в предвкушающей ухмылке. – Предпочитаем быть занятыми с девушками. В таком случае, нас никто не имеет права трогать.

– Особенно, если занят Рейв, – подает голос Винд, с ухмылкой посмотрев на задумчивого солиста. На моих щеках невольно начинает появляться румянец. Слава Богу, что никто не оборачивается посмотреть на меня.

– Хорошо, – произношу на выдохе. – А теперь, если вы уж согласились, помогите нам, черт возьми!

– Хорошо, – примирительно подняв руки вверх говорит Фрост. – У меня есть идея.

– Интересно, какая же? – заинтересованно поворачивает голову на гитариста моя подруга.

– Мы все вместе выйдем через запасной выход, – начал рассказывать свой план Фрост.

– А что дальше? – спрашиваю, немного наклонившись вперед. – Мы поедем на такси и разбежимся, как в море ко-

рабли?

– Нет, – отрицает Фрост. – Затем, ты и твоя подруга, сядете с Рейвом и Виндом. Они отвезут вас по домам, перед этим немного пропетляв по городу.

– А почему нельзя просто провести нас через запасной выход, а затем отпустить? – задает вопрос, так и не слетевший с моих губ, Маша. Посмотрев на подругу, киваю, соглашаясь с ее вопросом.

– Потому что это будет выглядеть странно, – отвечает Хок. – Вы были вместе с нами, а затем просто уйдете домой. Так не получится. У людей будут вопросы. Что вы вышли с нами, а затем укатили в другую сторону.

– А если вы поедете с нами, – продолжает Винд. – То это будет значить, что вы отправитесь вместе с нами. Будет муляж для остальных, типа мы отправились в гостиницу.

– На самом же деле, вы отвезете нас домой, – предполагаю, повернув голову на солиста. Если я еду вместе с ним, значит хочу быть уверена, что доберусь домой целой и невредимой.

– Да, немного покружим по городу, а затем отвезем домой, – отвечает на мой вопрос брюнет, повернув на меня голову и пронизывая взглядом своих зелено-золотистых глаз.

– Тогда ладно, – удовлетворившись вышесказанным планом придуманным Фростом, говорит Машка. – Мы согласны.

– Тогда, давайте убираться отсюда, – поднявшись на ноги озвучивает Рейв.

Поднимаюсь на ноги, и становлюсь в сторону рядом с подругой, пока парни собирают свою аппаратуру, в виде гитар, накидывают курточки и допивают оставшийся виски в стеклянном графине.

– А теперь, девочки, – говорит Фрост торжественно, – на выход.

Винд подходит к Машке и что-то проговорив на ухо, берет за руку и они первые выходят из комнаты. Сама не замечая, как рядом со мной оказывается Рейв.

– Я возьму тебя за руку, – шепчет мне на ухо Рейв. По моему телу пробегают мурашки от ощущения его горячего дыхания на своей шее и губ возле своего уха.

– Зачем? – сама не знаю почему, шепчу в ответ.

– Нам надо создать видимость, что ты со мной, – говорит Рейв, а затем берет меня за руку. И как только наша кожа соприкасается друг с другом, по моему телу проносится электрический заряд.

Уже на выходе, когда комната полностью опустела, Рейв останавливается и поворачивается ко мне.

– Все будет хорошо, – говорит парень, и увидев, как я, с опасением, киваю, выводит меня за руку из комнаты, хлопнув за нашими спинами дверь.

Теперь осталось только выбраться отсюда.

Глава 15

Сердце готово в любой момент вырваться из груди. Воздуха катастрофически не хватает. Такое чувство, будто я в любой момент грохнусь в обморок. И только крепкая хватка ладони Рейва не позволяет мне поддаться этому чувству и потерять сознание.

Мы длинной прецессией с Виндом и Машкой в начале, и заканчивая мной с Рейвом в конце, идем через коридор, в противоположную сторону от того, откуда мы с Машкой прибежали. Точно не знаю, сколько мы идем, но мы поворачиваем направо, заходим в небольшой коридорчик практически без освещения, а затем останавливаемся перед совершенно обычными двойными серыми дверями.

– Это и есть запасной выход? – спрашиваю у Рейва, смотря, как Винд достает из внутреннего кармана кожанки ключ-карту и проводит ее по замку. Спустя мгновение дверь открывается и даже до меня долетает запах свежего ночного воздуха. Не запах, который окружал меня последние полтора часа – смесь духов, пота и алкоголя, а свежий с нотками прохлады и влажности, как после дождя. Словно выбравшись из горячего ада глотнуть холодного воздуха.

– А теперь разбегаемся по машинам, – говорит Фрост, оказавшись на улице. Винд закрывает за нашими спинами дверь, и только тогда я понимаю, что на улице рядом с выхо-

дом клуба стоят джип, спорткар и два байка.

– Пожалуйста, – шепчу Рейву, повернув на него умоляющие глаза. – Скажи мне, что ты едешь не на байке?

Весь мой вид так и умоляет о том, что бы это не оказалось правдой.

– Прости, – с видом «Прости, но другого выхода у тебя нет», отвечает солист, и ведет меня к черному гладкому спортивному байку.

Вот черт. Я ведь еще никогда не ездила на байке. Да, это звучит довольно странно, при том, что у меня дядя профессионально гоняет на байке. Но я никогда не любила скорость, а тем более риск при езде на этом двухколесном катафалке. А все из-за того, что на байке ваша гребанная жизнь зависит от маленького камешка на дороге. Как говорил один мой знакомый – «Камень – это твоя жизнь». И я абсолютно не готова к тому, что бы умереть из-за небольшого камня.

Сегодня, что, все настроены на то, что бы я все больше и больше желала остаться в живых? Сначала Олька с ее бандой пришедшие после концерта, а теперь и езда с Рейвом на байке.

– А, – обращаюсь к парню, перед этим облизнув сухие губы. – Сколько лет ты ездешь на байке?

– Четыре года, – незамедлительно отвечает солист, спокойно направляясь к черному железному коню.

– Вууух, – вырывается у меня изо рта выдох полный облегчения. Если он четыре года ездит на мотоцикле и до сих

пор жив, значит и я выживу в этой поездке.

– Итак, – доносится до меня голос Фроста. Останавливаюсь рядом с Рейвом, стоящим возле своего байка. – Рейв и Винд отвозят девочек домой, а я с Хоуком отправляемся на базу, где и будем вас, парни, ждать. Вы помните, что вам нужно делать?

– Немного пропетлять для вида, а затем отвезти их домой, – отвечает на вопрос гитариста за них обоих Рейв.

– Точно, – кивает в сторону солиста Фрост. – Вперед!

Это последнее, что говорит гитарист перед тем, как исчезнуть внутри огромного джипа. Хоук садится за руль спорткара и через секунду исчезает на дороге, оставив по себе только пыль и следы от колес.

– Ну что, колючка, – обращается к Машке Винд. – Показаемся?

– Если нет другого выхода, – безразлично пожимает плечами Машка. Но я-то вижу, как сжались ее кулаки. Нервничает. При этом умудряется не показывать своего страха гитаристу.

– Держи, – отрывает меня от разглядывания подруги сдившейся за спину Винда, голос Рейва.

Поворачиваю голову, обнаруживая рядом с собой солиста, протягивающего мне черный мотоциклетный шлем.

– Эмм, – невнятно бормочу, взяв в руки тяжелый шлем, не понимая, как именно его надевать. Точнее, я знаю, как это должно выглядеть в теории, но точно не на практике.

– Ты что, никогда на байке не ездила? – выгнув бровь спрашивает брюнет. Забрав у меня шлем и надев его мне на голову, закрепляет ремешок под подбородком.

– Нет, – отвечаю, чувствуя, что меня сейчас вырвет от нервозности сегодняшнего вечера. Слишком много всего.

– Успокойся, – положив ладони на плечи, пытается успокоить меня солист. – Все нормально. Довезу тебя живой и здоровой, окей?

– Окей, – киваю головой, смотря, как парень спокойно одевает шлем, перекинув ногу через корпус, садится на байк, а затем выставляет руку вперед в приглашающем жесте. Нерешительно протягиваю ладонь и вкладываю в его. Подойдя ближе, перекидываю ногу через сидение и сажусь позади солиста.

– Обхвати меня руками, – говорит Рейв перед тем, как с ходу завести мотоцикл. От испуга и рывка, с силой вцепляюсь в тело солиста, обхватив его и скрепив руки в замок у него на животе.

Сорвавшись с места, Рейв выезжает из-за угла, и едет по дороге, пока я прячу свое лицо на его плече, для надежности закрыв глаза.

Из-за любимого занятия, – той же работы, – я довольно часто за эти годы видела, как Эдика привозили его соперники на машине, а потом заносили нам в квартиру со сломанной ногой, рукой или челюстью. Честно, зрелище не из приятных. Или когда его привезли истекающего кровью, а на во-

прос, почему его нельзя отвезти в больницу, говорили, что он участвовал в незаконных гонках за городом. И если отвезти его в больницу начнутся вопросы, приедет полиция, и Эдика первым посадят за решетку. А у него, между прочим, была рваная рана на боку. Оказалось, что в незаконных гонках такие же способы удаления соперника с дороги. И вот, один из его соперников, видимо настолько сильно хотел победить, что достал из курточки нож и порезал нашего Эдика. Того, соответственно, повезли домой, где мы пытались остановить кровотечение, пока не вспомнили, что у нас медсестра Наташа живет на этаже. В общем, она тогда ему швы наложила без анестезии, заклеила пластырем и сказала, что в следующий раз зашивать никого не будет. Слава Богу, что Эдик после того случая зарекся когда-либо еще участвовать в закрытых незаконных гонках за городом.

– Где именно ты живешь? – вырывает меня из воспоминаний голос солиста. Подняв голову с плеча парня, поднимаю защитный экран шлема, осматриваясь вокруг. Ничего примечательного. Мы остановились в каком-то темном переулке. На заднем фоне слышно, как кричат какие-то парни, смех девушек и проклятия бабулек с первых этажей.

– А где мы? – спрашиваю, с трудом понимая, где именно мы находимся. С первого взгляда этот район кажется мне незнакомым.

– На Университете, – отвечает солист.

Так, если мы на Университете, значит, нам нужно развер-

нуться к Майдану и проехать по Сумской, до моста, а затем вдоль парка, и под мостом.

– Ты ведь знаешь город? – спрашиваю, немного наклоняясь к голове парня.

– Знаю, – подтверждает он кивком.

– На Гагарина.

Закрыв лицо защитным экраном, солист трогается с места. Крепче вцепляюсь в парня, ощущая твердые мышцы пресса под своими пальцами. Господи, спасибо за то, что на мне шлем и экран, и он не может видеть, как покраснели от смущения мои щеки.

– Ну, вот мы и на месте, – оповещает меня солист, тормозя в знакомом дворе. Я не решилась говорить ему какой именно дом мой, но и он решил не спрашивать.

– Спасибо, – благодарю парня, поднявшись с байка, и протягивая ему шлем.

– За что именно? – с усмешкой спрашивает Рейв. – За то что спас от жестоко настроенных блонди или за то, что живой доставил домой?

– За все.

– Тогда, не за что, – кивает парень. – Кстати, раз я тебя спас, плюс поцеловал, не скажешь мне свое имя?

– Зачем оно тебе? – вопросительно выгибаю бровь.

– Ну знаешь, со мной никогда не случалось такого, что бы девушка меня просила о помощи перед группой блондинок-гопников. Так что, когда буду вспоминать, хотелось бы

знать имя главной героини этой истории, а то «красивая девушка», как-то не очень звучит.

Усмехнувшись, еще раз осматриваю парня стоящего передо мной. Рейв – парень, которого боготворят многие девушки не только нашего города, но и всей страны. Да что там, во всей Европе, если не мире. И он хочет знать мое имя. Зачем? Что бы смеяться над этой историей? А может, что бы еще раз встретиться? Ведь он знает приблизительный мой адрес, а потом и имя.

При мысли о последнем, в груди начинает скапливаться тепло, вызывая невольную улыбку.

– Я Алина, – отвечаю, протянув ему руку.

– А я... – начинает парень, пожимая мою ладонь, но я его перебиваю:

– Я знаю, как тебя зовут.

– Да, знаешь, – задумчиво говорит Рейв, отпустив мою ладонь, а потом, без слов, заводит мотоцикл и уезжает.

Хм, что именно он имел в виду, собираясь говорить свое имя? Ведь я и так знаю, что его зовут Рейв. Точнее это все знают. Может быть он собирался сказать свое настоящее имя, а я его перебила? Та хотя нет, вряд ли. Что бы Рейв, скрывающий свою личность за десятью замками от всего мира, вдруг сказал какой-то девчонке, которую он спас от расправы от рук блондинок, свое настоящее имя? Это уже похоже на бред.

Пожав плечами, поднимаюсь в свой подъезд. Оказавшись

в квартире, тихо крадусь к своей комнате, а затем, скинув куртку, джинсы и лифчик падаю на кровать. Укрывшись, я проваливаюсь в царство Морфея. И перед этим у меня мелькает одна мысль:

Какой тяжелый сегодня вечер...

Глава 16

Проснувшись, к своему собственному удивлению, на рассвете, я тупо уставилась с собственным потолком рассуждая о том, что произошло вчера. А если я правильно все помню, вчера очень много чего произошло.

Итак, начнем не с самого захватывающего и увлекательного. У меня была первая встреча с Максимом. Которая прошла, не так уж плохо, как я думала. Оказалось, что он не такой уж и зануда и ботаник, как кажется на первый взгляд. Для меня вообще было шоком то, что он слушает рок. И как раз тех исполнителей, что слушаю я. Вначале я думала, что мне просто показалось, когда услышала у него на звонке Linkin Park. А на самом деле нет. Не показалось.

Вчера мы с Машкой были на концерте «В огне». Событие, которого я ждала все три года, что слушаю эту группу. И как всегда, нас ожидали проблемы. Точнее, проблемы немного опоздали на сам концерт и не смогли увидеть шикарное огненное шоу и услышать восхитительный голос Рейва. И явились эти самые проблемы в виде готовой рвать и метать Ольки и ее сумасшедших, повернутых на богатстве, всем розовом и блестящем, подружек. И появились они как раз в тот момент, когда парни «В огне» исчезли со сцены в облаке дыма.

Блин, испортить такой вечер, билетами на этот же кон-

церт. Такое могло произойти только с нами. А все из-за чего? Правильно, из-за самих билетов, взятых Машкой у ее сестры. Она же не знала, что даже выкинутые в мусорку билеты, нужны Ольке. Та и вообще, это на нее не похоже. Обычно старшая сестра моей подруги предпочитает слушать попсу и сопливые песни о любви и изменах. А тут у нее появились билеты на рок-концерт. Хотя, если учитывать, что она выкинула билеты с пропуском за кулисы, теперь понятно, почему она явилась под конец концерта с целью разделаться с нами.

И ну, самая последняя новость и самое знаменательное событие вчерашнего вечера. Мы с Машкой, убегая от ее сестры и ее группы поддержки, забежали в первое попавшееся помещение. Вследствие оказавшееся местом отдыха группы.

О Господи.

Они слышали все, что я говорила. Все о чем я думала. Твою кочерыжку. Ну почему все самое позорное всегда случается именно со мной?

Ладно, они не знают, кто я и откуда. Возможно, если я правильно помню, Маша только произносила мое имя, без фамилии. А значит, это как в небо пальцем попасть. Я ведь не одна Алина в городе. Значит, я больше их не увижу.

Твою ж дивизию...

Едва не падаю с кровати от осознания одной детали. Я была в одной комнате с парнями из группы. Сидела рядом с Рейвом. Черт побери, я даже целовалась с ним! Ездил с ним на мотоцикле! Держала его за руку! И даже автографа

не взяла! Ну как? Как я могла так... облажаться?

– Малявка? Ты встала? – спрашивает из-за двери уже бодрствующий голос Эдика, пока я положив подушку и прижав ее к лицу, пытаюсь заглушить крики горя и злости на собственную глупость.

– Нет, – отвечаю в подушку.

– Ну что, она встала? – спрашивает у Эдика голос Лизы. И она проснулась. Неужели еще не ушла?

– Что-то мычит, – отвечает тот. – Значит жива.

– Ох, Слава Богу.

Ага, Слава Богу, спасибо Лиза за сочувствие. Я сидела рядом со своей любимой группой, разговаривала с ними, и даже не взяла автограф или сделала селфи на память. Та мне медаль нужно дать – «Лузер года». Или статуэтку – «Люшара века». Сами решайте какую именно мне давать. Никогда раньше такого не было. Никто так не позорился. Так что, я по-любому буду победителем хоть в той рубрике, хоть в другой. Надо будет сказать Машке, что бы она записала нас обоих в свою книгу рекордов, как самых настоящих лузеров, сидевших рядом со своими кумирами, но так и не взявших их автографы. И даже не сделавших селфи. Конечно, я не огромный любитель селфи с губками уточкой, но черт, это же «В огне». Я бы этот снимок до конца жизни хранила, а потом у себя в завещании написала, что бы его похоронили вместе со мной. Но нет, я фото не сделала, так что хранить мне нечего. Разве что собственные воспоминания, которые

по-любому сотрутся под влиянием старческого склероза.

– Я все слышу! – кричу тем двоим, убирая подушку с лица.

– Неужели ты жива! – восклицает Эдик, открывая двери настежь и первым заходя в мою комнату. Позади него, взъерошенная и сонная Лиза неуклюже топчется, опустив голову.

Эдик все еще в пижаме, то есть в одних черных в белую клетку спальных штанах, которые мы с Лизой подарили ему на Новый год. Потому что до того, как ему их подарили, он предпочитал спать голым, а потом утром бродить в таком виде по квартире. Переехав к ним, я не ожидала в первое же утро, увидеть его в чем мать родила. Конечно, сразу стало видно, что помимо гонок и вечеринок он довольно часто посещает тренажерный зал. А также то, почему у него так много девушек и почему большинство его бывших хочет его вернуть спустя два месяца после разрыва. Но черт, это же Эдик – мой любимый и единственный дядя, который посещал меня каждую неделю в детстве и дарил подарки на День Рождение и Новый год. Когда я спросила потом у Лизы, почему он ходит по квартире голышом, она спросила меня, видела ли я его утром, и получив мой положительный ответ, помчалась в комнату к Эдику. Оттуда долго раздавались крики на тему того, что теперь, когда в их доме появился ребенок, то есть я, Эдик не может расхаживать по дому в neglige. Как оказалось, он отказывался спать в одежде. Ну, а потом мы с

Лизой решили, что если он не хочет покупать себе пижаму, мы ее ему подарим и у него не останется другого выхода, как носить ее. Хорошо, что мы оказались правы, и получив новые спальные штаны на Новый год, Эдик стал в них спать. Таким образом мы тогда спасли мою хрупкую детскую психику от созерцания по утрам голого Эдика.

И сейчас он стоит весь такой выпавшийся, с взъерошенными волосами и довольным видом. Тогда как Лиза стоит позади него с растрепанными волосами, сонно прикрытыми глазами, зевая и подергивая свою пижаму в виде легкой шелковой туники и небольших шортиков, выглядывающих из-под кружевного подола.

– Ну, как прошел концерт? – спрашивает Эдик, беспардонно усевшись на мою постель и откинувшись спиной на мои вытянутые ноги.

– Тебе про сам концерт рассказывать или про все остальное?

– А что, там было еще что-то еще интересное? Кроме «самого крутого в мире огненного шоу»? – сложив руки за головой спрашивает тот, визгливым голосом процитировав меня.

– Оу, было еще много чего интересного, – отвечаю, усмехаясь, вспоминая наш с Машкой побег.

– Я весь во внимании, – перевернувшись набок и облокотившись головой о локоть, говорит Эдик. Вы посмотрите на него, приготовился он слушать мой рассказ.

– Пойду чайник поставлю, мне скоро на работу, – отзыва-

ется Лиза из-за двери. – Ты же мне потом обязательно расскажешь чем закончился концерт твоих «В огне»? – спрашивает выглядывая из-за угла.

– Конечно, – отвечаю, улыбнувшись. Лиза спокойней реагирует на новую информацию, чем Эдик. В прошлый раз, когда я рассказывала им о своем первом поцелуе, Эдика едва удар не хватил, тогда как Лиза, просто пожала плечами. У Эдика просто по поводу меня развился родительский инстинкт – в любой ситуации защищать свое чадо. Он готов убить за мои слезы. Так что, предупреждение всем, кто когда-либо обидит меня. На моей стороне куча профессиональных гонщиков на байках и машинах, готовых переехать вас за одну мою слезинку. Зарубите себе на носу.

– Только долго не засиживайтесь, – вновь обращается к нам Лиза. – Эдик, у тебя встреча с твоими менеджерами через час, – говорит она Эдику, – а Алина...

– Алина будет отдыхать после концерта, – заканчиваю за нее.

– Конечно, – соглашается Лиза. – Ведите себя хорошо, – после чего отправляется на кухню.

– Хорошо, – отвечаем с Эдиком одновременно.

– Что именно тебе рассказывать? – поворачиваю голову на мужчину.

– Желательно, – растягивает он, – все.

– А не слишком жирно?

– Ни капельки, – ага, ни капельки.

– Тебе со всеми грязными подробностями?

– Особенно грязные подробности можно опустить, – он удобнее укладывается у меня на ногах.

– Отлично, – поднимаю подушку повыше, и откидываюсь на нее. – Все началось с того, что мы с Машкой подъехали к клубу...

Мой рассказ продолжался достаточно долго. Я не упустила ничего. Ни блондинки на входе в клуб. Ни огромного вышибалу Кира. Ни странного начала концерта. Ни грустной первой песни «Раскаяние». Ни исчезновения парней со сцены в конце выступления. Ни яростного появления Ольки и ее шайки. Ни нашей с Машкой попытки сбежать от них. Ни пустой на первый взгляд комнаты. Ни нашего близкого знакомства с парнями из группы. Я ничего не забыла. Разве что не упоминала о том, каким именно способом Рейв и Винд прятали нас от охранников и разъяренной Ольки.

– Ну вы даете, – едва сдерживая слезы от смеха говорит Эдик, утирая влагу в уголках глаз. – Только вы могли пойти на концерт и заработать неприятности на свои задницы.

– Задницы ты наши не трогай, если бы не Машка с ее билетами, – хмурюсь, сложив руки на груди. Может быть Эдику это и кажется смешным, а вот мне пока нет. Может быть лет через пять или десять, когда повзрослею и моя любовь к творчеству «В огне» исчезнет, я буду смеяться, вспоминая эту историю. Но не сейчас.

– Так получается, что Олечка, – Эдик, наверно, един-

ственный кто называет так Ольку. Это у меня она Олька или старшая сестра Машки или Живая блонди. Эдику, наверно, нравится ее так называть из-за, якобы, ангельского характера. Ты что, Олечка – настоящий ангелок, только крыльев и нимба над головой не хватает. Это он просто ее настоящую не видел, а не когда она ела наши английские конфеты, – подарок очередного Лизиного ухажера, – и пила турецкий чай, привезенный Эдиком с гонок в Турции. – Выкинула билеты с пропуском за кулисы в мусорку. Твоя соучастница забрала эти билеты, даже не увидев, что они с пропуском. А потом...

– А потом Олечке видимо понадобились выкинутые ее же руками билеты на концерт.

– Увидев, что их нет, как и твоей подруги, она отправилась в клуб.

– Верно, – киваю.

– Где хотела надрать вам задницы за то, что вы забрали билеты и пошли на концерт, – продолжает обрисовывать всю вчерашнюю ситуацию по моментам.

– Да, – мое терпение на исходе. – Если ты еще раз скажешь что-то про вчерашний концерт, я тебя задушю подушкой.

– Хорошо, – вновь широко улыбаясь отвечает Эдик, а потом, видимо снова вспомнив мой рассказ, начинает ржать.

– Все, – буквально выпихиваю его тушу со своей кровати ногами, пока он не падает на пол. – А теперь вали на свою встречу.

– Тебе повезло, малявка, что ты сегодня дома, – уже зна-

чительно успокоившись отвечает тот с пола. – Отдыхай, увидимся вечером.

Он идет к выходу, а затем останавливается перед дверями.

– Целовать в лобик не буду, вдруг реально задушишь, – говорит повернув ко мне голову, снова усмехаясь.

– Если ты ляпнешь про вчерашний концерт, точно задушу, – подтверждаю его мысль.

– Нет, ну просто, так облажаться могли только вы, – и снова принимается ржать. Не выдержав, я бросаю в него подушку, но он умудряется добежать до двери и захлопнуть ее. В итоге моя подушка падает на пол, а из коридора продолжает доноситься конский ржач Эдика.

В конце концов я решаю немного поваляться и отдохнуть. Как-никак, вчера у меня был довольно трудный вечер.

Глава 17

Когда за Эдиком захлопывается входная дверь, я уже несколько раз перевернулась с боку на бок, поправила одеяло и подушки. Да, когда ты просыпаешься раньше будильника, день длится очень долго. Но, Слава Богу, ко мне приходит спасение в виде вибрирующего телефона под кроватью с фотографией Машки на экране. Проснулась, героиня.

– Ну что, ты там жива? – доносится из динамиков сонный голос подруги. У меня выходной и мне слишком лень брать телефон в руки и держать его возле уха. Так что, я кладу телефон рядом со своей головой и включаю громкую связь.

– Я-то жива, а ты как? – спрашиваю, надеюсь на то, что она осталась невредимой после встречи со своей сестрой. Правда, я в этом очень сильно сомневаюсь.

– Та вроде нормально, только кажется будто в любой момент за мной может прийти смерть.

– А что, Олька так и не вернулась вчера домой? – может она отправилась выпить, а потом переночевала у своего очередного хахаля? Их у нее, как у самки черной вдовы. Целые колонии.

С внешностью и фигурой куклы Барби, для Ольки найти за один вечер нового парня, проще простого. Это нам, обычным смертным нужны свидания, встречи, цветы и конфеты. А ей стоит лишь пальцем щелкнуть и вот он, очередной пре-

тендент на пост молниеносно опустевшего кошелька.

– Удивительно, но нет. Я вообще думала, что когда вернусь домой, меня будет ждать алтарь для жертвоприношений.

– Ага, а потом голос из темноты – «Ты успела покаяться, Дездемона?», – усмехаюсь.

– Точно, – смеется Машка.

– Кстати, у тебя в книге рекордов появились новые рекордсмены, – надо все-таки рассказать Машке о том, как мы вчера, под страхом быть растерзанными новыми когтями ее сестры, глобально облажались.

– О чем ты?

Так и представляю, как она недоуменно выгибает бровь, не понимая о чем я говорю. Ну да, она ведь, возможно, так и не поняла, что мы совершили едва ли не самую большую глупость за всю нашу жизнь.

– Помнишь, мы вчера зашли в комнату, где были парни «В огне»?

– Помню, – подтверждает Машка. Подозреваю, что она и кивнула, для собственной уверенности.

– Помнишь, мы с ними говорили?

– Помню.

– Помнишь, они помогли нам выбраться из клуба?

– Помню.

– А помнишь, как мы брали автограф у них? – а вот и главный вопрос с подвохом.

– Пом... – начинает подруга с сомнением в голосе. – Вашу ж бабушку!!! – кричит она мне в трубку. Затем следует очень много неприличных слов, адресуемых нам обоим и нашему промаху. Думаю, что вдумываться в смысл этих слов не стоит для моего же собственного хрупкого психического здоровья.

– У меня реакция поспокойней была, – произношу после нескольких минут выслушивая матов с уст Марии Кругловой.

– Я не могу в это поверить. Мы были с ними в одной комнате. Сидели рядом. Бляха муха, та мы даже с ними домой уехали. И ты хочешь сказать, что мы так и не попросили у них автограф? – ааа, а про поцелуй не напомнила. Может, забыла? А может, думает, что я забыла? Хотя, я такое до конца жизни не забуду. Хотела автограф с Рейвом – получи поцелуй с ним.

– Совершенно верно. Я поняла это только сегодня утром.

– Твою мать, – устало говорит Машка. – То есть не твою мать, а вообще мать.

– Да я поняла, – на лице невольно появляется улыбка. Машка всегда такая забавная, когда расстроенная. Вот кого-то в такие моменты хочется пожалеть, обнять и успокоить, а над Машкой хочется поржать и, желательно, снять все это на камеру.

– И ведь больше не будет такой возможности, – продолжает нагнетать девушка. – Сомневаюсь вообще, что Терми-

натор меня теперь в свою комнату пустит.

– Ага, а еще запретит в мусорку заглядывать.

– Точно, а то вдруг я там очередные билеты искать буду, – усмехается Машка.

Судя по упоминанию Терминатора в нашем разговоре, у Ольки появилось новое прозвище. Боже, если постараться вспомнить ее вид, когда она зашла в клуб с намерением нас прикончить, ей даже Шварценеггер будет завидовать за настолько устрашающий вид боевой машины для убийств. И ей даже автомат в руках не нужен. Огромные острые когти страшнее будут.

– А что ты собираешься делать, когда она вернется домой?

– Надеюсь, что она уже забудет об этом.

На месте Машки я бы на такое не надеялась. Потому что на месте Ольки, просто билеты я бы еще забыла. Но вот билеты с пропуском за кулисы – никогда в жизни.

– Я буду за тебя молиться, – говорю, думая о том, что я этого никогда не делала. Я, конечно, не атеист, и ходила в церковь на Пасху вместе с Лизой и Эдиком. Но раньше никогда не молилась. Только молитву в школе учила наизусть. И то, точно уже не помню.

– Знаешь, ты нихрена не помогаешь.

– Ну, чем я еще могу тебе помочь? – пожимаю плечами. Слава Богу, что Олька не моя сестра. Я бы точно до утра не дожила.

– Слушай, – начинает подруга таким голосом, каким

обычно рассказывают коварные планы. – А приезжай ко мне?

– Что бы твоя сестра вернувшись джек-пот получила в виде нас обеих? – Машка обычно придумывает отличные планы по спасению, но точно не в этот раз. Это худший план за всю историю человечества. Олька придет домой, а там мы, преподнесены ей на блюдечке. Не Дай Бог на кухне рядом с ножами оказаться.

– А мы в комнате закроемся и никого не пустим, – предлагает Машка.

– Нет, – я совершенно не согласна с ее планом. – Что мы по-твоему будем делать у тебя в комнате?

– Ну...

– У меня есть идея получше, – меня как будто током долбанула эта идея, что я села на кровати. – Приезжай лучше ты ко мне. У меня дома никого нет.

– Алин... – устало клянчит Маша.

А сейчас железный аргумент.

– У меня под кроватью новая коробочка конфет лежит.

– Так чего ты молчала?! – восклицает подруга, а затем на том конце трубки начинается какая-то возня, проклятия насчет дебильной ножки кровати и дурацкого одеяла. Телефон куда-то падает, и непонятный шорох. Машка опять поспешно пытаясь выбраться из кровати ударилась об ножку, запуталась в одеяле и упустила телефон. Все как всегда.

– Я скоро буду, – спустя минуту говорит Машка, судя по

всему дотянувшись до своего телефона. – Доставай конфеты.
– Обязательно, – отвечаю усмехаясь и отключаюсь.

Теперь осталось ее дожидаться и, возможно, все-таки выбраться из-под одеяла и привести себя в порядок. Машка меня, конечно, в любом образе видела, но самой не нравится сидеть с вороньим гнездом на голове, размазанным макияжем на лице и запахом изо рта.

Оказавшись в ванной, я едва ли не кричу от ужаса, увидев собственное отражение в зеркале. Я все-таки оказалась права насчет макияжа. Я должна была проехать по городу на огромной скорости без шлема, под ливнем, что бы на моем лице появилось то, что я вижу сейчас в зеркале. Огромные круги туши и теней вокруг глаз. Размазанная во все стороны помада. Всклоченные волосы, торчащие во все стороны. Слишком бледный цвет лица. Я будто вернулась после громкой пьянки, а придя домой забыла смыть макияж. Хотя, вчерашние приключения вряд ли можно назвать пьянкой, скорее кросс плюс квест «Спастись от группы злых блонди».

Закончив приводить себя в порядок, подхожу к шкафу и выуживаю оттуда серые спортивные штаны и красную майку. Влажные волосы оставляю распущенными. И как раз в этот момент раздается звонок дверь.

Вот у всех обычных людей звонок как звонок, а у нас вместо него предсмертный крик банши. Нет, реально, у нас вместо звонка, режущий барабанные перепонки, женский крик. Это Эдик решил пошутить над всеми нашими соседями. Ко-

роче, в соседней квартире, до того как у нас на звонке стал этот крик, был точно такой же, звук. И когда к ним звонили в дверь, а это было каждый день по нескольку раз, этот звонок раздавался и у нас. Эдик думал, что это к нему приходили и бежал открывать дверь. А потом стоял, как дурак, в открытой двери, смотря, как в соседней квартире исчезают высокие каблуки туфель, по его словам. Позже оказалось, что электрики, при установке новых звонков нам и соседям, направили звук в обе квартиры. То есть, когда звонят в одну квартиру, внутри звук раздается у обоих. И вот, в один день моему дорогому и любимому дяде это надоело. Он поехал и заказал «особенный звонок на дверь». Приехав вечером, он отсоединил звонок соседей от нашего и оставил нам новый. А потом, им назло, он включил наш любимый рок на всю громкость и ждал, пока соседям надоест его слушать и они станут звонить нам в дверь. Спустя полчаса, Эдик уже думал выключить музыку и делать что-то другое, что бы вынудить соседей выбраться с их берлоги и позвонить нам в дверь. С горем пополам, но он дождался этого момента. Как раз тогда, когда ему самому надоело слушать музыку, и зазвонил наш будильник. Тогда я еще не знала, что за звук теперь у нас стоит. Как и Лиза. В общем, услышав звонок, тот самый крик, как из фильма ужасов, Лиза перевернула чашку с кофе на свои рисунки, я, от шока и ужаса, упала вместе с креслом, а Эдик стоял и ржал.

А там, с этим звонком была одна фишка. Он реагировал

на тепло. То есть, когда ты нажимаешь на звонок, а потом отпускаешь, крик не прекращается. И не прекратиться, пока ты достаточно далеко не отойдешь, что бы звонок не чувствовал тепла человеческого тела. Мне и Лизе, Эдик рассказал потом об этом. Но соседи-то не знали. Мы потом наперегонки бежали к двери, что бы в глазок увидеть, что же там происходит.

Нашими соседями были милая молодая супружеская пара. Такой она казалась на первый взгляд. Вы что, там же была любовь до гроба. Но, как только, за мужем закрывалась дверь и он уезжал в командировку, возле двери появлялся другой мужчина, в костюме немного дороже, побольше букет в руках и золотые коронки в зубах. Любовник. Точнее один из них. Мы с Эдиком даже вели свой счет сколько их. Пока потом, уже жена не уехала в командировку и у двери не появилась молоденька девушка, наверно одного со мной возраста, в маленькой юбке, похожей на пояс, и короткой рубашке едва прикрывающей ребра. Я думала, что там только муж рогатым ходит, а оказалось еще и жена.

Так вот, когда они позвонили нам в звонок и услышали крик банши, жена упала в обморок, а у мужчины частично поседел волосы. И хоть мужчина и отпустил звонок, крик продолжался еще, по крайней мере, около пяти минут, пока с других квартир не начали выбираться жильцы. Мы же в то время втроем ржали на полу возле двери, до сих пор не отойдя от выражения лиц нашей дорогой изменчивой су-

пужеской пары.

Ну, а закончилась эта история тем, что соседи вызвали полицию, считая, что у нас дома кого-то убивают. Бабушки тогда еще не отошли от Эдика в роли смерти, и говорили, что мы устроили дома жертвоприношения, а это кричит убиваемая нами девственница. А когда приехала полиция, нам еще долго пришлось объяснять им и всем жильцам на площадке, что это входной звонок, а не умирающая девственница. Менты даже заходили к нам в квартиру, решили обыскать и проверить, правду мы говорим или нет. На это они решились после криков бабулек о том, что мы сектанты и, что они сами, своими глазами видели, как к нам в квартиру заходила смерть. Это они про Эдика в роли гота. Осмотрев нашу квартиру и не обнаружив ни алтаря, ни свечей, ни крестов и древних фолиантов по черной магии, менты ушли, а соседи разбрелись по своим квартирам.

С тех пор никто из наших соседей ни разу не звонил нам в дверь. Только стучали. Используют звонок в нашем случае только бывшие Эдика, ухажеры Лизы и моя Машка. Только если бывшие и ухажеры звонят по незнанию, то Машка намеренно, что бы побесить соседей. Кстати, та супружеская пара после того случая со звонком, больше не изменяла друг другу, это я вам, как человек наблюдавший за ними вместе с Эдиком, говорю.

И вот, даже сейчас она не удержалась, что бы не позвонить в дверь и не напугать всех на площадке.

– Я так и знала, что услышав про конфеты, ты примчишься быстрее реактивного самолета, – говорю, открывая подружке дверь.

– Конечно, я же как ваш Эдик, конфеты – это смысл жизни, – улыбаясь, ответила живая и невредимая Машка.

– Ну, проходи, – улыбаюсь, пропуская ее в квартиру.

Глава 18

Прислоняюсь спиной к стене, сложив руки на груди и наблюдая за подругой, скидывающей джинсовую куртку и ботинки на толстой рифленой подошве. Чем-то они мне армейские напоминают. Некий стиль кежуал или, возможно, милитари. Черт, и с каких это пор я разбираюсь в моде? Моя мода, такая же, как и у Машки – «мне плевать на ваше мнение, я ношу то, что хочу». Или все зависит от настроения.

– Ей, Розанова, – зовет меня Машка. Поворачиваю голову, смотря на растерянную брюнетку. – Что с тобой?

– Ничего, – пожимаю плечами, отводя взгляд от нее.

– Ты десять минут пялилась на мои ботинки, не моргая. И после этого говоришь, «Ничего»?

– Я не пялилась, а думала.

– О чем же? – Машка поднимается на ноги, сложив руки на груди.

– Ты помнишь, что помимо того, что мы с тобой не взяли автограф у парней, было кое-что еще.

– Что кое-что еще? – в голосе подруги появилась ирония, наигранная, конечно. Кто-кто, а она точно помнит, что помимо этого было что-то еще.

– Тебе напомнить? – выгибаю бровь, повернув на нее голову. Машка тут же немного стусевалась. Она как никто другой знает, что если я хочу что-то напомнить, то я это на-

помню. Ну, конечно, если это не появляется при неловком разговоре с парнем. Почему неловком? Потому что у меня каждый разговор с парнями неловкий. Единственный представитель мужского пола, с которым я нормально общаюсь – это Эдик. Вчера с Рейвом не считается, так как у меня в организме бурлил адреналин, и я сама не понимала, что делала. И с Максом, кстати, тоже. Не знаю, но рядом с ним было, по крайней мере, спокойно. Словно с братом разговариваешь. Или старым другом.

– Ладно, – в жесте поражения, поднимает Машка руки вверх. – Не надо озвучивать это, я и так помню.

– Хорошо, что помнишь. Будет о чем поговорить. А теперь, пошли смотреть телек.

И не услышав ничего в ответ, разворачиваюсь и иду в гостиную. Наверно, единственная комната, которую я сама не до конца изучила. Меня можно найти лишь в двух местах – моя комната и кухня. В своей комнате я провожу большую часть времени: читаю, слушаю музыку, играю на компьютере, делаю уроки, смотрю новые и старые клипы «В огне». Ну, а на кухне я обычно ем. И иногда такое бывает по нескольку раз на дню. Это в те дни, когда Эдик первым забирает конфеты, а потом балует меня и Лизу охренительно вкусными десертами и блюдами.

Так вот, посмотрев на нашу гостиную, никто не скажет, что здесь живут один гонщик-тусовщик, одна художница и одна студентка с любовью к року. Самая обычная гостиная,

какая может быть. Светлые обои с вензелями на стенах, светлый потолок и темный паркет-елочка. Темно-синий мягкий диван и два таких же кресла. Стекланный журнальный столик с несколькими совершенно разными по темам журналами: мотоциклы и гонки, архитектура и искусство, музыка и светская жизнь. Где же, как не в последних журналах я узнаю новости из жизни моих любимых групп и, не менее, любимых солистов. Напротив дивана огромная плазма, прикрепленная к стене. Под ней домашний кинотеатр и две небольшие тумбочки по сторонам, где хранятся разного вида безделушки.

– Судя по тому, что ты упомянула про конфеты, на кухне нет очередных капкейков или, может быть, брауни? – Маша, одна из тех людей, кто в курсе о такой необычной черте нашей семьи. И зная это, не удивительно, что в гостях у меня она бывает довольно часто.

– Нет, нету. Может быть что-то и есть, я не была на кухне с тех пор, как проснулась, – отвечаю, садясь рядом с ней на диван, и разрывая прозрачную упаковку на коробке с конфетами.

– Тогда я пойду и найду, чем нам запить эти конфеты, – поднимается Машка и исчезает на кухне, пока я полностью открываю упаковку, и, расположив ее на столике, включаю телевизор.

– А что мы будем смотреть!?! – кричу Машке, слыша, как она открывает шкафчики, холодильник, и, кажется, даже ду-

ховку.

– Включи музыкальный, а там посмотрим! – отвечает подруга, появляясь на пороге гостиной с двумя чашками в одной руке и бутылкой колы в другой.

– Ок, – соглашаюсь, пожав плечами. Усаживаюсь на диване поудобней, поджав под себя ноги.

– Ну что? – спрашивает Машка, смотря на меня горящими от любопытства глазами.

– Ты о чем? – на моем лице появляется недоумение.

– Как это о чем? Я про поцелуй, конечно.

– Не понимаю о чем ты, – теперь пришла моя очередь строить из себя святую невинность, не понимающую о чем она говорит. Тянусь вперед, и беру конфету из коробки.

– Все ты понимаешь. Сама завела эту тему, а теперь отмалчивается, – Машка вручает мне чашку с ленивым котом на боку, а себе берет с надписью «Я – принцесса» и огромной розовой диадемой. Без понятия, откуда у нас эта чашка. Кота я подарила Лизе на День художника, то есть на ее именины. Она не любит это слово и предпочитает говорить, что это Всемирный День Художников. А вот чашку с «Я – принцесса», я не видела. Может Лизе подарили на какой-то праздник коллеги или знакомые? Сомневаюсь, что чашку с такими словами подарили Эдику, это даже звучит смешно.

– Ничего я не отмалчиваюсь, – отмахиваюсь от подруги, отпивая немного напитка.

– Отмалчиваешься, – возражает девушка, с громким сту-

ком поставив чашку на столик.

– Нет.

– Да.

– Нет.

– Да, я тебе говорю, – я так и знала, что первой терпение закончится именно у Машки. Несмотря на то, что у нее есть старшая сестра и должен быть опыт в спорах, на самом деле, его нет. В отличие от меня. В моем случае, спасибо Лизе и Эдику с их спорами о том, кто будет мыть посуду или выбрасывать мусор. В последний раз проиграл Эдик, из-за того, что ему нужно было на свидание. И из квартиры ему пришлось выходить вместе с букетом цветов в одной руке и пакетом мусора в другой.

– Прекрати вспоминать об этом, – надо переключить ее внимание на что-то другое.

– Ну уж нет, – Машка решительно настроена добиться от меня ответа. – Ты целовалась с Рейвом. С гребанным Рейвом – солистом «В огне»! А теперь хочешь смолчать о том, как он целуется?

– Ни о чем я не хочу смолчать. Просто не о чем говорить, – при одном воспоминании о том поцелуе у меня начинают гореть губы, а лицо вспыхивает румянцем.

– Ха, ты покраснела, – замечает подруга, откинувшись на подлокотник дивана и указывая на меня пальцем, измазанным в шоколаде. – Понравилось?

В ее голосе появились игривые нотки вместе с предвку-

шением и озорством в глазах.

– Я не буду тебе об этом говорить.

– Еще как будешь.

– Не буду.

– Будешь.

– Не буду.

– Будешь! – вновь оказывается Машка на грани собственного терпения, выкрикивая и ударив кулаком по обивке дивана. – А я тебе расскажу, как это было с Виндом.

– Предлагаешь бартер? – выгибаю бровь, смотря на девушку.

– Конечно, – всплескивает она руками с таким выражением лица, будто я задала самый тупой вопрос и у него самый элементарный ответ. – Если ты просто так, из жалости к моим нервам и терпению, не хочешь рассказывать мне о том поцелуе, то хоть так может...?

И спокойно пожимает плечами.

– Да ничего там такого не было. Обычный поцелуй.

– Ты целовалась с солистом группы, которого мечтает поцеловать каждая девушка, когда-либо видевшая его фото или слушавшая его голос. А ты говоришь, что это обычный поцелуй?! – судя по иронично-ошарашенному лицу подружки, она мне не поверила.

– Хорошо, это был обычный поцелуй с солистом группы, с которым мечтает поцеловаться каждая девушка. Теперь ты довольна? – хоть я и допытывалась у Машки о том, что она

целовалась с Виндом, сама не хочу говорить о том, как это было с Рейвом. Как говориться, за что боролись, на то и напоролись.

– Та твою мать! – взрывается Мария, смотря на меня гневным взглядом. – Прекрати увливать и просто скажи, как это было! Я видела твое выражение лица, когда он отодвинулся от тебя. Ты была в шоке и прострации.

– Да, была, – я умею держаться только первые пятнадцать минут, а не когда меня терроризируют целых полчаса. – Потому что меня еще никогда так не целовали! Черт, это был лучший поцелуй в моей жизни! Довольна?!

– Довольна, – на лице Машки появилась широкая ухмылка, а глаза сверкали торжеством. И не скажешь, что всего секунду назад она готова была взорваться от негодования.

– Ну, раз у нас бартер, тогда я тебя внимательно слушаю, – смотрю выжидательно на нее, откинувшись на спинку дивана и сложив руки на груди.

– А о чем тут говорить, я едва сознание не потеряла, – пожалала она плечами, а на лице появилось безразличие.

– И это все?

– Ну, что я еще могу сказать? Ты сама знаешь, я много с кем встречалась и много целовалась, соответственно. Но, черт, этот поцелуй я запомню на всю жизнь. Никогда такого со мной не было, – Машка была настолько занята своими воспоминаниями о том поцелуе, что сама не заметила, как откинула голову на спинку дивана и закрыла глаза. – У меня

было такое чувство, будто он был рожден для того, что бы целоваться.

– Хватит! – останавливаю подругу взмахом руки и трясую ее за плечо. – Вернись в настоящее. Я понимаю, что тебе понравилось, но мне-то необязательно знать обо всех подробностях.

– В отличие от тебя, моя дорогая подруга, мне не стыдно говорить о том, что мне понравился поцелуй.

– Мне не стыдно, просто я не люблю об этом говорить.

– Я знаю, но все равно. Ты целовалась с Рейвом, а это уже нечто большее чем просто автограф и селфи с ним.

– И что, мне теперь не умываться или лицо не трогать? – я же не настолько безумна фанатка, что бы после прикосновения своего кумира не мыть свое тело или лицо.

– Я не об этом, – пытается объясниться Машка. – Просто, черт, я сейчас жалею о том, что не села рядом с ним, а оставила это место тебе.

– Кстати, если ты заикнулась об этом, почему ты села рядом с Виндом, а не Рейвом? Я думала, что когда первая помчалась к ним, ты сядешь с солистом.

– Я хотела, но... – начала подруга, внезапно остановившись. – Просто захотела сесть рядом с Виндом. Не обращай внимания.

– Если не хочешь, не говори, – пытаюсь отмахнуться, сделать вид, будто меня это больше не волнует. Но, нифига подобного. Теперь меня долгое время будет грызть вопрос, по-

чему она не села рядом с Рейвом, а отправилась к Винду. И так до того момента, пока она не скажет мне причину изменения своего решения.

– Ладно, если мы закончили тему с поцелуями, давай поговорим лучше о том, что было на встрече с Самойловым.

Глава 19

– А что говорить о встрече? Практически ничего интересного не произошло, – отводя взгляд в сторону, пожимаю плечами. Почему-то мне не хотелось рассказывать Машке о том, что произошло на встрече с Максимом. Даже если там действительно ничего такого не произошло.

– Он реально оказался таким занудой, как кажется? – спрашивает Маша, смотря на меня с детским ожиданием. Вот такая штука получается. Для нее одинаково интересны подробности, что моего поцелуя с Рейвом, что моей встречи с Максом.

– Ты даже себе не представляешь, – не хочу ее в этом убеждать. Эти встречи с Максом, пусть и для проекта по экономике, но они будут только моими. Подробности о том, что будет на них происходить, никто не будет знать.

– Ха, не повезло тебе, подруга, – усмехается брюнетка, откидываясь спиной на подлокотник дивана.

– А о чем ты расскажешь? Как прошла встреча с Сосновым? Или вы еще не виделись?

С этим концертом, приключением в клубе, встречами с Максом и разговорами, я совсем забыла про Соснова. А ведь так его любила. Точнее, он так мне нравился. Нет, он и сейчас мне нравится. Просто слишком много проблем и забот навалилось на меня за эти два дня.

– Та никак, – пожимает она плечами. – Скажу тебе честно, ты должна радоваться тому, что тебе не достался Соснов.

– Интересно, почему? Почему я не должна радоваться встречам и работе с парнем, который мне нравится? – на секунду я позволила в голосе проскользнуть ноткам подозрения и злости.

– Потому что он тупой, как пробка! – гневно выкрикнула Машка, стреляя глазами молнии. На мгновение я опешила от реакции подруги, полностью игнорируя содержимое ее речи. – Я чуть не начала умолять официанта убрать все острые предметы со стола. Если бы еще раз он задал мне тупой элементарный вопрос, я бы зарезала его зубочистками. И с огромным удовольствием бы слушала его крики боли, пока втыкала каждую из них ему в лицо.

– Но, Маш, подожди, он вроде бы отличник по экономике? Как он может задавать тупые вопросы? Может он над тобой издевался?

– Ни хрена! – продолжает она гневную тираду. – Притворяться настолько тупым невозможно три гребанных часа. Да я, по сравнению с ним, Эйнштейн! Мне Нобелевскую премию должны дать, за терпение.

– За терпение не дают Нобеля, – поправляю ее.

– Мне по барабану! – ее кричащий настрой никак не прекращается. – Мне бы дали. Та там у любого магистра наук после получаса общения с этим идиотом, появились бы мысли о его убийстве. И заметь, весьма жестоком и медленном.

Я озвучила тебе только самый невинный вариант, который возник у меня на пятой минуте разговора. Скажи мне спасибо, что я берегу твою хрупкую детскую психику.

– Спасибо огромное, но я все равно не понимаю, как у него могут быть пятерки по экономике? Если он действительно ничего не знает.

– А тут все просто. Ты ведь у нас слепая, с глазами в розовых очках. Не видишь, что твой Соснов совсем не такой идеальный, как тебе кажется.

– Маша... – устало протягиваю, смотря на подругу. У нее и так фильтр речи отсутствует, а когда она на взводе, так вообще не стесняется в выражениях. Иногда даже маты проskalзьывают.

– Прости, – виновато говорит Маша, опустив на мгновение голову. Но не проходит и секунды, как ее воинственный настрой все крушить и всех убивать, возвращается назад. – Ты не хочешь этого видеть, или реально не видишь. Но твой Соснов, племянник Геннадиевича.

– ЧТО? – этого не может быть. – Ты шутишь?

– Естественно шучу, – вскидывает она вверх руки. – Мне делать нечего придумывать разные приколы о том, кто чей сын, внук, правнук и племянник. Вот решила до твоего Соснова с Геннадиевичем добраться. А-то скучно живется, все чьи-то дети, внуки и крестники, а эти нет. Не порядок.

– Машка, – смотрю на девушку из-под бровей, как бы говоря, что слишком много сарказма.

– Прости еще раз, – ее пыл немного поутихнул. – Просто ты реально задаешь тупые вопросы. А у меня, после встречи с твоим Сосновым, лимит ответов на тупые вопросы закончился.

– А откуда ты это знаешь?

– Помнишь, ты пошла одна в столовую, а я сказала, что сейчас приду?

– Помню, – киваю, было такое.

– Так вот, я тогда тетрадь в кабинете экономики забыла. Ну, думаю, зайду и заберу, пока никого нет. А там Геннадиевич с Сосновым разговаривает. Геннадиевич ему что-то трындел о том, что он уже не может его вытягивать, типа надо браться за голову, а то он его отцу обо всем расскажет и плакал тогда его университет, пойдет в армию.

– А дальше что было? – схватив диванную подушку, прижимаю ее к себе, пальцами начиная теревить оборки по бокам. Ну реально интересно, что было дальше.

– Короче, а Соснов ему что-то мямлил; я даже не расслышала толком. А потом такой: «Дядя, ну раньше же вытягивал, вытянешь и сейчас. Ты же, типа, не хочешь, что бы папа узнал, что деньги, которые он дал тебе на ремонт, ты на любовницу спустил?», и так гаденько ухмылялся в конце.

– Ничего себе, – шепчу ошарашенно, устало откинувшись боком на спинку дивана.

– Так что, оказался твой Соснов не принцем на белом коне, а обыкновенным шакалом. Морда красивая, а сам, обыч-

ный жулик и шантажист, – заключила подруга, схватив с коробки сразу несколько конфет. – Что? Не смотри на меня так. Твой Соснов мне все нервы испортил. У меня на следующую встречу с ним никаких нервных клеток не осталось. А как ты знаешь, они не восстанавливаются.

– Та ты ешь на здоровье, восстанавливайся, – отвечаю, прикрывая глаза.

– А ты чего расстроенная? – замечает Машка. – Ты это, не обижайся, что я на тебя так это все вылила. Просто сил нет, все держать в себе. Надо кому-то выговориться. А кроме тебя, у меня никого нет.

– Та ничего, просто до сих пор не верится. Он мне казался таким хорошим, обходительным.

– На расстоянии любой шакал львом кажется. А подойдешь ближе... – она не договаривает, но я и так все понимаю. Берет с коробки еще одну горсть конфет, запихивает их все в рот и запивает колой.

– Ты не подавишься? – замечаю, приоткрыв один глаз.

– Нитт, – жуя, отвечает подруга. Подозреваю, это значит «нет».

Странно, обычно, когда я узнавала правду о парнях, которые мне нравились, я отказывалась верить словам Машки. Мне казалось, будто она специально пытается очернить их в моих глазах. Пока сама не убедилась в том, что я выбираю не тех парней.

Помню, несколько лет назад, нравился мне один парень.

Как раз последний год старшей школы, скоро выпускной бал. И, соответственно, нужна пара. А Никита, так его звали, учился вместе с нами в одном классе. За ним с первого класса все девчонки бегали – и старшие, и младшие, и наши. Только мы с Машкой держались в стороне. Я, потому что была слишком стеснительна и боялась лишнее слово вслух сказать. А Машка... ей просто было плевать на парней. У нее тогда наступила пора полного пофигизма по отношению к представителям противоположного пола. Если к ней кто-то подходил с вопросом, советом или просьбой, после ее ответов он летел сломя голову, только пятки сверкали. И вот, однажды, когда я осталась дома – заболела на свою голову ангиной посреди весны, – к Машке подошел Никита, и попросил передать мне приглашение от него на выпускной. Ох, как я прыгала от счастья, когда Маша пришла ко мне после школы и вручила тот белый конверт с золотыми вензелями по бокам и красной печатью на обороте. То приглашение, словно вырвалось со страниц исторического романа, где очаровательный принц вручает обычной девушке такое же приглашение, что бы составить ему пару на балу и, вместе с ним, станцевать первый, в своей жизни, танец.

Я тогда с таким чувством эйфории и счастья выбирала себе выпускное платье, прическу, туфли и макияж, что совсем не замечала ничего вокруг. А когда наступил вечер выпускного, я поехала вместе с Эдиком на спортивной машине, которую он одолжил у своего друга, так как его машина то-

гда находилась в ремонте после последних гонок. Он тогда неудачно вошел в поворот и повредил бок машины о дерево. Эдик тогда угрожал всем, что ночью придет и спилает это дерево к чертям собачим.

Так вот, я шла по коридорам школы, и представляла, будто это замок, а в торжественном зале (на самом деле в спортзале), меня ждет мой прекрасный принц, ожидающий того момента, как я войду и мы станцуем свой первый танец. Но, удача в тот момент повернулась ко мне задним местом. В зале играла музыка, была полутьма, а в углу, прижимаясь к стене стояли несколько моих одноклассниц и девочек с параллельного класса. Выглядели они не очень. Конечно, на них были красивые платья, шикарные прически. Но только не макияж. Они рыдали в углу. Я тогда как раз искала Никиту, и решила подойти к ним и спросить. Вот тогда мне и стало по-настоящему больно. Оказалось, что Никита их тоже пригласил на бал. Каждую из тех девушек, что стояли у стены с потекшим макияжем. Это была игра, всего лишь веселье для него и его компании, в виде кучки наивных дурочек, верящих, что, такой как он, может пойти на бал с такими, как они. На вопрос, с кем же пришел Никита на самом деле, они просто показали в центр зала, где как раз и стоял мой Никита, смеясь в окружении своих друзей, а его рука лежала на талии моей одноклассницы – Юлии Ходулиной, самой популярной и красивой девчонки школы. Она прижималась к нему, буквально обвивая его своими руками, а на ее лице

сияло превосходство. Выбежав из зала, я побежала в туалет, где и провела следующие полчаса, рыдая в углу и снова ругая себя за светлые надежды и веру в искреннюю любовь. И конечно, в удачу, которая никогда не была на моей стороне. Маша нашла меня через час, уселась рядом со мной и поглаживая по растрепавшимся волосам, говорила, что он такой же козел, как и все. А потом мы, схватив со стола несколько бутылок с шампанским, отправились на крышу одной из высоток недалеко от школы, и сидя на краю, смотрели на ночной город, с горла хлебая алкоголь. Встречали рассвет мы тогда, заплаканные, растрепанные, в грязных платьях, но счастливые. Не смотря на Никиту и его игру, я с улыбкой вспоминаю ту ночь. Когда Машка в очередной раз была со мной, поддерживая.

Вот тогда я и поняла, что Машка никогда не пыталась очернить тех парней в моих глазах. Они и так были чернее некуда. И сейчас, я не хотела на собственном опыте испытывать то же самое, что было в выпускную ночь. Возможно, именно в этом все дело. Особенно с тем, что произошло за последнее время, кстати, больше чем за последний год моей жизни. Может мне это просто надоело и я устала? Постоянно оглядываться; попытки поймать его взгляд в толпе; надежды на встречу и нормальный разговор; вера в счастливое будущее именно с ним.

– Ты снова печальная, – заключает подруга, вырывая меня из недр моих мыслей. Несколько раз моргаю, неожиданно

оказавшись в прихожей нашей квартиры, прислонившись к стене. Машка сидит на тумбочке, завязывая шнурки на своих ботинках.

– Вспомнила выпускной.

– Та забудь ты про этого идиота... Эмм, а как его звали?

Только Машка способна вывести меня из печального состояния одним предложением. И вызвать на лице улыбку.

– Никита, – отвечаю, смотря на нее сверху вниз.

– Вот видишь, я даже имени его не помню, а внешность так тем более. И ты забудь. Помнишь, что я тебе в тот вечер на крыше сказала?

– Что перед тем как найти свою идеальную коробку конфет, я должна перепробовать кучу других, что бы в конце концов ее найти, – не стоит задумываться о том, как это звучит. Здесь главное – смысл. Сотню раз обжегшись об предательства и ложь парней, в конце концов я найду любовь всей моей жизни.

– Вот именно, – ухмыляется подруга, поднимаясь на ноги и поправляя подол футболки. – Как говорится, перед смертью не надышишься. Терминатор должна скоро вернуться домой. Не могу же я у тебя вечность от нее прятаться.

– Я не против, – пожимаю плечами.

– Спасибо тебе, подруга, – Машка заключает меня в свои крепкие объятия, едва не сдавив ребра. Надеюсь, что это не они хрустнули. – Но я должна встретить своего врага во всеоружии.

– Хорошо, сильно не покалечьте друг друга, – говорю, стоя рядом с открытой дверью.

– Постараюсь, – отвечает Маша, улыбаясь. – До понедельника.

– До понедельника, – прощаюсь с закрытыми дверями лифта.

Закрыв дверь квартиры устало прижимаюсь к ней спиной, думая о том, что мне теперь, черт возьми, делать?

Глава 20

Оглянувшись на настенные часы, вижу что сейчас всего лишь 15:34. Вашу мать, и что мне теперь делать? В кровати я навалялась. С Машкой все обсудила, и с ней же съела все конфеты. А впереди еще целый день.

Мои мысли прерывает звонок телефона из комнаты. Надеюсь на то, что кто-то займет меня разговором или может быть предложит какое-то интересное занятие, что бы убить время, на всех порах бегу в комнату. Правда, перед этим ударяюсь пальцем о ножку дивана, едва ли не падаю и слегка проезжаю мимо двери своей комнаты. Но все-таки добираюсь до телефона и, не глядя на экран, принимаю входящий вызов.

– Алло, – мой голос хриплый с громкими выдохами. Я словно несколько километров пробежала, а не пыталась успеть взять трубку перемещаясь с прихожей в комнату.

– Алина, привет, – уж кого я точно не ожидала услышать сегодня, так это Самойлова. И если бы кто-то стоял рядом со мной в этот момент, то увидел бы, как на моем лице появился шок.

– Привет, Максим, – приветствую парня, медленно садясь на кровать, и прижимая телефон к уху.

– Ты не очень занята?

– А что, есть предложения? – Боже, я что, флиртую? И с

кем, с Максимом Самойловым? Я не имею в виду то, что он ботаник, зануда или что-то другое. Или что для меня стыдно встречаться с таким, как он. Я вполне нормально реагирую на ботаников и других людей увлекающихся своим занятием. Просто, он же мой партнер по проекту. И мы виделись всего дважды в жизни.

Всего минуту я думаю о том, как ему будет без этих очков, закрывающих его глаза и дурацких свитеров поверх рубашек. Но на ум ничего путного не приходит. Никак не удастся представить парня без привычного ему образа. Или я просто за такое короткое время, точнее за две встречи, привыкла к такому внешнему виду Макса.

– Есть одно, – мне кажется, или в его голосе появилась улыбка? – Не хочешь прогуляться со мной? Я знаю, что мы только партнеры по проекту, но ведь нам работать вместе еще несколько месяцев. Будет лучше, если мы станем хотя бы друзьями.

– Ты даже не представляешь, как ты вовремя позвонил, – улыбаюсь, опустив голову.

– А что? Свободное время появилось?

– Хоть бы дело какое появилось, а не время свободное. Всего полдня прошло, а я уже не знаю что делать. И подружка заходила, и с дядей поделилась впечатлениями от вчерашнего концерта.

– Так ты попала на концерт?

– Конечно, – с улыбкой вспоминаю вчерашний вечер. Не

считая веселых сюрпризов и не только, концерт мне безумно понравился. Этот адреналин бушующий в крови. Этот накал страстей от прослушивания давно знакомых песен. Эта энергетика, которая от парней «В огне» распространяется на несколько миль, как аромат сакуры во время цветения. А сам конец выступления. Я кучу раз слышала о том, какие огненные шоу устраивают на их концертах. И только увидев своими глазами, я поверила в это. Исчезновение парней со сцены было феерическим. Каждый из них внутри огненного круга, а затем всего мгновение и вместо огня сплошной дым.

– Понравилось? – в его голосе появились неизвестные мне ранее нотки. Что это? Удовольствие? Радость? Или...?

– Знаешь, а я согласна. Встретимся через час возле центрального фонтана в парке, – решительно поднимаюсь с кровати, осматривая комнату. Повсюду валяется одежда от вчерашних поисков подходящего наряда на концерт. Конечно, после таких приключений сразу спать хочется, а не убираться.

– Конечно, – соглашается Макс и отключается.

А я принимаюсь собираться. Иду в душ, а вернувшись, сушу волосы феном и наношу легкий макияж. Немного подкрашиваю ресницы, подчеркиваю брови и наношу на губы легкий слой красной помады. Из оставшейся одежды в шкафу выбираю светлые джинсы и легкую шифоновую бирюзовую блузку. На ноги обуваю черные ботинки на невысоком толстом каблуке с несколькими ремешками на щиколотке.

На всякий случай беру с собой светлую джинсовую куртку с несколькими значками на груди. Перекинув через плечо черную сумочку с железным ремешком, последний раз смотрю в зеркало, для проверки. Убедившись, что выгляжу я довольно привлекательно, выхожу из квартиры.

Спускаясь по лестнице на первый этаж, внезапно появляется мысль о том, а не примет ли Макс на свой счет то, как я выгляжу? Он же не подумает, что это я специально для него так оделась.

– Здравствуй, Алиночка, – приветствуют меня бабушки у подъезда. Как всегда на своем посту. Они вообще живут у себя дома или даже ночуют на лавочке? Никогда не видела, что бы они уходили вечером или садились утром.

– Здравствуйте, – цепляю на лицо псевдо-искреннюю улыбку, отвечая.

– А куда ты идешь? – спрашивает одна из них. Вот черт, я даже не могла предполагать той возможности, что они у меня что-то спросят. А все почему? Потому что, сколько бы я тут не жила, я без понятия, как их зовут и кто из них кто.

– Эмм, – Боже, и что мне ответить? Скажу, что иду на встречу с партнером по проекту, они меня в проститутки запишут. И плевать, что рядом со мной они никогда ни одного парня не видели. Куда-то вырядилась. С партнером. Значит, проститутка. Что мне теперь говорить, что бы остаться «Алиночка», а не перейти в разряд «Ты смотри, проститутка пошла».

– Представляете, – чуть больше печали в голосе и влаги на глазах. Главное, что бы тушь не потекла. – У моей подруги умерла любимая кошка. Всего шесть лет было. Вот, иду ее успокаивать. Она так ее любила.

И вот тут понеслось:

– Ох. Горе то какое...

– Бедная кошечка...

– Так рано ушла, наверно больна была...

– Чепуха, скорее бродячие собаки загрызли...

– Моя Мурка тоже рано умерла, и десяти лет не прожила, – заговорила одна из бабулек в полосатом платке.

Медленно иду вперед, слыша, как за спиной бабушки стали обсуждать своих любимых кошечек. Ну вот и славно. Этот трюк всегда срабатывает. И отлично отвлекает от меня внимание. Пока никто не заметил, быстро ухожу куда подальше, пытаюсь не оглядываться.

До парка добираюсь всего за полчаса. К сожалению, опоздав на несколько минут. Но, ничего, подождет. Девушка должна опаздывать. Только не как Машка на три часа. Еще не добравшись до центрального фонтана в виде прижимающихся друг к другу, парня и девушки, замечаю Самойлова. Он, как всегда, выделяется среди остальных людей, стремящихся показать себя в лучшем свете тем, что не пытается выделяться. И не крутой модной прической или хорошо развитой мускулатурой или последним модным луком. Вновь прилизанные и разделены на прямой пробор волосы. Все те

же очки, закрывающие от меня не только его глаза, но и брови. А ведь брови очень ясно могут описать самого человека. Рубашка в голубую клетку с двумя верхними расстегнутыми пуговицами. Без свитера, Слава Богу. Черные обтягивающие джинсы с порванными коленями. И черные кеды Convers.

– Привет, – здороваюсь с парнем, снова, оказавшись рядом.

– Привет, – отвечает он, смотря на меня своими, неизвестного мне цвета, глазами из-под стекол очков.

– Ну что, пойдём? – поправляю лямку сумки на плече.

– А ты бы куда хотела сходить? – отвечает Максим вопросом на вопрос.

В ответ пожимаю плечами. Я сама не знаю, куда нам идти.

– Ты предложил, ты и решай, – это самый оптимальный вариант. Заодно и отмазка.

– Ты согласилась, тебе решать, – он играет нечестно.

Прикусываю губу, раздумывая о том, куда нам дальше отправиться. В принципе рядом с парком есть площадка, где можно будет купить мороженого и сладкой ваты. И посидеть в тени деревьев на лавочке. А в другой стороне есть довольно неплохая пиццерия. Мы там обедали недавно с Машкой. Еле вытащила ее потом оттуда. Она угрожала работникам, что останется у них жить, и если они попытаются ее выгнать, она начнет шипеть и кусаться. Едва ли удалось уговорить администратора не вызывать полицию. Не хватало еще загреть в обезьянник за то, что твоя подруга клялась, что будет

жить под дверью кафе, что б ее каждый день подкармливали горячей пищей.

– Я оглашу варианты, а ты выбираешь, куда именно мы пойдем, – предлагаю, надеясь, что этот необычно смелый и дерзкий ботаник согласится на мое предложение.

– Ну, попробуй удивить меня, – усмехается парень, сложив руки на груди.

– Ты думаешь не удивлю? – выгибаю бровь, встав в такую же позу, как и он.

– Я очень хорошо знаю город и места в нем.

– Я тоже здесь не первый год. И ты не знаешь Машку. Этот энергетик ходячий, обожает таскать меня по разным местам.

– А давай устроим небольшое пари? – предлагает он на этот раз. И его тон, интригующий, как будто он хочет уговорить меня на что-то запретное, вызывает жгучее любопытство.

– Какое?

– Давай так, сначала ты ведешь меня в место, от которого я буду шокирован. А затем я поведу тебя в очень необычное место в городе.

– И как же мы выберем победителя?

– Ну, здесь все понятно, – объясняет он мне, словно глупенькой. – Чье место будет впечатлительней, тот и выиграл.

И протягивает мне ладонь. Прикусив губу, поднимаю руку, но останавливаюсь, решая кое-что узнать.

– А каков будет приз? – спрашиваю, перед тем как скре-

пить нашу сделку рукопожатием.

– Любое желание на выбор победителя.

– Только ничего непристойного, – отрываю руку до того, как моя ладонь соприкоснется с его.

– Конечно, – быстро соглашается парень, кивнув головой. – За кого ты меня принимаешь?

– Пока не знаю, –жимаю ладонь парня, ощущая мозоли на его пальцах и удивительно сильную хватку, как для ботаника. Может он энциклопедии на досуге таскает? – Но обязательно узнаю.

И в этот момент, полностью почувствовав свою маленькую ладонь в крепкой хватке, по моей коже от кончиков пальцев до каждого волоска, пробегает электрический ток. Подняв глаза, замечаю в глазах парня такое же замешательство, что и у меня. Удивительно, что я смогла рассмотреть замешательство в них, но не их цвет.

– Посмотрим, что ты будешь делать, когда узнаешь, – едва слышно шепчет Макс, наверно считая, что я не услышу.

– О чем ты? Тебе есть что скрывать? – спрашиваю, понимая, что мы до сих пор не расцепили наших рук. И меня безумно беспокоит тот факт, что желания вырвать ладонь из его хватки, нет.

– Каждому из нас есть что скрывать, – рассеяно отвечает парень, отводя взгляд в сторону.

Глава 21

После того, как мы разъединили наши ладони, передо мной постал вопрос, куда бы отвести его, что бы он был в абсолютном шоке? Какое именно место в городе способно его удивить?

Вообще, не смотря на то, что я родилась в этом городе и у меня всегда была Машка, города я в принципе так и не узнала. И сейчас, на секунду, у меня промелькнула мысль о том, что бы позвонить Машке и спросить у нее, куда именно повести Максима. Но, черт, я ведь только что стояла и говорила, что прекрасно знаю город и место, способное его удивить.

– Ну что, где это место, способное меня удивить? – ехидно улыбаясь, спрашивает парень рядом со мной.

– Я думаю, – отвечаю, повернув голову в противоположную сторону. – И вообще, не дави на меня. У тебя куча времени, что бы придумать место, а мне надо прям сейчас придумать.

– Я тебя не тороплю, – миролюбиво отзывается Максим. – Просто спросил. Пять минут назад ты была уверена в этом. А сейчас у тебя весьма растерянный вид.

– Ничего я не растерянная.

– Растерянная, – утверждает. – Ты губу кусаешь.

И да, я действительно кусаю губу. Заметив это, обижен-

но фыркаю и поворачиваюсь спиной к парню, уперев руки в боки.

– Алин, ты что, обиделась? – говорит за моей спиной растерянный голос брюнета. – Я не хотел, просто вырвалось...

Мой мозг мгновенно отключается от его извинений, когда я замечаю их. Трех высоких парней в черных толстовках и спортивных штанах. Они идут по направлению к скейт-парку, громко смеясь и энергично размахивая руками.

– Я знаю, куда мы пойдём! – громко восклицаю, поворачиваясь к Самойлову лицом. Он очень удивлен моим словам, судя по расширившимся глазам за очками.

– Оу... эм... Конечно, пойдём. Если ты знаешь, куда идти, – растерянно говорит парень, смотря на меня сквозь толстые стекла своих очков.

– Пойдём, пока самое интересное не пропустили, – не раздумывая над своими действиями, хватаю его за руку и тяну в сторону, куда пошли парни.

Сейчас как раз самое идеальное время, что бы все увидеть. Солнце медленно клонится к закату, и множество подростков, что занимали скейт-парк днем, возвращаются домой. И теперь, детские трюки закончились, пришло время для взрослых.

– Та куда мы идем? – мямлит где-то позади Макс, пытаюсь потянуть меня за руку. – Алин, может, подождешь немного. Куда ты так торопишься?

– Пойдём, это будет сюрприз. Уверена, тебе понравится.

– Слушай, я начинаю бояться твоего энтузиазма.

– Меня он тоже иногда пугает, но ничего, ты привыкнешь.

И вот, мы на месте. Перед нами раскинулась огромная площадка с идеально-ровным асфальтом и несколькими площадками с препятствиями и дугами. Вокруг еще достаточно подростков, но самое главное только готовится к представлению.

– И что? – с задышкой говорит брюнет за моей спиной. – Это и была твоя идея? Пробежка по парку? Впечатляет, только мне кажется, что я сейчас легкие выплону.

Разворачиваюсь к парню, тяжело дыша. Я сама не привыкла к таким пробежкам. Но, видимо, он реально больше меня не любит пробежки. Он стоит, согнувшись и упираясь руками в колени.

– Давай я схожу тебе за водой, – предлагаю, видя, как его очки спустились на нос, а рот приоткрыт, жадно поглощая воздух.

– Не надо, – отвечает он, с трудом приподняв руку. – Черт, я реально легкие выплону.

Подхожу к нему и, взяв его ладонь в свою, помогаю встать прямо.

– Пойдем, присядем, – говорю, ведя его за собой.

– Черт, снова идти, – громко и обреченно выдыхает Макс рядом со мной.

– Успокойся, нам нужно сделать всего пять шагов.

– Обещаешь?

– Обещаю, – усмехаюсь, смотря на его наивное выражение лица, с большими доверчивыми глазами и едва приподнятыми уголками губ.

Черт, меня раздражают его очки. И меня раздражает то, что я хочу знать, какие у него глаза на самом деле. А из-за них я не вижу, какого они цвета. Когда-нибудь, ему придется их снять в моем присутствии.

Подойдя к ближайшей лавочке, сажаю на нее уставшего и измученного нашей недолгой пробежкой, парня. Он вытягивает ноги, откидывается назад, раскинув руки в стороны, и задирает голову.

– Черт, я останусь здесь жить, – говорит Макс, прикрыв глаза.

– До первых холодов, – отвечаю, поправив сумку на плече.

Повернув голову немного в сторону, замечаю небольшой киоск с гамбургерами, шаурмой и другой вкусной вредной едой.

– Ты горчицу любишь? – спрашиваю, повернув голову обратно на расслабленного парня.

– Не очень, – отвечает он, не чувствуя подвоха. – А что?

Но я уже развернулась и иду по направлению к киоску, делая вид, будто не слышу его. Подойдя к киоску, заказываю два хот-дога без горчицы и две колы.

– Держи, – вручаю разомлевшему Максиму его хот-дог и колу.

Конечно, держать два хот-дога и колу не очень удобно, но

я достаточно способная девушка. И даже такое мне под силу. Всего лишь нужно запихнуть колу подмышки, а в одной ладони держать две булочки.

– Это месть? – говорит парень, забрав у меня свой хот-дог и колу. – За тот раз в кафе, когда я не позволил тебе заплатить?

– Нет, – отвечаю, садясь рядом и положив сумку рядом. – Просто не знаю, как ты, но я хочу есть. И я подумала, что это будет некрасиво, если я куплю себе поесть, а тебе нет. Так что, считай, что это просто жест вежливости.

– Ты больно ударила по моему самолюбию, – говорит Максим, смотря на меня с обидой и одновременно откусывая часть хот-дога. Немного кетчупа с майонезом остается в уголке его губ, привлекая к ним мое внимание.

– Эмм, – говорю, приподняв между нашими лицами салфетку. – У тебя... тут... немного кетчупа...

Между нами повисает молчание, пока Максим смотрит на меня, а я на его губы с небольшим количеством кетчупа в уголке.

– Да? – удивленно спрашивает он, вытирая пальцем губы.

– Да, – киваю, приближая руку к его лицу, одновременно поднимая на него глаза. – Можно?

– Можно, – Максим медленно кивает, не отводя взгляда от моих глаз.

Мне приходится опустить свои глаза, и пока я вытираю кетчуп, ловлю себя на мысли. У него мягкие губы. И меня

нереально тянет провести по ним пальцем, а лучше губами.

В этот же момент рядом с нами громко стучит скейт, освобождая меня из этого плена. Качнув головой, уже значительно трезвым взглядом смотрю на брюнета, а он смотрит на меня.

– Эээ, все. Убрала, – заключаю, отодвигаясь от него и выбрасывая салфетку в мусорку.

Между нами повисает неловкое молчания, пока я пытаюсь вспомнить, о чем мы говорили до этого. Мимо нас проезжают несколько парней на скейтах и самокатах, девчонки на велосипедах, и два мужчины на роликах.

– Твое самомнение такой удар переживет, – отвечаю, переводя взгляд на площадку, где стало немного меньше подростков разъезжающих мимо нас на скейтах, роликах и самокатах. Заодно спрятать от его взгляда горящие щеки.

– Сомневаюсь, – немного неразборчиво говорит парень. – Ты ведь не феминистка. Не борешься за права женщин в обществе? Так ведь?

– Нет, я не феминистка.

– Тогда почему ты решила купить мне поесть за свои деньги? – в его голосе появились ранее неизвестные для меня твердые нотки.

– Ох, какой же ты дотошный, – поднимаю голову к небу, закатывая глаза. И благодарю небеса за то, что он поддержал меня и перевел разговор в другое русло. – Просто купила и все. Считай, что мне стало тебя жалко. Я хотела купить тебе

просто воды, а потом передумала. Вот и вся причина.

– Черт, это еще хуже. Уж лучше бы феминистка, – говорит он, опустив голову так, что бы часть их скрыла от меня его очки.

– Почему это? Это еще больший удар по твоему самомнению?

– Это огромный удар по самомнению любого парня. Никогда не жалею парня. А если жалеешь, то, по крайней мере, сделай так, что бы он думал, что это твои чувства и забота, а не жалость.

– Спасибо за совет, буду знать, что бы никогда так не сделать, – отвечаю, наблюдая за двумя девчонками, проходящими мимо нас уже четвертый раз и постоянно хихикающими при взгляде на Максима. И чего это они?

Повернув голову, смотрю на хмуро смотрящего вперед парня. Конечно, я не судья на конкурсе красоты. Но и я могу определить красивый человек или нет. И прекрасно вижу эту красоту в Максиме Самойлове. Только не понимаю, зачем весь этот маскарад? К чему эти очки, если есть линзы? Зачем эта несуразная прилизанная прическа, если сейчас в моде художественный беспорядок? На улице лето, зачем ему эти широкие рубашки, в которых может поместиться еще один такой парень, как он?

– Почему ты носишь очки? – не выдерживаю, и повернув голову, спрашиваю в лоб.

– Зрение плохое, – отвечает Максим, вытирая салфеткой

уголки губ.

– А линзы?

– Глаза от них быстро устают. Да и все равно в них плохо видно.

– А операция?

Подняв на меня голову, Максим улыбается уголками губ. В этот момент мне кажется, что между нами нечто большее, чем обычный проект по экономике. Хотя, это глупости. Я снова перечитала слишком много любовных романов, и вот он, отходняк. Везде кажутся истинные пары, настоящая любовь и забытые чувства. Даже Самойлов попал под раздачу.

– Так что, где то, что должно меня удивить? – спрашивает парень, откашлявшись, и повернув голову на площадку,

– Как раз начинается, – отвечаю, кивнув ему на площадку и парней, остановившихся с краю.

Те трое, которых я видела чуть ранее по дороге сюда, сняв толстовки и повесив их на турник, стали разминаться на других тренажерах.

– Те трое, – презрительно скривив губы, говорит Максим. – И есть то, что должно меня удивить?

– Ну, я подумала, что какое-то особенное место требует достаточной суммы денег. А просто гулять где-то не очень интересно. А здесь два в одном. Можно просто сидеть в парке, и наслаждаться представлением.

– Каким именно? – недоуменно спрашивает, оторвав взгляд от разминающихся парней и переведя его на меня.

– Экстремальным, – отвечаю как раз в тот момент, когда самое интересное только начинается.

Один из парней, с длинными на макушке каштановыми волосами, завязанными в небольшую растрепанную гульку, разбегаются, что бы в следующий момент подпрыгнуть, сделать заднее сальто и перелететь через невысокую стенку, ограждающую площадку. Второй из них, с блондинистыми волосами, зачесанными наверх, бежит на высокую стенку, и, не останавливаясь, запрыгивает на нее. Секунду держится на вершине на обеих руках. Слегка накренившись вперед, он отталкивается руками от стены, делает сальто и приземляется на прямые ноги. Последний из тройки, с небрежно растрепанными светло-русыми волосами прикрывающими уши, перепрыгивает очередное препятствие, а затем, немного разбежавшись, делает сальто, оттолкнувшись ногами от стены.

– Это... это... – шокировано шепчет Максим, внимательно следя за движениями парней.

– Трейсеры, – шепчу в ответ, замороженно наблюдая за прыжками, сальто, кувырками и переворотами.

Глава 22

Мы просидели на лавочке не очень долго, буквально до ухода трейсеров. Завороженно наблюдая за их трюками, пока они не видели. Но когда один из них оборачивался на нас, мы оба, словно по приказу, делали вид влюбленной парочки и сидели, шепча друг другу какие-то глупости. Разве что за руки не держались и не целовались. И так было несколько раз. Тогда же, в очередной раз, я почувствовала аромат Максима. Это очень сильно удивило меня. Не именно сам запах с нотками муската и черного кофе. А моя реакция на него. Для меня это оказался самый лучший запах из всех, что когда-либо мне пришлось чувствовать.

– Ну что, я тебя удивила? – спрашиваю, с ухмылкой смотря на парня.

Максим до сих пор пребывал немного в шоковом состоянии от того, что вытворяли трейсеры на площадке.

– Честно, я ожидал чего угодно от тебя, – начинает Самойлов, посмотрев на меня. Даже сквозь огромные линзы очков я видела, как в его глазах плескалась благодарность и неверие. – Но ты превзошла все мои ожидания.

– Ну, – пожимаю плечами, довольная результатом. – Спасибо за комплимент. Но теперь дело за тобой, удивлять меня.

– Согласен, – кивает Макс, смотря перед собой. – Только мне сначала нужно отойти от увиденного.

– Кстати, – резко останавливаюсь, вспоминая, что эти трейсеры кого-то мне напоминали. – Ты заметил, эти парни безумно похожи на парней «В огне». Только Рейва не хватало.

– Да, немного похожи, – отвечает, пожав плечами. – Раз ты заговорила об этом, – перевел он тему, повернув на меня голову. – Ты говорила, что была вчера на концерте? Как все прошло?

– Ох, ты себе даже представить не можешь, что вчера было, – задираю голову вверх, вспомнив свои ощущения на концерте и весь адреналин, переживший во время него. Та и после, адреналина было не меньше. – Это было нереально, не смотря на некоторые отрицательные факторы.

– Это какие же? – недоуменно спросил брUNET.

– Та черт, – сразу вспомнился целый клуб разукрашенных охотниц за деньгами. – Я с подругой пришли на концерт, думали сейчас повеселимся, увидим концерт своих кумиров. А вместо этого попали на сборище клуба охотниц за деньгами или слет ночных бабочек. Ты представляешь? Весь клуб – девушки в платьях похожих на майки, с ярким макияжем и идеальными прическами без единого торчащего волоска. Та я чуть в обморок там не упала от ужаса.

Максим едва ли сдерживал вырывающийся наружу смех, что было видно по сжатым губам, покрасневшим щекам и дрожащим плечам.

– Слушай, тебе смешно, – шиплю парню, ударив его ладо-

нюю по груди. – А мне вчера было вообще не смешно. Мне этих разукрашенных фиф в универе хватает, так нет же. Они заявили еще и на концерт моей любимой группы.

– Может, – еле выдавливают он из себя, вместе со смехом. – Они также как ты, ценители прекрасной музыки.

– Я, конечно, очень рада, что ты, также как и я, разделяешь мое мнение по поводу прекрасной музыки. Но это ничего не меняет. И ни хрена они не ценители рока. Ты бы их видел, у них прямо на лбу написано было, – гневно шиплю, демонстративно проводя пальцами у себя по лбу. – «Ценитель тупой попсы. Пришла сюда в поисках своей очередной жертвы в виде кого-то из состава группы. Через неделю оденуть в меха и алмазы».

Он уже не сдерживает смеха. Вот вообще. Кажется, что это смешно, но ни фигя подобного. Совершенно не смешно. А Максу смешно. Вон как ржет, – очень красивым, бархатным смехом, – как лошадь, согнувшись пополам. И мое мнение по поводу его смеха ничего не меняет.

– Неужели этот небольшой минус перечеркнул для тебя все плюсы концерта? – немного успокоившись, и шумно выдохнув, спрашивает Максим.

– Эмм, конечно нет, – отвечаю, немного задумавшись. – Ничто не способно перечеркнуть для меня плюсы концерта «В огне».

– И что же еще является для тебя минусом вчерашнего вечера? – спросил парень, и вот тут я задумалась. Рассказы-

вать ли ему о билетах и появившейся в конце концерта сестре подруги или нет?

– А ты никому об этом не расскажешь? – поворачиваю голову на брюнета, смотря на него с прищуром и недоверием.

Остановившись, и повернувшись ко мне лицом, он слегка наклоняется к моему лицу, шепча:

– А что, это настолько большой секрет?

Прикрыв ладонью губы с одной стороны, шепчу в ответ.

– На самом деле нет. Просто это немного стыдно. Обещаешь, что никому не расскажешь?

– Обещаю, – прикрыв ладонью губы, говорит парень, согласно моргнув глазами.

– Хорошо, я расскажу тебе об этом.

Отодвинувшись, иду дальше по аллее парка.

– После того, как я с Машкой обнаружила заполненный хищницами зал, неприятности прекратились. Правда, оказалось, ненадолго. Нам удалось на все время концерта удержаться прямо у ног Рейва. Ты даже не представляешь, он был в двух шагах от меня. И уже это было пределом моих мечтаний. Но черт, когда он открыл рот, я выпала из реальности. Я тысячи раз слушала их песни, но одно дело слышать его голос в наушниках, и совершенно другое вживую, когда он стоит совсем рядом.

– То есть, можно считать, что тебе концерт понравился? – нерешительно спрашивает Максим.

– Ты издеваешься? – смотрю на парня, изогнув одну

бровь. Это что, шутка? Как мне может не понравиться концерт любимой группы, которую я едва не идеализирую? Та это только звучит глупо.

– Да, извини, – он усмехается, неловко отводя взгляд в сторону. – Просто интересно.

– Ну, если просто интересно, – пожимаю плечами. – Тогда ладно. Мне безумно понравился концерт. Я видела кучу постов, отзывов и впечатлений от людей, побывавших на их концертах. И все говорили о фантастических огненных шоу в конце.

– Я тоже много слышал об этих огненных шоу, – говорит Максим, смотря на землю.

– Так вот, и я очень долго ждала, что бы наконец увидеть это шоу. Черт, я не могла дождаться завершения концерта. Это наверно звучит не очень приятно, особенно по отношению к любимой группе. Но блин.

– Я все понимаю, – говорит он, усмехнувшись уголками губ. – Это нормально. Я наверно, если бы попал на концерт «В огне», больше ждал огненного шоу, чем самого выступления.

– Так вот, концерт закончился. И вдруг, каждый из парней оказался в кругу огня. А затем сцену заполнил дым. И они исчезли. Прикинь, всего за несколько секунд они исчезли со сцены.

– И где тут тот самый огромный минус всего вечера?

– Та подожди немного, я же рассказываю, – просверлив

брюнета гневным взглядом, что бы не смел меня прерывать, продолжаю. – А потом, главный вход с шумом открылся и появилась Олька.

– А кто такая Олька? – спрашивает Максим, удивленно выгнув бровь.

Резко поворачиваю на Самойлова голову, недоуменно смотря на него такого спокойного и невинного. Он это серьезно? Ни разу не слышал про Ольку? Та ее каждая бродячая собака в городе знает.

– Ты что, не в курсе, кто такая Олька Круглова? Она и ее гламурная мафия – главные сплетницы в нашем универе.

– Я сплетнями не увлекаюсь, – пожимает он плечами. – А гламурными тем более.

– Та я поняла, – киваю, склонив голову набок. – Просто для меня странно, что у нас в универе есть парень, который не знает об Ольке и ее подругах.

Машке расскажу, не поверит.

– Ладно, что было дальше? Она появилась, и что?

– В общем, эти билеты, – признаюсь, опустив голову и небрежно теребя между пальцами подол блузки. – Мы с подругой не купили. Ее сестра Олька, выбросила их в мусор.

– Что? – шокировано спросил Максим, приоткрыв рот от моих слов.

– Вот и я об этом. У меня самой чуть инфаркт не случился, когда я об этом узнала. Так вот, Машка и подумала, что раз ее сестре билеты не нужны, то мы с удовольствием схо-

дим на концерт. Она забрала билеты и сказала мне, что бы мы собирались на концерт.

– А вы не подумали, что Олька хотела сама сходить на концерт, а билеты просто упустила?

– Нет, – качаю головой в ответ. – Она их выбросила. Увидел бы ты ее комнату, сразу бы понял, что она не пойдет на концерт «В огне». Везде плакаты голливудских актеров, Джастина Бибера, Бьенсе, Леди Гаги и так далее.

– Ну, тогда все понятно, – кивает Самойлов, усмехаясь.

– Так вот, а на концерте, мы даже и не догадывались, зачем ей нужны были эти билеты. Пока Машка не вспомнила, что Олька тоже собиралась на концерт. А потом она появилась и была ужасно рассержена. Ну, мы и сбежали куда подальше. Только спустя несколько минут, спрятавшись в одной из комнат, мы узнали, почему она в таком гневе.

– И что же стало причиной?

Повернув голову на парня, прикусываю губу, объясняя:

– Оказалось, что Олька случайно перепутала билеты. Два билета, которые она выбросила, были с проходом за кулисы.

Неожиданно для своего образа, парень удивленно присвистнул. Повернув на него голову, приподнимаю бровь в удивлении. На что он только пожимает плечами.

– Это и было ужасом всего вечера?

– Было, – опускаю голову. – Только ужасом и неожиданностью для меня стало то, что комната, в которую мы случайно забежали, не была пустой. Это была примерка парней

«В огне».

Только вспомнив об этом, я чувствую, как краснеют щеки. Черт, это было таким позором и счастьем в одно и то же время. С одной стороны, я сидела рядом с Рейвом и говорила с ним. А потом еще поехала с ним домой. А с другой, они слышали мои истерики. Они могли подумать что угодно обо мне. Что я психованная истеричка, например. Или чего хуже. Хотя, что может быть хуже этого?

– А что было потом?

– Парни поговорили с нами, выяснили, что мы там делали, а потом отвезли домой, – отвечаю, резко повернув голову в сторону, что бы спрятать от парня горящие щеки и закушенную губу.

– И все? – настырно допытывается Максим, наклоняясь ко мне. Почему ему настолько интересно, что было дальше?

– И все, – если не считать поцелуя с Рейвом и поездки с ним на его мотоцикле.

Повернув голову на парня, замечаю на его лице мелькнувшую эмоцию разочарования, мгновенную сменившуюся на покер-фейс. Интересно, что это было?

Глава 23

– Ладно, – останавливаюсь посреди дорожки, резко развернувшись перед Максом и уперев руки в боки. – Куда мы теперь идем? Я свою часть сделки выполнила. Теперь твоя очередь.

– Прости, – у него немного испуганный вид, скорее всего от реакции на мой воинственный настрой. – Я знаю одно место, которое тебе безумно понравится.

– Ты в этом уверен? – выгибаю бровь, сложив руки на груди.

– Уверен, – кивает Максим, делая шаг ко мне.

Он берет мою ладонь в плен своей и тянет в сторону выхода из парка.

– Куда ты меня тянешь? – спрашиваю, пытаюсь немного замедлить его стремительные движения.

– Скоро узнаешь.

– Я надеюсь, что твое место мне действительно понравится, – шепчу про себя, наблюдая за решительно настроенным парнем, тащившим меня из парка.

Обойдя несколько групп подростков на скейтах и велосипедах, кучку модниц, рокеров, мятежников и рэперов, мы достигли выхода. Резко остановившись прямо посреди тротуара, Макс несколько минут стоит и оглядывается по сторонам, пытаясь понять, в какую сторону нам двигаться.

– Может ты объяснишь мне, куда мы идем? И я смогу тебе подсказать дорогу? – нерешительно обращаюсь к парню.

– Спасибо конечно. Но я знаю дорогу, – отказывается он от моей помощи.

– Тогда чего ты ждешь?

– Вот этого, – голова парня поворачивается в сторону дороги, где только что остановился автобус.

– Чего именно? – спрашиваю, не понимая его намерений.

– Бегом.

Он сжимает мою ладонь в своей и начинает бежать к автобусу, уже готовившемуся отправляться к дальнейшему пункту назначения. Мы в последний момент успеваем забежать, прямо перед закрытием дверей. Отпустив мою руку, Макс направляет меня за плечи в сторону пустых сидений, а сам идет платить водителю.

– Ты мне объяснишь, куда ты меня везешь? – спрашиваю, когда он садится рядом со мной.

– Ты мне не объяснила, куда мы идем. Так почему я должен говорить об этом? – отвечает вопросом на вопрос, расслабленно откинувшись на спинку стула.

– Потому что я вела тебя по парку. А ты меня везешь черт знает куда. Может твой сюрприз заключается в продаже моих органов на черном рынке? – прищуриваюсь, немного отклоняясь к окну.

Широко улыбнувшись, Макс медленно поворачивает на меня голову, принимаясь долго и крайне внимательно рас-

смаатривать мое лицо. И почему такой его взгляд, направленный на меня сквозь толстые стекла очков, начал меня смущать?

– Я не собираюсь продавать тебя на органы. Просто то замечательно место, которое обязательно тебе понравится, находится в другом районе. И к нему ехать всего несколько минут.

– Ты ведь вернешь после этого меня домой? – спрашиваю, немного успокоившись.

– Конечно, – спокойно пожимает плечами в ответ.

– Тогда хорошо, – облегченно выдыхаю, отвернувшись к окну и прижимаясь лбом к стеклу.

Меня в ту же секунду начинают посещать десятки, а то и сотни, разных мыслей, касающихся двух таких непохожих парней. Макса и Рейва. Половину этих мыслей занимает Рейв с его поцелуем, который все никак не выходит у меня из головы. И те ощущения, обрушившиеся на меня всего за несколько секунд, пока я чувствовала его губы на своих, и горячее дыхание, обжигающее мою кожу. Я никогда уже не смогу забыть его завораживающие зеленые глаза с вкраплениями золотого. Словно изумруды, добротню присыпанные золотой пылью.

А вторую половину занимает Макс, с его видом ботаника и таким нестандартным содержанием. Мы знакомы всего ничего, а я уже понимаю, что он очень многое скрывает. Например, почему он так одевается. Это ведь и так понятно, что

он довольно симпатичный парень. Но это его намерение выглядеть так, что бы не привлекать к себе лишнего внимания. Зачем ему это? А может он хочет таким образом, что бы его девушка полюбила, прежде всего, за то, что у него внутри, а не снаружи? Тогда возникает другой вопрос – есть ли у него девушка, которой принадлежит его сердце? И кто она? Студентка ли она нашего университета? Или может быть другого? А может она старше его? Или может быть его любовь была невзаимной, и что бы не терзать раненую душу, он одевается так, что бы не вызывать симпатию у противоположного пола?

– О чем ты думаешь? – вырывает меня из раздумий голос Макса.

Повернув еще мутный от количества мыслей взгляд на парня, замечаю тревогу на его лице и сжатый кулак рядом с моим бедром.

– О некоторых вещах, – отвечаю уклончиво.

– О каких конкретных вещах ты думаешь?

– Это допрос? – приподнимаю бровь, не понимая такого перепада настроения.

– Нет, прости, – опускает он голову, поняв свою ошибку. – Просто ты несколько минут сидишь, не обращая ни на что внимания. И, кажется, у тебя будет синяк.

– С чего это вдруг? – спрашиваю, ощутив ноющую боль в районе левого виска.

– Ты прижималась головой к стеклу во время движения, –

начинает Самойлов издали, словно объясняет маленькому ребенку. – А ты должна знать, что у нас нет нормальных дорог. Так что не удивительно, если у тебя появится синяк, после того как твоя голова десять минут ударялась лбом о стекло.

– Черт, – поднимаю руку и прижимаю ее к месту, где, скорее всего, скоро выступит сине-фиолетовый синяк. – А его сейчас видно?

– Дай, – парень поворачивается туловищем ко мне, и, протянув ладонь, обхватывает пальцами мой подбородок. Повернув мою голову в сторону, он рассматривает меня, а потом поджимает губы.

Это довольно странно, но я вновь ощутила едва заметный электрический заряд, пробежавший по лицу от того места, где пальцы Макса соприкоснулись с моей кожей. Он и раньше пробегал между нами, но я не привлекала к этому достаточно своего внимания.

– Будет, но небольшой, – хриплым голосом прошептал парень, рядом с моим лицом.

– А сейчас? – мои губы внезапно пересохли, и мне пришлось провести по ним языком. А мой взгляд уперся в губы парня, оказавшиеся так близко.

Не думай об этом.

– Сейчас не видно, – шепчет парень, облизнув собственные губы и придав им немного блеска.

Тогда же он поворачивает мое лицо, и склоняется к моим

губам с очевидным намерением. И снова странность. Кроме жажды поцеловать его, я больше ничего не почувствовала. Все внутри меня требовало, что бы я склонилась немного к нему и позволила нашим губам соприкоснуться. И узнала, каков же на вкус нестандартный ботаник.

Но нашим взаимным намереньям не суждено было сбыться. Именно в этот момент, когда я больше чем на семьдесят процентов согласилась с жаждой внутри меня, водитель автобуса резко затормозил, и я, не удержавшись, полетела вперед. От соприкосновения моей головы с передним сидением меня спасла удачно выставившаяся передо мной ладонь Макса, не позволившая мне заработать еще один синяк.

– Спасибо, – шепотом благодарю парня, от испуга схватившись за первое попавшееся под ладонью, впоследствии оказавшееся его запястьем.

– Не за что, – тяжело дыша, очевидно от испуга, ответил он.

– Та нет, есть за что. Ты спас меня от еще одного синяка на голове. Если не на лице. Даже представить не могу, как бы я потом шла в университет. Машка бы сказала, что я с кем-то подралась.

– А такое было? – немного растянул Макс губы в улыбке.

– Немного, – пожимаю плечом, пытаюсь вспомнить, сколько раз я приходила домой с синяками. – В начальной школе.

– Очень интересно было бы послушать. Но мы уже приехали.

Повернув голову, я заметила ряды пятиэтажных домов, довольно потрепанного вида. А также множество, висящих на каждом доме, неоновых вывесок. Мне хватило увидеть несколько знакомых вывесок, что бы понять, куда Макс меня привез. И тогда мой мозг вновь посещает мысль о продаже моих органов.

– Пошли, – снова взяв мою ладонь, Макс поднимается с места и тянет меня к выходу.

Оказавшись на улице, и видя, как автобус отъезжает от остановки и едет все дальше и дальше, по моей спине пробегает дрожь страха. Об этом месте ходит очень много слухов и большинство из них не очень приятные. Этот район города у нас называют районом Развлечений. Потому что здесь размещены все возможные клубы, бары, бордели и казино. Если вам необходим скандал, то здесь вы его всегда найдете. В клубах проводятся концерты скандальных артистов и групп. Но если у вас нет денег на клуб, бар или бордель, тогда просто останьтесь на улице. Потому что как только на город опускаются сумерки, из переулков выезжают мотоциклы и машины и устаивают незаконные ралли. Поистине фантастическое и экстремальное зрелище. А также, весьма опасное для жизни. И рискуют с ним не только сами гонщики, но и зрители. Так как здесь, сколько проводятся гонки, столько и было и обвалов. И тех, кто попался, без суда и следствия обвиняют в участии в незаконном процессе.

К счастью, мне не пришлось раньше находиться в этом

районе и наблюдать за гонками. Благодаря надежному источнику в лице Эдика, у меня всегда есть данные, где проходят незаконные гонки, без риска попасть за решетку. А все из-за очень богатых и влиятельных спонсоров, которым полиция просто боится переходить дорогу. Так что, если менты и знают об этих гонках, они туда ни за что не сунуться.

– А что именно здесь должно удивить меня и обязательно понравиться? – спрашиваю, плотнее обхватывая себя руками и постоянно оглядываясь по сторонам.

– Сейчас узнаешь, – широко ухмыльнувшись, отвечает Макс, повернувшись ко мне.

– В этом районе куча всего, что способно не то что удивить, ужаснуть меня. Но сомневаюсь, что мне здесь хоть что-то способно понравиться.

– А я знаю, что тебе понравиться, – не прекращая ухмыляться, Макс силой заставляет расслабить руки, и берет мою ладонь в свою. – Пойдем, скоро все начнется.

– Что начнется? – в моей голове все чаще появляется мысль просто убежать отсюда. На такси или автобусе вряд ли, а вот собственным ходом можно. А там, как только я окажусь за пределами района, смогу спокойно выдохнуть. Правда о проекте придется забыть, либо делать его одной. Нормальный человек не привел бы меня в это место, и не сказал бы мне, что мне тут понравиться. Значит, выходя из вышеперечисленного, Максимилиан Самойлов – не нормальный человек.

– Сейчас увидишь.

Макс ведет меня не в ближайший клуб, а за него, через переулок. Без проблем, словно он это делает каждый день, открывает дверь черного выхода и заходит в клуб, таща за собой меня. В коридоре темно и пыльно, возобновляя в моей голове сцены из ужасов, которые мы с Машкой недавно смотрели. Кажется, что сейчас в любой момент из-за угла выскочит клоун Пеннивайз и съест нас. Но видно, по решительно шагающему парню, что эти страхи посещают только меня. Мы проходим еще немного вдоль коридора, а потом Макс тянет меня не вперед, а вверх. Не успеваю ничего сказать, как он прикладывает палец к моим губам, вынуждая замолчать. Пожав плечами, но при этом напомнив себе о том, что у меня в сумке лежит перцовый баллончик, поднимаюсь наверх по лестнице. Оказываюсь наверху, что представляет собой второй этаж клуба, как говорится «для элиты».

– Ползи, – шепчет за спиной Макс. А мне его хочется стукнуть чем-нибудь. Та хоть той же сумкой у меня в руках. Лишь бы он раз и навсегда запомнил, что меня в такие места водить не надо.

Но, здравый смысл пересиливает мое желание, и я ползу до конца, пока не вцепляюсь ладонями в край пола, а лоб не соприкасается с коваными перилами. Макс проползает рядом со мной, и с широкой ухмылкой опускает глаза вниз.

– А вот и сюрприз, – шепчет, показав пальцами на первый этаж. Послушно вытянув шею, опускаю взгляд вниз, пока не

наталкиваюсь на знакомую надпись и знакомых парней.

Глава 24

Я не верю своим глазам. Этого просто не может быть. Я видела их всего лишь двенадцать часов назад, и вот снова, они предстают перед моими глазами.

– Это действительно они? – шокировано шепчу, повернув голову на Макса.

– Конечно, – с интригующей ухмылкой кивает он.

– Они совсем не такие, как на сцене.

– То, что на сцене одно, за ее пределами совершенно другое.

Слушая Макса в пол уха, все остальное свое внимание я сосредотачиваю на парнях внизу. Они такие непривычные сейчас. На сцене они выглядят серьезными, уравновешенными и суровыми. Но за ней они совершенно другие. Смеются, толкаются, шутят.

И одеты они, словно обычные парни, а не рок-звезды. Светлые волосы Хоука небрежно растрепаны, и торчат во все стороны. Глаза скрыты за темными очками. На нем серая толстовка с длинными рукавами и черные свободные джинсы. На ногах черные кеды Converse. Рядом с ним стоит Фрост. Каштановые волосы на макушке небрежно завязаны в хвостик. Свободная футболка серого цвета и голубые джинсы. На правом запястье браслет с несколькими шипами, а на левом – часы на черном ремешке с серебряным циферблатом.

Склонив голову над телефоном, за их спинами стоит Винд. Волосы скрыты под кепкой задом наперед, а кончики торчат во все стороны. Темно-синяя рубашка в мелкую клетку, серые джинсы с подкатами и ботинки казаки. На руке серебряный браслет с крупной мордой льва.

Сложив руки, опускаю на них голову, что бы было удобнее наблюдать за парнями «В огне». Но только мне не сразу доходит, что чего-то, точнее кого-то не хватает. Солиста. И в этот же момент парни, подходящие к сцене с оборудованием, остановились, и Хоук спросил у Фроста и Винда.

– А где Рейв?

В ответ парни переглянувшись, пожали плечами.

– Та фиг его знает, – отозвался Фрост.

– Нам завтра выступать, а он опять где-то шляется, – говорит Хоук.

– Ставлю сотку, что он снова за своей любовью наблюдает, – усмехается Винд, засунув в передний карман серых штанов телефон.

– Ладно, попробую ему набрать, – говорит Хоук, набирая номер.

Проходит минута, вторая, а парни так и стоят, наблюдая за хмурым выражением лица блондина.

– Нет, – качает он головой. – Не берет.

– Ну, а я о чем, – с ухмылкой пожимает плечами Винд. – Он не ответит, пока она рядом с ним.

У Рейва есть любимая девушка? Тогда почему об этом ни-

кто не знает? Эх, такое разочарование для всех фанаток Рейва. В том числе и для меня.

– Интересно, ему когда-то надоест за ней бегать? – спрашивает Фрост.

– Скорее к нам перестанут на концерты девушки ходить, чем Рейв забудет о любви всей своей жизни.

Так это не просто любовь. Это любовь всей его жизни. Но почему он тогда целовал меня? Хотя, глупый вопрос. Он взрослый парень, и у него есть естественные потребности в женском внимании. Конечно он будет целоваться с другими девушками, и... заниматься другими делами.

– Это точно, – подтверждает слова парня Хоук. – Помните, мы только познакомились, а у него уже было десять песен, в которых он обращался к той девушке?

– Оу, да, – в один голос кивают парни.

– Кстати, кроме того, что эта девушка существует, мы же реально ничего не знаем, – привлекает внимание парней Фрост к одной важной детали.

– Та и существует ли, – с сомнением в голосе говорит Винд. – Может быть он уже перерос эту любовь, а сам по городу лазит в это время.

– Та не, помните, он нам рассказывал, что жил рядом с ней в одном дворе. А потом за ним отец приехал и забрал их.

– Точно, – кивает Хоук. – И он больше никогда ее не видел. Драматическая история любви, так и не получившая своего финала.

Громко засмеявшись, Фрост хлопнул блондина по плечу.

– Брат, тебе как Рейву стоит тексты писать. Может про драматическую любовь расскажешь.

Фыркнув, он сбросил ладонь брюнета со своего плеча.

– Думай, что хочешь, но я считаю, что Винд прав. И Рейв просто дурит нас.

– Парни, вы совсем с катушек слетели? – воскликнул Фрост, положив руки на пояс. – Не будет он нам врать. И тем более, об этой девушке. Я вам говорю, она есть.

– Откуда такая уверенность? – сложив руки на груди, спросил Винд.

– Оттуда, – огрызнулся в ответ Фрост. – Ладно. Только я вам этого не говорил. Он нашел ее, спустя все это время. И сейчас он пытается к ней приблизиться.

В этот момент я заметила, как рядом со мной напрягся Макс, сжав ладони в кулаки. Поджав губы, он сосредоточенно наблюдает за парнями внизу.

– Нам пора, – шепнул он мне, не отводя взгляда от первого этажа.

– Хорошо, – киваю, не решаясь задать самый главный и волнующий в данный момент меня вопрос.

Немного приподнявшись, ползу назад, пока не чувствую носками ботинок ступеньки.

– Осторожнее, – предупреждает Максим, помогая мне спуститься вниз.

Оказавшись на первом этаже, взяв меня за руку, он вновь

ведет меня через мрачные коридоры, в которых ничего не слышно. Когда мы спускались по лестнице, я отчетливо слышала, как настраивались гитары и игру барабанов. Пройдя через очередной коридор, Макс открыл дверь, и пропустил меня вперед. Выйдя на улицу, я увидела, что солнце уже скрывалось за горизонтом. Удивительно, я и не заметила, как пролетело время.

– Алин, – нерешительно обратился ко мне Макс. Повернув голову, нахожу парня опирающегося на закрытые двери и засунувшего руки в карманы джинс. – Прости, что удивить не получилось.

– С чего ты взял, что не получилось? Очень даже получилось.

– Да потому что я хотел, что бы ты увидела, как они играют без этих спецэффектов и отрепетированного выступления, – всплеснул он руками. – А они вместо этого трюндели про похождения Рейва. И... прости что? – выговорившись, он поднял на меня удивленное лицо. – Я тебя удивил?

– Конечно, – пожимаю в ответ плечами, полностью повернувшись к парню. – Неважно, чем они занимались. Я увидела этих парней совершенно другими. Не такими, как они представляют себя на сцене. И за это я хочу сказать тебе огромное спасибо.

С каждым своим словом я приближалась к парню, пока в конце концов не остановилась напротив него на расстоянии локтя. Нерешительно взглянув на Макса, приподнима-

юсь на носочки и целую парня в гладкую щеку. Сделав два шага назад, наблюдаю за растерянным выражением лица и приоткрывающим рот, словно рыба.

– Ну что, теперь ты отвезешь меня домой? – спрашиваю, сложив руки на груди.

Это так забавно, наблюдать за растерянным выражением лица Макса и его реакцией на мои действия.

– А? Что? – растерянно смотрит на меня.

– Все нормально, – успокаивающе кладу ладонь ему на плечо.

Не смотря на его образ ботаника, я сомневалась, что он вообще ни разу не встречался с девушками или не целовался. Но теперь мои мысли пошли в обратную сторону. Что он никогда никому не был интересен.

– Ладно, все нормально, – согласно кивает Максим. – Теперь ты понимаешь, что я не собираюсь ничего с тобой такого делать?

– Ну, мое доверие к тебе увеличилось на 20 процентов. Так что, пока верю.

– Отлично, – довольно усмехается он. – Ты не будешь против того, что бы ненадолго здесь задержаться и посмотреть кое-что интересное.

Кажется, что его энтузиазм распространился и на меня. Потому что я совсем непротив остаться и посмотреть здесь все.

– Не против, – улыбаюсь, смотря, как улыбка на его лице

становится шире, а в глубине глаз, скрытых за проклятыми линзами, зарождаются яркие чертики.

– Уверен, тебе понравится, – захватив мою ладонь в плен своей, он потянул меня в сторону дороги, на которую уже начали спускаться сумерки.

– И чего мы ждем? – спрашиваю, также как и Макс, прислонившись спиной к стене дома.

– Вот этого, – не скрывая удовольствия в голосе, он кивает на дорогу, по которой в тот же момент проносятся несколько байков.

– Это гонки? – спрашиваю, наблюдая за тем, как пыль вздымается из-под колес.

Мимо нас проносится около десятка самых разных спортивных байков. Абсолютно разная раскраска. Невольно взглядом цепляюсь за смутно знакомый байк с бело-голубыми молниями на баке и шлеме гонщика. И почему-то в этот момент не могу сказать, откуда я его знаю. Но точно знаю. Нюхом чувую.

– Ты уверен, что это безопасно? – спрашиваю, когда через несколько минут из клубов, кабаков и баров на улицу повалил народ. Отовсюду раздавались крики, смех и улюлюканье. Парни и мужчины делали ставки на тех или иных гонщиков. Девушки присаживались на стоящие на дороге байки и пытались привлечь внимание гонщиков, намекая на хорошо проведенное время после гонки. А те, кому не хватило байкеров, весело смеясь и хихикая, прижимались у пья-

ным парням. И мне от всей этой атмосферы не по себе. Хоть Эдик у нас и байкер и мы должны быть привыкшими с Лизой к этому. Но нет. Эдик, не смотря на свой характер, как может, уберегает нас от своей жизни гонщика. Не разрешает посещать его гонки, приходиться вместе с ним на вечеринки и званые ужины. А мы туда и не стремимся.

– Ты не привыкла к этому? – спрашивает Макс, повернув на меня голову.

– Нет, – качаю головой.

– Но у тебя же дядя – гонщик. Или нет?

– Откуда ты знаешь? – спрашиваю, взглянув на него из-под бровей.

– Эмм, – немного замялся парень, отведя взгляд в сторону. Пытается что-то скрыть. – Мы ведь учимся вместе с первого курса. И я видел, как тебя однажды дядя забирал.

Да, был такой случай в моей жизни. Мы все вместе собирались тогда поехать в загородный домик посреди леса, который на деньги с гонок купил Эдик пару лет назад. Лиза в тот день задержалась на работе, а Эдик должен был забрать меня с университета, что бы вместе поехать к домику и прибраться там. Правда, Эдик повел себя, как... Эдик. Возомнив себя суперзвездой, он приехал за мной в университет на черном джипе, одетый в черную кожаную куртку, грубые ботинки, черные очки и широкополую шляпу. В общем, конспиратор. Только он не учел, что в моем университет он никому не нужен. Единственное, что он получил, так это реакцию моих

одногруппников и других студентов на все это великолепие, прибывшее за мной. К Эдику я шла с опущенной головой и надвинутым на глаза капюшоном. Но даже это не смогло скрыть меня от остальных. Меня и так смогли узнать. И я проклинала Эдика, и в голове готовила ему самые изощренные и болезненные пытки, перед тем, как своими руками задушить его. Потому что по мнению студентов, оказавшихся тогда на улице, это был преступник и мафиози, приехавший за своей маленькой девочкой.

Но, судя по всему, во всем университете нашелся хоть один человек, который знает моего дядю, как гонщика.

– Странно, что ты знаешь, что мой дядя – гонщик. Увлекаешься незаконными гонками?

– Нет, – качает Макс головой, усмехаясь. – Просто меня друг однажды потащил на гонки, в которых участвовал твой дядя. Он тогда победил, именно поэтому я его и запомнил.

И пожал плечами в конце. Собственно, такой ответ я и приняла. Если Эдик где-то появлялся, его невозможно было забыть. Он никогда не упускал возможности преподнести себя во всей красе. И плевать, где он был.

В этот самый момент моих раздумий, вокруг образовалась тишина, которую прерывал только стук каблучков. Подняв голову, замечаю, как к центру дороги подходит высокая брюнетка в облегающем топе и очень короткой кожаной юбке с флагом в руке.

– На старт! – проревел голос мужчины недалеко от гон-

ЩИКОВ.

– Внимание! – все вокруг замерло, кроме резко зарычавших байков и приготовившихся гонщиков.

– МАРШ! – и гонщики мгновенно срываются с места, оставляя позади себя только облака пыли.

Но не успевают они слишком далеко проехать, как тот же мужик кричит:

– АТАС!!! МЕНТЫ!!!!

И в тишине звучат сирены полицейской машины.

Глава 25

Поворачиваю голову на Макса, шокировано наблюдая за его решительными действиями. Повернув голову в сторону переулка, он что-то бормочет себе под нос, а потом, схватив меня за запястье, тянет в ту сторону.

– Макс? – зову парня, оказавшись в абсолютном тупике. Но при этом пытаюсь не отставать и не паниковать.

– Не оглядывайся, – на секунду повернув голову назад, парень еще крепче вцепился в мою ладонь и более настойчиво потянул за собой.

Добежав до угла, он резко потянул меня и прижал своим телом к кирпичной стене.

– Тихо, – прошептал Максим, прижавшись своей щекой к моей. Тогда же, на дороге послышались возмущенные крики арестованных и предупреждения полицейских. Мое сердце в этот момент окончательно упало.

Только после нескольких минут, стоя прижатой телом Самойлова к стене, я поняла, как это выглядит со стороны. Словно влюбленные решили уединиться. А не два почти незнакомых человека, оказавшихся в глупой ситуации, на грани попадания в обезьянник за участие в незаконных гонках. Краем сознание цепляюсь за мысль, что у Макса довольно спортивное телосложение, как для ботаника. И это еще одна странность в копилку странностей нестандартного бо-

таника Максимилиана Самойлова.

– Возвращаемся! – закричал голос в опасной близости от нас. Инстинктивно дернувшись, я уже собиралась бежать как можно дальше, но тело Макса прижалось ко мне еще теснее.

– Не дергайся, – прошипел он мне на ухо. Его горячее дыхание обогрело мою кожу, заставив ту покрыться мурашками. И заодно почувствовать электрический заряд, пробежавшийся по моему телу от щеки, к которой Макс прижимался своей, до кончиков пальцев.

– Что нам делать? – спрашиваю, тяжело дыша и не шевелясь. Со стороны улицы слышались звуки уезжающих шин, а затем наступила тишина.

– Они уехали, – тихо выдохнул Макс, медленно повернув на меня голову.

Наши взгляды встретились, и все вокруг замерло. Остался только жадный взгляд зеленых глаз, – я наконец-то увидела их цвет, – и полные губы, блестящие в свете восходящей луны.

– Макс... – шепчу, невольно облизнув пересохшие губы.

– Алин... – шепчет парень в ответ, перед тем, как наши губы едва не соприкоснулись.

Но в этот момент, по закону подлости, когда никто из нас не был против такого исхода событий, вселенная оказалась против. Или кто-то еще. Со стороны дороги слышались полицейские сирены и ругань парней.

– Там...

Судя по горящим жадным огнем глазам парня, его ничто и никто не способен остановить от задуманного. Не дав мне повернуть голову, он хватает меня за подбородок, и резко сокращает расстояние между нашими губами. На секунду мне показалось, что такое уже когда-то было. Потому что, несмотря на резкий старт и жадный взгляд парня, поцелуй начался нежно и ласково. Был ли это один поцелуй, или несколько десятков, я так и не поняла. Но... только от одного ощущения его горячих губ дыхание перехватило, а сердце забилось со скоростью триста ударов в минуту. И с каждой последующей секундой поцелуй становился все жарче и неистовей. Я сама не заметила, как начала принимать в нем активное участие. Покусывала нижнюю губу парня, и тут же игриво проводила по ней языком. Подняв руки, закинула их на его плечи и прижимала к себе, боясь отпустить и его самого и это восхитительное, ни с чем несравненное чувство. А его волосы, к слову, оказались мягкими и шелковистыми, и это под тонной лака, который он использует. Вот бы и мне так. А то следует использовать совсем капельку лака, как волосы становятся словно камень.

К сожалению, всему рано или поздно приходит конец. Даже этому поцелую. Макс первым разорвал этот страстный танец. Приоткрыв глаза, с недоумением и шоком от пережитого, смотрю на тяжело дышащего парня, с распухшими губами и горящими глазами.

– Что случилось? – шепчу, прикусив нижнюю губу, тут

же скривившись от боли, пронзившей ее. Кажется, что мы немного увлеклись.

– Дождь начинается, – хриплым голосом прошептал Максим в ответ, посмотрев на небо.

Подняв голову вслед за ним, замечаю, что да, начинается. Небо стремительно затягивало черными тучами, закрывая звезды и полную луну. И мне на лицо упало несколько холодных капель.

– Но автобусы уже не ездят, – перевожу взгляд на парня, задумчиво посматривающего назад.

– Слушай, – задумчиво покусывая нижнюю губу, начинает брюнет. – У меня есть одна идея. Но я хочу спросить, ты очень хочешь домой?

Это вопрос с подвохом, что ли?

– Эмм, не очень. А что? Есть идея поинтересней? – наклоняю голову в сторону, наблюдая за сменой выражения лица Макса.

– Я тебе немного позже расскажу. А теперь, поехали, – сказал, как отрезал. И резко оттолкнувшись ладонями от стены, пошел к углу.

– Но на чем мы поедем? Если выйдем, нам гарантирована ночь в обезьяннике, – пытаюсь достучаться до парня, решительно идущего к своей цели.

– У меня есть один способ. Но, не знаю, как ты на это отреагируешь, – хриплым голосом ответил он, подойдя к чему-то прикрытому черной тканью.

Решительно откинув ее в сторону, он явил моему взгляду черный спортивный байк. Рисунков на баке я не увидела, Макс загораживал их своим телом.

– Ну, ты идешь? – спрашивает он, повернув на меня голову.

Черные, взъерошенные моими руками, волосы, с каждым мгновением прилипали к скульптурному лицу парня. Дождь, пару секунд назад покрывающий, превратился в самый настоящий ливень. Волосы прилипали к лицу, ручьями скатывались по бровям, губам и подбородку. Блузка неприятно липла к телу.

– Да, иду, – мгновенно очнувшись, откидываю мокрые пряди себе за спину. И иду к парню. Уже знающим движением сажусь на сидение, и жду, пока сядет Макс. Пару секунд пораздумав, даже не знаю о чем, парень прикусил нижнюю губу и, кивнув своим мыслям, сел на байк.

– Надевай, – повернув на меня голову, он протянул в ладонях черный шлем.

– А как же ты? – спрашиваю, крепко закрепив ремешок под подбородком.

– И я тоже, – на мгновенье усмехнувшись, он надел на голову черный шлем с темным рисунком черных перьев.

Вспомнив мой единственный случай езды на байке, – с Рейвом, – решительно подвинулась поближе к Самойлову и обняла его за талию. И тут же почувствовала, как его тело напряглось под моими ладонями. И очередная странность. У

него есть мускулы. Вместо ожидаемой худобы, я почувствовала литые мышцы под своими руками. Но, он тут же ослабился. На секунду сжав мои ладони, взялся за руль байка и завел мотор.

Резко сдвинувшись с места, мы выехали через переулок, а выехав на дорогу, остановились. Оторвав голову от спины парня, я заметила в стороне две полицейские машины. Мигалки ярко светились красным и синим цветом. А рядом с одной из них, застыли пару мужчин в полицейской форме. И, вместо того, что бы испугаться и поторопить Макса, я поняла, что нам торопиться в принципе, не нужно. По полным фигурам полицейских с выпирающими животами и двумя подбородками, было ясно, они с трудом бегут пятьдесят метров. А тут, до машины еще нужно добежать и при этом, выкинуть горячий кофе и ароматные пончики.

– Поехали, – шепчу в шлем, хотя знаю, что Макс меня не услышит. Но, тут все совпало. Может реально услышал, а может и сам так решил. Но он стартанул, и поехал в противоположную сторону от полицейских. Те, что-то прокричав нам вслед, побежали к машинам. Но мы к тому моменту уже скрылись за поворотом.

Устав следить за проезжающими мимо машинами и домами, я прижала голову к плечу парня и закрыла глаза. На поворотах немного качало в сторону, но это было довольно небольшой минус по сравнению со спокойствием и умиротворением, окружившим меня за спиной Максима.

Ехали мы недолго. К тому времени, как мы остановились во дворе, ливень медленно превратился в морозящий дождик. Оторвав тяжелую голову от спины парня, медленно снимаю шлем, и недоуменно кручу головой по сторонам.

– Это не мой двор.

– Я знаю, – спокойно отвечает парень, сняв с головы шлем, и повернув на меня взлохмаченную голову.

– Тогда что мы здесь делаем? – спокойствия как не бывало и теперь меня захватило всего одно желание – дать одному нестандартному ботанику шлемом по голове. Может быть, у него переключатель сломался, и он все это время неправильно работал. А так один удар, и правильно заработает. Станет правильным обычным ботаником.

– Я здесь живу, – также спокойно говорит Максим, слезая с байка.

Упершись руками в сидение, упираю взгляд в Самойлова.

– Что значит, ты здесь живешь? Какого я тут делаю?

– Алин, – обращается он ко мне, словно к малому неразумному ребенку. – Вообще-то на улице плохая погода. И дорога мокрая.

– И что? Нельзя тогда было сразу отвести меня домой? – спрашиваю, всплеснув руками. – Кстати, а где именно мы находимся?

– Ботанический сад, – кратко отвечает Макс, повернувшись ко мне и сложив руки на груди.

– Но...

– К твоему дому пришлось бы ехать в объезд. А к моему ближе. Переночуешь у меня, а утром, по сухому, я отвезу тебя домой, – спокойно пожимает он плечами.

Черт. Я первый раз буду ночевать дома у парня. И я абсолютно к этому не готова. Та я даже не настроилась на это. А он стоит и спокойно пожимает плечами. Для него это пустяк. Подумаешь, девушка, с которой ты знаком меньше недели, – ну, чисто фактически мы знакомы больше, но общаться мы начали только неделю назад, – будет ночевать у тебя дома. Ничего необычного. А какого мне, он не подумал.

– Но я дома никого не предупредила, – шепчу, выставляя последний имеющийся у себя аргумент.

– У тебя есть телефон. Твоим родным можно позвонить, – все также спокойно говорит брюнет. Но подняв голову, и натолкнувшись на мой хмурый взгляд, устало выдыхает и опускает ладони вдоль тела. – Все будет хорошо. Я могу поговорить с твоим дядей и лично заверить его, что утром верну тебя живой и здоровой.

– Обещаешь? – в который раз за этот день спрашиваю, медленно слезая с мотоцикла, опираясь руками о сидение.

– Обещаю, – также, в который раз, кивает парень, протягивая мне ладонь.

Сжав его ладонь, едва не поскользываюсь на своих ботинках и вцепляюсь другой рукой в его предплечье. В этот момент, – как в исторических любовных романах, – наши лица оказались на достаточно небольшом расстоянии. И ситуация

вообще располагающая к еще одному поцелую. Но это слишком для меня и моих нервов. Еще одного поцелуя я просто не переживу.

Неловко поджав губы, расслабляю хватку на бицепсе парня и делаю шаг назад. Опустив голову вниз, что бы он не видел, как покраснели мои щеки, спрашиваю:

– Ладно, раз так, тогда пошли. К тебе домой. Только, – резко поднимаю голову, что бы вперить его в парня. – Без каких-либо намеков. Я требую себе отдельную постель, горячий кофе, душ, хотя лучше ванную, и сухую одежду.

– Хорошо, все ваши требования, мисс, будут учтены, – галантно протянув мне ладонь, с хитрой улыбкой на лице, отвечает Макс.

– Благодарю, – приседаю, оставив в стороны подол вообразимой юбки. И также медленно протягиваю ладонь и вкладываю в его.

– Тогда давайте пройдем же в мои скромные покои.

С ним по любому что-то не так. Либо Макс у нас тайный сын очень богатого миллиардера, либо вора. Потому что то, что он назвал скромными покоем, совершенно ими не являлись.

Сразу же, как только я вошла в подъезд его дома, меня охватило чувство нереальности происходящего. Чистый, блестящий холл со светлыми стенами, плиточным светлым полом и улыбчивой консьержкой за стойкой. Она вежливо улыбалась нам вслед, перед этим не забыв напомнить Мак-

симилиану Олеговичу, что она оставила его почту под дверью. Не дав мне ничего спросить, вышеупомянутый Максимилиан Олегович только молча положил ладонь мне на спину и подтолкнул к сверкающему лифту.

Там же, мы тоже молчали, пока лифт ехал наверх. А возле бронированной двери, как и сказала пожилая консьержка, лежала аккуратная стопка газет и писем.

– Неплохо, – чуть не присвистнув от удивления, говорю парню, поднимающему стопку и просматривающему письма.

– Подарок родителей, – у него сегодня прям день спокойного пожимания плечами. Что ни ответ, то пожимает плечами.

– Ааа, ясно, – также спокойно киваю, но головой, пока он открывает дверь.

– Добро пожаловать в мою обитель, – торжественно провозглашает Макс, широко открывая дверь своего жилища.

Глава 26

Странно, что это место Макс назвал своей обителью. Это больше похоже на музей, чем на дом двадцатиоднолетнего парня.

По сути, у парня нет прихожей, благодаря открытой планировке дома. Только навесная полка для шапок и шляп, под которой висят крючки для одежды и урна для зонтиков. Также узкая тумбочка, где лежали ключи, а под ней на двух полках стояли ровные ряды обуви. Я и не думала, что у него настолько обеспеченные родители. Ну, это было видно по состоянию подъезда дома, улыбчивой консьержке и очень хорошей двери. Конечно, у меня проскользнула мысль о том, что, возможно, его родители все деньги потратили Максиму на квартиру в таком обеспеченном доме, а сама квартира будет без мебели или вообще не готовой для проживания. Но нет, квартира парня соответствовала подъезду.

– Ничего себе, обитель, – шепчу, стоя на гладком коврике, не решаясь сделать хоть шаг в квартиру, сумма которой превышает стоимость всех моих органов.

С левой стороны находится гостиная. Светло-бежевые стены, темно-коричневый паркетный пол, белый потолок и довольно простая из сверкающего стекла люстра. Черный кожаный диван, с двумя такими же черными кожаными креслами и стеклянным журнальным столиком между ними. У сте-

ны две тумбочки с просторными полками, на которых стоят разные статуэтки и какие-то награды. Два горшка с цветами наверху полок. Напротив, так называемой зоны отдыха, дивана с креслами, на стене висела огромная плоская плазма, а под ней целый домашний кинотеатр с колонками. У другой свободной стены не было ничего кроме двух белых дверей с посеребренными круглыми ручками. А между ними висело несколько пейзажей природы.

Правая сторона комнаты была отделена от другой длинной барной стойкой с подвешенными бокалами наверху. Холодильник и гарнитур из нержавеющей стали. Столы и навесные шкафчики из темно-коричневого дерева. Посередине комнаты стоит круглый стол с несколькими стульями с темно-коричневой обивкой. Рядом с кухонной зоной была еще одна дверь, ведущая еще в одну комнату.

– Может и так, – сняв обувь и поставив ее на верхнюю полку тумбочки, говорит Макс, обращая мое внимание на себя. – Одевай, – кивает, протягивая мне мягкие комнатные тапочки светло-голубого цвета.

– Оу, да. Конечно, – поспешно киваю, ощущая, как начали краснеть щеки и шея. Блин, он наверно подумал, что я настолько бедная, что мне даже его квартира кажется шикарным пентхаусом. – Извини.

– Не извиняйся, – спокойно пожимает он плечами, надев черные тапочки и пройдя к белоснежной двери рядом с кухней. – У всех была такая же реакция, когда они видели мою

квартиру.

Прохожу к кухонной зоне, постоянно оглядываясь, что бы не оставить мокрые следы.

– Я, просто, не понимаю, – шепчу, аккуратно садясь на барный стул, видя, как Макс выходит из-за двери и, подойдя ко мне, протягивает белое полотенце.

– Протри волосы, – говорит он.

– Спасибо, – шепчу, неловко взяв его в руки и начиная протирать мокрые кончики. – Я думала, что ты хорошо учишься, потому что, ну, у тебя не все нормально с финансами. А по виду квартиры и дому, не скажешь, что тебе нужны деньги.

– Не нужны, – пожимает Макс плечами, оборачиваясь к стальному холодильнику.

– Но зачем тогда тебе все это? Вид ботаника? Отчужденность?

– Ты о том, что не знала обо мне до проекта по экономике? – на мгновенье, оторвавшись от лицезрения вместительного холодильника, он повернулся ко мне и пронзил своим взглядом из-под очков.

Ясно, это был камень в мой огород.

– Прости, – шепчу, невольно сжавшись. Весь мой настроенный порыв смылся под ливнем. – Я не хотела.... Так получилось...

– Ей, – привлек мое внимание парень. Подняв голову, сталкиваюсь с мутным взглядом за очками. – Ничего страш-

ного. Это нормально.

– Нет, не нормально, – качаю головой. – Я вообще не понимаю, зачем тебе этот вид? Ты ведь...

– Что я? – вновь повернувшись к холодильнику, спрашивает Максим. И, слава Богу, не увидит, как мое лицо и шея полностью окрасились в красный цвет.

– Довольно симпатичный, – говорю, отвернувшись и прикусив губу.

– Ох, – слышится от парня. Поворачиваю голову, вопросительно изогнув бровь. – Я так и знал, что вскоре ты спросишь об этом.

– А разве этот вопрос нельзя задавать?

– Можно, – кивает Макс, закрыв холодильник и подойдя к плите с контейнером, включает плиту. – Давай поговорим после того, как ты сходишь в душ.

– Та нет, – пытаюсь отговориться. Если он сейчас отправит меня в ванную, если она, конечно, есть, то к тому времени, как я выйду, забуду, о чем мы говорили. – Мне нормально.

– Ты дрожишь от холода, – указывает на меня пальцем брюнет. – Никаких «та нет». Иди в ванную, дверь возле тумбы, я там оставил для тебя свою футболку и халат. Выйдешь, я тебе расскажу, почему так одеваюсь.

– Точно? – спрашиваю, спускаясь со стула.

– Точно.

– Ладно.

Опустив голову и не глядя на парня, прохожу к белой двери, куда он чуть ранее зашел.

– Кстати, надеюсь, ты ешь ребрышки на гриле с картофелем? – спрашивает он, когда я открыла дверь ванной.

– Ем, конечно, – киваю головой, обернувшись к нему.

– Хорошо, – улыбнувшись уголками губ, кивает Максим и разворачивается к плите, где уже начинает скворчать масло.

Кивнув его спине, я открываю дверь и, не глядя, захожу в ванную, захлопнув и прижавшись спиной к дереву. Черт, у меня в голове полная каша. Ничего не понимаю. Особенно того, что именно я делаю дома у Макса. Меня ведь даже не должно здесь быть. Мы всего неделю знакомы и я каким-то образом не должна была оказаться в его квартире. Я просто его партнер по проекту по экономике. Но это не меняет того, что я все-таки стою в его ванной и смотрю на стремительно набирающуюся белую ванную.

К слову, ванная комната у Макса оказалась лаконичной и простой. Никакой напыщенности и богатого убранства. Только самое необходимое. Довольно просторная белая ванная, рядом раковина с навесным зеркалом без рамы, но с черными узорами по краям. Напротив раковины шкаф, где лежат полотенца и прочие ваннные принадлежности. Над ванной, кстати, также была навесная полка, где стояли бутылочки с шампунями, гелями, и шариками для ванны. Рядом с дверью на нескольких крючках висят два белых махровых халата и темно-серая просторная мужская футболка. Судя

по всему, моя пижама на эту ночь.

Вздохнув, и нерешительно взглянув на дверь ванной, прокручиваю замок, что бы спокойно можно было насладиться полной ванной с ароматом черного кофе. Снимаю с себя одежду, аккуратно положив ее на тумбочку рядом с раковиной. Погружение в ароматную воду с множеством пены, кажется мне, подобно раю. По ощущениям, я уже несколько лет не испытывала подобного кайфа. Лежать в полной ванне и наслаждаться тишиной. Вот бы мне еще плитку дорогого белого шоколада, бокал белого вина и тихую мелодию песни Адель. Вот это был бы самый настоящий рай. Но, даже ванны и свободного времени, мне в данный момент хватает с крышей. Не то, что дома. Эдик, как главный самый грязный и чисто плотный человек в нашем доме, способен занимать ванную несколько часов. И ему абсолютно плевать на то, что мне пора собираться в универ, а Лизе на работу. Он не может выйти из дома, пока не будет сверкать, словно новая монета. Поэтому, каждое утро у нас проводится эстафета «Кто первый займет ванную?». Если Лизе, то, проведя там всего лишь двадцать минут, она освобождает ее для меня, а затем я – для Эдика. Ему-то все равно спешить некуда. А если мне удастся добраться до нее первой, то после меня идет Лиза, а потом – Эдик. Конечно, при этом приходится выслушивать длинные нотации дяди на тему того, что мы несправедливо поступаем и если освободим для него ванную, то он там побудет всего несколько минут. Хрена с два, несколько минут.

Часов точно. Даже если он идет туда только зубы почистить. Он их, конечно, почистит, а также побреется и умоет лицо, как минимум двумя скрабами, пенкой и примется за укладку своей прически.

А сейчас, я кайфовала по полной. Никто не галдит на ухо и не умоляет освободить ванную. Как я поняла, Макс собирается ребрышки с картофелем не разогревать, а готовить. А для этого необходимо время. Достаточно много времени. Которое я с удовольствием потрачу на ванную.

Через неопределенное количество времени, я стояла на мягком коврикe и вытиралась махровым полотенцем. Я вся прям, цвела и пахла черным кофе. Протерев влажные волосы, я заплела их в косу и, закрепив резинкой, все время находившейся на моем запястье, перекинула через плечо. Натянула на себя футболку Макса, оказавшуюся мне до колена, и если добавить пояс, то походило бы на маленькое платье. Свое белье мне пришлось запихнуть в стиральную машинку вместе с остальными мокрыми вещами, которую я не заметила ранее. Накинув поверх футболки теплый халат, я затянула пояс на талии и, выдохнув, открыла замок на двери.

Вместе со мной, из ванной вышло также довольно большое облако горячего пара. Можно сказать, заодно и попарилась немножко.

– Ты уже...? – слегка удивленно спросил Макс, повернув на меня голову.

– Ну да, – отвечаю, пожав плечами, и поддерживая полы

халата. Парню не стоит знать, что на мне кроме халата и футболки больше ничего нет. А то покраснеет и что мне потом делать? Может у него еще и сердце слабое, и он раньше девушек вообще голыми не видел? Хотя, по тому, как он целовался, у меня закрадывались смутные сомнения насчет своей версии. Природа не может одарить умением классно целоваться с рождения. Это опыт и практика.

– А что? Можно было немного дольше посидеть? – спрашиваю, присев на барный стул, после душа казавшийся ужасно холодным. – Или с этим какие-то проблемы? Только не говори, что у тебя счетчик на воду стоит и я сейчас тебе накрутила несколько тысяч.

– Нет, – с улыбкой качает он головой, повернувшись к кипящей кастрюле. – Не стоит. Просто я привык, что девушки проводят в ванной достаточно много времени. А ты всего за час справилась.

– Это что же у тебя за девушки были, что целый час тебе кажется такой малостью? – как по мне, этого времени вполне достаточно для выполнения всех водных процедур. Что девушке делать там дольше, я не представляю. Та я и не представляю, что там несколько часов может делать Эдик. И в принципе, не хочу об этом знать.

– Та это я про сестру, – отводит глаза брюнет в сторону, заметив мой скептический взгляд и застывший на лице вопрос про девушек.

– Ты сказал «девушки». Значит, их было несколько.

– Еще две двоюродных сестры, – отговаривается парень. Ладно, на этот раз поверю ему на слово.

О, точно. Кое-кто мне обещал рассказать, почему он так одевается.

– Кстати, ты обещал мне рассказать, – говорю, когда Макс садиться напротив меня, перед этим поставив тарелки с ароматными зажаренными ребрышками и запеченным с зеленью и специями, картофелем.

– Ммм, как вкусно пахнет, – едва не давлюсь слюной от всех этих соблазнительных ароматов, но пытаюсь сохранять контроль над собой. Аккуратно, пытаюсь не схватить голыми руками целое ребрышко и не проглотить его за два укуса, отрезаю кусочек и подношу ко рту. Пережевав мягкое мясо, из меня невольно вырывается стон.

– Черт, я такой вкуснотищи никогда не пробовала, – мигом отрезая еще один кусочек, но уже поменьше, заявляю довольному парню. – Ты что, на шеф-повара еще и учишься?

– Нет, – усмехаясь уголками губ, качает он головой. – Просто, мне довольно часто приходилось оставаться дома одному, без какого-либо присмотра. Приходилось доставать мамину кулинарную книгу и что-то искать. А со временем я полюбил готовить и изучал новые техники и рецепты.

– Круто, – глотнув кусочек картофеля, согласно киваю. – У меня в семье тоже дядя обычно готовит. Но он у нас исключительно по десертам. Ты должен попробовать его малиновый чизкейк. Не просто пальчики оближешь, а прогло-

тишь их.

– Надеюсь, что однажды попробую, – с нерешительной улыбкой говорит Максим, кивая моим словам.

– Ну, так, – отпив немного воды, смотрю на парня. – Что там с твоим стилем? Почему ты так одеваешься? Только не говори мне, что тебе просто нравится так одеваться. Ни за что в жизни не поверю.

– Почему? – удивленно спрашивает он.

– Потому что ты заставил меня целый час мучаться вариантами ответов. И если ты попробуешь это сказать, я тебя ударю твоей же горячей сковородкой. И тогда тебе понадобится помощь не стилиста, а хирурга.

– Хорошо, – усмехается, подняв ладони с зажатыми ножом и вилкой, в безоружном жесте. – Я не собирался так говорить. Просто, понимаешь... – он задумчиво покусывает нижнюю губу.

Глава 27

Секунды тишины превратились для меня в минуты, если не часы. Задумчивое выражение, застывшее на лице Макса, меня слегка тревожило. Неужели он пытается своей одеждой и видом ботаника скрыть тот факт, что на самом деле предпочитает представителей своего пола. Правда, тогда не сходиться то, что он поцеловал меня за клубом.

– Мы привыкли судить людей по одежде, даже не задумываясь о том, какие они внутри. Мы смотрим на одежду, причёску и, основываясь только на них, выбираем себе с кем общаться, встречаться или жить. При этом полностью игнорируем то, чем на самом деле могут эти люди являться. А тех, кто выглядят неподходяще, мы отсеиваем, даже не представляя, что они могут оказаться лучше некоторых.

– Иии, твой вид ботаника – это... акт неповиновения системе?

– Что-то вроде этого, – кивает Макс. – Я хочу общаться с людьми, которые ценят меня в первую очередь не за причёску, одежду или красивое лицо, а за то, кто я внутри.

– Я думаю, что в некотором роде это правильно, – согласно киваю, понимая, что он прав. Мы настолько привыкли к тому, что общаемся только с теми, кто подходит исключительно нам. Если ты из достаточно богатой семьи, ты общаешься только с такими же богатыми детишками, игнорируя

то, кем они являются внутри. Потому что для тебя главным становится то, как выглядит твоё окружение.

– Даже ты. Ты не замечала меня, пока мы не оказались партнерами, – напомнил мне парень, из-за чего я сразу покраснела. Неприятно это осознавать, но он снова прав. Я не замечала его, да что там, понятия не имела о том, что он учится вместе со мной. И чувствую себя очень виноватой, познакомившись с ним, только благодаря проекту по экономике. – И я не обижаюсь на тебя за это.

– Значит, – пытаюсь перевести тему нашего разговора в другое русло. – Можно ли считать, что твой образ, что-то вроде защитной реакции?

– Можно, – согласно кивает он головой.

– Значит, можно услышать твою историю? Она ведь есть? – наши тарелки опустели, но мы все равно сидим за барной стойкой.

– Только если обещаешь никому не рассказывать обо мне, ладно?

– Хорошо, – киваю головой, в нетерпении сложив руки на столе.

– Это было еще в школе. Я только перешел в одиннадцатый класс. Боже, я как вспомню тот год...

– А что, ты был не таким?

– Нет, – качает он головой. – Я был совершенно другим. Избалованным, заносчивым, отвратительным парнем. У меня совершенно не было друзей. Только знакомые, такие же

заносчивые и избалованные богатые детишки.

– Стоп, подожди, – прерываю его рассказ. – Твои родители... кто?

Видимо, он забыл о том, что я не в курсе, кто его родители.

– Эмм, – немного задумчиво покусывает он нижнюю губу. – А я тебе не говорил?

– Нет.

– Ладно, и вот об этом я не хочу, что бы ты кому-либо рассказывала.

– Хорошо.

– Дело в том, что мой отец весьма значимый человек в городе, если не сказать в стране.

– Соответственно его имя ты не скажешь.

– Нет, – качает Макс головой. – Тем более, я с ним не общаюсь уже более шести лет. И мне просто не интересно, кто он, чем занимается и где находится. Мне не интересно, есть ли у него другая семья и дети.

– Твои родители развелись, когда ты был ребенком?

– Та они никогда и не были женаты. Мой отец был в городе проездом по какому-то важному делу и познакомился с моей матерью. Она в то время подрабатывала в кафе поваром и, после работы, случайно попала к нему на глаза. Она говорила мне, что полюбила его, как только увидела. Но то, что было для моей матери любовью всей ее жизни, для него было лишь короткой интрижкой. Спустя несколько месяцев он уехал, оставив матери только номер своего адвоката и секре-

таря. А через несколько недель она узнала, что беременна. Она попыталась связаться с отцом, что бы он хотя бы знал, что у нее от него будет ребенок. Один раз он ей ответил, а потом переслал на карту деньги на аборт в лучшей клинике города. Даже сам ее на прием записал.

– Черт, – выдыхаю, не веря в услышанное. Мне казалось, что такое бывает только в книжках и мелодрамах, но точно не в жизни. А оно вот как оказывается.

– Я тоже так подумал, когда узнал. К счастью, мама не решилась делать аборт, а стала в той клинике на учет, и через восемь месяцев родила меня. Когда мне исполнилось три года, она послала его секретарю мою фотографию. С тех пор, отец каждый месяц присылал маме деньги на карту вместе с сообщением, что бы она не смела вместе со мной ходить в газету и публиковать статью о том, что она родила ребенка от него. Но мама только фыркала и все деньги тратила на мое обучение. Я ходил в несколько безумно дорогих кружков, учился в дорогой частной школе. У меня была лучшая техника, одежда, транспорт и так далее.

– А эта квартира? – взглядом обвожу дорогую мебель, кухонный гарнитур и технику.

– Ее подарок на восемнадцатилетие.

– Так что там с твоей историей, благодаря чему ты теперь ходишь в образе ботаника?

– Так вот. В той школе, сама понимаешь, учились такие же богатые детишки, как и я. Но если я жил на средства, кото-

рые присылал моей матери отец, то они могли свободно распоряжаться тысячами, а то и десятками тысяч долларов. И если в первые годы мне приходилось терпеть их издевательства, то в последние все стремились в мое общество. Сначала девушки, привлечших мои изменения.

– Подозреваю, что в детстве у тебя были очки и брекеты, – замечаю, старательно сдерживая широкую ухмылку.

– Правильно подозреваешь, – кивает он, также ухмыляясь. – А в шестнадцать лет мне сняли брекеты и я поменял свои очки на другие. А стоило мне зайти в парикмахерскую, как в классе я начал привлекать внимание девчонок.

– Наверно, – шепчу, склонив голову к плечу. – Ты был непротив такого внимания?

– Не был. Тот я, не был против. Мне даже приносило некоторое удовольствие наблюдать за тем, как те девушки, которые несколько лет назад воротили от меня нос и фыркали, начали пытаться со всех сил привлечь мое внимание.

– И что же произошло дальше?

– А ничего такого. Я просто влюбился. Без памяти. Она училась в параллельном классе и, также как и я когда-то, была изгоем. Я начал за ней ухаживать, как тогда умел.

– И твои ухаживания ей совсем не нравились...

– Это еще мягко сказано. Каждый раз, когда я пытался с ней поговорить, то становился настоящим идиотом, и она, фыркнув и послав меня куда подальше, уходила. А потом, мы как-то начали более тесно общаться. И не прошло и двух

недель, как мы начали встречаться. Я рассказывал ей об истории своей семьи, об отце, которого я знать не хочу и которого впервые увидел в свои пятнадцать лет.

– Хорошего финала так и не вышло?

– Нет, – грустно качает он головой, и от тоски, промелькнувшей на его лице, я начинаю чувствовать себя виноватой. Это же было всего несколько лет назад, и его душевная рана может еще кровоточить. А тут я, со своими вопросами о его прошлом.

В знак своей поддержки, протягиваю ладонь через стол и накрываю его. Посмотрев на меня с непонятым выражением, Макс переворачивает ладонь и переплетает наши пальцы. После чего продолжает свой рассказ, крепко сжимая мою руку в своей.

– Мы уже вместе переехали в съемную квартиру, как отец переслал мне фотографии. Я не мог поверить в то, что там было. Лина вместе с каким-то богатым папиком сидела в дорогом ресторане, мило ему улыбалась, а потом целовалась рядом с черным лимузином. Когда она вернулась домой и я предъявил ей эти фотографии, она не стала отнекиваться и придумывать разные отговорки. Она оказалась обычной хищницей за богатым кошельком. Она специально строила из себя бедную и невинную девушку, что бы привлечь мое внимание. Собиралась как-то вынудить меня жениться на ней, а потом заставить вытрясти деньги из отца. При этом для нее совершенно нормально иметь на стороне несколь-

ко богатых папиков, готовых потратить довольно приличную сумму денег на вечер с молодой и привлекательной девушкой.

– Ничего себе, история прошлого, – выдыхаю, еще не отойдя от его рассказа. Это все звучит так ужасно и лицемерно. Использовать человека только ради его денег.

– Да, и после того, как мы расстались, я ее больше в школе не видел. Спокойно закончил учебу, посвятив все свое время ей, а не вечеринкам, девочкам и клубам. А потом, после того, как поступил в наш универ, я принял решение, что больше никому не позволю использовать меня. Купил себе эти очки, – говорит Макс, поправляя очки с толстыми линзами на переносице. – Полностью сменил всю свою одежду, накупив кучу рубашек и свитеров. Научился правильно пользоваться лаком для волос. И вот, собственно, что из этого получилось. Для всех я – обычный ботаник. Никто не знает о том, кто я на самом деле, кто мои родители и откуда я.

– А я? Что по поводу меня?

– А что по поводу тебя? – спрашивает Макс, оторвав взгляд от рассматривания стойки. – Тебе ведь пришлось со мной начать общаться. И, знаешь, я не жалею об этом, – он крепче сжимает мою ладонь в своей. – Ну, о том, что именно я стал твоим партнером по проекту.

– Знаешь, – выдыхаю, не поднимая на него глаз. – Я тоже не жалею об этом. Ты оказался совсем не таким занудой и ботаником, как я думала. Я вообще до последнего не верила,

что ты слушаешь «В огне». А это уже для меня кое-что да значит.

– Я заметил, – широко улыбается парень. – Ладно, думаю, ты устала за целый день. Пойдем, – он поднимается на ноги, не расцепляя наших ладоней. – Отведу тебя в твою комнату.

– Хорошо, – киваю, идя вслед за парнем в гостиную зону, а там к правой двери.

Открыв передо мной дверь, Макс пропускает меня вперед. Нерешительно ступаю в просторную комнату. Сразу видно, что здесь никто постоянно не живет. Скромно, имеется все только самое необходимое. Широкая двуспальная кровать с темно-синим постельным бельем, две прикроватные тумбочки черного цвета. Большое широкое окно завешано полупрозрачными темно-синими шторами. С правой стороны от кровати стоит невысокая широкая тумба черного цвета с посеребренными ручками. А с другой стороны – уютный темный диванчик с таким же креслом.

– Устраивайся поудобней, – с улыбкой говорит парень, наблюдая за моими рассматриваниями сегодняшних апартаментов. – Я тебя утром разбужу.

– Хорошо, – киваю, обернувшись к брюнету. – Тогда, спокойной ночи?

– Сладкий снов, Алина, – кивает он и закрывает за собой дверь.

Оказавшись наедине с собственными мыслями, свободно выдыхаю. Наконец у меня появилась минутка, что бы обду-

мать все, что сегодня произошло. Но в ногах правды нет, поэтому лучше я подумаю об этом в кровати под теплым и мягким одеялом, по пути в страну Морфея. Стянув с плеч халат, кладу его на спинку кресла, а сама забираюсь под одеяло. В первое мгновение, одеяло и простыня холодит нагретое под горячей водой и махровым халатом тело, заставив меня вздрогнуть. Но спустя мгновение я пригреваюсь и удобно укладываюсь под одеялом, повернувшись на бок и завернувшись в него по грудь, а руки подложив под подушку.

И вот тут уже мой мозг начинает вспоминать все, что произошло за этот день. Наш с Машкой разговор о том, что произошло на концерте «В огне». Скука, наступившая после ее ухода. Спасительный звонок Макса, которому я еще не доверяла. Наша встреча в парке и спор, кто кого сможет больше удивить. Наше наблюдение за трейсерами на площадке. Поездка в самый развратный и опасный район города. Наши тайные подсматривания за парнями «В огне», готовящимся к вечернему концерту, и обсуждающими личную жизнь Рейва. Огорчение Макса от того, что он не смог меня удивить. Гонки на байках. Налет полиции и наши прятки за углом. Неожиданный поцелуй, удививший меня и всколыхнувшись что-то внутри. И предложение Макса отвезти меня обратно. Остановка у его дома, из-за дождя и скользкой дороги. Разговор с парнем о его прошлом и причине его нынешнего стиля. За воспоминаниями обо всем, что сегодня произошло, я не заметила, как заснула.

Проснулась я от негромкого стука в дверь и странного ощущения того, что я не дома.

– Доброе утро, – распахнув настежь дверь, Макс с неловкой улыбкой на лице зашел в комнату.

Пару секунд у меня нашлось на то, что бы вспомнить, что это не мой дом, а Макса. Что вчера из-за плохой погоды, мы не смогли доехать к моему дому и парень любезно предложил переночевать у него.

– Доброе, – с пустыней во рту отвечаю, повыше натягивая одеяло. Черт, а я и забыла, что без белья.

– Подйом, я приготовлю нам завтрак и выдвигаемся, – махнув рукой в приглашающем жесте, говорит Максим, развернувшись и выйдя из комнаты.

Быстро накинув на себя халат, я вылетела из комнаты в сторону ванной. И с удивлением обнаружила там свою одежду, абсолютно сухой и висящей на сушилке рядом со стиральной машинкой. Закрыв за собой дверь, и аккуратно повесив футболку Макса, я переоделась в свои вещи.

Быстро и плотно позавтракав кофе с бутербродами с сыром и колбасой, мы спустились вниз, и он отвез меня домой. И, только оказавшись возле собственного подъезда, кутаясь в джинсовку, и смотря на удаляющийся байк и парня-ботаника, я задалась одним вопросом. Почему Макс ездит на байке Рейва?

Глава 28

Мимо меня проходят студенты, спеша побыстрее оказаться в кабинете. Останавливаются рядом с подоконниками и принимаются списывать домашку. Опираются о стены и наблюдают за проходящими мимо них парнями и девушками, заодно переговариваясь и тихо обсуждая вид той или иной девушки.

Я же сижу на подоконнике, опираясь спиной о стену и свесив одну ногу, а на другую положив развернутую на середине книгу по экономике. Проекта никто у нас не отменял. А одна встреча с Максом в кафе хоть и дала нам начало, но еще требовалось кучу всего.

– Салют трудящимся, – с широкой улыбкой на лице, останавливается рядом со мной Маша.

– Привет, – улыбнувшись уголками губ, киваю подруге. – Как вижу, ты все еще жива. Не застала своего Терминатора или она не успела тебя догнать, прежде чем ты скрылась в своей берлоге?

– Ха-ха-ха, – саркастично говорит Машка, закатив глаза. – Не смешно. Застала, к сожалению, – отвела она глаза в сторону, пытаясь что-то скрыть.

– И что? Неужели был махач? – положив закладку и закрыв книгу, спускаю ногу с подоконника и полностью поворачиваюсь к подруге.

– Почти. У Ольки такие намерения были. И у нее почти получилось, – кивает она. – Да только когда она на меня орать начала и когти свои точить, как я ей заявила, что нечего билеты с пропуском за кулисы на мою любимую группу в мусор выкидывать. Она пыталась мне что-то заявить в ответ, да только я дверью перед ее носом хлопнула и все.

– И что? Неужели больше не доставала? – спрашиваю, удивленно приподняв бровь. Не верится мне в такое, что бы Олька – гроза всех девушек и охотница за парнями, вдруг просто так оставила то, что мы помешали ей попасть в гри-мерку к известным и богатым парням. Ну нет, я в это ни за что не поверю.

– Вот тут, к сожалению, началось для меня самое неприятное. Когда адреналин из меня выветрился, я была готова об стенку биться. За ужином она пыталась меня подколоть, намекнуть родителям, что бы они больше не пускали меня гулять и так далее. Ну, они, конечно, в ее бредни о том, что я учебу прогуливаю, что мне стипендию с первого курса не дают, и что все их деньги я трачу на выпивку и сигареты, не поверили. Потом она взяла и на двери своей комнаты повесила предупреждающую надпись. Что-то типа «Всем любопытным по имени Машка не входить и в мусоре не рыться. Для тебя ничего интересного больше нет».

– Отделалась малой кровью, так сказать?

– Можно и так сказать, – кивнула Машка. – Надеюсь, что от этой гарпии больше ничего такого не будет.

– Будем надеяться, – киваю в ответ.

– Угадай, кто? – спросил мужской, и такой знакомый для меня, голос и на глаза Машки опустили широкие ладони со сбитыми костяшками.

– Соснов, отвали от меня, – прошипела Машка, сложив руки на груди.

– А че сразу «отвали»? – скривился парень, выглядывая из-за ее плеча, что бы посмотреть ей в лицо. – Ты мне обещала, что мы сегодня после пар пойдем ко мне. Не забыла?

– Не забыла, – стряхнув со своих глаз его руки, ответила Машка. – Только ты забыл о том, что я приду к тебе подготовкой к проекту заниматься, а не всяким ширпотребством.

– А что, я разве имел в виду что-то другое кроме проекта? – с наигранным удивлением спросил Виктор.

– Витя, отвали ради всего святого, – сделав шаг ко мне и резко развернувшись, она присела на подоконник рядом. – Я прекрасно помню об этом.

– А помнишь ли ты мой адрес? – с хитрой ухмылкой на губах, Виктор сложил руки на широкой груди. Но не настолько широкой, как у Макса. И почему я вспомнила о нем? К чему?

– Прекрасно помню, – проскрежетала в ответ подруга.

Повернув на нее голову, я изогнула вопросительно бровь. Удостоив меня взглядом, она пожала плечами и повернулась к стоящему перед нами парню.

– Так что, шагай отсюда.

– О, эмм, привет... – говорит Виктор, впервые за все это время, обратив на меня внимание, и пытаясь вспомнить мое имя. От этого мое некогда влюбленное сердечко, жалко замирает от разочарования.

– Алина, – подсказываю ему.

– Точно. Привет, Алина.

Подмигнув Машке на прощанье, он ушел.

– Что это было? – удивленно спрашиваю, не ожидавшая такого. Где-то глубоко внутри меня голос, когда-то громко кричавший о своей симпатии к этому парню, сейчас едва слышно шептал, заглушаемый чувствами к совершенно другому.

– Эмм, – замялась подруга, повернув на меня голову с нерешительным выражением лица. – Мы должны сегодня увидеться по поводу проекта. Этот олух постоянно отменяет наши встречи, и мы никак не можем сделать план проекта. Надеюсь, что хоть сегодня у него не появится очередная веская причина в виде длинноногой блондинки, согласной на пять экспресс-свиданий за два часа.

– Ясно, – согласно киваю, опустив голову. Сердце слегка побаливает от того, что парень, который мне очень нравился каких-то пять дней назад, сейчас полностью обращает внимание на мою подругу, игнорируя мое присутствие.

– Ей, – обращается ко мне Машка. – Не обращай внимания на этого идиота. Он прыгает на все, что может двигаться.

– Он даже имени моего не знает, – шепчу, почувствовав

горечь во рту.

– Слушай, ты должна благодарить судьбу за то, что не стала объектом внимания этого бабника. Я уверена, что парень твоей мечты находится рядом с тобой.

– Интересно, кто же? – спрашиваю, подняв голову на подругу.

– Кстати, Рейв с тобой никак не связывался? – шепотом, наклонив голову ко мне, спросила она.

– Нет, никак. А что?

– Та просто спрашиваю, – пожимает она плечами. – Он тебя так целовал тогда, мне прям жарко стало.

– Это было только для того, что бы помочь нам.

– Сильно сомневаюсь в этом. Когда просто хотят помочь, с такой страстью не целуют.

– Тебе просто показалось, – повернув голову в другую сторону, пытаюсь скрыть мгновенно появившийся на щеках румянец, от одного воспоминания о том вечере и поцелуе. Но к моему удивлению, он очень быстро сменился таким же поцелуем, но с совершенно другим парнем. В очках, рубашке и с прилизанными волосами.

– Поверь мне, это не одна я заметила. Он целовал тебе так, словно уже давно знает. Знаешь, словно встретил любовь всей своей жизни, которую когда-то давно потерял.

– Это все глупости, – отвечаю, спрыгивая с подоконника. – Это было всего один раз и больше никогда не повториться. Он приехал, выступил и скоро вновь уедет в следу-

ющий город. Так что нет смысла вспоминать об этом.

– Как хочешь, – пожимает подруга плечами.

– Спасибо, – киваю ей, подтянув лямку рюкзака на плече. – Ладно, мне пора на экономику.

– А мне на физ-ру, – кивает Круглова, подойдя ко мне и обняв.

– Ладно, встретимся на обеде.

– Конечно, – кивает Маша, перед тем, как я разворачиваюсь и поднимаюсь по лестнице на третий этаж.

Дойдя до кабинета, я сажусь на свое место, и, вздохнув, опускаю голову на сложенные руки. Я не собираюсь плакать или устраивать истерику. Также не собираюсь что-либо высказывать Машке по поводу Соснова. Та у меня собственно и реакция не такая, какую собственно стоит ожидать от девушки, которую не замечает понравившийся ей парень. Просто едва заметная горечь.

– Алин? Что с тобой? – с нескрываемой тревогой в голосе, обращается ко мне голос Макса и рядом со мной садится сам парень.

– Со мной все хорошо, – отвечаю, так и не подняв на него голову.

– Что случилось? – допрашивает меня брюнет, садясь чуть ближе и положив ладонь на мою.

– Ничего такого, – выдыхаю, все-таки подняв на него голову. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего, а в зеленых глазах, скрытых за толстыми линзами, была

видна неприкрытая забота и тревога. На миг меня даже уколело в сердце, когда я подумала о вчерашнем поцелуе с ним. Это сейчас, на самом деле, я должна сидеть и думать, как мне Макс в глаза смотреть после вчерашнего, а я о Соснове думаю и о том, что он не знает моего имени.

– Все нормально, – отворачиваюсь от него, пытаюсь стереть с лица разочарование и обиду.

– Точно?

– Точно, – киваю, увидев едва заметную в уголках губ улыбку парня.

– Тогда, хорошо, – кивает он мне в ответ, и садится на свое место. – Кстати, ты думала насчет проекта?

– Я сейчас читала, думала с чего нам начать, – внутренне киваю парню за то, что перевел разговор на другую тему.

– Как насчет того, что бы посидеть где-нибудь после пар? Тут есть кафе неподалеку.

– У меня есть идея получше, – поднимаю на Макса горящие глаза, вспомнив заманчивый запах шоколадных маффинов сегодня утром. Могу поспорить, что Эдику таки удалось первому захватить новую коробку конфет, и это была нам его благодарность. – Как насчет того, что бы отведать домашних шоколадных маффинов?

– Я с удовольствием, если ты знаешь, где их можно найти, – сверкает глазами Макс, услышав про угощение.

– Конечно, знаю. У меня дома.

– Ты хочешь, – немного нерешительно, сжимая руку в ку-

лак, и разжимая обратно, говорит парень, не поднимая на меня глаз. – Что бы мы занимались проектом у тебя дома?

– Да, с шоколадом, хоть и в виде кексов, будет лучше думаться, – согласно киваю. Заодно думаю о том, что может так он забудет про чизкейк, который я ему обещала. Этот десерт у нас не доживает и до вечера. Обязательно кто-то из нас через каждые полчаса хочет пить чай с чизкейком. Так что, даже если Эдик снова приготовит его, пока мы придем от него уже ничего не останется.

– Ладно, – кивает он. – У тебя, кстати, сколько сегодня пар?

– Четыре, а у тебя?

– Тоже четыре. Давай встретимся возле крыльца после звонка?

– Хорошо, – киваю и поворачиваю голову к доске и подходящему к ней Геннадиевичу.

– Доброе утро, экономисты и прочие террористы, – с усмешкой говорит нам Геннадиевич.

– Неплохая рифма, – тихо шепчет Макс рядом со мной, как и остальные, кивая на приветствие профессора. Улыбаюсь уголками губ, внутри соглашаясь с парнем.

– Итак, прежде чем я начну наше очередное занятие, хотел бы предупредить вас, что время на подготовку проекта не резиновое. И к концу месяца я бы хотел видеть от вас хотя бы план. А в идеале бы и пару уже написанных пунктов. Ну, или половину презентации.

– Эмм, Константин Геннадиевич, – немного подняв ладонь, что бы было видно Геннадиевичу, обратился к нему парень на ряд ниже нашего.

– Я вас внимательно слушаю, Каров, – кивает ему преподаватель.

– Вы хотите сказать, что будете курировать проекты всех...?

– Ох, точно, я забыл, – покачал головой Геннадиевич. – Дело в том, что на сдаче проекта будут присутствовать несколько магистров наук и профессоров, входящих в состав конкурса...

– Константин Геннадиевич, что еще за конкурс? – обращаюсь к нему, подняв ладонь вверх.

– Международный конкурс по экономике, который уже более десяти лет проводится в нашей стране среди университетов. Он проводится каждый год в это время среди студентов вторых, третьих и четвертых курсов. Могут участвовать только парами. А так как в этом году сдача вашего парного проекта совпала с конкурсом, то вы автоматически стали участниками конкурса. Кстати, приз в этом году – это грант на учебу во Франции, Германии, Великобритании или Нью-Йорке. Страну учебы будете выбирать вы. Грант получают оба партнера по проекту. Так что, в конце пары возле кабинета будет повешен список пар, куратором которых буду я, или Оксана Анатольевна.

Услышав про Оксану Анатольевну, за глаза названную Зе-

ленной Ведьмой, мы с Максом повернули друг на друга головы и одновременно скривились. Хуже дотошного Геннадиевича, может быть только она. Самая настоящая ведьма. У нее со всех курсов есть только один любимчик. Точнее любимица. Это ее дорогая и единственная дочь, к сожалению, учащаяся вместе со мной. Так что, если уж мы с ней попадем к одному куратору, хрен мы с Максом сделаем хоть какой-нибудь приличный проект.

Пара проходит незаметно, проходя за записями терминов и понятий, а также вздохов с задних рядов. Когда звенит, обычно долгожданный, звонок на перемену, никто не спешит подниматься со своих мест. Геннадиевич, заметив, как мы медленно собираем свои вещи, только неопределенно пожал плечами и спокойно вышел из кабинета. А я, все-таки не выдержав, поднялась со своего места и, закинув рюкзак на плечо, спустилась вниз, и, выйдя из кабинета, посмотрела на рядом висящий список. С замиранием сердца я искала свою фамилию и Макса. А заметив, нерешительно перевела взгляд и не смогла сдержать ликующих криков.

– ДА!! ДА!! ДА!!! – кричала я на весь коридор, не переставая улыбаться и прыгать напротив списка.

– Геннадиевич? – на выдохе произнес Макс, появившись в дверном проеме.

– Да! Да! Да! – кинулась я ему на шею, с широкой улыбкой на лице. Потому что нам с Самойловым нереально повезло. Напротив нашей пары стояла фамилия – «Курсов Констан-

тин Геннадиевич».

Глава 29

Весь день я не могла сдерживать широкой улыбки на лице. Это была такая удача, вместо Ведьмы, попасть к Геннадиевичу. Мне ведь за всю мою жизнь никогда не везло, если выбор стоял между Ведьмой и кем-то еще. Моим куратором всегда оказывалась именно она. А это было весьма плохой опыт. Потому что ей невозможно было угодить. Каждый раз, когда я приносила доклад, она находила в нем новые недостатки, и отправляла обратно на доработку. Я просиживала вечера за компьютером, за книгами и докладами бывших выпускников. И так происходило по кругу. А на сдаче я всегда получала три. Редко, когда удача улыбалась мне, я могла сделать два проекта или доклада. Один, такой как нужно Ведьме, а другой – правильный, с которым я выступала. Конечно, ведьма понимала, что я представляю не проект, который видела она, и тогда на ее редких занятиях мне доставалось по полной. Каверзные вопросы, внеплановые самостоятельные и контрольные, огромное задание на дом. В такие моменты я думаю о том, что таким образом она мстит не только мне, но и всей группе. Кроме своей дорогой и любимой дочери, конечно же. Ведь для своей кровинушки ничего не жалко. Ни ответов на экзамен, ни дополнительной литературы, ни правильно решенной задачи или теста.

– Ты теперь куда? – спрашивает Машка запыхавшимся го-

лосом, остановившись рядом со мной и пытаюсь удержать в своих руках сразу четыре книги.

– Эмм, – вот тут я и вспоминаю о том, что собралась домой, да только не одна. – Домой, а что?

– Ничего, – легко пожимает она плечами. – Просто я хотела узнать, не обижаешься ли ты на меня?

– За что?

– Ну, за Соснова. Я ведь к нему сейчас, проектом заниматься. Правда, подозреваю, что проектом заниматься буду только я, а некоторые остолопы – сидеть и постить новые селфи в Instagram.

Первые несколько секунд у меня уходят только на то, что бы понять, что Соснов до недавнего времени мне нравился. Стоп... Я сказала, «нравилСЯ»? Ведь мне начинает нравиться один парень, у которого слишком много секретов в шкафу и за линзами толстых очков. Ладно, сейчас не об этом. Вернемся к Соснову. Они с Машкой договорились сегодня встретиться у него дома и заняться проектом по экономике. И во время этого разговора он не заметил того, что я сижу рядом с Машкой. И тогда меня это очень обидело, что парень, пусть и нравившийся мне, не заметил моего присутствие. Ладно, он даже имя мое якобы забыл. Сомневаюсь, что он вообще его знал.

– Ничего, – улыбаясь уголками губ, беру Машку за руку и иду к центральному выходу. – Не переживай, я не переживаю. Все нормально.

– Ты уверена? – нерешительно смотрит она на меня через навес своих растрепанных каштановых волос.

– Уверена, – киваю. – Помнишь, что я тебе говорила, когда Геннадиевич рассортировал нас для проекта?

– Я не виновата, что Геннадиевич решил так нас распределить, – повторяет подруга ту самую фразу.

– Вот именно. Так что, выше нос, утконос. Нас ждут, великие дела.

– Это ж, какие? – не переняла она моего решительно-настроенного настроения и энтузиазма. Еще и посмотрела с недоверием в глазах.

– Ничего такого, – просто пожимаю плечами. Но все внутри так и распирало поделиться с моей закадычной подругой этой потрясающей на данный момент, новостью. – Ладно, – резко останавливаюсь посреди пустого коридора и разворачиваюсь к Машке. – Короче, знаешь – не знаешь, но Геннадиевич сегодня объявил, что половину пар будет курировать он, а другую – Ведьма.

– Святые корешки, – ошарашено выдыхает она, набирая в рот побольше воздуха для некультурных выражений.

– И повесил объявление рядом с кабинетом.

– И что? Кто вас курирует? – в ее голосе слышалась неприкрытая надежда и волнение. Она, как раз из тех людей, кто видела, как трудно мне было под покровительством Ведьмы Анатольевны. Она часто приходила ко мне домой с кучей конфет, пирожных, коробкой пиццы или парочкой гамбург-

геров, что бы немного облегчить мои страдания. Брала на себя часть моего доклада или проекта.

– Не поверишь, – шепчу, закусив губу. – Геннадиевич!

Я снова не могу сдерживать смеха, радости и счастья, держа Машку за руки и прыгая на месте. Она тоже не стоит деревом, а прыгает вместе со мной посреди коридора, смеется и обнимает. Вот что значит, женская дружба. И пусть подавят-ся все те, кто считает, что ее не существует.

– Черт! – счастливо выдыхает она. – Это офигенная новость.

– Я сама была в шоке, когда увидела.

– А, ты не смотрела, кто мне достался?

– Эмм, вот этого уже не успела, – прикусываю губу, немного успокоившись. – Извини.

– Та чего, – отмахивается она. – Сама завтра посмотрю.

– Хорошо, – киваю.

Не расцепив ладоней, мы идем по коридору, спускаемся по лестнице и выходим на крыльцо.

– Ну что, – говорит Машка, отпустив мою руку и спускаясь вниз. – До завтра?

– До завтра, – киваю, поправляя на плече лямку рюкзака.

– Ааа, ты не домой? – выгнув бровь, спрашивает подруга.

– Мне надо Самойлова дожидаться.

– Проектом будете заниматься?

– Угу.

– Ясно, тогда до встречи, – взмахнув рукой, она развер-

нулась и пошла к выходу из территории университета. А я осталась ждать парня.

Дождь, начавшийся вчера вечером, так и не прошел. Он был утром, когда Макс отвозил меня на байке. Был, когда я выходила из дома. И продолжался пока шли занятия. К счастью, я не обманулась теми намеками на солнечные лучи, утром выглядящими из-за туч. И вместо легкой блузы, светлых джинсов и джинсовки, я оделась немного теплее. Свободный мятный свитер без горла с широким воротом. Черные обтягивающие джинсы с потертостями на коленях. Черные ботинки Doc Martinez, выше щиколотки. Сверху накинула черную кожанку, ту самую, в которой была на концерте «В огне». Вместо сумки, на этот раз, взяла черный рюкзак с брелоком в виде листика мяты. Волосы я завязала в конский хвост. Который, к сожалению, к концу учебного дня значительно растрепался, и теперь у меня на лице была добрая часть волос, которые мне приходилось постоянно сдвигать с глаз.

– Долго ждешь? – спрашивает хриплый голос за спиной.

Вздрагнув, оборачиваюсь, практически врежаясь лбом в подбородок Самойлова.

– Прости, – отступаю на шаг назад, почувствовав неловкость. – Нет. Я только пришла.

– Хорошо. Тогда пойдем, – кивает он, поправляя очки на переносице.

Согласно кивнув, поворачиваюсь и спускаюсь с крыльца

рядом с парнем. Мы проходим через ворота, идем по тротуару, поворачиваем направо. И все это в тишине. Боковым зрением осматриваю его сегодняшней наряд. Белая рубашка, застегнутая на все пуговицы. Правильно завязанный черный галстук. Поверх рубашки синий свитер с белыми ромбиками. Синие джинсы. На ногах черные ботинки-казаки. И постоянные атрибуты, такие как прилизанные волосы, разделенные на прямой пробор и большие прямоугольные очки с толстыми линзами.

– Макс, слушай, – нерешительно начинаю, мгновенно потеряв всю свою смелость.

– Ммм? – поворачивает он на меня голову, и я снова чертыхаюсь про себя. Так как не могу понять по его глазам, что он чувствует.

– Я хотела задать один вопрос.

– Конечно, задавай, – пожимает он плечами. Ага, ему просто, а меня тут такой вопрос внезапно замучал, что мне совершенно не просто ему его рассказать.

– По поводу той истории... – Макс устало вздыхает, но я пытаюсь на это не реагировать. Я должна задать ему этот вопрос. – Я хотела узнать... Смогу ли я когда-нибудь увидеть, как ты выглядишь без всего этого облика ботаника?

Вот, я его сказала. Но груз на моей груди никуда не исчез. Я почувствовала, как Макс напрягся рядом со мной.

– Нет! – поспешно вскрикиваю, понимая, как мой вопрос прозвучал для него. Мне ведь просто интересно, как он вы-

глядит без прилизанных волос, очков и этих рубашек со свитерами. – Я не хотела тебя обидеть. Мне просто интересно. И я не имела в виду, что ты плохо выглядишь в образе ботаника. И я...

– Ей, ей, – повернувшись ко мне, Максим ласково улыбается, беря мою ладонь в свою, по которой мгновенно проносится разряд электрического тока. – Все нормально. Я не имею ничего против этого вопроса. И это было вполне ожидаемо. Особенно после моего рассказа, из которого ты узнала, что несколько лет назад я был совершенно другим.

– То есть, ты не обижаешься на меня за этот вопрос? – замороженно понаблюдав за тем, как большой палец Макса поглаживает тыльную сторону моей ладони, нерешительно поднимаю на него глаза.

– Нет, – качает он головой. – Я не обижаюсь на тебя.

– Тогда, я смогу получить ответ на свой вопрос?

– Можешь, – кивает.

Не удерживаю на лице широкой улыбки. На секунду замечаю, как взгляд парня опускается к моим губам, я и снова вспоминаю вчерашний поцелуй, о чем свидетельствует мгновенно появившийся на моих щеках румянец.

– Правда, я не знаю, как ты отреагируешь на это, когда узнаешь, – опустив голову, говорит он через минуту.

– На что? Неужели ты скрываешь от меня заячью губу?

– Нет, – усмехнувшись, качает головой.

– Или у тебя один глаз косит в сторону?

– Нет.

– А может быть, зализываешь волосы, что бы скрыть раннюю лысину?

Теперь он не выдерживает и начинает громко, немного хрипло, смеяться. С улыбкой наблюдаю за ним, пытаюсь не показывать ему, как мне нравится его смех.

– Ох, – вытерев влагу в уголке глаза, он шумно выдыхает. – Нет, я не скрываю лысину.

– Тогда что же такое страшное ты скрываешь, что сам не знаешь, чего ожидать от меня?

– Узнаешь, – говорит, прежде чем развернуться и идти дальше к моему дому.

– А когда именно? – спрашиваю, догнав брюнета за четыре шага, с его двумя широкими.

– Скоро, – коротко бросает, и мы вновь идем в тишине.

Так и не добившись ничего путного от Максима, я шла и думала о его словах. О том, что он может скрывать под всем этим видом умного ботаника и заучки. Может у него протез вместо ноги? Как у Пита Мелларка из Голодных игр. Или он скрывает ужасные шрамы? Как Эмброуз Янг из Меняя лица. Но тогда к чему эти очки и прическа? Может, что бы не привлекать внимание и ни у одной девушки не появилось мысли раздеть его?

В общем, за время нашей тихой прогулки до моего дома, у меня появилось и сразу же отбросилось куча мыслей по поводу недостатков Макса. Я дошла вплоть до того, что Макс

превратился в Терминатора. Не Ольку – сестру Машки, которую мы стали так называть после концерта «В огне», – а которого играет в кино Шварценеггер. Не знаю, что думал сам брюнет, но по задумчивому взгляду и прикушенной губе было ясно, что он тоже какие-то важные вопросы решает, и они совершенно никаким образом не касаются экономики и нашего проекта.

Дойдя до моего подъезда, мы зашли внутрь и увидели, что лифт снова не работает, и начали подниматься по лестнице. Макс все также молчал, а я про себя выговаривала электрикам все, что я о них думаю по поводу постоянно сломанного лифта. Нет, ну это уже какое-то издевательство. У нас лифт не работает месяцами, если не годами. И я уверена, что у Макса в подъезде лифт может не работать только, в крайнем случае, неделю. За несколько месяцев. Тогда как у нас, будет все наоборот. Несколько месяцев не работает, и одну неделю работает. И то, с перебоями.

Поднявшись на мой этаж, мы зашли в мою квартиру, которая, на удивление, оказалась совершенно пуста. Раздевшись, я решила, что лучше всего заниматься проектом будет на кухне. Вести Макса в свою комнату, полностью завешанную разными плакатами и постерами «В огне», я не решилась. А потом, за горячими кексами и кофе, мы принялись за наш проект.

Глава 30

Сегодня пятница. С того дня, как мы с Максом занимались проектом у меня на кухне за поеданием кексов и кофе, прошло пять дней. И я уже чувствовала себя практически выпитой досуха. С Эдиком и Лизой я виделась мало, так как каждый из них был занят своими делами.

Эдик почти все свое время проводил на тренировках. Через месяц должны были состояться самые масштабные незаконные гонки в Европе. К нам в город съедутся байкеры со всей Европы за шанс посоревноваться с лучшими гонщиками и выиграть главный приз. Пять миллионов долларов на новый байк, оборудование и механику. И Эдик был намерен победить в этот раз, так как эти гонки проводятся раз в пять лет. Что, конечно, предельно ясно. Где взять столько миллионов долларов, что бы каждый год по пять штук отдавать победителю. Ну, и собственно, эта гонка знаменита не только своим главным призом. Но и опасными и рискованными препятствиями, лабиринтом, в который превращается сам город, и множествами испытаний, выполнив которое, каждый из гонщиков зарабатывает флажок. Флажки – это возможность выиграть еще один приз. Кто соберет больше других, тот получает весьма ценный подарок – два VIP-билета на все гонки в Европе, с оплаченными перелетами и гостиницами. Так что, я очень даже понимаю Эдика. И то,

почему он все ночи петляет по городу, узнавая каждый закоулок и переулок, где создатели гонок могут спрятать флажок. Ведь, даже если не получишь главный приз, есть возможность поехать в тур по Европе и шикарно отдохнуть за просмотром международных гонок среди профессионалов.

У Лизы все обстояло не так захватывающе, как у Эдика. У нее появился новый ухажер, к которому она испытывала, пока, только симпатию. Но он упорно поднимался по лестнице к ее сердцу, постоянно приглашая на ужины в самые разные места города, в аквапарк, дельфинарий, кинотеатр и каток. В общем, если Лиза не дома, то она на свидании.

Но это не значило, что наша вечная схватка за конфеты, исчезла. О, нет. Мы с Лизой все также пытаемся первыми забрать конфеты, пока Эдик пожирает предыдущие и строит планы на новые. Когда-то у нас получается, когда-то – нет. Но мы в принципе не очень-то и расстраиваемся. Все равно Эдик на следующий день готовит нам партию горячих, ароматных и вкусных пирожных.

В моих ушах гремела песня «В огне», пока я, мыча в ритм барабанов, спускалась по лестнице. Пары у меня закончились, и я со спокойной душой возвращалась домой. Машку я сегодня видела лишь вскользь в столовой, когда она усадила меня за стол и с мучением на лице уперлась лбом мне в плечо и начала выговаривать все, что у нее на душе. Нам всю неделю не удавалось нормально поговорить, так как каждый был завален своей работой. И оказалось, что ей не повезло. Она с

Сосновым попала в Ведьме Анатольевне. Я посочувствовала ей, погладила по голове и купила пирожное с заварным кремом и клубничным джемом. А потом, подсластившись пирожными, мы отправились по своим кабинетам. Макса же я видела всего два раза. На экономике, и после нее, когда к нам подошел Геннадиевич, и сказал, что если возникают вопросы по проекту, обращаться к нему в любое время, а не ждать, пока у нас будет встреча, где мы будем все обсуждать.

И вот, я начала спускаться с крыльца, когда заметила решительно шагающего в сторону Макса. И вроде ничего особенно в этом не было, но меня что-то потянуло вслед за ним. Тихо, что бы он не заметил меня, я прижалась к стене университета и пошла за ним. И остановилась на углу, пока он прошел через парковку, направляясь к... Черт, это ведь она. Та самая машина, которую я видела в тот день, когда Геннадиевич рассортировал нас по парам на проекты. Моя мечта и давняя хотелка, которую, к сожалению, я никогда не смогу себе позволить, – Mercedes Benz SLS AMG этого года. Тем временем, из машины вышел высокий парень в черно-красной бейсболке, черной толстовке и серых джинсах. Лица его я, к сожалению, не видела. Как и лица Макса, шагающего к парню. Подойдя ближе, они пожали друг другу руку и обнялись по-братски, и парень хлопнул Макса по плечу. Тогда как он положил свой рюкзак на капот машины, засунул внутрь очки, а потом стянул через голову свитер, на мгновение, напрягая мышцы широкой спины, которые я раньше не

замечала. Бросив свитер, он ослабил галстук вокруг шеи и вытянул рубашку из-за пояса штанов. Я с неверием наблюдала за ним, страшась и, в то же время, жаждая, что бы он повернулся.

Он ведь говорил мне, что с образа ботаника не выходит, потому что уже привык к нему. Что ему незачем вновь быть тем парнем, которым он был в школе. И что он не общается ни с кем со своих старых знакомых. Об этом он мне рассказал в среду, когда мы встретились в кафе, что бы уточнить наш первоначальный план проекта и саму презентацию. Но по тому, что я увидела, стало ясно, что он не прекратил общаться со своими старыми друзьями. И что он с удовольствием лишается своего образа ботаника.

Я ушла домой сразу после того, как Макс закинул себе рюкзак на спину, обошел машину, заодно пытаясь разворошить свои волосы ладонями. Не помню, как добиралась домой, но очнулась я уже у себя в комнате от стука в дверь.

– Ку-ку, бездельникам, – с улыбкой говорит Эдик, заходя в мою комнату.

– Привет, – отвечаю хриплым голосом.

– Что случилось, мелкая? Ты заболела? – с тревогой в голосе спросил Эдик, присаживаясь на постель, где я сижу в своей большой кофте, с накинутым на голову капюшоном.

– Нет, – качаю головой. – Все нормально.

Хотя, на самом деле, ни черта не нормально. Я чувствую себя преданной, обманутой, использованной. Словно все, во

что я верила неправда и теперь передо мной открыли дверь совершенно другого, неизвестного и чужого мира.

– Нет, не нормально, – качает он в ответ головой. – Что-то случилось, и я хочу знать, что именно. У тебя же нет от меня секретов?

– Нет, конечно же, нет, – на моем лице появляется небольшой проблеск, намек на улыбку.

– Тогда выкладывай все, что тебя тревожит.

Я не выдержала, и рассказала. Про Макса. Про то, что он на самом деле не ботаник, а всего лишь создает вокруг себя такой образ, так как вновь боится быть использованным. О том, что он начинает мне нравиться, хотя я этого не понимала до некоторого времени. И что он, скорее всего, меня обманывает. Также я ему рассказала, как легко тот избавляется от образа ботаника и садится в машину вместе с незнакомым мне парнем.

– Так пойдешь к нему и разберись, – говорит Эдик, откинувшись на мою подушку и спокойно пожимая плечами.

– С чем разбираться? Что я ему скажу, когда приду? – поднимаю на мужчину непонимающий взгляд. Как я вообще могу заявиться к нему домой и еще пытаться с чем-то разбираться? – Я вообще сомневаюсь, что он будет отвечать на мои вопросы. Я ведь ему никто.

– Но это волнует тебя. И, судя по тому, что ты рассказала, ты ему тоже нравишься, – заключает Эдик, и я мгновенно замираю от шока.

– Нет, – качаю головой. – Я ему не нравлюсь.

– Нравишься, – упрямо кивает он в ответ. – Мелкая, я тоже мужчина, а не только твой дядя. И я, как никто другой, понимаю логику парней. Особенно тех, в окружении которых я живу.

– С чего ты взял, что он похож на парней из твоего окружения? Макс совсем не такой.

– Как раз такой, – вновь кивает он. – Потому что, во-первых, ботаники, какие-бы они не были, не ездят на спортивных байках.

– Откуда ты...? – спрашиваю, удивленно смотря на дядю.

– Я видел, как он подвозил тебя домой тем утром, – спокойно отвечает Эдик, как будто его это вообще не волнует.

– А как же ты? – спрашиваю, напоминая дяде его прошлое.

– Я? – удивленно переводит он на меня взгляд. – Ну, что касается меня, то в школе мне байки не нравились. Я вообще не был сторонником таких опасных вещей. Это уже потом меня затянуло. Весь этот адреналин, кайф.

– А причем здесь адреналин?

– Потому что каждая поездка на байке – это лотерея со смертью. Даже я, уже столько лет езжу на байке, но каждый раз боюсь, что не вернусь обратно. Потому что, как только я сажусь на байк, моя жизнь становится маленьким камнем на дороге. И твой Макс это прекрасно понимает. Даже больше, он не планирует проигрывать в этой лотерее. Ведь, он

оказался не дурак, раз отказался везти тебя в дождь. Там уж точно все решает лотерея. К камням присоединяется мокрая дорога, – задумчиво посмотрев перед собой, он переводит насупленный взгляд на меня. – И вообще, не обо мне сейчас речь. А о твоём парне с кучей тайн.

– Он не мой парень.

– Это пока, – коротко бросает он, перед тем как продолжить разговор. – Во-вторых, каждый, кто хоть раз сел за руль байка, уже никогда не сможет от этого отказаться. Это, как зависимость. Ты знаешь, что однажды не вернешься домой, но все равно на него садишься. Потому что вновь хочешь ощутить рев двигателя под собой. Ветер, бросающийся в лицо и адреналин в своих жилах. Так что, поверь мне, хоть что говорит Макс о том, что он больше не хочет возвращаться к тому, кем он был раньше, это не так. Потому что нельзя просто так скрыть значительную часть себя. Рано или поздно, но она вырвется на свободу.

– И что ты предлагаешь мне делать? – спрашиваю, переваривая услышанные от него слова.

– Поговорить с ним. Не пытайся отговариваться как-то, как вы женщины умеете. Просто приди к нему, и заставь ответить на все твои вопросы.

– Ладно, я попробую.

– Вот и отлично. И хватит вешать нос. Все образумится, – напоследок щелкнув меня по носу, он поднимается с моей кровати и выходит из комнаты.

– Кстати, – почти выйдя, он заглядывает ко мне. – А не тот ли это парень, который солист твоей группы?

– Ты про Рейва? – спрашиваю, дождавшись его кивка. – Но при чем тут он?

– Ну, вы же в понедельник сидели на кухне, и не заметили, когда я пришел. А я смотрю, твой этот ботаник, на солиста этого похож. Как близнец, только в очках.

– Странно, – опустив голову, раздумываю над его словами. – А ты уверен?

– Ну, я не знаю. Но мне он показался похожим, – пожал плечами, он вышел, закрыв за собой дверь.

А я осталась сидеть на кровати и думать о его словах. И внутренний голос мне настырно нашептывал о том, что Эдик прав. Нельзя просто так спрятать ото всех значительную часть себя. И насчет этой зависимости от езды на байке, он прав. Я два раза ездила – с Рейвом и Максом. И помню, как ветер бил в шлем, как рычал мотоцикл и как адреналин распространялся по крови. Если Макс ездит уже достаточно давно, то, даже создав вокруг себя ауру ботаника, он не может до конца отказаться от этого. И наша поездка на выходные это только подтвердила.

Но, на данный момент, это всего лишь версии. А факты мне может озвучить только сам Макс.

Решив долго не раздумывать, я поднялась с кровати и, подойдя к шкафу, раскрыла двери. Бросила на кровать темно-синие джинсы, черный свитер без горла, темно-синее ве-

сеннее пальто по колено и ботильоны на невысоком толстом каблуке. Быстро переодеваюсь и, захватив сумку с телефоном и кошельком, выбегаю из комнаты.

– Алинка, ты куда? – удивленно спрашивает Лиза, выглядывая из кухни.

– Мне к другу надо, – поспешно отвечаю, застегивая пуговицы пальто.

– А я его знаю? – словно заботливая мамочка, спрашивает Лиза.

– Успокойся, систер, – с усмешкой кладет ей на плечо ладонь, Эдик. – Это первая любовь. Сама помнишь, что это такое.

– Это не любовь, и он мне не парень, – возражаю, не отвлекаясь от запихивания своей ноги внутрь ботинка.

– Это пока, – одновременно отвечают мне Лиза с Эдиком.

– Ай, – пронзив их злобным взглядом и махнув рукой, выбегаю из квартиры, и уже запирая за собой дверь, кричу:

– Скоро вернусь!

И краем уха в ответ слышу язвительное от Эдика:

– Сильно в этом сомневаюсь.

Но у меня уже нет времени думать над его словами. Я сбегаю по лестнице, торопясь быстрее добраться до дома Макса. Я ведь не знаю, дома он или нет. Может у него дела какие-то. Вот черт, а об этом я даже не подумала. Надо было сначала позвонить, а уже потом бежать сломя голову, игнорируя, впервые заработавший за этот сезон, лифт. Но он у нас та-

кой, что ехать будет дольше, чем я спускаться. А если еще и застрянет, то я останусь один на один со своими мыслями и вскоре пойму, насколько это безумная идея. А сейчас, к счастью, у меня нет времени раздумывать над собственными мыслями и поступками. Я быстро добегаю до автобусной остановки, и успеваю заскочить в нужный мне автобус. Уже внутри, сев на свободное место, я замечаю заляпанные грязью и водой ботинки и джинсы. Упс, кажется, я настолько погрузилась в свои мысли, что полностью игнорировала какие-либо лужи на своем пути. А их там было довольно много. Дождь не прекращался всю неделю.

Наконец автобус останавливается, и я выхожу на улицу, в стиле Шерлока поправляя воротник пальто. Направляюсь к аккуратному новому дому, где по моим воспоминаниям, живет Макс. Зайдя внутрь предполагаемого подъезда, я нерешительно смотрю на стойку консьержки и облегченно выдыхаю, не заметив ее. Быстро пробегаю к лифту и, зайдя внутрь, нажимаю кнопку нужного этажа. А в следующий момент оказываюсь как раз напротив бронированной двери, где живет парень. Настырно звоню, пока по ту сторону не слышится ругань, что нехарактерно для парня, и звук отпираемого замка.

– Чувак, если ты снова пришел ко мне ночевать, то иди к черту. Мест нет.

Глава 31

Ступор. Шок. Неверие. Основные эмоции, которые ясно можно прочесть на моем лице в этот момент. А также изумление, восхищение и симпатию. Вторые эмоции у меня возникли от вида, представшего передо мной. В дверном проеме стоит незнакомое мужское тело с конкретным намеком на шесть кубиков, широкими плечами, мускулистыми руками и длинными ногами. Откуда я все это знаю? Потому что на нем кроме маленького белого полотенца вокруг бедер, больше ничего нет.

А вот первые эмоции у меня появились, когда незнакомец с хриплым и очень мужественным голосом снял с головы полотенце, которым до этого просушивал волосы. Потому что это был Макс, но в одно и то же время не Макс.

– Алина? Что ты здесь делаешь? – удивленно спросил Макс, то есть Рейв. То есть они оба.

– Макс? – неверяще смотрю на парня, совершенно не похожего сейчас на привычного для меня ботаника. Он больше похож на... На... О Боже, Эдик был прав. Они не просто похожи, это одно лицо. Буквально одно и то же лицо. – То есть, Рейв? Или нет... Я думала... А ты... Если бы... Значит вот как...

Единственное различие, которое я теперь вижу между ними, это то, что Рейв не носит очки с большими линзами и

не прилизывает волосы. Сейчас у него нет очков, и я могу прекрасно видеть эти прекрасные зеленые глаза с золотыми вкраплениями в них. Его мокрые черные волосы небрежно растрепаны и с них медленно скатываются капли воды по его мускулистой шее. На руках несколько браслетов, а на левой у него то самое массивное серебряное кольцо с красным рубином, которое я видела на нем на концерте. Теперь, он предстает мне в образе того, кем был в школе. Рейвом. Вот почему он боялся моей реакции, когда все вскрыется. Правда, видно он не ожидал, что это произойдет так скоро.

Быстро оглянувшись по сторонам, Макс (или все же Рейв?), хватая меня за руку и затягивает в квартиру, запирая за мной дверь и прижимая к ней спиной. Но тут, ступор исчезает, шок проходит, уступая место бурлившему в крови адреналину. Я выхватываю из рук парня полотенце, которым он чуть раньше вытирал волосы, и, ухватившись за один его край, начинаю бить его по груди. Мне сейчас плевать на все. На то, что он – звезда и кумир миллионов. Что у него куча фанатов, сейчас бы с удовольствием расцарапающих мне лицо за то, что я бью их любимчика. Но для меня это все на втором плане. В первую очередь для меня сейчас он парень, который столько времени мне врал.

– Обманщик! Лжец! Лицемер! Подонок! Гад! – каждый мой удар по парню сопровождается его характеристиками.

– Все, Алин, успокойся, – пытается достучаться он до меня. Только хрен ему.

– Гнида! Врун! Кретин!

– Так, ладно, прекрати, – хоть и тихо, но стальным голо-
сом говорит Макс, и, выдохнув, хватает мои ладони и при-
жимает к двери рядом с моей головой. – Успокойся, малыш-
ка.

– Я тебе не малышка! – рычу, пытаюсь вырваться и заодно наступить ему на ноги. Ничего, потом еще раз в душ сходит, у него тут очереди нету. – Отпусти меня, гадкий врун! По-
правилось надо мной издеваться?

– Я не издевался, – качает он головой, не смотря на мои трепыхания, держа стальной хваткой.

– Да неужели? Тогда какого хрена ты мне врал, Рейв? –
делаю акцент на его сценическом имени.

– Я не врал, – жестко вперив в меня взгляд своих заво-
раживающих глаз, говорит он, наклонив свою голову. Несколь-
ко капель с его волос упали мне на лицо, немного остудив
мой пыл. Ладно, он прав. Надо успокоиться и постараться
разобраться. Но это не значит, что после этого я не планирую
его убить. Ну, или по крайней мере не избить сковородкой.
Только пожалуйста, пусть он на ней что-то готовил.

– Тогда что это все было? Зачем нужно было строить из
себя ботаника? Зачем ты придумал эту историю про первую
любовь и желание показать в первую очередь тебя настояще-
го?

– Алин, – выдыхает он устало. – Насчет этого я тебе не
врал. Это действительно была правда.

– Разве нельзя мне было сразу все рассказать? – спрашиваю, расслабившись, и наконец почувствовав, что ко мне прижимается мужское полуобнаженное тело.

– Я не мог. Но, раз уж ты знаешь, то я должен рассказать тебе всю историю, – он отодвигается от меня и выпускает мои ладони из своей железной хватки. – Раздевайся, я схожу, оденусь, а ты в душ. Снова вся продрогла. Полотенце в ванной, а футболку я тебе сейчас принесу.

И не услышав от меня ответа, он развернулся, закинув второе полотенце себе на плечо, и пошел к, подозреваю, своей спальне. Мне же, не осталось ничего, кроме как снять пальто, повесить его на крючок, поставить на пол мои ботильоны и отправиться в душ.

Уже под горячими струями воды, до меня медленно доходило, что именно только что произошло. Под маской обыкновенного ботаника Максимилиана Самойлова скрывался Рейв – взбалмошный, дерзкий, смелый и безрассудный рокер с прекрасным голосом. Но для чего ему это? Ведь, если я правильно считаю, и ему двадцать один, то когда он учился в школе, «В огне» еще не было, как группы. То есть, он еще не был мегапопулярным солистом рок-группы. И тут же возник другой вопрос, зачем ему учиться в университете, если он уже занимается в жизни своим любимым делом? Просто нравится учиться? Или он не уверен, что карьера рокера – это навсегда? И тогда следует логическое заключение – что бы ему нормально учиться, он должен скрываться и не при-

влекать к себе внимания. Тогда с его образом ботаника все понятно. И понятно то, почему он не рассказал мне об этом. Во-первых, он не должен передо мной отчитываться, ведь мы просто партнеры по проекту. Во-вторых, он боялся моей реакции на то, что он – Рейв, а какая бы была у меня реакция? Обморок, не меньше. Это просто сейчас у меня шок и жажда надавать ему по его красивой мордашке. И тот факт, что он – Рейв и мой кумир, голос которого я слушаю каждый вечер, уже не очень то и сильно меня беспокоит.

Выдохнув, мне таки пришло выйти из душа. Вытираясь полотенцем, я с удивлением заметила на тумбочке рядом с дверью черную футболку с изображением группы «В огне», которых обрамляет огненно-красное пламя. Спорю, что у Макса этих футболок целый шкаф. И когда только успел оставить, что я не видела. Заплетя волосы в свободную косу, и перекинув ее на спину, одеваю футболку Макса. К счастью, в этот раз я осталась в белье. А джинсы с грязным низом и носки, отправляю в стиральную машину. И набрав в грудь побольше воздуха, перед этим набросив сверху белый махровый халат, выхожу из теплой и полной горячего пара ванной в прохладную и свежую гостиную. Краем глаза вижу, как Макс-Рейв, находящийся в кухонной зоне, на мгновение обернулся и осмотрев мой вид, вернулся к своим делам. Я, не зная что делать, прошла в гостиную и села на кожаный диван, немного приподняв подушку и опираясь на нее спиной, вытянула ноги вдоль.

– Устроилась? – спросил Макс, подойдя ко мне с белой кружкой от которой шел горячий пар.

– Немного, – поевшись, я попыталась прикрыть свои ноги от пристального взгляда парня.

– Держи, – сев рядом с моими ногами, он протянул мне кружку.

– Что это?

– Чай, обыкновенный черный чай с лесными ягодами. Он поможет тебе согреться.

– Спасибо, – оборачиваю руки вокруг чашки, ощущая приятное тепло. Отпив немного, ощущаю привкус ягод. Действительно обыкновенный черный чай. – И так, пожалуй, я готова услышать твою историю, почему ты мне врал.

– Я тебе не врал, – качает парень головой в ответ. Он садится поудобней, опираясь локтем о спинку дивана и положив на ладонь голову. Вторую руку он кладет рядом с моей ногой. – Ну, о некоторых вещах.

– Тогда я хочу узнать, как тебя на самом деле зовут?

– Меня зовут Макс Самойлов. Это мое настоящее имя, – выдыхает он. А, почувствовал, что это будет не так-то просто. А вот нечего было врать. И сейчас я не собираюсь его жалеть или пытаться не давить на него. Нет, сейчас он мне расскажет все.

– А Рейв?

– Сценическое имя.

– Но откуда возникло оно? – мне это всегда было инте-

ресно.

– Давай я тебе назову фамилии парней и ты сама все поймешь? – спрашивает Макс. Дождавшись моего кивка, он перечисляет. – Ястребов, Морозов и Ветров.

– Хмм, – на секунду задумываюсь об этом, а потом вспоминаю сценические имена остальных парней – Хоук, Фрост и Винд. Так это же... получается что...

– Ну вот, теперь ты понимаешь. Наши псевдонимы были образованы от наших фамилий.

– А у тебя? Ведь Рейв никак не относится к Самойлову.

– Помнишь, я тебе рассказывал про своего отца? – спрашивает парень, и я согласно киваю. – Так вот, три года назад, именно он помог мне с парнями выпустить собственный альбом.

– Эмм, – посмотрев на меня, Макс вздохнул.

– На мое восемнадцатилетие он подарил мне собственную студию звукозаписи.

– То есть, вы не зависите от своих директоров или спонсоров?

– Нет, мы сами себе спонсоры. Я стал владельцем и генеральным директором студии, а парни – моими партнерами. У нас есть довольно большой штат сотрудников – менеджеры, агенты, консультанты, бухгалтеры, экономисты и адвокаты. Мы хотим в тур, они устраивают нам его. Мы хотим крутой концерт – пожалуйста, только выберите огненное шоу.

– Ясно, – качаю головой, до сих пор не осознавая, что сию

рядом с Рейвом – моим кумиром и парнем, чьим голосом я восхищалась целых три года.

– Ну так, почему именно Рейв?

– Так вот, к чему я это. Он решил сделать меня частью своей жизни. Купил дорогую машину, подарил студию, оформил мне счет в банке, в котором никак не кончатся деньги.

– А ты что?

– А что я? – пожал он плечами в ответ. – Мне его всегда не хватало. И я сначала не верил ему. Но, потом мама сказала, что я должен дать ему шанс. Никто не заставляет меня перебираться к нему и называть его отцом. Ну, и я послушал ее. Сначала относился к нему холодно, а потом просто стал называть его отец. Ему пока этого хватает, а большего я дать пока не могу. И три года назад он спросил у меня, не хочу ли я взять его фамилию. Я согласился, – и замолчал. А я сижу и жду, пока он назовет фамилию, что бы я могла понять.

– Ну? – пытливо смотрю на парня, сжимая в руках кружку.

– Мне просто интересно, ты сама догадаешься или нет? – с ухмылкой на губах спросил парень, забирая у меня пустую чашку и поставив ее на журнальный столик.

Рейв. Рейв. Рейвен. Ворон.

– Вороновский? – представляю парню свою первую версию его фамилии. – Вороневский? Или Воронский? Воронин?

Пока я перечисляю возможные фамилии, Макс заливаает-

ся громким смехом. Тем самым, который я слышала в последний раз неделю назад.

– Хватит ржать, – толкаю его в плечо, прикусив губу и насупив брови. – Не смешно.

– Смешно, – отзывается Рейв, посмеиваясь. – Но нет.

– Тогда просто скажи свою фамилию, – откинувшись на подушку, складываю руки на груди.

– Хорошо, – поднимает он ладони. – Воронов. Моя фамилия – Воронов.

Максимилиан Воронов. А что, звучит. И сразу понятно, почему Рейв.

– Тогда почему в университете ты – Самойлов? И зачем нужен весь этот маскарад?

– Во-первых, для конспирации. Довольно многие знают его. И если бы в универе появился парень с такой фамилией, у многих бы появились вопросы. А я не хочу всю жизнь стоять в тени своего отца.

– Именно для этого ты занялся музыкой?

– Ну, – он задумчиво начинает покручивать кольцо на пальце. – Вообще, это мама в детстве решила отдать меня в музыкальную школу, на пение. Она считала, что у меня хороший голос, который не должен пропадать зря.

– Она была права, – шепчу, опустив голову и чувствуя, как румянец появляется на моих щеках. – Слушай, а это правда, что ты кроме гитары, еще на барабанах играть умеешь?

– Правда, – кивает он. – Я в детстве фанател от бараба-

нов. И мама, вместе с пением, позволила мне ходить на барабаны. А потом и на гитару. Но сейчас не об этом. Я не мог поступить в наш универ с фамилией человека, являющегося членом Большой Пятерки.

– Что еще за «Большая Пятерка»? – впервые слышу об этом. Это что, типа Большой восьмерки стран что ли? Только с людьми.

– Ну, как бы тебе объяснить, – замявшись, Макс почесал затылок, прикусив нижнюю губу. – Короче, Большая Пятерка – это пятеро самых богатых людей страны. Бизнесмены, олигархи, миллиардеры. В общем те, у кого денег – куры не клюют. И каждую фамилию из списка этих людей, знает каждая собака.

Глава 32

Ничего себе. Я и не думала, что папочка Макса настолько богат. У меня, конечно, возникали мысли, что у него отец, может быть, бизнесмен. Но что бы из Большой Пятерки, о которой я от него и слышала, никак нет.

– Так вот, а мой дед уже как пятнадцать лет преподает здесь. Он и потянул за свои ниточки, что бы меня приняли с фамилией матери, – продолжил Макс свой рассказ, видно, немного осмелев и придвинувшись ближе ко мне. Так, что теперь мои ступни лежали на его бедрах, одну руку он положил мне на щиколотку, другую протянул на спинке, а ноги вытянул под журнальный столик. – А маскироваться пришлось как раз из-за того, что я был уже достаточно известным. Ты представляешь, что было бы, если бы весь универ узнал, что у них учиться Рейв?

– Представляю, – прикусываю губу, пытаюсь сдержать улыбку и смех. Его бы в первый день на сувениры разобрали.

– Б-р-р, – передернул плечами Макс, от чего я не смогла сдержать короткого смеха. – И я не хотел этого. Мне и так хватает такого на концертах и после них. Еще и в универе, я бы не выдержал. Поэтому пришлось импровизировать. Запастись кучей геля для волос, купить эти гребанные очки, от которых у меня болят глаза, купить эти свитера, от которых у меня начала проявляться сыпь. В общем, чего только не

сделаешь ради спокойной учебы.

– А, прости за вопрос, почему ты учишься в универе? Разве ты не мог учиться заочно? Та и зачем тебе эта учеба в универе?

– Затем, что слава рок-звезды не навсегда. Она когда-то закончиться. И что мне потом делать?

– Ты же сказал, что владелец своей студии звукозаписи. Разве это не работа?

– Работа, – кивает Макс, и я закусываю губу от приятных ощущений, пробежавших по моей ноге от поглаживания. – Да только что я буду делать? Сидеть в офисе, пить кофе и подписывать неизвестные бумажки? Нет уж, увольте. Если отец подарил мне эту студию, значит я должен знать все ее аспекты. Не только в роли рокера. Для этого я и поступил в универ. Что бы получить образование и умело управлять студией, а не угробить ее за какие-то два года.

– А ты... – начинаю озвучивать свой вопрос, возникший в голове, но его место тут же занимает другой. – погоди, а сколько тебе лет?

– Двадцать один, а что? – не понимая, Макс приподнимает одну бровь.

– Ты ведь должен быть на четвертом курсе, а не на третьем. Почему?

– Я пропустил один год, потому что был занят турне. Мы целый год ездили по стране, какая уж тут учеба. Это потом страсти улеглись, и у меня появилась возможность посту-

пить в универ.

– А как же следующее турне? У вас же должно быть через пару месяцев.

– Так это через пару месяцев, когда у нас каникулы будут. А экзамены я экстерном сдам.

– Ясно, – шепчу, опустив голову. Сердце на секунду сжалось от мысли, что Макс уедет. Что оставит меня.

– Ей, малышка, ты чего? – с тревогой в голосе спросил парень, заметив горечь на моем лице. Подвинувшись немного ближе, он наклонился к моему лицу, одной рукой упираясь в подлокотник дивана за моей спиной, а другой на спинку рядом с головой.

– Ничего, – отвечаю, упрямо повернув голову в сторону, что бы он не видел, что я переживаю о нем или думаю о том, что будет, когда он уедет. Хотя это совершенно безумные мысли. Мы друг другу никто. Просто партнеры по проекту.

– Не переживай, – ласково усмехнувшись, правда я не представляю, как это возможно, но у него получилось, он берет меня за подбородок и поворачивает голову, что бы я смотрела прямо на него. – Я все равно к тебе вернусь.

Завороженная словами парня и взглядом зелено-золотых глаз, я не заметила, как его хватка на моем подбородке усилилась, а расстояние между нашими лицами начало уменьшаться, пока не осталось считанных сантиметров между губами.

– Что мы делаем? – шепчу, поддаваясь вперед и еще

немного сократив расстояние, отделяющее меня от полных губ солиста.

– Без понятия, – хрипло шепчет он в ответ. – И я даже не хочу это выяснять.

Этот поцелуй, не смотря на то, что все два раза я целовалась с одним и тем же парнем, абсолютно отличается от остальных. В тех поцелуях присутствовала какая-то недосказанность, тайна, окутанная мраком. Теперь же тайны остались позади, а таинственность растворилась в свете правды. Уже ничего не сдерживало Макса целовать меня так, как он хотел. Он буквально пожирал мои губы, захватывая то верхнюю, то нижнюю своими зубами. Напористо обследовал мой рот, не позволяя препятствовать ему на пути к абсолютной власти. Закинув ладони ему на плечи, я с удовольствием запустила свои пальцы в его растрепанную шевелюру, наконец, ощущая их мягкость.

– Ох, Алинка, что же ты со мной делаешь? – хрипло выдохнул Макс в мои губы, упираясь своим лбом в мой.

– Не представляю, – шепчу ему в ответ его же слова. Я не представляю, что сейчас происходит, и почему я позволяю всему этому происходить. Я устала. Просто устала. Мне хочется свернуться клубочком в объятьях солиста и заснуть. Что бы меня никто не тревожил. И дал мне спокойно все обдумать.

– Макс, а что будет с нами? – спрашиваю нерешительно, облизывая опухшие и ноющие губы.

– Ты о чем именно?

– Почему ты целуешь меня? Тогда ведь, в клубе, ты мог меня не целовать?

– Мог не целовать, – согласно кивает он в сантиметрах от моих губ.

– Почему тогда ты сделал это? И потом за клубом в образе ботаника? И сейчас?

– Потому что хочу. Потому что ты мне нравишься.

– Правда? – наконец подняв на него глаза, я потираюсь своим лбом об его, встречая его взгляд.

– Правда, – согласно говорит он, улыбнувшись уголками губ.

Черт, рассказал бы мне кто, что Рейв скажет мне, что я ему нравлюсь, ни за что бы не поверила. Та что не поверила, я лично бы зарезервировала этому человеку отдельную мягкую комнату в самой хорошей клинике для душевнобольных.

– Ты мне понравилась еще на первом курсе. Когда стояла в толпе первокурсников, не обращая внимания на кого-то конкретного, вцепившись руками в небольшую золотую сумочку.

– Ты помнишь, какая у меня тогда была сумка? – неверяще смотрю в смеющиеся зеленые глаза, не веря, что он действительно это запомнил. Запомнил ту сумочку цвета расплавленного золота, которую Лиза подарила мне в честь поступления в университет.

– Конечно, помню. И то, что у тебя тогда были распущенные волосы и они постоянно норовили полезть тебе на глаза. И милое голубое платьице с рюшами. Помню, что такой зажатой ты была, пока не пришла твоя безумная подружка.

– Она не безумная, – прикусываю губу, понимая, почему именно он назвал Машку безумной.

– Нет, – говорит он, на мгновение, прижавшись к моим губам. – Но тогда мне она действительно такой показалась. Она, как таран, прошла через весь курс, что бы добраться до тебя, и вернуться обратно в начало. По-моему, это немного безумно.

– Ладно, она безумная, – соглашаюсь с ним. – Но она все равно моя лучшая подруга.

– А я и не против, – говорит он. – Это даже хорошо, что она твоя лучшая подруга.

– Кстати, – мне приходится немного отодвинуться от парня, потому что начала затекать спина. Макс же решил подсесть ближе, положив мои колени себе на бедра, а меня за талию подвинул к себе, и положил мою голову на свое широкое плечо. После этого, удостоверившись что и мне, и ему удобно, солист облегченно выдохнул.

– Кто твой лучший друг? – спрашиваю, положив голову ему на грудь, что бы была возможность посмотреть ему в лицо.

– Ищешь пару своей подружке? – с ухмылкой спрашивает Макс, за что я бью его ладонью по груди. – Ау, ладно. Ты его

видела не только в группе, но и когда мы впервые познакомились. Когда я был Самойловым.

Смутно, но у меня в памяти проскальзывают воспоминания о том, что с Максом в тот день действительно кто-то был. Вот только кто, я, по-моему, так и не узнала.

– Хотя в образе участника группы ты тоже его хорошо знаешь.

– Хмм, это... Хоук?

– Как ты догадалась? – удивленно приподнимает он бровь, от чего я невольно смеюсь. – Ну? Как? – он убирает прядь волос, упавшую мне на глаза, за ухо.

– Когда мы с тобой наблюдали за парнями, я заметила, как о тебе говорит Хоук. Ну, мне это напомнило наши разговоры с Машкой. И я подумала, что, возможно, вы лучшие друзья.

– Это да, – кивает он на выдохе. – Вообще, мы с Димом, – Хоуком для тебя, – учились в одной музыкальной школе, когда я начал изучать игру на барабанах. Он тоже там был. Только в отличие от меня, учился играть на барабанах уже лет пять, точно не помню. И мы всегда мечтали о том, что когда вырастем, создадим свою рок-группу и будем ездить по миру. Он будет играть на барабанах, а я – петь.

– И, в конце концов, ваша мечта сбылась, – шепчу, потираясь о плечо парня.

– Конечно, этот мелкий пакостник так меня задалбывал с этой группой, что я собирался ее создать просто из-за того, что бы он больше не приставал ко мне, – фыркнул Макс,

прижав меня к себе поплотнее.

Мы еще долго сидели на диване и говорили. Говорили обо всем на свете. О прошлом, о друзьях, о любви и предательстве. И я не заметила, как заснула. Все в той же позе. С ногами на бедрах Макса, прижавшись головой к его груди и обняв ладонями за талию. Это была первая ночь за всю мою жизнь, когда меня ничего больше не тревожило.

Проснулась я от непривычного ощущения тяжелой руки на собственной талии и взгляда на своем лице, а также горячего дыхания на своей шее. Но не торопилась открывать глаза, уже понимая, чья это именно рука. А потом приходит осознание, что именно вчера произошло. И сколько тайн парня вчера раскрылось.

– Я знаю, что ты не спишь, – шепчет в мою шею Макс, обдавая кожу горячим дыханием и посылая по ней тысячи мурашек.

Невольно напрягаюсь от его шепота, когда он проводит своими губами по моей шее.

– Уже не сплю, – хриплю в ответ, приоткрывая глаза.

Мы заснули на диване в гостиной Макса. Лежа на боку и укрывшись пледом, Макс лежит за моей спиной, как и я, согнув ноги, рукой обнимая за талию. Одна моя рука находится под подушкой, а другая на ладони парня.

– Хорошо, тогда самое время позавтракать, – выдыхает он, и, поцеловав меня в ключицу, перегибается и, не удержавшись, коротко прижимается своими губами к моим.

– Блинчики будешь? – поднявшись на ровные ноги, спрашивает у меня Рейв, но его слова доходят до меня со скоростью улитки. Потому что он спал без футболки и сейчас стоит передо мной со своим оголенным торсом с шестью кубиками. А я ни у кого не видела кубиков, только на фотографиях моделей. Эдик не считается, так как он мой родственник и у него только едва заметные рельефы. Все-таки гонщику нужно иметь сильные руки и ноги, а торс, главное, что бы не выпирал.

– Нравится вид? – с усмешкой в голосе спрашивает Макс, сложив руки на мускулистой груди.

– Ага, – заворожено киваю, наблюдая за движениями кубиков во время дыхания. – То есть... буду. Конечно, я буду блинчики, – перевожу тему, поворачивая голову в сторону, что бы он не заметил горящих щек.

– Так я и подумал, – усмехнувшись, Макс наклоняет голову ко мне и, повернув за подбородок, прижимается своими губами к моим. – Я на кухню, а ты пока можешь в душ сходить.

– Хорошо, – киваю, невольно облизывая губы со вкусом губ парня – белым шоколадом и кофе.

Улыбнувшись уголками губ, Макс поднялся и отправился на кухню.

Я же, сладко потянувшись, с улыбкой на губах, отправилась в душ, где уже висели мои джинсы и кофта, абсолютно сухие. Но я решила сейчас в них не переодеваться, а так и,

оставаясь в футболке солиста, пошла на кухню, откуда раздавался ароматный и соблазнительный запах горячих блинчиков.

– Вкусно пахнет, – говорю, оказавшись в кухонной зоне и присев на барный стул. Упираясь локтями в столешницу, кладу голову на ладони и наблюдаю за парнем, ловко переворачивающим блинчик на сковородке.

– Согласен, – кивает Максим.

– И от чего же у тебя такое хорошее настроение сегодня? – спрашиваю, улыбаясь, и примерно догадываясь о таковой причине. Каждой девушке в такое утро хочется, что бы причина хорошего настроения парня была именно в ней и ее присутствии. И я не исключение.

– От того, моя дорогая, – с напускной суровостью, что вызвала на моем лице еще большую улыбку, говорит парень, отведя взгляд от сковородки. – Что мне больше нет причин скрывать от тебя свою личность. И что я могу спокойно говорить тебе то, что хочу, боясь случайно проболтаться о том, кто я на самом деле.

– Хорошо, – широко улыбаясь, киваю. – Только, у меня вопрос. Что мы будем делать в университете? Никто же ведь не знает, что ты – Рейв?

Глава 33

– Знаешь, – после минуты молчания, выдохнув и растеряв все свое хорошее настроение, говорит Макс. – Нам нужно в университете оставить все так, как оно есть.

– То есть, делать вид, будто мы просто партнеры по проекту? – спрашиваю, удивившись и сглотив горечь во рту. Первая мысль, возникшая в моей голове это – что он меня стесняется.

– Алина, малышка моя, – положив лопатку, солист подлетает ко мне и тянется своими ладонями к моему лицу через стол. – Я ничего такого не думаю. И я не стесняюсь того, что ты со мной. Наоборот, я хочу кричать об этом всему миру. Хочу выйти с тобой на своих руках на сцену, и в микрофон закричать, что ты моя. Так что, никогда не смей даже допускать мысли о том, что я стесняюсь тебя.

– Но это именно так и выглядит, – возражаю, подняв на него слезящиеся глаза. – Мы с тобой только вчера были просто партнерами по проекту, а сегодня уже встречаемся. Как это будет выглядеть? Да и ты уверен насчет этого?

Сама не знаю, что я несу, но мне важно услышать его ответ на эти вопросы. Шок от вчерашнего давно прошел, и теперь я более-менее трезво смотрю на образовавшуюся ситуацию.

– Нормально это будет выглядеть, – не отведя от меня глаз, говорит парень, немного сильнее сжимая ладони вокруг

моего лица. – И уверен, насчет чего?

– Насчет нас. Тебе не кажется, что это слишком поспешно, начать встречаться сразу после того, как я узнала о том, кто ты на самом деле?

– Не кажется, – сказал, как отрезал. – Ты мне нравишься. Очень нравишься.

– Ты мне тоже нравишься, – отвечаю, мгновенно понимая, что именно я сказала. Улыбка на лице солиста стала только шире, а в глазах заиграли радостные золотые смешинки. – Но... я не знаю... Мне кажется, что прошло слишком мало времени для того, что бы мы начали встречаться.

– Достаточно времени. Алин, я понимаю, ты немного напугана. Но наша жизнь слишком коротка, что бы тратить ее раздумья и сомнения. Понимаешь, я слишком долго смотрел на тебя издалека. И понимаю, что мой напор может напугать тебя. Но я хочу, что бы ты знала. Я хочу, что бы ты была моей девушкой. Что бы я мог позвонить тебе посреди ночи и услышать твой голос. Что бы мог взять за руку и отвести в кафе, где буду кормить тебя пирогом или тортом. Что бы гулять с тобой на улице и ловить завистливые взгляды и чувствовать, что ты моя.

– Макс, – шепчу, жадно всматриваясь в лицо парня. – Я...

– Ничего не говори, – качает он головой, прижав указательный палец к моим губам. – Я ничего не хочу слышать. Просто.... Давай ты подумаешь эти выходные. О нас. О том, чего ты хочешь. А потом мне расскажешь о своем решении.

Хорошо?

– Угу, – киваю, пока мои губы горят от прикосновения к ним его пальца.

– Хорошо, – удовлетворенно выдыхает он, не убирая рук с моего лица, наклоняет поближе к себе и коротко, но жарко, целует в губы. На мгновенье задыхаюсь от его жадного напора, словно он не хочет меня отпускать. Но он быстро отпускает мои губы и, убрав руки, возвращается обратно к плите.

– Тебе чай, или кофе? – спокойно спрашивает, ставя чайник. А я ежусь и пытаюсь опустить футболку парня еще ниже. Спокойствия и расслабленности, царившей пару минут назад, как не бывало. Осталось только напряжение и недосказанность.

– Кофе, – киваю, отводя взгляд в сторону.

Мне стало неудобно сидеть на кухне Макса, пока он жарит блинчики и готовит нам кофе.

– Может, тебе помочь? – спрашиваю, поднимаясь на стуле.

– Не надо, – не поворачиваясь ко мне, качает он головой из стороны в сторону. – Я почти закончил.

Я лежала в своей кровати, сложив руки на животе, и уставившись в потолок. Макс вчера, после того как мы позавтракали, отпустил меня переодеваться, а потом отвез к дому. Как в тот день, когда он еще был просто ботаником, и отвез меня обратно домой. Также молча, и отвернув голову. Только в этот раз, перед тем как отпустить меня, он схватил меня

за руку, подтянул к себе и жарко поцеловал. Я потерялась во времени, и не заметила, как оказалась между его ногами, обнимая за шею и зарывшись пальцами в его волосы. Он крепко прижимал меня к себе, обнимая за талию. А потом просто отпустил и сказал идти домой. Я шла к подъезду, чувствуя на затылке взгляд парня. Поднималась к своей квартире в полной тишине, так и не слыша звука отъезжающего мотоцикла. Закрыв дверь квартиры, я, сбросив ботинки, пальто, и бросив сумку на пол, побежала к окну на кухне выходящим на внутренний двор. И оказалась права в своих мыслях. Он никуда не уехал. Макс сидел на своем байке, шлем висел на ручке руля, а сам парень смотрел прямо перед собой. А потом, словно заметил мой взгляд на себе, поднял голову сразу на мое окно. Минуту мы обменивались взглядами, пока, в конце концов, он не кивнул, и, надев на голову шлем, не выехал из двора.

Дома в это время было тихо и спокойно. Лиза еще спала, а из комнаты Эдика постоянно раздавались какие-то звуки, источника которого я не могла различить. Но меня это уже не столь сильно волновало, как то, сколько всего произошло всего за один день. Убрав беспорядок в коридоре, я зашла на кухню за горячим кофе и шоколадным печеньем.

А потом я просто улеглась на кровать, перед этим не забыв переодеться в свой самый лучший (самый удобный) наряд. Большая, на три размера больше моего, черная рубашка, с каким-то изображением на спине, на который мне в данный

момент было немного все равно. Пижамные шорты в вертикальную черную полоску. На ногах высокие белые, с двумя красными полосками наверху, гольфы.

И вот, уже, по моим ощущениям, несколько часов, тогда как на самом деле всего несколько минут, я рассматриваю потолок своей комнаты и думаю о том, какой неожиданный кульбит сделала моя жизнь.

Жила себе нормально. Никого не трогала. Не матери-лась, – моменты апогея здесь не считаются, – не билась и старших уважала. Так нет же, влюбилась. И не абы в кого, а самого популярного парня университета. Ну, ладно. Допустим, это произошло. Дальше безумная идея моей подруги, на которую я купилась. Сама идея заключалась в том, что бы я начала общаться с объектом своих грез, когда мы станем партнерами по проекту. Но тут, неожиданно, наш главный экономист университета, магистр наук и самый любимый профессор экономики – Константин Геннадиевич, решил изменить себе и, не сделать как обычно и распределить нас по списку, а наугад. Хотя, я сейчас вполне начинаю понимать, что со мной он поступил как раз по списку. Ведь Самойлов в списке стоит раньше Соснова. Но почему тогда Машка с ним, если она Круглова? Возможно, это так и останется для меня загадкой. Но, сейчас не об этом. Дальше оказывается, что Максимилиан Самойлов не такой простой ботаник, как кажется на первый взгляд. Он слушает рок, имеет гордость и... умеет хорошо целоваться, чего я, если честно,

вообще от него не ожидала.

И тут, вчера вечером, когда я впервые решилась на такой поступок и на одном адреналине решила все решить, правда всплыла наружу. Что, парень, который все это время притворялся ботаником и водил меня за нос, на самом деле молодая звезда. Солист самой популярной рок-группы в стране и парень, чей голос я слушала часами и на чьи картинки не могла насмотреться, мечтая о том, каким он будет, когда я его увижу. Ну, я его увидела. В одном полотенце, с оголенным накачанным торсом, взъерошенными мокрыми волосами и яркими зелеными глазами с золотыми бликами. И вместо того, что бы устроить истерику, – мне удалось только начать, но ее очень быстро погасили, – я поддалась на его уговоры и решила выслушать. С чего стало ясно, что этот весь маскарад и притворство в виде ботаника, был всего лишь способом спокойно учиться, и не привлекать к себе внимания. С чем я согласилась. Дальше последовало то, что он на самом деле мне не врал, кроме того факта, кем являлся. А потом был поцелуй, итогом которого стало то, что я неожиданно стала девушкой рок-звезды. И вместо того, что бы прыгать на месте, как это было, когда Машка сказала мне, что мы идем на концерт «В огне», я застыла как вкопанная. И у меня в голове и мысли не было о том, что это мне предложил мой кумир, рокер с фантастическим голосом и мечта всех девушек. Все закончилось тем, что я уснула рядом с ним на его диване в обнимку.

Утром я внезапно протрезвела от вчерашнего шока и чисто посмотрела на ситуацию. Я решила, что такое предложение весьма поспешное. Что мы слишком торопимся. Что я собственно и высказала парню, который впервые за последние недели готовил завтрак и улыбался, словно кот объевшийся сметаны. И испортила ему чудесное настроение. Тогда, вместо того что бы спокойно пожать плечами, как бы это сделал любой рокер-сердцеед, он вцепился в мое лицо и заявил, что я ему нравлюсь с того самого дня, три года назад, во время первого дня в университете. И что он не считает, что это слишком поспешно. Что мы должны жить сегодняшним днем. Что жизнь слишком коротка, что бы тратить ее на раздумья. И я с ним согласна. Но все равно считаю, что это слишком поспешно. Что мы торопимся, и совершенно не знаем друг друга.

– Алин? Ты уже дома? – тихо постучав в дверь и приоткрыв ее, в мою комнату заглядывает Лиза.

– А с чего вы решили, что я уже дома? Может быть, я еще дома? – спрашиваю, не поворачивая на нее головы.

– С того, что мы тоже были молодыми, – хмыкнув, говорит тетя, смело заходя в комнату и присаживаясь на кресло рядом с моей кроватью.

Это кресло, кстати, я перетащила сюда неделю назад. Мне показалось, что это отличная идея, сидеть в кресле рядом с напольной лампой и читать книгу. И, потратив достаточно сил, что бы выгнать с кресла Эдика и, в одиночестве, под из-

девательское хмыканье дяди, я перетянула его к себе в комнату. А потом оказалось, что я не способна читать сидя в одном месте. Я постоянно ворочаюсь, перекидываю ноги, могу даже читать, закинув ноги на спинку кресла. И после пяти минут таких трепыханий, я пересела на кровать, где продолжила спокойно читать. Так что, это кресло теперь просто стоит рядом с моей кроватью и ждет того момента, пока я решу перенести его обратно в гостиную.

– И тоже когда-то под видом разговоров и выяснений отношений уходили из дома, и не возвращались до утра, – заканчивает свою мысль Лиза.

– Да, но ты уходила, зная, что он твой парень или друг, который может им стать. У меня-то совсем не так все, – приподнимаюсь, опираясь на локти, и поворачиваю голову на нее.

– Это не важно, с кем ты уходила разбираться. Тем более что Эдик, как обычно, ничего мне толком и не рассказал, – пожимает Лиза плечами. – И, собственно, мне бы хотелось услышать это из твоих уст.

– А что рассказывать? – пожимаю плечом. – Я шла разбираться со своим другом, какие именно у него секреты. А в итоге получилось, что он совершенно не тот, кем я его все это время считала.

– А кто он? – спросила Лиза, невольно подвигаясь на край кресла, с горящими от интереса и любопытства, голубыми глазами.

– Эмм, – черт, я только сейчас подумала о том, что не могу сказать Лизе и Эдику, да и всем остальным, кем на самом деле является Макс. – Скажем так, он весьма известная личность в последние три года.

– Ясно, – кивает Лиза, и я мысленно выдыхаю, что она не решила допрашивать меня дальше насчет того, чем именно занимается парень. – И что?

– И он рассказал мне, что я ему нравлюсь. И, собственно, предложил мне встречаться. Вчера я ничего на это не ответила, и у нас все было, как бы, хорошо. Но утром я поняла, что это все слишком быстро и мы совершенно не знаем друг друга. А он попросил меня эти выходные подумать, а потом сказать свое решение. Но я совершенно не знаю, что ему завтра отвечать, – всхлипнув, я окончательно расстроилась и сев на кровати, подтянув колени к груди, я сложила на них руки и опустила голову.

– Ей, ей, – ласково глядя меня по волосам, Лиза села рядом со мной. – Успокойся, Алинка.

– И... он сказал... что наша жизнь слишком коротка для всего этого. Что... это ничего не быстро... Что мы должны жить сегодня... – подняв голову, говорю я Лизе, между всхлипами. Я и сама не заметила, как начала плакать.

– Ну все, успокаивайся, – мягко сжав мои плечи, она попыталась заглянуть мне в лицо. – Знаешь, я думаю, что он прав.

– Что? – неверяще поднимаю голову на девушку. – Что

значит, прав?

– Я именно имею в виду, что он прав. Алин, наша жизнь слишком коротка, что бы думать и сомневаться. Думаю, что я должна тебе рассказать одну историю, – выдохнув, она утерла мои слезы на щеке пальцем и отвела взгляд. – Этот парень, с которым я сейчас встречаюсь, не просто очередной мой поклонник. Он – мой первый поклонник. В школе мы с Эдиком не были популярными. Наоборот, отбросами. Над нами издевались, дразнили. И только этот парень обратил на меня внимание. Мы стали друзьями, а спустя каких-то две недели он признался мне в любви и предложил стать его девушкой. Я сомневалась, так как была не уверена и думала, что мы слишком спешим. Как ты сейчас. И я сказала ему «нет». После выпуска он уехал. Исчез из моей жизни. Я даже забыла о нем. И вот, он снова вернулся в город. Мы встретились на работе, так как он – владелец самого крупного издательства в стране. Он снова начал за мной ухаживать. И знаешь, когда он неделю назад, через два дня после того, как мы впервые встретились за эти восемь лет, он предложил мне быть его девушкой, я, не раздумывая, сказала «да». Потому что, только сейчас я понимаю, что он именно тот, кто мне нужен. Именно из-за него у меня по коже бегут мурашки и проскакивает электрический ток. И меня ужасает одна мысль о том, что он был бы с кем-то другим. Что у него была бы сейчас другая семья.

Глава 34

Я сижу, и с удивлением слежу за мимикой лица Лизы. Ей действительно жаль было, когда она рассказывала, как отказала этому парню. И какая досада и мука проскакивали на ее лице, когда она говорила, если бы у него была другая девушка.

– Поэтому, – Лиза наконец оторвала взгляд от рассматривания обоев и повернула на меня голову. – Я советую тебе согласиться. Не потому, что он какая-то звезда. А потому, что такой шанс может быть одним в жизни. Он может оказаться твоей судьбой, а своим отказом ты его навсегда потеряешь. И тебе может не повезти, как это произошло со мной.

– Но мы ведь так мало знаем друг друга, – пытаюсь оправдаться, опустив голову.

– И что? Вы можете друг друга и в процессе изучить. С чего это вообще все должны сначала изучать друг друга, а потом встречаться? Это же скучно. Именно из-за этого все пары так быстро и распадаются. Потому что они уже изучили друг друга, а когда начали встречаться, им стало скучно.

– Но... – пытаюсь возразить.

– Никаких «но», – категорически заявляет Лиза, качая головой. – Лучше попробовать и пожалеть, чем не попробовать и жалеть всю оставшуюся жизнь. Даже если у вас ничего не получится, это не страшно. Зато ты потом будешь с

удовольствием вспоминать эти моменты. Так что, может из этого что-то и получится.

И пожав плечами, Лиза поднялась на ноги и поправила подол кофты.

– Лиза, – нерешительно зову девушку, открывшую дверь.

– Ммм? – повернулась она ко мне лицом.

– Спасибо тебе. Правда.

– Пока не за что, – кивает она. – Надеюсь, что ты прислушаешься к моим словам и сделаешь правильный выбор. Ты не сможешь хранить свое сердце целым вечно. Когда-то наступит такой момент, когда ему придется разбиться.

А потом она вышла из моей комнаты, оставив меня раздумывать над ее словами. А там было над чем подумать.

И она, и Макс были правы. Наша жизнь слишком коротка, для каких-либо сомнений. Нужно хватать возможность, пока она не ускользнула от меня навсегда. Тем более, что со мной может случиться, если я соглашусь на предложение Макса. У меня могут быть несколько месяцев, а может и всего лишь недель, проведенных с удивительным парнем. Я смогу узнать самого парня, который привлекал меня все эти три года, с момента создания группы. И в последнее время особенно. Смогу узнать его как человека, а не просто маску ботаника или известного рокера. Разве это будет не замечательно? И даже когда мы расстанемся, и я привяжусь к нему еще сильнее, рыдая в подушку и заедая горечь сладостями, не буду жалеть о времени проведенном с ним.

А с другой стороны, что будет после? Я буду дни просиживать дома, лежа в кровати и обнимая подушку? Пока, в конце концов, не появится в моей жизни парень, абсолютная противоположность Максусу? Я буду с ним гулять, общаться и целоваться, про себя сравнивая его с солистом? А что потом? Даже лежа в кровати со своим новым парнем, а может будущим мужем, я буду тихо плакать, вспоминая Макса и все дни вместе с ним?

Решительно поднявшись на кровати, сама себе киваю. Самое главное решение для себя я уже приняла. И сказать его Максусу по телефону я не могу. Это будет слишком невежливо и низко с моей стороны. Он должен услышать его завтра, когда будет стоять напротив меня в образе ботаника. Либо, может быть, как он есть на самом деле, без зализанных волос, очков и свитеров поверх рубашек.

Беру телефон с пола и, не раздумывая о дальнейшем, набираю сообщение Максусу.

«Привет, у меня есть для тебя ответ. Встретимся завтра в универе?».

И нажимаю «отправить». И будь, что будет. Даже если я когда-нибудь пожалею о своем решении, это будет после, а сейчас я буду жить сегодняшним днем.

Дергаюсь от вибрации телефона в моей руке, и, опустив голову, вижу входящее сообщение от Максима.

«Привет, очень надеюсь на твой положительный ответ. Хотел бы сказать, что отрицательный ответ не

принимается. Но, я сам тебе позволил все решить. Завтра универе меня не будет. Репетиция с парнями. Встретимся в кафе. Какое именно, напишу завтра. Спокойной ночи».

Коротко, содержательно, и по делу. Очень не в духе рокера, которого я представляла. Мне казалось, что все рокеры такие: матерятся через каждое слово, предпочитают громкие вечеринки в ночных клубах с толпами легкодоступных девушек и реками алкоголя. Но Макс оказывается самым настоящим исключением из правил. По крайней мере, таким он предстал передо мной. Вежливым, культурным, не похожим на алкоголика или бабника.

«Хорошо, спокойной ночи».

Быстро отправляю, и блокирую телефон. Сейчас можно выдохнуть. До завтрашнего дня и встречи с Максом, я уже ничего не смогу сделать. Только ждать, пока он не услышит мой ответ.

Поднявшись с кровати, я поправляю подол футболки и выхожу из комнаты. Пора перекусить. И судя по привлекательным запахам с закрытой кухни, кто-то из моих двух близняшек готовит что-то экзотическое и вкусное.

Зайдя на кухню, я едва не начинаю смеяться в голос. Прикрываю ладонью рот, пытаюсь сдержать вырывающиеся оттуда смешки. Зрелище, представшее передо мной не может не вызывать смеха.

Стол походит на поле битвы, как и сама кухня включи-

тельно. Везде разбросана мука, на полу несколько разбитых яиц, а стол, за которым мы обычно едим, перевернут и служит щитом для Лизы, вооружившейся ополонником и сковородкой. С ее волос стекают яйца, а лицо и одежда покрыты слоем муки. Эдик стоит с другой стороны кухни, полностью открыв холодильник и морозилку, также используя их как щит. В одной руке у него лопатка, а в другой крышка от самой большой кастрюли.

– Сдавайся, сестренка! – кричит Эдик из своего импровизированного укрытия. – Тебе все равно меня не одолеть.

– Это мы еще посмотрим! – кричит в ответ Лиза, на мгновение, показавшись из-за стола, и тут же спрятавшись от левешего в нее сырого яйца.

– Что, черт возьми, тут происходит? – смех быстро проходит, пока я смотрю на эту милую и грязную картину. В прямом смысле этого слова.

Растерянно повернув на меня головы, они лицезрят меня, застывшую в дверном проеме в одной длинной футболке и гольфах, сложив руки на груди и прожигающую их злым взглядом.

– Мелкая? А ты дома? – удивленно спрашивает Эдик, отпустив дверцу холодильника и позволив ей захлопнуться.

– Конечно, дома, – киваю, все еще не понимая и злясь, что они такое устроили. – Что вы тут устроили? – обращаюсь к Лизе, вставшей из-под стола. – Ты же вышла от меня пять минут назад.

– Алинка, – обращается она ко мне, тут же указывая пальцем на своего брата. – Это он все устроил. Я хотела тебя подбодрить и приготовить лазанью. А Эдик решил, что нужно готовить чизкейк.

– И что? – перевожу яростный взгляд с одного на другую. – А нельзя было это спокойно решить?

– Мы начали, но потом он бросил в меня яйцо, – вновь показав пальцем на Эдика, говорит Лиза.

– Это было случайностью. Ты лезла мне под руку со своими «Я буду готовить лазанью», «Отойди, мне нужно это». Конечно, я не смог удержать яйца. Но ты специально бросила в меня мукой!

– Хватит! – кричу на обоих. – Так, теперь, благодаря вам, мои кулинары, у нас не будет ни лазаньи, ни чизкейка. А только генеральная уборка кухни. И, конечно, закупки новых продуктов. Вы же разбили и уничтожили все, с чего у нас можно было приготовить.

Понуро опустив головы, они внимали моим словам. А я, не смотря на показную решительность и злость, смеялась над получившейся ситуацией. Ну а что, у меня впервые появилась возможность побыть взрослой в этом доме и раздавать указания. Каждый бы на моем месте не упустил этой возможности.

– Так, пока я начинаю уборку, сходите оба в ванную. Быстро только, – последнее обращение адресовано исключительно Эдику и его любви побыть в ванной несколько часов. –

Мигом в душ.

Побросав свое оружие на пол, они наперегонки скрылись в коридоре. Выдохнув, я, осторожно ступая, шла по полю битвы, пытаясь не вступить в яйца и муку, а также овощи, сыр и куски колбасы. Никогда до этого момента я не думала, что мои взрослые дядя с тетей, способны на такое. Конечно, у них бывали такие моменты, когда они пытались с помощью детских выходов решить свои споры. Но до такого никогда не доходило.

Спустя два с половиной часа, мы закончили уборку на кухне. Она у нас прошла в тишине, потому что Эдик и Лиза разбрелись по углам и занимались каждый своей стороной. Эдик – холодильником и плитой, Лиза – уголком со столом и рядом стоящим шкафом, а я – окном и кухонным гарнитурой. После этого я отправила их по магазинам за продуктами, сразу подчеркнув тот факт, что Эдик покупает ингредиенты на чизкейк, а Лиза – на лазанью. Я в это время сидела за чистым столом и пила чай с бутербродами. Нужно же мне перекусить после всех этих раздумий и уборок.

Вернувшись, они вместе стояли и готовили поесть. Под моим присмотром, конечно. А приготовив лазанью, Лиза села рядом со мной и наблюдала, как Эдик заканчивает приготовление чизкейка. Полностью закончив, мы сели вместе за стол и стали есть горячую и вкусную лазанью.

– Ну что, систер, – обращается к девушке Эдик, едва не застонав от вкуса еды. Я тоже едва сдерживала стоны и вздо-

хи, пока ела. – Как там твой новый поклонник?

– Он не новый, – опустив голову, отвечает Лиза.

Тихо усмехаюсь, в отличие от Эдика, уже зная о ее новом-старом поклоннике.

– Старый что ли? – смеется пареньь.

– Угу.

– Так, – Эдик откладывает пустую тарелку в сторону. – А ну ка, рассказывай Лизон, кто решил вновь наострить на тебя свои когти? Неужели этот твой пафосный и гордый Всеволод? – она качает головой. – Вундеркинд Григорий? – снова отрицательно. – Только не говори мне, что это Святослав Превосходящий?

Сначала может показаться, что все эти прозвища просто так. Что бы потешить самолюбие Эдика, как главного и единственного мужчины в нашей жизни. Или для потехи над всеми теми парнями, ставшими жертвами голубых глазок Элизаветы Розановой. Нет. Все эти прозвища придумал Эдик для себя. Что бы было легче ориентироваться среди огромного количества ухажеров его сестры. Ведь их куча, надо же как-то различать. Именно так возникли Святой Валентин, Древний Константин и Библиотека имени Всезнайки. Последний приобрел свое имя от того, что постоянно выкладывал Эдику значения слов и выражений, исправлял, когда тот ошибался в формулировках и указывал, что то или это такое.

– Нет, – вслух говорит Лиза, выдыхая. Подозреваю, что она опасается реакции брата.

– Тогда кто же? – складывает он руки на столе.

– Это Денис.

– Какой Денис? – усмехается Эдик. – Третий или четвертый?

А когда их несколько, парни приобретают номера.

– Первый, – тихо отвечает Лиза, как будто стыдиться этого. Но я-то знаю, что это не так. Это не стыд, это страх реакции Эдика.

– Ты серьезно? – изумляется парень. – Этот неудачник? Ты совсем спятила, Элизавета?

Если Эдик называет ее полным именем, дело плохо.

– Он не неудачник, – храбро подняв глаза на брата, говорит Лиза с прямой спиной и яростным взглядом. Самка защищает своего самца. – Больше нет.

– Конечно, больше нет. Неудачник – это навсегда.

– Кто бы говорил.

– Я не считаюсь, – отвернув голову, говорит Эдик. – И вообще, не обо мне разговор, а о твоём Денисе. Ты же ему уже один раз отказала.

– А сейчас передумала, – начиная закипать, Лиза поднимается на ноги, уперев руки в край стола. – Я имею право встречаться с кем хочу. Новый или старый поклонник. Какая, к черту разница?

– А такая, что я твой брат и должен тебя защищать! – Эдик также поднимается на ноги, становясь с Лизой нос к носу. Ну, с ростом Эдика, в данном случае, нос к груди. – И не

позволить вновь наступить на одни и те же грабли!

– А не надо! Потом сама передвину эти грабли в сторону!

– Стоп! – поднимаюсь на ноги, пытаюсь перевести внимание близняшек на себя. – А давайте пригласим его к нам на ужин и посмотрим на него?

– А что, неплохая идея, – успокоившись, кивает Эдик, сложив руки на груди. – Посмотрим на твоего нового-старого ухажера.

– Посмотрим, – став в аналогичную позу, Лиза хмурит брови. – На следующие выходные.

– Конечно. Если он не сменится другим.

– Не беспокойся, не сменится.

Фыркнув друг на друга, эти двое встали из-за стола и отправились по своим комнатам. Я осталась сидеть одна за столом, пока в духовке готовился чизкейк.

– Мелкая! – зовет меня из своей комнаты Эдик. – Выключи духовку через десять минут. Приятного аппетита!

– Приятного аппетита, – поддакивает Лиза из своей комнаты.

– Ага, спасибо, – киваю, вода остывший кусочек лазаньи по тарелке.

Выключив духовку, я достала чизкейк и накрыла его крышкой, а лазанью переложила в судочек и поставила в холодильник. Зевнув, я устало потянулась и отправилась в свою комнату. Хватит с меня сегодняшних приключений. Пора лечь на боковую и погрузиться в ласковый и приятный

сон.

Уже в кровати, заплетя волосы в свободную косу и переодевшись в шелковую пижаму, я думала о том, что прав был Шекспир:

«Любовь бежит от тех, кто гонится за нею, а тем, кто прочь бежит, кидается на шею».

Глава 35

Проснувшись на следующий день, я поняла, что сильно нервничаю. И не просто сильно, а очень-очень сильно. У меня дрожали руки, пока я пила кофе и Лиза собиралась вызвать скорую, думая, что я чем-то заболела. А когда я сказала ей, что сегодня после университета встречаюсь с Максом, что бы сказать ему свое решение, она засмеялась и предложила мне немного успокоительного. Из того, что хранится у Эдика в комнате в специальном подлокотнике дивана. Покачив головой, я сказала, что попробую справиться с этим своими силами. Заметив, что девушкам не принято своими силами справляться с таким родом переживаний, Лиза решительно достала из холодильника чизкейк и положила кусочек мне на тарелку.

Еле отделавшись от усмехающейся девушки, догадывающейся о моем ответе, я вернулась в свою комнату. И тут же растерялась, так как не представляла, что мне сегодня надевать. Джинсы и кофту? Подумает, что мне плевать. Платье и туфли? Что я одна из его фанаток, очнувшись после того, что было в пятницу вечером.

– Черт, – шиплю сквозь зубы, опустившись на край кровати и уперев локти в колени, закрываю лицо руками.

– Мелкая, чего опять страдаешь? – спокойно заходит в мою комнату Эдик.

– Не знаю, что надеть.

– Так, – задумчиво говорит Эдик передо мной.

Приоткрыв глаза, осматриваю его внешний вид. Ему-то просто выбрать одежду. Что не одень, все к лицу. Даже сейчас, в черной кожанке с серебряными заклепками, черной рубашке с несколькими расстегнутыми пуговицами, низких джинсах с короткой цепью, зацепленной за карман и уходящей назад, и черными берцами. В таком виде можно и на вечеринку, и на гонку, и на свидание, и на свадьбу. Один лук на все случаи жизни. А мне что делать? Что мне одеть такое, что бы Макс ничего такого не подумал.

– У тебя полным полно шмоток, и ты не знаешь, что надеть? – удивленно спрашивает Эдик, уперев одну руку в бок.

– Угу, – киваю, вновь спрятав лицо в ладонях.

– Не замечал за тобой такого, что бы ты в обычный учебный день собиралась надеть что-то такое. Мелкая, – он наклоняется, что бы заглянуть мне в глаза. – Признавайся, тебя популярная девушка укусила?

– Нет, – качаю головой, улыбнувшись.

– Тогда с какого перепугу ты сидишь тут и мыслителя строишь? Надевай джинсы и кроссы и вперед с песней.

– Я не могу одеть кроссы и джинсы, – качаю головой.

– С чего это вдруг?

– С того, что сегодня после универа я увижусь с Максом.

– Оп-па, а это уже интересно, – не скрывая любопытства, Эдик садится передо мной в кресло и закидывает одну ногу

на другую. – Подозреваю, что вы уже обо всем поговорили.

– Почти.

– Собираетесь договорить об этом после универа?

– Да.

– А почему не в универе?

– Его сегодня не будет.

– Хмм, интересно. А почему его сегодня не будет? Ботаники обычно не пропускают.

– По себе знаешь? – язвлю в ответ, приоткрыв лицо.

– Язва, – усмехается в ответ Эдик, потирая указательным пальцем бровь. – Так почему его сегодня не будет, он тебе не сказал?

– Сказал, – киваю, подняв на него взгляд. Сталкиваюсь с глазами цвета темного шоколада или крепкого кофе. – У него сегодня днем репетиция с парнями.

– Так значит, я угадал? – с ухмылкой спрашивает Эдик, указывая себе за спину, где над моим письменным столом висит небольшой плакат с парнями «В огне». В центре стоит Рейв, смотрящий прямо перед собой, нахмурив черные брови. А в его застывших зелено-золотых глазах полыхает решительность.

– Как бы это ни было странно, но да.

– Ха! – весело восклицает Эдик, повернувшись в сторону открывшейся двери. – Систер, гони магарыч. Ты продула!

– Что? – растерянно говорит Лиза, застыв в дверном проеме.

Кажется, что Эдик ее вырвал прямо из-под расчески. Половина волос расчесана и гладкими волнами ниспадает ей на плечо, а другая половина взъерошена и растрепана. О чем, кстати, свидетельствует зажатая в руке расческа. В остальном же, Лиза вполне готова к труду и обороне. Светло-розовая кофта с изображением кота на груди и длинными рукавами, светло-серые джинсы с подкатами и ботильоны на высокой танкетке.

– Как это, продула? – очнувшись, спрашивает у Эдика Лиза, дрожащим пальцем показывая в сторону того же плаката с Рейвом. – То есть он...? Ты не говорила, что твой Макс – солист Рейв.

– Эмм, – а вот тут я растерялась, забыв, что не сказала Лизе, кто такой Макс на самом деле. – Упс.

– Ладно, – выдохнув, Лиза уперла руки в боки и сказала Эдику. – Твоя взяла, следующие коробки твои.

– Стоп, – останавливаю их, понимая суть происходящего. – Вы что, спорили на то, кем является Макс?

– Это была его идея, – сразу сдает брата Лиза, указывая на него рукой с зажатой в ней расческой.

– Да, моя, – кивает Эдик. – Потому что ты мне не поверила, когда я тебе сказал, что наша Алинка закрутила роман с рокером.

– Ничего я не закрутила, – отрицаю, садясь на кровати ровнее.

– Это пока, – кидает он мне. – Сегодня закрутишь.

Фыркнув, я сложила руки на груди и повернула голову в сторону.

– Но ты предложил поспорить, – отвечает Лиза.

– Да, предложил. И ты проиграла. Так что, мелкая, следующие четыре коробки конфет не трогать. Они мои, честно выигранные.

– О Боже, я не верю, – выдыхаю, опустив голову. – Вы поспорили на коробки конфет.

– А что, – Эдик спокойно пожимает плечами. – Должен я как-то развлекаться и открывать вам глаза на правду. Вы-то обе не видите очевидных вещей.

– Каких еще вещей? – поворачиваю голову на дядю.

– Что именно ты имеешь в виду? – положив ладони на бедра, и сверля Эдика яростным взглядом, говорит Лиза.

– Самых элементарных. Неужели ты настолько редко смотришь на своего рокера, что не могла догадаться, что твой ботаник – его копия, только прилизанная и очкастая? Это вам не приворот², где две книги главная героиня думает, что два абсолютно одинаковых парня просто близнецы, а не один и тот же человек. Не бывает настолько кардинально разных близнецов. Они всегда чем-то похожи.

– Здесь я соглашусь с ним, – кивает Лиза.

– К счастью, ты не думала о том, что рокер и ботаник – близнецы.

– В отличие от книги, – заявляю Эдику. – Я виделась с

² Имеется в виду серия книг Анны Джейн «Музыкальный приворот».

Рейвом всего один раз и то на концерте.

– Отлично, значит, в принципе не могла думать о близнецах, – кивает Эдик.

– Кстати, а почему ты до сих пор сидишь? Разве тебе не пора в университет? – повернув голову, замечает Лиза мой вид в пижаме.

– Вообще, пора. Но я не имею понятия, что мне надеть.

– Это не проблема, – легко взмахнув руками, Лиза вручила мне в руки темно-синие джинсы и легкую кофту с мордочкой собаки в черных очках, черной косухе и с электрической гитарой в руках. – Вот, – указала она мне на получившийся лук.

– Эмм, – нерешительно замираю, смотря на одежду в своих руках. – Тебе не кажется, что это слишком просто для такого события?

– Вообще не кажется, – качает Лиза головой. – Как раз то, что нужно. Не официально, и в твоём вкусе. Что бы у него даже мысли не возникло, что ты слишком сильно готовилась к этой встрече. А кофта будет легким ему намеком, – усмехнувшись, Лиза поворачивает голову к улыбающемуся Эдику. – Посмотрим, насколько он догадливый.

В ответ Эдик кивает, переводя на меня довольный взгляд. Лиза поворачивается ко мне, кивком головы указывая на джинсы и кофту. Умоляюще посмотрев на нее, я лишь устало выдохнула и поднялась.

– Вот и отлично, – довольно замечает Лиза, хлопнув в ла-

доши, и потянув Эдика за подол куртки, выводит из комнаты.

Оставшись в одиночестве, я решила что, все-таки, кое в чем Лиза права. Я не должна делать из нашей с Максом встречи такое уж событие. В том, что я собираюсь дать ответ насчет наших дальнейших отношений, нет ничего такого значительного и особенного. Так что надо успокоиться и сделать вид, будет для меня это самый обычный день.

«Все нормально. Это обычный день. Ничего особенного».

Повторив несколько раз получившуюся мантру, я глубоко дышу, прежде чем одеться в то, что мне дала Лиза. Довольно милая голубая кофточка с отложным белым воротничком, рукавами до локтей и белой полоской ткани, как на воротнике, выглядывающей из-под подола. Словно рубашка, поверх которой накинута кофта. Темно-синие джинсы с потертостями на коленях и несколькими нашивками. Довольно необычно, но на джинсах смотрится очень круто. После этого приступаю к макияжу, точнее только к его намекам. Черная тушь, гигиенический блеск для губ и карандаш для бровей. Передние пряди волос завязываю сзади в небольшой хвостик, оставив основную массу ниспадать на плечи и спину. Ко всему этому я выбираю черные кеды Converse со звездами по бокам. И беру свой постоянный черный кожаный рюкзак. В коридоре, надев кеды, поверх кофты накидываю черную кожанку.

– Я в университет! – кричу, открывая дверь ключом. Не

услышав ответа от Лизы с Эдиком, я уже собралась делать первый шаг, как невольно посмотрела на пол. И едва не раздавила коробку конфет. Небольшую коробочку, но зато очень вкусную. Выполненную в форме сердца с перевязанной красной ленточкой, под которой спрятано небольшое послание. Подняв коробку, вытягиваю листок из плотной бумаги с серебряными вензелями по краям. И сразу же улыбаюсь от написанного.

«Малышка, прости за мою эту вольность. Не смог удержаться.»

Р. S. Все еще надеюсь на положительный ответ. И у меня даже мысли в голове не было, что бы задобрить тебя конфетами».

Даже подписи не надо, и так понятно, кому именно адресовано это сладкое послание. Тем более что я сразу узнаю сей почерк. Две недели назад Макс давал мне свой конспект по экономике. В отличие от меня, у него не было привычки иногда засыпать под голос Геннадиевича.

Усмехнувшись, я убираю листок в рюкзак. А потом разворачиваюсь, планируя спрятать коробку в свой тайник, чем и делаю большую ошибку.

– О, – довольно восклицает Эдик, решительным шагом приближаясь ко мне. – А вот и первая партия моего магарыча.

– Еще чего! – восклицаю, отпрыгивая назад, вцепившись обеими руками в бедную коробку. – Это мне подарили.

– А я не уточнял, чьи именно это будут конфеты. Я говорил следующие четыре. Для тебя, мелкая, или для сестер, они все равно будут мои, – и протягивает ко мне и конфетам свои руки загребушие.

– Лиза! – зову тетю, делая еще шаг назад.

– Ладно, ладно. Хорошо. Я понял, мелкая, – широко ухмыляясь, Эдик миролюбиво поднимает руки на уровень головы, и отходит на несколько шагов назад. – Я пошутил. Я не заберу твои конфеты.

– Хорошо, – опасливо киваю, боком проходя мимо парня.

Пока я бегу к своей комнате, прижимая конфеты к груди, за моей спиной слышится довольно-издевательский смех Эдика. Быстро прячу коробку в тайник и с довольным видом выхожу из комнаты. В коридоре прохожу мимо Эдика, бросив «до вечера».

В университете нервозность, появившаяся утром, усилилась в несколько раз. В коридорах, кафетерии и кабинетах, я постоянно оглядываюсь по сторонам, надеясь все-таки найти Макса. И хоть я прекрасно знаю, что сегодня он репетирует с остальными участниками группы «В огне», это не мешает мне искать его в толпе. Машка, заметив мой растерянный взгляд, остановила меня посреди коридора и спросила:

– Подруга, что случилось? – и для наглядности уперла руки в боки.

– Ничего, – отвечаю, смотря в сторону. Уже сейчас мне начало казаться, что я не смогу долго держать это все в себе

и расскажу обо всем Машке. Но, я не могу так поступить, нужно сначала поговорить с Максом. Если после моего сегодняшнего ответа между нами ничего не изменится. Заметив, что я в принципе не обращаю на нее внимания, Машка пожала плечами и пошла дальше на занятия.

Уже после занятий я стояла посреди двора, не зная, что делать дальше. СМС Макс мне так и не прислал. Но мне даже смотреть не пришлось. Я тут же заметила рядом с воротами знакомый байк с очень хорошо знакомым водителем, одетым во все черное, с закрытым черным шлемом.

Глава 36

На секунду у меня промелькнула мысль о том, что возможно, это не Макс. Мало ли сколько в городе парней ездящих на таком байке. Может это просто чей-то друг или брат. Решил сделать сюрприз и приехать к универу. Типа, вы не ждали, а мы приперлись.

Эта мысль мгновенно вылетает из моей головы, как только парень на байке достает из кармана телефон, и, набрав на нем что-то, поднимает взгляд на меня. В ту же секунду у меня в руке завибрировал телефон. Опустив взгляд, я читаю входящее сообщение от Максима.

«Мои планы изменились. Я жутко проголодался. Перекусим?»

Усмехнувшись, я уже без каких-либо раздумий иду к байкеру. Но останавливаюсь на полпути, когда у меня вновь вибрирует телефон.

«Надеюсь, что ты любишь пиццу?»

Хмыкнув, набираю текст.

«Обожаю».

Отправив, засовываю телефон в карман куртки и подхожу к байку. Макс, покачав головой, – не сомневаюсь, что в этот момент он усмехается, – протягивает мне второй шлем и помогает застегнуть под подбородком.

Закинув рюкзак на плечи, сажусь сзади парня и обхваты-

ваю его за торс. И тут же по моему телу проносятся десятки и сотни приятных мурашек. К моему счастью Макс не видит счастливую улыбку на моем лице, когда срывается с места.

Мы проезжаем несколько улиц, прежде чем остановиться рядом с неброской вывеской «Пицца Рика», откуда доносится сногшибательный запах горячей пиццы.

– Почему-то я думала, что ты привезешь меня в какое-то супер популярное место, где отдыхают богатые и знаменитые, – усмехаюсь, сидя на мотоцикле и снимая с головы шлем.

– Малышка, – ухмыляется Макс, поднимаясь с мотоцикла, и остановившись передо мной, зажимает шлем в руках. – Не смотря ни на что, я не поведу тебя туда, где мне могут помешать наслаждаться временем вместе с тобой, фанаты или денежные мешки.

Сегодня Макс оделся в своем обычном образе рокера. Взъерошенные черные волосы. Нахальная ухмылка, прекрасно подходящая его образу популярного и рискованного рокера. Черная кожаная куртка с капюшоном, накинутым на голову. Темно-серая футболка. Черные джинсы с потертостями на коленях. И высокие, до голени, черные ботинки на шнуровке.

Опускаю голову, пытаюсь скрыть от ухмыляющегося парня горящие скулы и дебильную улыбку на губах. Ему пока рано знать, какой именно будет мой ответ.

– Макс, слушай, я решила... – начинаю, вложив ладонь

в протянутую руку парня, решившего помочь мне слезть с байка.

– Нет, – останавливает меня брюнет, качая головой. – Давай-ка отложим этот разговор на потом. Пока я хочу пожрать и насладиться твоим присутствием.

– Приятно слышать, – улыбаюсь, переплетая пальцы и идя рядом с Максом к пиццерии.

Зайдя внутрь, я немного растерялась от того, что увидела. Это не была пиццерия в классическом ее понимании. Здесь не было каких-либо намеков на то, что касается столицы пиццы – Италии. Никаких скатертей в красно-белую клеточку. Нет каменных стен и таких же полов. Никакого полумрака и свечей на столе. Все совсем наоборот. Правая стена представляет собой сплошное окно. На фасаде окон нет, что немного интригует посетителей, не знающих, чего им ожидать внутри. Скатертей на квадратных столах нет. Только покрытое лаком дерево и красные салфетки.

– Мило, – киваю, пронизываясь этой уютной атмосферой, покрытой какой-то таинственностью. – Откуда ты знаешь об этом месте?

– Был один забавный случай, – усмехается Макс, ведя меня через зал к барной стойке у стены.

За стойкой, протирая высокий пивной бокал, стоит высокий широкоплечий парень с черными волосами, касающимися плеч, тонкими губами и темно-кариими глазами. Его широкие плечи обтягивает синяя клетчатая рубашка

с несколькими расстегнутыми пуговицами и ослабленным черным галстуком.

– Максимилиан, – радостно восклицает парень, заметив Макса. – Как я рад тебя видеть.

Протянув ладонь через стойку, Макс пожимает парню руку.

– Я тоже рад тебя видеть, Олежка, – ухмыляется солист.

– Давно не виделись, певичка. Ты давно в городе?

– Певичка? – спрашиваю удивленно. Не думала, что есть люди, прекрасно знающие о том, чем Макс занимается. Перевожу на парня вопросительный взгляд.

– Конечно, певичка, – кивает мне парень-бармен. – Дорогая, уверен, тебе еще не приходилось слышать, как этот парень может завывать о своей несчастной любви, – упираясь рукой в стойку, он наклоняется ближе ко мне. – Скажу по секрету, то, что он орет в микрофон, покажется тебе оперой по сравнению с тем, как он визжит, когда выпьет.

– Это никому не интересно, – нахмутив брови, Макс кладет руку на лоб Олегу и оттесняет его обратно за стойку. – Мы проголодались, и я решил удостоить тебя чести накормить нас.

– О, я буду весьма польщен кормить тебя и твою... – Олег переводит на меня взгляд полный замешательства.

– Пока не знаю, – спокойно пожимает плечами Макс, на мгновенье, сжимая мою ладонь в своей. Как бы намекая, что, не смотря на, все сейчас происходящее, он ждет моего вер-

дикта.

– Как это? Ты не знаешь, что... – удивленно спрашивает он у брюнета.

– Она думает о том, что будет дальше.

– Ты хочешь сказать, что она, зная... – он задумчиво переводит взгляд с Макса на меня, а потом обратно. – Или не зная?

– Зная, – киваю я.

– Ага, значит ты, зная, что это за персона в капюшоне, еще думаешь? – в голосе Олега сквозит такое искреннее удивление, как будто это что-то нереальное. Что девушка думает насчет отношений с Максом. Хотя, конечно никто не думает. Это только я такая, особенная.

– Угу, – киваю, пряча взгляд от всевидящего Максима.

– Значит, либо она не до конца знает о тебе и твоей любви. Либо просто хорошо тебя знает, – заключает Олег, довольно потирая ладони белым полотенцем с несколькими бледно-желтыми и коричневыми пятнами.

– Олечка, – устало выдыхает Макс. – Ни то, ни другое. А теперь закрой рот и накорми нас.

– Конечно, – широко усмехаясь, парень поднимает руки и делает шаг назад. – Я провожу вас туда, где вам никто не помешает.

Фыркнув, Макс крепче сжал мою ладонь и повел вслед за Олегом за барную стойку и по темному коридору с множеством дверей. В конце коридора мы поднимаемся по дере-

вянной лестнице с гладкими перилами на второй этаж.

И вот второй этаж, который незаметно было с первого, очень похож на то, что обычно можно увидеть в обычной пиццерии в Италии. Везде царит полумрак. А столики огорожены со всех сторон стенками, для конфиденциальности.

– Ничего себе, – шепчу, осматриваясь по сторонам. Высокие окна зашторены тяжелыми темно-бордовыми портьерами.

– Прошу в ваш тайный уголок, – словно дворецкий, Олег слегка склоняется перед нами, вытягивая руку в сторону одинокой импровизированной кабинки с круглым деревянным столом с красной скатертью и несколькими высокими и тонкими свечами.

– Благодарю, – с ухмылкой Макс кивает парню головой.

– Смотрите меню, дорогие гости, я позову одну из девушек, что бы она приняла ваш заказ.

– Спасибо, – киваю.

Кивнув нам в ответ, Олег разворачивается и выходит из нашего поля зрения.

– Ну что ж, усаживайся поудобней, – говорит Макс, ведя меня за собой и усаживая рядом на мягкий диванчик с высокой спинкой. Сам он вытягивает руку вдоль спинки, тут же захватывая мою прядь волос у лица и накручивая ее на палец. Другую руку он кладет на стол и принимается выстукивать только ему известный ритм.

– Я немного не понимаю, – шепчу, повернув голову на до-

вольного собой парня, который уже в который раз удивляет меня. – Что это за место?

– Пиццерия, – коротко отвечает он.

– Я поняла, что находится на первом этаже. А здесь, на втором?

– Тоже пиццерия. Только элитная.

– Ха, – усмехаюсь, сложив руки на груди, и смотря на парня с превосходством. – А говорил, что не поведешь меня в место, где тебе могут помешать толпы фанаток и денежные мешки.

– Правильно, – кивает Макс. – Это и есть такое место. Понимаешь, Алина, – наклоняется ко мне, обжигая щеку горячим дыханием. – Это место как раз таким и является. Весь его прикол не в том, что здесь меню гораздо больше, чем на первом этаже. И не тем, что посуда дороже. А тем, что здесь ты просто не знаешь, кто сидит в соседней кабинке. Рядом с нами может сидеть депутат с молодой любовницей, которой еще не исполнилось восемнадцать. Прокурор с наемным киллером за разговором о будущем заказе. Двое актеров, скрывающих свою нетрадиционную ориентацию, в том числе от своих подружек, которые сидят в соседней кабинке и скрывают тот же факт, что неравнодушно дышат в сторону друг друга. Это как раз то место, – он поворачивает мою голову за подбородок так, что бы смотреть прямо в глаза. – Где твое внимание посвящено только мне. И никто не помешает мне этим наслаждаться.

И он склоняется к моему лицу, обдавая губы жаром. Его глаза попеременно бегают от моих глаз к губам и обратно. Меня стремительно начинает пожирать этот жар, оставляя в мозгу всего одну мысль. Мысль о поцелуе с парнем, которому я должна сегодня дать ответ насчет наших дальнейших отношений. И именно последняя часть этой мысли приводит меня в чувство. За мгновение до того, как короткое прикосновение губ превратится в поцелуй, я отстраняюсь.

– Макс, ты обещал, – прикусываю дрожащую губу, смотря в зеленые глаза парня, в которых на мгновение проскальзывает разочарование и страх.

– Да, прости, – неловко кашлянув, он отворачивает голову и откидывается на спинку. – Я обещал, что позволю тебе самой решать, что будет дальше.

– Так, – начинаю, бегая глазами по окружающей нас обстановке. – Что это за пиццерия такая?

– Обычная пиццерия, – пожимает Максим плечами, выдохнув. – Несколько лет назад здесь была обычная пиццерия. Несколько разных видов пицц, пару салатов и гарниров. С выпивки – пиво, сок и лимонад. Обычная пластиковая посуда. Олежка с детства мечтал о своей пиццерии. И когда у него получилось, сначала все шло довольно хорошо. Люди заходили сюда, обедали и оставляли свои деньги. Но прошло несколько месяцев, и у него не хватало денег на выплату аренды, покупки новой мебели и кухонного оборудования. Вот тогда мы и познакомились. Совершенно случайно, кста-

ти. Это было в начале нашей карьеры, как раз после того, как мы решили показать, как же выглядят парни «В огне». И мы совсем не подумали, что раньше, когда никто не знал нас в лицо, мы могли спокойно ходить по улице. Вот тогда, на нас и накинудись толпы девчонок. Димон не придумал ничего лучше, чем драпануть оттуда. К сожалению, его план был обречен на провал. Эти девчонки преследовали нас еще пару улиц, пока мы не увидели перекошенную вывеску пиццерии. Мы, не раздумывая, забежали внутрь, а фанатки пробежали мимо. Ты бы видела тогда выражение лица Олежки, когда мы застыли у двери, словно нас кошки подрали.

– И что случилось? – спрашиваю, не заметив, как придвинулась ближе к парню. Но он это заметил, и довольно хмыкнув, положил ладонь мне на плечо, прижав к себе.

– Ну, он знал, кто мы такие. Посадил в своем кабинете за кухней, накормил нас пиццей. Слово за слово и мы узнали, что он находится на грани банкротства. Тогда я предложил ему идею о конфиденциальном втором этаже. Где расценки будут немного дороже, меню побольше, а люди – побогаче. Что-то вроде места, где любой знаменитый человек может прийти сюда и оставить то, что происходит здесь, здесь. Сплошная конфиденциальность. Потом я помог ему выкупить первый этаж и второй. Закупил сюда мебель, посуду и эти кабинки. Мы с парнями пустили слух об этом месте на паре элитных вечеринок, и вуаля. Сейчас об этом месте не знают только обычные люди. А Олежка может позволить се-

бе купить пару островов на деньги, зарабатываемые здесь.

– Добрый день, что вы будете заказывать? – спросил звонкий женский голос перед нами.

Подняв голову, я увидела перед нами молодую девушку, лет двадцати, с темно-каштановыми волосами, туго затянутыми сзади в конский хвост. На ней белая рубашка с черной бабочкой и черным распахнутым кожаным жилетом. Черные брюки с подкатами и черно-белые босоножки на плоской танкетке.

– Добрый, – ухмыляется уголками губ Макс, повернув голову на девушку-официантку. – Будьте добры нам два крабовых салата, пиццу с курицей и большое клубничное мороженое.

– Одно мороженое? – выгнув одну бровь, и бросив взгляд на Макса, спрашивает девушка. При этом она окидывает его жадным взором своих карих глаз, и медленно облизывает губы. Я с силой сжимаю зубы, что бы ни послать эту девоньку куда подальше со своими предложениями. Пока рука Макса не оказывается под моими волосами на затылке и не принимается массажировать напрягшиеся мышцы. Повернув голову на солиста, я вижу голодный и торжествующий взгляд парня. О нет, он понял, что я ревную?

Глава 37

Заметив, что на нее не обращают никакого внимания, девушка кивнула, и, бросив, что наш заказ скоро будет, вышла из кабинки. Оставив меня наедине с парнем, догадавшимся по скрипу моих зубов, что я ревную. Но я не ревную. Мне просто стало неприятно. А такое может случиться с каждым. И ревность тут не причем.

– Алина, малышка, – широко ухмыляясь, Макс наклоняется к моему лицу. – Неужели ты ревнуешь?

Фыркнув, я опускаю голову, пряча от него покрасневшее лицо и прикушенную губу.

– Ну-ка, дай я посмотрю в эти глаза, – не прекращая ухмыляться, он прикасается своими пальцами к моему подбородку и заставляет посмотреть ему в лицо, прямо в эти смеющиеся зелено-золотые глаза. – Неужели ты действительно ревнуешь меня к этой официантке?

– Это не ревность, – отвожу взгляд в сторону, пытаюсь казаться сильной и независимой. Хотя, кого я обманываю. Этот парень давно знает, что я не могу ему сопротивляться. – Мне просто неприятно.

– Это одно и то же.

– Нет, – качаю головой.

– Как раз да. И не значит ли это, что твой ответ на мой вопрос «да»?

Вот он этот момент. Тот, которого я так долго ждала. И боялась. Я должна сказать ему свое решение, к которому меня подтолкнула Лиза со своим рассказом.

– Я очень долго думала, – начинаю издалека. Ну не могу я не помучать его еще немного и сходу сказать свой ответ. Какой бы он ни был. – И склонялась к мысли, что мы слишком торопимся с этими отношениями. Пока ко мне в комнату не пришла Лиза. Я не смогла не рассказать ей о том, что я чувствую. И знаешь, она согласна с тобой. С тем, что наша жизнь слишком коротка, что бы тратить ее на всякие раздумья и сомнения. Что нужно жить сегодняшним днем. А что будет в будущем, уже не важно.

– Иии? – с нажимом спрашивает Макс, практически сталкивая наши носы. Его глаза горят зеленым огнем, в которых плещется ожидание и нетерпение.

Между нами повисает напряженное молчание. Макс ждет моего ответа, а я боюсь сказать ему этот ответ, так как до конца не уверена в том, что будет с нами дальше после него. Но невозможно вечно оттягивать этот момент.

– Да, – шепчу, смело посмотрев в ясные глаза брюнета.

– Да? – с неверием в глазах и удивлением в голосе, отклоняет голову немного назад.

– Да, – повторяю упрямо, кивнув головой.

– Да. Ты сказала «да», – с безумной улыбкой на губах и вселенским счастьем в глазах, он напрягает руку на моем затылке, впечатывая мои губы в свои и захватывая их в

жаростном поцелуе. Он жадно сминая мои губы, пробираясь внутрь моего рта. – Моя. Наконец-то моя, – шепчет Макс, на мгновение оторвавшись от моих губ, и смотря на меня жадным взглядом.

– Кхм, кхм, – вновь захватить меня в свой плен, Макс мешает подошедшая к нашему столику официантка с нашим заказом.

Макс, не замечая девушки, демонстративно наклонившейся ниже, что бы было видно грудь в появившемся вырезе рубашки, коротко прижимается своими губами к моим, на мгновение прикусив нижнюю губу между зубами.

– Приятного аппетита, – кивнув, официантка со звоном ставит на стол поднос с горячей пищей, и уходит.

– Ладно, – кладу ладонь на запястье парня. – Давай перекусим.

– Хорошо, – выдохнув, Макс вновь прижимается своими губами к моим.

Дальнейший обед проходит более-менее спокойно. Конечно, если не считать явную заботу Макса обо мне. Придвинув меня вплотную к своему телу, одну руку Макс закинул мне на плечо, а другой кормил пищей и кусочками салата. Сначала я пыталась отобрать у него вилку, но куда мне до его длинных рук и стальной хватки вокруг меня. Я даже пускала в ход ноги, но Макс умело предотвращал все мои попытки, захватывая мои ноги между коленями. В конце концов, я решила попытаться уговорить его дать мне самой поесть. На

что он категорически покачал головой и заявил, что сейчас он хочет покормить меня, и это даже не обсуждается. Когда я заявила, что раз он такая редиска, то я возьму и передумаю насчет своего «да». Парень, только усмехнувшись, притянул мою голову за затылок к себе и вновь захватив мои губы в поцелуй, заявил, что это было одноразовое предложение и теперь я никуда от него не денусь. После этого, я выдохлась и отдалась в руки солиста. Он, заметив, что сопротивляться больше никто не собирается, только хмыкнув и подтянув меня поближе к себе, принялся кормить с вилочки.

– Вкусно? – в очередной раз спросил Макс, дав мне откусить кусочек пиццы. Сам он, два раза укусив, полностью съел его.

– Угу, – киваю, все еще пережевывая пиццу с кусочками курицы и тягучим сыром. – Вкусно.

– Отлично, – кивает парень, пододвигая к нам тарелочку с несколькими шариками мороженого, покрытого шоколадным сиропом и кусочками фруктов. – Надеюсь, что у тебя еще осталось место для десерта.

– Полно, – киваю, не смотря на Макса, а только на приближающееся ко мне мороженое.

– Ты у нас сладкоежка? – приподняв уголки губ в улыбке, спрашивает Макс.

– С чего ты взял? – невозмутимость и только невозмутимость.

– Ну, просто ты так смотришь на это мороженое, словно

оно последнее в мире, и то, тебе нужно отрубить несколько голов, прежде чем съесть его.

– Ха-ха, очень смешно, – саркастично усмехаюсь. – Да, сладкоежка. Или это плохо?

– Вообще не плохо, – качает он головой. – Даже очень хорошо.

– Ага, – киваю, а потом вспоминаю о коробке конфет у моих дверей утром. – Кстати, спасибо, – и в благодарность за этот маленький подарок, целую солиста в гладкую щеку.

– Что это было? – удивленно спрашивает Макс, выгнув бровь.

– Благодарность, – просто пожимаю плечами.

– Ох, малышка, что бы ты без меня делала? – выдыхает парень. – Смотри, как благодарить нужно.

И без каких-либо прелюдий и вступлений, он задирает мою голову и целует в губы. Что-то от тех намеков на нежность, не осталось и следа, после того, как я сказала ему «да». Его губы жадно пожирают мои, прикусывая и тут же заливая больное место. Вынуждают послушно приоткрыть рот и позволить ему стать правителем, осматривающим свои новые территории. Только вырвав из меня приглушенный стон, Макс отстраняется от меня, облизнув опухшие губы. Спорю, что я выгляжу словно пугало огородное. Максу то все равно, ему с растрепанными волосами, в которых побывали мои пальцы и покрасневшими губами, даже лучше. А мне? На голове бардак, потому что заколка лежит на столе с тех пор,

как он впервые меня поцеловал, как будто клеймя собой.

– А это пример или твоя благодарность? – шепчу, невольно морщась от боли в губе.

– Считай, – охрипшим голосом отвечает солист. – Что все вместе.

– А благодарность за что?

– За то, что ты – моя.

Поцеловав меня в кончик носа, Макс широко улыбнулся и, взяв маленькую ложечку, набрал немного мороженого и протянул к моему рту.

– А теперь открывай ротик.

– А я сама не могу поесть мороженого? – спрашиваю, открыв рот, внутри которого уже появилось холодное мороженое с кусочком ананаса.

– Нет, – качает парень головой. – Не можешь.

Обреченно выдохнув, я спокойно ем мороженое с ложечки, которую держит Макс. И когда на самом дне осталось совсем немного мороженого, он выпил все одним глотком. Утерев уголки губ белой салфеткой, солист повернулся ко мне.

– Что смешного? – удивленно приподняв бровь, спрашивает он, после того, как из меня непроизвольно вырывается смешок.

– У тебя немного мороженого... вот тут, – не подумав о том, что делаю, поднимаю руку и пальцем вытираю капельку мороженого с уголка рта Максима. А осознав, что именно

делаю, застываю, подняв голову на самого парня.

Между нами проскальзывает электрический разряд, от которого из моего рта вылетает тихий выдох, а глаза Макса загораются дьявольским огнем. Не успеваю отдернуть свою ладонь, как его пальцы сжимаются на моем запястье. Затаив дыхание, я ожидаю чего угодно. Даже того, что у Макса окажется нелюбовь к произвольным прикосновениям, как у Кристиана Грея. И тот факт, что Макс кучу раз позволял мне к нему прикасаться, в этот момент вылетел из моей головы. Я все равно ожидаю худшего. И оно почти сбывается. Макс, все еще удерживая мою руку за запястье, подносит ее ближе к своим губам и целует кончики пальцем. Воздух застывает где-то глубоко в моих легких, а те места, к которым прикасались губы парня, горят огнем. Не отводя взгляда своих потемневших глаз, Макс опускает наши ладони между нами, свободной рукой, которая до этого спокойно лежала на моих плечах, захватывает мой затылок и впечатывает свои губы в мои.

Кажется, что мое согласие окончательно сорвало солисту тормоза. До того, как полностью раскрыться он целовал меня несколько раз, но тогда его словно что-то останавливало. А теперь, после того, как я признала себя его девушкой... Или просто его? Он стал самим собой. Потому что ни в одном поцелуе, который происходил между нами раньше, не было столько потребности, жадности, властности, как в тех, что были сегодня.

Думаю, что наш поцелуй продолжался бы еще очень долго, если бы не деликатное мужское покашливание рядом с нами. Дернувшись, я попыталась отстраниться от жадных горячих губ и рук, да только вызвала у парня грозное рычание, адресованное либо тому, кто нам помешал, либо моим попыткам выбраться из его объятий. Но я послушно замерла, вцепившись пальцами в подол его куртки.

– Максимилиан, – с напускной грозностью в голосе, слышался рядом с нами голос Олега. – У твоей подружки воздух скоро закончится. Отпусти ее.

Обреченно выдохнув в мои губы, Макс все-таки отпустил меня, позволив глотнуть спасающего воздуха, под конец, довольным взглядом посмотрев на мои опухшие и покрасневшие губы, и затуманенный взгляд.

– Чего тебе, Олежка? – широко усмехаясь, Макс отстранился от меня и откинулся на спинку дивана, раскинув руки в стороны. Я осталась сидеть рядом с ним, жадно глотая воздух, и опустив голову.

– Ты снова наделал мне кучу шума на кухне, – недовольно качая головой, Олежка сложил руки на своей широкой груди. – Не успел я подняться на второй этаж, что бы проверить обстановку, как наткнулся, по крайней мере, на трех официанток, вцепившихся в поднос на лестнице, и пытающихся выяснить, кто именно понесет заказ в кабинку. Сначала я подумал, что это нежелание относить заказ. Так нет же, они все жаждали. А на кухне вообще переполох. У меня

подрались три повара, и четыре официантки. Повсюду летят волосы и одежда. И все из-за тебя мой друг.

Фыркнув, Макс только прикрыв глаза, пожал плечами и сжал ладонь на моем плече.

– Чувак, прости.

– Ну, уж нет, «чувак, прости», на этот раз ты просто так не отделаешься. Я терпел три раза, когда вы все четверо заявлялись сюда, и у меня из-за вас две официантки оказались в обмороке, а три в травмпункте, когда пытались решить, кто примет ваш заказ. Тогда я позволил вам просто уйти, но на этот раз, ты будешь отдуваться.

– И чем же именно?

– Пойдешь со мной на кухню, и раздашь всем тем обалдевшим твоим фанаткам, свои автографы и селфи, – со зловещей улыбкой на тонких губах отвечает Олег.

Вся расслабленность и безразличность мигом слетает с солиста «В огне». Он подпрыгивает на диванчике, сжав на мгновенье ладонь на моем плече сильнее. Округлевшими глазами, в которых плещется паника и ужас, он смотрит на спокойного владельца пиццерии.

– Олечка, пожалуйста, нет. Только не это, – суетливо качает головой, отпустив меня, и обеими руками вцепившись в край стола. – Ты же лучше всех знаешь, как я это не люблю. Они же растерзают меня.

– Ты сам напросился, Макс, – невозмутимо пожимает плечами Олег.

– Ну, Олежка, – умоляюще смотрит на него Максим. – Тем более, я тут на свидании, – решается солист на последний аргумент, показательно положив ладонь мне на талию, и прижав вплотную к своему телу. – Ты же не позволишь мне оставить свою девушку и идти в комнату, где полным полно других девушек на любой вкус. Ты губишь мои отношения только в самом зародыше. Ты ужасный человек, Олежка.

И качая головой, цокает языком. А я пытаюсь скрыть широкую улыбку на лице, и пытающийся вырваться наружу смех. Вот актер. Ему не рокером нужно было стать, а актером. Такой талант сцена теряет.

Устало выдохнув, и укоризненно посмотрев на ухмыляющегося солиста, который уже догадался, что его взяла, Олег указал нам на выход, сказав, что в следующий раз он заставит Макса обедать прямо на кухне. Что бы он ему отношения в коллективе не портил. Смеясь, и держась за руки, мы с Максом покинули пиццерию.

Глава 38

Выйдя из пиццерии, мне в лицо подул теплый ветер, а все вокруг заполнили звуки проезжающих машин, сигналов, криков и разговоров. Мимо нас спокойно проходят люди парочками, группами и просто поодиночке. Группа девушек в ярких коротких юбках и укороченных свитерах даже не обратили внимания на Макса, стоящего рядом со мной, и накинувшего на голову капюшон.

– И куда мы пойдем дальше? – спрашиваю, остановившись рядом с байком солиста.

– Хм, – задумчиво поджимает он губы, приложив к ним указательный палец. – Как насчет того, что бы просто прогуляться по парку? Я видел здесь недалеко один.

– А как насчет...? – кивком головы указываю на самого Макса.

– Насчет чего?

– Насчет тебя? Не боишься, что фанатки узнают тебя?

– Не боюсь, – спокойно пожимает он плечами, сильно отличаясь от того, каким он был, когда Олег заикнулся о том, что бы он пошел на кухню и добровольно раздал автографы. – Тем более, я умею правильно сливаться с толпой.

– И как же? – складываю руки на груди.

– Очень просто, – он подходит ближе ко мне и щелкает по носу. – Весь прикол в том, что бы чувствовать себя обычным

человеком. Не рокером, солистом группы или просто знаменитым человеком. А быть простым парнем, который гуляет по парку со своей девушкой, – наклонив голову, он берет мою ладонь в свою и переплетает наши пальцы. – Как тебе такой план?

– Неплохо, – затаив дыхание, шепчу, смотря в завораживающие глаза Максима. – Но я не думаю, что это сработает со всеми. У тебя есть запасной план?

– Есть. У меня есть с собой кепка, – не отпуская мою ладонь, он разворачивает нас к байку и поднимает сидение. Достает оттуда черную кепку с изображением огня. Одевает ее на голову, и, опустив на меня взгляд, смотрит с выражением «Вуаля».

– Ну да, – киваю, сдерживая улыбку в уголках губ. – Конечно, никто не догадается, что под кепкой «В огне», скрывается солист самой группы.

– Конечно, – серьезно кивает парень, и прогулочным шагом мы идем вдоль тротуара. – Не догадаются, малышка. Для людей это будет слишком очевидным. Элементарным. Типа «солист группы прячется в толпе под кепкой с брендом самой группы. Бред».

– А, то есть, если хочешь что-то спрятать, оставь его на видном месте?

– Да. Тем более что мы уже такое проворачивали.

– В самом начале своей карьеры? – спрашиваю с ухмылкой, напоминая парню его рассказ о том, как они узнали про

пиццерию Олега.

– Нет, это было два месяца назад, – посмотрев на меня, он снова смотрит вперед на дорогу и людей вокруг нас. – Нам стало скучно, и Тема предложил нам сходить в кафе и парк. Типа, давно просто не тусовались, как обычные пацаны, а не знаменитые рокеры. Ну, все согласились. А потом Димон нам напомнил эту историю с «Пицца Рика». Говорит, я не собираюсь больше быть сувенирным магазином, тем более, которому еще и не платят за эти сувениры. Тоха предложил спрятаться на виду. Типа, то, что перед носом, дольше всего не видно. Ну, мы пожали плечами, типа чего нам терять, кроме волос и чести. И каждый надел свой прикид. Димон у нас был парнем с Уолл-стрит, в рубашке, брюках и туфлях. Тоха стал баскетболистом в шортах, футболке и кроссах. Тема был чопорным правильным парнем в круглых очках, рубашке, джинсах и ботинках. А я...

– Дай угадаю, – прерываю Макса, улыбаясь. – Ты был ботаником.

– Точно, – кивает он, улыбнувшись. – Мне пришлось в очередной раз натянуть этот дурацкий колючий свитер и эти очки. Про волосы я вообще молчу. Кажется, что я лишаюсь пучка волос, когда пытаюсь расчесаться.

– Сначала лучше под душ.

– Пережитки прошлого, ошибки новичка, – пожимает Макс плечами. – Короче, и таким составом мы вышли на улицу. Сначала Димон постоянно дергал рукава, боясь, что

сейчас из-за угла появится толпа девчонок и растерзает его на сувениры. И едва не спалил нас, когда девушки рядом с нами заметили тату у него на запястье. К счастью, одна из них не поверила своей подруге, когда та сказала, что рядом с ней идет Хоук. Говорит, что Хоук ни за что бы в жизни не надел брюки и туфли.

– Серьезно? – поворачиваю голову на него, широко улыбаясь.

– Серьезно, – кивает, улыбнувшись. – Они не видели, но Димон повернулся к нам, и так посмотрел, типа, серьезно? А когда мы зашли в кафе неподалеку, говорит, что все, теперь он принципиально когда-то выступит в туфлях и брюках.

– Но это когда-то так и не наступило.

– Пока нет. Наступит. Он эту историю, как он сказал, никогда не забудет.

Хмыкнув, я посмотрела боковым взглядом на спокойное лицо парня. Губы расслаблены с приподнятыми уголками. Глаза спокойны, и с удовольствием рассматривают окружающих людей. Но, не смотря на такую внешнюю спокойность, его ладонь крепко сжимает мою. И у меня невольно возникает ассоциация с тем, что он словно ставит на мне клеймо. Что я принадлежу только ему. Так сказать, поставил на мне огромный стоп-сигнал.

Мы шли по тротуару прогулочным шагом еще несколько улиц, прежде чем добрались до небольшого парка с аккуратными лавочками, фонарями вдоль аллеи и подстриженны-

ми кустами. Солнце уже спряталось за горизонтом, и фонари ярко освещали дорожки, отбрасывая тени на асфальте. Мимо нас, спокойным шагом, проходят влюбленные парочки, держась за руки и останавливаясь, что бы поцеловаться. От таких сцен, происходящих в двух шагах от меня, щеки покрылись ярким румянцем. Нерешительно посмотрев на парня рядом с собой, я поймала его горящий взгляд и быстро вздымающуюся грудь. Он также как и я, заметил парочку, которая зашла вместе с нами в парк и шла рядом все это время. И сейчас они в очередной раз остановились, и парень, дернув девушку за руку, впечатал в свое тело и поцеловал ее. Отовсюду раздались недружные аплодисменты и свист, от проходящих мимо парней и девушек. Хмыкнув, после того, как парень отпустил девушку и, обняв ее за плечи, пошел дальше, Макс поджал губы. И тогда парень, впереди нас, повернул голову и победно ухмыльнулся. Приподняв бровь, он развернулся обратно к своей девушке, что-то сказавшей ему.

– Это что, был вызов? – неверяще остановившись вслед за Максимом, поворачиваюсь к нему шокированным лицом.

– Похоже на то, – поджимает он губы, посмотрев на меня горящим взглядом.

– Что ты задумал? – испуганно отшатнувшись от парня, боюсь того огня, промелькнувшего в его глазах. – Только не говори, что ты...

Но я так и не успела договорить свою мысль, так как одна рука Макса оказалась на моей талии, а вторая на затылке.

Охнув, парень наклонил меня так, что волосы едва касались земли, и, ухмыльнувшись своей фирменной ухмылкой плохого парня, припал к моим губам. Со всех сторон тут же слышалось дружное «Ох» и «Ах» от более старшего поколения, фырканье некоторых парней и свист других. Но меня в этот момент уже ничего не волновало. Только горячие руки парня на моей талии и затылке, и не менее горячие губы, поглощающие мои. От того, что Макс творил со мной, хотелось мурлыкать, словно котенок, которого решили погладить.

Мягко подняв меня на ноги, но, так и не разъединяя наших губ, поцелуй смягчается. Появляется нежность, ласка, забота. То, что началось как вызов другой паре, превратилось в мягкую благодарность, просто удовольствие от того, что целуешь любимого человека. И только нехватка воздуха в легких заставила нас прервать поцелуй. Приоткрыв глаза, я смотрела в глубокие затуманенные глаза Макса.

– Кажется, я выиграл, – тяжело дыша, шепчет брюнет, широко усмехнувшись и бросив взгляд в сторону.

Перевожу глаза туда же, и ловлю поджатые губы неизвестного парня, прижимающего к себе свою девушку, жадно смотрящую на Макса, и прикусившую свою пухлую губу. Ха, можно сказать, что Макс выиграл, еще и так, что бы соперница глотала слюни от зависти.

– Выиграл, – хмуро киваю парню.

С легкостью убираю его руки со своего тела и прохожу через замершую толпу, оставляя солиста позади.

– Малышка? – удивленно вскрикивает Максим за моей спиной. Вздрогнув на секунду, я фыркаю и упорно продолжаю идти вперед. – Алина! Ну, Алинка!

Ага, щас. Разбежалась, только тапочки теряю. Поцелуй мне, конечно, понравился. Даже очень. Но то, что Макс поцеловал меня только ради того, что бы показать другому парню, что он лучше, выводит меня из себя. И плевать, что у нас сегодня уже было достаточно подобных поцелуев, когда он будто помечал свою территорию. Мне просто неприятно, что он так поступил, вот и все.

– Алинка, прости меня, – едва не наступаю на черные ботинки, внезапно оказавшиеся передо мной. Поднимаю голову и удивленно вздыхаю, увидев перед собой Макса. И не просто Макса, а где-то за это короткое время раздобывшего одну красную розу и воздушную сладкую вату.

На моем лице невольно появляется улыбка, а настрой обижаться на него мгновенно исчезает. Ну, как я могу отказать парню с красной розой и сладкой ватой? Вот именно, не могу.

Приняв от парня протянутую розу, делаю шаг к нему и целую в щеку.

– Только больше так не делай, – шепчу, посмотрев в его глаза. – Хорошо? Это немного неприятно.

– Больше никогда, – категорически качает он головой. – Просто я немного не подумал о том, что ты можешь обидеться на меня за этот поцелуй.

– Я не на поцелуй обижаюсь, – качаю головой в ответ. – А на то, что ты поцеловал меня только ради того, что бы показать незнакомому парню, что ты лучше.

– Ну, – пожимает он плечом. – Я обещаю, что такого больше никогда не повторится. Честно.

– Если такого больше не повторится, – закусываю свою нижнюю губу, немного смеясь над опустившейся головой солиста и засунутыми руками в карманы джинс. – Тогда ладно. Я тебя прощаю.

Мгновенно подняв на меня голову, он широко улыбается и, развернувшись, предлагает свой локоть. Со смехом подхожу ближе и кладу руку на его локоть. Все последующее время мы спокойно гуляем по парку, веселясь и смеясь над парнями на скейтах и пробегающих мимо детишках. В общем, полная гармония.

Но и ей когда-то должен был наступить конец. На город упала ночь. Я продрогла от холодного ветра, и даже горячие объятия Максима не очень помогли. Ну, точнее в душе я очень даже согрелась, а вот тело не очень.

– Так, хватит, – резко говорит брюнет, остановившись и повернувшись ко мне лицом. – Ты продрогла. В очередной раз за наше знакомство. Так что, как бы мне этого не хотелось, но я должен вернуть тебя домой.

– Знаешь, – плотнее закутываясь в куртку, я согласно кивнула головой. – Впервые скажу, что согласна с тобой.

Усмехнувшись, он взял меня за руку и повел к выходу из

парка. Быстрым шагом, обходя людей на тротуаре, мы добрались до пиццерии, где Макс оставил свой байк. Вручив мне шлем, он одел свой и сел на мотоцикл. Обняв его за талию, я крепче вцепилась в него, прижав голову к спине. Сама поездка промелькнула для меня одним мгновением. И не успела я оглянуться, как Макс уже заезжает во двор моего дома и ставит мотоцикл на подножку.

– Ну что, до завтра? – спрашиваю, поднявшись с байка, и вручив шлем парню.

– Конечно, завтра я буду в универе, – кивает он, смотря на меня. – Не рассчитывай, что не увидимся.

– Та я и не рассчитываю. А даже очень надеюсь на это.

Посмотрев на меня, мгновенно потемневшим взглядом, он протягивает руку, хватая меня за запястье и притягивает к своему телу. Мгновение между нами повисает молчание, прерываемое только нашим тяжелым дыханием.

– Малышка, – выдыхает Максим и целует меня в губы.

Спустя неопределенное количество времени, потерявшее для меня всякое значение, он последний раз выдыхает мне в губы и смотрит прямо в глаза.

– Мы обязательно завтра увидимся в университете.

– Хорошо, – киваю, тяжело дыша.

– Все, иди домой, – кивает он на подъезд дома за моей спиной. – Не хочу, что бы ты завтра не пришла в универ, потому что заболела.

– Пока, – шепчу, напоследок коротко чмокнув парня в гу-

бы.

Со смехом отстраняюсь от него, пока он не успел затянуть меня еще в один головокружительный поцелуй. Я тогда точно продрогну окончательно и заболēju. Кинув на довольного Максима последний взгляд, иду к своему подъезду. Открыв двери, захожу внутрь, и, не удержавшись, поворачиваю голову, что бы посмотреть на него. Максим до сих пор сидит на мотоцикле, вцепившись ладонями в руль, и смотря на мой подъезд. Улыбнувшись, я закрываю двери.

С улыбкой поднимаюсь по ступенькам, сжимая в руках одинокую розу и пытаюсь настроиться, что бы Лиза с Эдиком не догадались, что встреча с Максом у меня прошла лучше, чем я надеялась.

Зайдя домой, я тихо снимаю обувь и вешаю куртку на крючок. В гостиной включен телевизор и оттуда раздаются голоса тети и дяди. Тихо усмехаюсь, прошмыгнув в свою комнату. А оказавшись внутри за закрытыми дверями, счастливо выдыхаю. Ставлю розу в высокую вазу, стоящую на подоконнике. А переодевшись, падаю на кровать, широко улыбаясь от воспоминаний о сегодняшнем дне, и о Максе.

Глава 39

В кафетерии шумно и громко. Рядом с нашим столиком сидят модницы нашего университета, спорящие о том, какой именно цвет лака популярен на этой неделе. Рядом с ними сидят экономисты, словно парни с Уолл-стрит, в идеально отглаженных рубашках и брюках, читающие журналы. С другой стороны сидят спортсмены, кидая друг в друга мячик для пинг-понга, и смеющиеся, когда кто-то его не ловит. Мы с Машкой сидим посреди всего этого хаоса, прижавшись спинами к стене, и не спеша поедаем наш обед, состоящий из двух небольших пицц, сока и мягких пирожных с заварным кремом.

– А я сижу такая на диване, смотрю на него, как на идиота, и не понимаю, он начал сходить с ума, или у меня просто глюки, – активно размахивая руками, продолжает Машка рассказывать одну из историй, произошедших дома у Соснова.

Удивительно, но сейчас меня абсолютно никаким образом не волнует то, что рассказывает про него Мария. Вот вообще. Как будто это не парень, который всего пару недель назад был любовью всей моей жизни, а просто знакомый.

– Думаю, что все вместе, – пожимаю плечами, улыбаясь.

– Я тоже сначала так подумала, – кивает Машка. – Но я еще подумала, что мой мозг просто не в состоянии придум-

мать такой бред. Поверь мне, на такое у меня точно фантазии не хватило.

– Нет, ее как раз хватило бы. Ты бы придумала что-нибудь гораздо хуже.

– Хмм, – прижав указательный палец к губам, она смотрит вверх. – Да, думаю, ты права. Для моей фантазии это слишком просто.

– Конечно, – киваю. – Ты пересмотрела все сезоны CSI и NCSI. Ты читаешь Кинга на досуге. Конечно, ты способна придумать ему очень красивую и страшную смерть.

– Конечно, – улыбаясь, кивает Машка. – Его труп бы никогда не нашли.

Дело в том, что когда Машка в очередной раз пришла заниматься проектом к Соснову домой, он решил, что пришло время заниматься не только проектом. Как она объяснила, в какой-то момент он начал склоняться над ней. Машка, что ей совершенно не свойственно, растерялась и под напором парня начала опускаться на диван. Потом он, – как сказала Мария, – окончательно спятил, и, пробормотав что-то типа «Наконец-то это случиться», поставил руки по обе стороны от головы девушки и склонился к ее губам. Это стало как раз той тревожной кнопкой, которая вернула Машу к жизни. Хмуро посмотрев на него, она дала ему коленом между ног, прямо по колокольчикам, и столкнула с дивана. Пока парень корчился, держась за самое ценное, а Машка поправляла одежду, неожиданно, – ну, как неожиданно, с ноги вы-

быв дверь в стиле «Это Спарта!», – в комнате оказалась девушка с растрепанными каштановыми волосами и яростными голубыми глазами. Позже, после того, как Машка стала девушкой легкого поведения, а Соснов – мужчиной легкого поведения во всех известных формулировках, оказалось, что данная особа – его девушка, с которой у него в тот день была годовщина – три месяца встречаются. Далее последовал подробный рассказ о том, что она сделает с Виктором.

То, что случилось, назвать неловким, довольно трудно. Так как Мария в шоке от того, что Соснов вообще решился на такой поступок. Виктор в шоке, от того, что когда он решился на это, то получил явный намек на то, что это была плохая идея. И неизвестная девушка, у которой была очень плохая годовщина.

– Ладно, – взмахнула Машка руками, перестав вспоминать тот день. – Хватит обо мне. Поговорим о тебе.

– А что со мной не так? – удивленно приподнимаю бровь, посмотрев на подругу.

– Ты цветешь и пахнешь, – едва не кричит она на всю столовую. И тут же немного сжимается после моего яростного взгляда. – Я тебе тут рассказываю, что произошло несколько дней назад с твоим Сосновым. Что я, кажется, отбила ему некоторые особо ценные части тела, а ты не собираешься мчаться к нему и помогать зализывать раны.

Не знаю, как именно это произошло, но сегодня утром я собиралась в два раза медленнее из-за того, что мне хотелось

быть красивой. Не просто как обычно. А такой, что бы ловить на себе взгляды парней, но при этом ненавязчиво указывать на то, что место, как говорится, занято. Долго поразмыслив, я все-таки определилась со своим луком на сегодняшний день. Красная футболка с рукавами три четверти, темно-синий джинсовый комбинезон с подкатами, и черные кеды Convers. К счастью, погода стояла теплая и сухая, что собственно позволяло мне надеть кеды, не боясь испачкать их в первой попавшейся луже или грязи. Поверх всего этого, у меня была джинсовая куртка с капюшоном.

– Фу, – кривлюсь, отставляя сок в сторону. – Машка, не за столом же.

– Sorry, – извиняется она. – Я тебе говорю, что у него, оказывается, есть девушка, и у них была годовщина три месяца, а ты спокойно жрешь пиццу. Неужели у нашей дамы появилась новая любовь всей ее жизни? – подергивая бровью, она широко усмехается, наклонившись ко мне.

– Пока не любовь всей жизни, но... – прикусываю губу, вспоминая вчерашний день с Максимом и одинокую розу в вазе у меня на столе. – Да.

– Святые кочерыжки! – подпрыгивая на стуле, Машка широко улыбается, хлопая в ладони. – У тебя появился парень!

– Та тише ты, – шиплю, опасливо посмотрев по сторонам, на студентов, обративших на нас внимание. Резко поворачиваюсь к Машке и закрываю ей рот ладонью. – С ума сошла? Я понимаю, что ты за меня рада, но нахрена кричать об этом,

что бы все узнали?

– Потому что у тебя появился парень, – отодрав мою руку от своего рта, говорит она, словно это элементарно. – Настоящий парень. Не тот, который тебе нравится на расстоянии, а тот, с которым ты ходишь на свидания. Стоп, – сама себя останавливает, приподняв ладонь. – Ты же именно это имела в виду? Не объект, на которого ты вздыхаешь с расстояния?

– Нет, – качаю головой, опираясь спиной о стену. – Реальный парень. У меня есть настоящий парень, с которым я ходила на свидание, и от которого у меня дома стоит красная роза.

– Черт, – ласково выдыхает она. – Моя малышка, наконец, нашла себе пару. Как это мило, – и смахивает с уголка глаза несуществующую слезу. – А кто он? Я его знаю?

– Эмм, – и как я должна ей это объяснить? – Да, знаешь.

– Офигеть, – пищит она, сжав кулачки. – Кто он? Хотя, стой. Кажется, я знаю, кто это.

Прикусив губу, которая еще побаливает после наших с Максом вчерашних поцелуев, не могу не припомнить вкус мороженого с шоколадным сиропом на его губах.

– Это Самойлов? – в шоке выдыхает она. К счастью, только выдыхает, а не кричит об этом на весь универ. – Ты встречаешься с Самойловым?

– Угу, – киваю, улыбаясь.

– Черт, – ее глаза шокировано распахнуты, а рот приоткрылся от удивления. – Нет, я конечно, не против. Это твой

выбор. Но я бы в последнюю очередь думала про Самойлова.

– Да? – спрашиваю, сложив руки на груди. – А с чего тогда первым упомянула именно его?

Мне не нравится неодобрение, прозвучавшее в ее голосе. Она не знает Максима. И я уверена, что если бы она знала ту правду, которую знаю я, то верещала бы на весь район от шока. Поэтому я должна успокоиться. Машка не виновата в том, что не знает, что Макс – Рейв. Так что, логично, что она немного не одобряет его персону на место моего парня, в образе ботаника.

– Потому что, на данный момент, он единственный парень, с которым ты общаешься. Я и решила проверить, думала, что ты посмеешься и скажешь «нет». А ты, бах, и сказала «да».

– Да, я сказала «да», – серьезно посмотрев на подругу, отворачиваюсь от нее и смотрю на вход в столовую, куда уже отправилось большинство студентов. – И я не вижу в этом ничего плохого.

– Конечно, нет ничего плохого, – подбадривая меня, Машка прижимается к моей спине, положив руки на плечи. – Просто это неожиданно. Очень неожиданно. Но, соглашусь, не самый плохой вариант.

– Ты просто его не знаешь, – шиплю сквозь зубы, не поворачивая на нее голову.

– Хорошо, – надавив на мои плечи, соглашается она. – Я его не знаю, а ты знаешь. Та и, прости меня. Ты права, я не

знаю его. И я очень рада, что ты начала встречаться, а не просто вздыхать над дальней звездой, непонятно какого-разлива.

Улыбнувшись, я все-таки поворачиваюсь к подруге, и обнимаю ее. Зарывшись лицом в ее растрепанные волосы, облегченно выдыхаю.

– Я прощаю тебя, – киваю, сжав брюнетку в своих объятьях.

– Отлично, – слышу, как она усмехается мне в волосы. – Я, правда, очень рада за тебя. Если он делает тебя счастливой, так и быть, я прощу ему эти огромные очки и зализанные волосы.

– Делает, Машка, еще как делает, – киваю, улыбаясь.

После столовой мы расходимся, каждая в свой кабинет. Предыдущие пары у меня с Максом были отдельными, но сейчас у нас будет история, которую я очень сильно жду. Ну, только из-за того, что там будет Макс.

Резко останавливаюсь посреди коридора, впечатленная промелькнувшей мыслью. Я веду себя, как влюбленная девушка. Разве что сердечки не рисую и не обмениваюсь с Максимом любовными записками. А так, постоянно улыбаюсь, оглядываюсь по сторонам, ожидая увидеть, хоть мельком, знакомые прилизанные черные волосы и свитер поверх рубашки. И каждый раз, при воспоминании о вчерашнем дне, когда глаза Макса горели жадным огнем, а губы клеймили мои, щеки начинают гореть, дыхание замирать, а сердце

биться с удвоенной частотой. И идя по коридору, мне приходится опускать голову, что бы упавшие на лицо волосы скрывали ото всех мимо проходящих покрасневшее лицо и горящие глаза.

Но, надо сосредоточиться на том, что сказал мне солист. Мы должны скрывать от всех наши отношения. Как бы мне это не нравилось. И свои мечты о том, что бы за руку с ним прогуливаться по коридору, вместе обедать и, как бы это странно не звучало, вспоминая о вчерашнем обеде, кормить и есть с его рук, смеяться и сидеть рядом, переплетая пальцы под столом, стоит спрятать подальше. Возможно, когда-то все так и будет. Мы будем сидеть вместе в столовой, смеясь и останавливаясь, что бы поцеловаться. А так как пока ничего этого не будет, надо сохранять голову холодной. Ну, как возможно в данной ситуации. И, самое главное, не броситься ему на шею, как только увижу эти зеленые глаза с золотыми вкраплениями за стеклами очков.

Войдя в кабинет, сохраняю внешнее спокойствие, пока внутри все дрожит от ожидания. Но сердце замирает и начинает свой ускоренный бег, как только мои глаза натываются на Максима на третьем ряду у окна. Прикусив губу, дабы сдержать появляющуюся улыбку, опускаю глаза, заметив мелькнувшую на его лице предвкушающую ухмылку. Поднимаюсь по рядам, и, пройдя мимо нескольких студентов, сажусь рядом с парнем, как будто случайно, почти вплотную.

– Привет, – шепчу, наклонив голову, пока достаю из рюкзака нужный конспект.

– Привет, – довольно шепчет Максим, повернув на меня голову. – Как дела?

– Хорошо, а у тебя?

Посмотрев по сторонам, что за нами никто не наблюдает, он наклоняет голову ко мне, шепча в ухо:

– Как только тебя увидел, сразу стало замечательно.

Так и не сдержав широкую улыбку, смотрю в скрытые за очками глаза, подсознательно зная, что они довольно блестят.

– Знаешь, – неловко кашлянув, прямо сажусь на лавке, сложив руки на столе. – Нам надо после пар где-то посидеть и заняться проектом. Скоро надо будет представить план Геннадиевичу.

– Согласен, – с серьезным выражением лица, словно его, также как и меня, ничего не волнует, Максим кивает.

И как только звонит звонок на пару, мы оба на некоторое время забываем о том, что происходит между нами, и слушаем монологи профессора. Точнее не совсем забываем, так как периодически наши руки на столе соприкасаются, и мы замираем от электрического тока. Невольно посматриваем друг на друга, пытаюсь не улыбаться. По крайней мере, не настолько очевидно. А в какой-то момент, Макс просто опускает руку под парту и, взяв мою ладонь, переплетает наши пальцы.

За всеми этими небольшими приятными мгновениями, я не замечаю, как звонит звонок на перемену, и все начинают собирать свои вещи. Постепенно кабинет пустеет, пока в нем не остаемся только мы одни.

– Ну, наконец-то, – облегченно выдыхает рядом со мной Макс, как только последний студент, вслед за профессором, покидает кабинет. Парень хватает меня за талию, впечатывая в свое тело, и прижимается своими губами к моим. Он жадно поглощает мое дыхание, запуская язык внутрь рта, вынуждая своими ласками издать едва слышный стон. Максим прижимает к себе мое тело, поворачивая голову только под нужным ему углом, и покусывая нижнюю губу. В этом поцелуе чувствуется ненасытность, когда перед тобой поставили самый шикарный и самый вкусный торт в жизни, заставляя ждать нужного момента. И как только этот самый момент наступает, ты набрасываешься на этот торт, несколько мгновений жадно поглощая его, что бы потом начать им наслаждаться.

– Кхм, кхм, – раздается со стороны, и я вырываюсь из рук парня, поворачивая голову на Геннадиевича, застывшего, и довольно улыбающегося в дверях кабинета. – Розанова и Самойлов, я ожидаю ваш план к завтрашнему дню.

Глава 40

Сажу на диване, откинувшись на спинку и прикрыв глаза в ожидании горячей пиццы, которую нам должны доставить с минуты на минуту. На коленях у меня раскрытый учебник по экономике. Рядом на диване лежат мои конспекты вперемешку с Макса. На журнальном столике стоит включенный ноутбук с открытыми вкладками Википедии. И пока я сижу и думаю над нашим проектом, Макс на кухне готовит нам перекус в виде бутербродов с колбасой и сыром.

– Малышка, – обращается ко мне парень с кухонной зоны. Поворачиваю голову в ту сторону, приоткрыв глаза. – Тебе колу или сок?

– Сок, – киваю, вновь прикрыв глаза.

Когда Геннадиевич застукал нас за поцелуем в кабинете, я думала, что он нас максимум прикончит. Но того, что он просто скажет, что ожидает наш план к завтрашнему дню, а после просто уйдет, вообще никак не ожидала. И пока я несколько минут стояла, тяжело дыша и застыв от шока, Макс спокойно собрал наши вещи, и вывел меня из кабинета. Пришла в себя я уже на следующей паре. Объяснить, что же произошло, парень отказался. Якобы, это разговор не для лишних ушей. Мне пришлось согласиться и ждать окончания дня. Как только прозвенел последний звонок с пар, мы отправились к нему домой. И вот, мы сидим у Максима уже

полчаса, а он так и не рассказал мне, что произошло в кабинете.

– Макс, – зову парня, открыв глаза.

– Что, малышка? – спрашивает он, поставив на столик рядом с ноутбуком тарелку с бутербродами и две чашки с соком. Кажется, ананасовым. Сам Максим садится рядом, положив ладонь мне на плечо.

– Так ты скажешь, что это было?

– Ох, ты не забыла, – обреченно выдыхает, посмотрев на меня умоляющим взглядом. Но я в ответ качаю головой. – Хорошо, помнишь, я тебе рассказывал, что у меня в университете дедушка работает?

– Помню, – киваю.

– Так вот, мой дедушка, который на первом курсе и потянул за все эти ниточки – Это Геннадиевич.

Ступор. Шок. Неверие. Огромными глазами смотрю на спокойного парня, задумчиво разглядывающего мою прядь волос, которую он наматывает на указательный палец.

– Геннадиевич – твой дедушка? – сглотнув вязкую слюну, смотрю на него.

У меня в голове это не укладывается. Это просто нереально. Геннадиевич, – принципиальный Геннадиевич, – дедушка Макса.

– Не, – усмехнувшись, качаю головой. – Нет, он не твой дедушка. У вас же даже фамилии разные. Та и сомневаюсь, что он не стал бы продвигать своего внука в университете.

Так что, нет. Я не верю.

Сложив руки на груди, упираюсь боком в спинку дивана, с ухмылкой ожидая его объяснений.

– Ну, на самом деле, это правда, – спокойно кивает он. – Курсов Константин Геннадиевич – отец моей мамы. И соответственно, мой дедушка.

– Но почему тогда никто об этом не знает? И почему он Курсов, а твоя мама – Самойлова?

– После распада СССР моя бабушка сказала деду, что носить его фамилию она не будет.

– Почему?

– Разные причины. Она не могла терпеть своего тестя, как и он ее. Прадедушка считал, что дед ошибается насчет нее и она ему совсем не пара. А бабушка взяла и сменила фамилию и себе, и маме. Так сказать, фиг вам, а не продолжение знаменитого рода Курсовых.

– Занятная месть.

– Это точно. А дедушке все равно плевать, какую фамилию носит его дочь. Гены-то от этого не изменятся.

– И то верно, – киваю, усмехнувшись. – А что с твоей фамилией? Ты Воронов? Самойлов?

– Нет, я только Воронов, – подвинувшись ближе, он поглаживает ладонью мою щеку.

– А Самойлов только в университете?

– Ага, – его большой палец принимается поглаживать мою нижнюю губу.

И меня осеняет еще одна догадка.

– Постой, – кладу ладонь на его запястье, сжимая пальцами пульсирующую вену. Заодно отвлекаю его внимание от своей губы, которую он так и не перестал поглаживать. – А что с проектом? Почему ты стал моим партнером, а не Соснов?

– О чем ты? – удивленно приподняв брови, отвечает вопросом на вопрос.

– О том, что моим партнером должен был быть Соснов, а не ты. Но, каким-то удивительным образом, он стал партнером Машки, которая в совершенно другой части списка находится, а моим – ты. Так ты мне расскажешь, это было решение Геннадиевича, или твоя подсказка?

– А можно я не буду отвечать на этот вопрос, – задумчиво покусывая свою нижнюю губу, Максим опускает руку между нами.

– Нельзя. На этот вопрос я обязательно хочу услышать ответ, – качаю головой. Ага щас, размечтался. Поздно отступить.

– Черт, – качая, опускает он голову вниз, что бы мокрые волосы скрыли от меня его лицо. – Только обещаешь не бить?

– Не сильно, – улыбаюсь, предвкушая, и боковым зрением замечая будущие орудия.

– Хорошо, но для начала, – кивает Максим, сжав своими ладонями мои запястья. Я попробовала вырвать свои руки

из его. Но, к сожалению, хватка его рук оказалась стальной. – И так, теперь ты знаешь, что понравилась мне еще на первом курсе...

– Угу, – киваю, заинтригованная таким началом и подзревая конец. Ох, неужели он действительно все подстроил?

– И я боялся к тебе подойти и познакомиться, что уж там говорить про разговор или приглашение на свидание, – продолжает солист.

– Макс, – обращаюсь к нему, подтянув зажатые в его ладонях руки. – Но почему ты боялся? Я думала, что такое только в книгах бывает.

– Это какое же? – выгибает тонкую бровь.

– Ну, – задумчиво закусываю нижнюю губу, повернув голову и пряча от брюнета горящие глаза и румяные щеки. – Ты ведь рок-певец. Солист одной из самых популярных рок-групп в стране. Вокруг тебя толпы девушек каждый день вьются, а ты боишься подойти к девушке, которая тебе нравится.

– Всякое бывает, – спокойно пожимает он плечами в ответ. – Ты же понимаешь, что подожди я к тебе в образе ботаника, ты бы только усмехнулась, – пожимаю плечами, опустив взгляд вниз. Что правда, то правда. – А если бы встретишься с Рейвом... Даже не знаю, как бы ты поступила.

– А какие у тебя были мысли насчет моего поступка?

– Самые разные, – Максим отводит взгляд в сторону. Наклоняю голову, пытаюсь поймать его взгляд. – Ладно, сначала

ла я думал о том, что ты поступишь так, как большинство девушек в случае встречи со своим кумиром. Попытаешься с моей помощью сбежать от своей жизни к богатству, деньгам, красивым вещам и богатому дому.

Открыв от шока рот, секунду сижу, словно рыба, выброшенная на берег. Открываю и закрываю рот, не издав и звука. А когда в легких появляется достаточно воздуха для возмущения, поджимаю губы и, повернув голову в сторону, пытаюсь вырвать свои ладони из его хватки.

– Ох, малышка, – выдыхает Макс, и, вцепившись посильнее в мои запястья, рывком толкает меня и прижимает к своей твердой груди, обхватив руками. – Прости, я не хотел. Я тогда тебя совершенно не знал. Всякое в голове было.

– А сейчас как будто знаешь, – возмущаюсь, упираясь руками в бока парня и качая головой. Его хватка на моей спине и талии становится еще сильнее и я, смирившись, в ответ обнимаю брюнета за талию.

– Как будто знаю. И хочу узнать еще лучше.

– А не боишься, что я согласилась быть с тобой только из-за того, что ты – Рейв и, в каком-то смысле, мой кумир? – спрашиваю, прижавшись щекой к его груди.

– Уже не боюсь. Я ведь начал нравиться тебе задолго до того, как ты увидела меня полуголым, – отвечает он, посмеиваясь.

– Неправда! – вскрикиваю, оторвав голову от его груди и посмотрев в его смеющееся лицо.

– Правда, правда, – кивает, наклонив голову и чмокнув меня в кончик носа. – Ты меня буквально пожирала. Я аж почувствовал, как на мне начало исчезать полотенце.

– Та я не об этом, – мне все-таки удастся немного освободить свою руку и слабо ударить ею Макса по груди. – А про то, что начал нравиться еще задолго до того.

– Малышка, – еще ниже наклонив голову, упираясь своим лбом в мой, он шепчет в мои губы. – Думаешь, я не замечал эти твои изучающие взгляды и покрасневшие щечки? Или, может быть, прикушенную губу, которую мне постоянно хотелось укусить?

– Хватит, – лицо настолько покраснело, что начало переходить на шею и грудь. Поджав губы, я опустила голову и уперлась лбом в грудь парня. – Прекрати.

– Вот, ты опять покраснела и прикусила эту губу. Малышка, все хорошо, – сжав меня в своих объятьях, он целует меня в макушку. – А теперь давай вернемся к нашему разговору.

– С удовольствием, – шепчу в его грудь.

Сверху послышался смешок парня, а потом он склонил голову вниз и зарылся носом в моих волосах.

– Я боялся к тебе подойти. Думал, что ты меня просто оттолкнешь, сказав, что ты не можешь встречаться с таким неудачником, как я.

– Я бы никогда... – прерываю солиста, посмотрев в его зеленые глаза.

– Я знаю, малышка. Я знаю, – он начинает успокаивающе

поглаживать меня по волосам. Выдохнув, опускаю голову и прижимаюсь щекой к его груди, где спокойно бьется сердце. – Теперь я об этом знаю. А тогда не знал. И из-за этого еще сильнее боялся. Так вот, а дед мне постоянно повторяет «Подтяни штаны и иди к ней. Будешь стоять столбом, ее кто-то уведет», – смеюсь от пародии Макса на Геннадиевича. Кстати, очень похоже.

А потом вспоминаю, как нечто подобное мне постоянно повторяла Машка, когда я в очередной раз вздыхала над парнем. Будь это Соснов или любой другой на моей влюбленной памяти. Она говорила, что пока я тут сижу и вздыхаю, давно бы могла подойти и заговорить с объектом своих грез. Или его возьмут и уведут, я даже глазом моргнуть не успею. И от этого мне сейчас становится еще смешнее. А Макс сидит, обнимает меня и смотрит, как медленно в уголках моих глаз появляются слезы, а лицо начинает побаливать от столь широкой улыбки.

– Чего ты смеешься? – вытерев влагу на моих щеках, парень заботливо отводит упавшие мне на лицо пряди за ухо.

– Знаешь, – усаживаюсь немного выше, утыкаясь носом между его плечом и шеей. – Мне Машка тоже постоянно что-то типа такого говорила. Мне ведь многие парни нравились, – на этом моменте хватка рук парня вокруг меня усиливается, сильнее прижимая к его телу, а из его горла раздается недовольный рык. – Нравились. Раньше нравились. И я настолько сильно боялась опозориться перед ними, что про-

сто наблюдала со стороны. И Машка говорила, что когда-то мое счастье возьмут и уведут.

– Слава Богу, что мое счастье не увели, – шепчет Макс в мои волосы. – Ты только моя.

Прикрыв глаза, блаженно улыбаюсь, прижимаясь щекой к его груди. Невероятно, но мне безумно приятно, когда он называет меня своей. И это на второй день наших официальных отношений. Макс ведет себя со мной, словно со своей собственностью, и это наталкивает на мысль, что я действительно ему небезразлична.

– Так что было дальше? – спрашиваю, когда Макс ложится на диване, укладывая меня поверх себя, и поглаживает рукой по волосам.

– Я долго думал над словами дедушки. Смотрел на тебя со стороны и думал, что он прав. Ты – красивая, умная девушка. Мечта любого парня. Каждый день я шел в универ, боясь увидеть рядом с тобой другого. Кого-то другого, кто будет обнимать тебя, целовать и за руку водить по коридорам. А потом дедушка случайно, а может и нет, проболтался мне о предстоящем парном проекте по экономике. Я тогда не обратил внимания на его слова. Думал, просто предупреждает. А потом мы с тобой стали партнерами по проекту. К счастью ты не видела, какая у меня на это была реакция. Геннадиевич еще два часа ржал, говорил, что зря камеру не достал. Я у него спросил, почему мы оказались партнерами, а он говорит: «Если внук сам не хочет устраивать свою лич-

ную жизнь, за ее устройство возьмусь я».

– Ничего себе, Геннадиевич, – выдыхаю, положив руку на тело парня и опираясь на нее головой. – Можно сказать, что сваха.

– Это точно, – кивает Макс. – А теперь, перейдем к приятной части нашего вечера.

И не мгновения ни раздумывая, подминает меня под себя и впивается в губы жадным поцелуем.

Глава 41

К сожалению, или к счастью, но вчера мне с Максом так и не удалось вернуться к проекту по экономике. Опрокинув меня на диван, он прижал мои руки над головой в своей стальной хватке и отказался выпускать, аргументируя свой поступок, как плату за все его мучения ожидания вечера со мной. Точно не помню, был ли это один долгий, жадный поцелуй, или десятки. Но в какой-то момент из моего рта начали вылетать едва слышные стоны, вызывающие ухмылку на лице брюнета. А его губы в это время перестали терзать мои губы, и перешли на шею, ключицы и вершину груди, выглядывающую из выреза футболки. Верх комбинезона свободно висел на моих бедрах; я его расстегнула, как только мы пришли к Максиму домой. И, собственно, не являлся для парня каким-либо препятствием на пути к стягиванию с меня футболки. Но, к сожалению солиста, поднявшего мою футболку до самой груди на границу с бюстгальтером, в дверь позвонили.

– Макс, – прошептала я имя парня на выдохе. – В дверь звонят.

– Пускай идут к черту, – прошипел он в мою кожу, оставляя поцелуи на моих ребрах.

Я решила поступить как Макс, и, прикрыв глаза, отдалась в омут ощущений, испытываемых от его ласк. Видимо, в тот

момент, человек за дверью не разделял нашего увлечения, настырно трезвоня в дверь. Макс, не выдержав и психанув, резко поднялся с меня и пролетел через гостиную к двери. Я села на диване, поправляя футболку, и пытаюсь пригладить бардак на голове.

В это время, громко хлопнув дверью, в гостиную вернулся Макс. Хмурый, с поджатыми губами, твердым шагом, и... коробкой пиццы в руках. Не выдержав, я засмеялась. Весь кайф нам обломал доставщик пиццы, которую мы сами заказали полчаса назад. С невеселым выражением лица, парень отодвинул ноутбук с журнального столика, и поставил туда пиццу. Сходил на кухню и вернулся спустя минуту с двумя высокими стаканами с колой. Сев на диван, он подтянул меня, приютив у себя под рукой. А потом, поставив ноутбук обратно, заявил, что хватит с него проекта по экономике, – которого собственно и так было достаточно мало, – и включил нам первый сезон сериала «Волчонок». Я не стала возмущаться, а, только устроившись поудобней под боком у парня, взяла с его рук кусочек пиццы и приступила к просмотру сериала.

– Алинка, ты меня слышишь? – возмущенно проговорил рядом со мной голос Машки.

– А? Что? – рассеяно поворачиваю на нее голову. Сейчас мы сидим в кафе неподалеку от парка. Макс после универа поймав меня за углом, поцеловал и сказал, что у него назначена репетиция с парнями, и что сегодня у нас увидаться не

получиться. Согласившись встретиться завтра и поговорить по скайпу вечером, он в последний раз поцеловал меня в губы и убежал. В этот момент мне позвонила Машка и предложила поболтать о своем, о девичьем, в кафе. Пожав плечами, я попросила у нее название кафе.

И вот, мы сидим в этом кафе, Машка рассказывает про свое очередное неудавшееся свидание, а я вспоминаю вчерашний вечер, как Макс кормил меня пиццей и мы смеялись над Стайлзом и Скоттом.

– О чем ты рассказывала? – заправив за уши упавшие пряди, невинным взглядом смотрю на подругу.

– Ни о чем таком, – хмуро насупив брови и поджав губы, она откинулась на спинку стула и сложила руки на груди. – О чем ты мечтаешь, а?

– Ни о чем я не мечтаю, – опустив взгляд на стол, провожу пальцем вдоль ободка чашки.

– Если не мечтаешь, то хотя бы вспоминаешь. Дай угадаю, про своего Самойлова думаешь?

– Ни о чем я...

– Та не вешай мне тут лапшу на уши, – твердо заявляет Машка, с улыбкой смотря на меня. – Ты втюрилась, подруга. По самые уши.

– Ничего подобного, – качаю головой, поднимая на нее взгляд. – Мы встречаемся меньше недели. Слишком рано для любви.

– Для любви не существует такого понятия как «слишком

рано». Она появляется либо сразу, либо никогда.

– Это ты в книге вычитала? – спрашиваю со скептицизмом в голосе, выгнув одну бровь.

Машка, не смотря на свой характер, самый настоящий книжный червь. Ее хлебом не корми, дай только деньги на новую книгу. И желательно любовный роман. Странно, но правда. Эта девушка, которая в редкие моменты способна материться как сапожник, и которой бы больше подходило смотреть боевики и читать триллеры и ужасы, обожает любовные романы и льет слезы, когда ее любимые герои расстаются или ссорятся. И из этих самых книг она берет очень много разных цитат и понятий, которые потом объясняет мне.

– Может и да, – отводя взгляд в сторону и зачесав волосы назад, говорит Машка. – Но это не важно. А важно то, что ты втюрилась в Самойлова и скоро превратишься во влюбленную дурочку в розовых очках, которая не замечает, как парень ее избивает и изменяет направо и налево.

Ох, ясно. Я все поняла. Это последствия очередного любовного романа, где главная героиня влюбилась в плохого парня и отказывалась замечать все его недостатки.

– Мария, – шепчу девушке, протянув руку и взяв ее ладонь в свою. – Успокойся, ничего такого со мной не случиться. И Макс не будет избивать и изменять мне.

– Ты в этом уверена? – скептически выгибает она бровь.

– Уверена, – твердо киваю. – Все нормально. Просто, зна-

ешь, я счастлива. Действительно счастлива.

– И я рада за тебя, – она кладет свою ладонь поверх моей и сжимает ее пальцами. – Очень рада. Ты даже представить себе не можешь, как я рада, что ты перестала вздыхать на парней. И начала встречаться с кем-то. Весьма сомнительный выбор, – увидев мой хмурый взгляд, она пожимает плечами. – Ты не можешь судить меня за мое мнение о нем.

– Ты его не знаешь. Поверь мне, Маша, когда ты узнаешь ту его сторону, которую знаю я, ты будешь в шоке.

– В ужасе, как если он окажется террористом? Или в шоке, что он – модель Кельвин Кляйн?

– Эмм, – задумчиво прикусываю губу, не зная что ответить. Хотя тут бы больше подошло сравнение, как если он окажется твоим кумиром, солистом твоей любимой рок-группы. Но я думаю, что раскрывать ей сразу все карты не стоит. Тем более в таком людном месте. – Как будто он модель.

– Ладно, – выдохнув, кивает. – Если ты так говоришь.

Дальнейший наш разговор пошел о проектах по экономике, об учебе, приставучих блондинках с группой поддержки, которые не упускают своей возможности каждый раз задеть за живое. В какой-то момент разговора на столе начал вибрировать мой телефон, а с экрана на меня начал смотреть Макс без очков, в кожаной куртке и с растрепанными волосами. Посмотрев на экран телефона, Машка подняла на меня взгляд, вопросительно изогнув бровь.

– У меня нет его фото, – просто пожав плечами, беру телефон и выхожу на улицу.

А оказавшись за дверью кафе, вздыхаю. Ну не могла же я сказать своей лучшей подруге, что сама сделала это фото, когда мы с Максом гуляли по парку, и мне удалось уговорить его на пару общих и просто его фотографий. На что он мне ответил, что тоже не прочь иметь у себя в телефоне несколько моих фотографий.

– Алло, – отвечаю, взяв трубку.

– Малышка, – хрипло выдыхает Макс по ту сторону. – Ты где?

– С Машкой в кафе, – автоматически отвечаю, привалившись спиной к стене кафе. – Решили поговорить о своем, о девичьем.

– Посплетничать, значит, да? – с ухмылкой в голосе, спрашивает парень. – Меня тоже обсудили?

– Немножко, – опустив голову, не могу скрыть улыбки на лице.

– И что твоя подруга думает?

– Она очень за меня рада, но думает, что ты сомнительный выбор.

– Это почему же я сомнительный? – серьезно спрашивает Макс и мне кажется, что я задела его за живое.

– Потому что она тебя не знает, так как я. Она ведь знает тебе как ботаника Самойлова. И все. Поэтому и кажется ей, персона сомнительная.

– Хвалю, малышка. Хвалю, – с улыбкой в голосе отвечает парень.

– А что это у тебя за шум? – спрашиваю, услышав на его фоне смех, мужские крики и стук барабанов.

– Я на репетиции в клубе. У нас с парнями перерыв, решил тебе позвонить. Думал, скучаешь ли? А может вокруг тебя какие-то гады бродят, на мое поглядывают?

– Скучаю, и никто ни на кого не поглядывает, – честно признаюсь, улыбаясь от того, что своими признаниями немного поднимаю эго парня. Но ничего, парням нравится слышать, что по ним скучают. Пусть ребенок немного порадуется.

– Точно?

– Точно.

На заднем фоне послышался какой-то шум, и Макс убрал ненадолго телефон, что бы ответить.

– Малышка, прости. Мне пора. Перерыв закончился и Димон требует, что бы мы заканчивали. Торопится на свидание с какой-то блондиночкой.

– Хорошо, желаю ему удачи, – киваю, отлепившись от стены, и посмотрев по сторонам.

Мимо проходят толпы людей, поодиночке, парами и группами. Спокойно о чем-то разговаривают, слушают музыку или смеются. И никому нет дела до того, что происходит вокруг. Никто не обращает внимания на девушку, прислонившуюся к стене и наклонив голову, разговаривающей по теле-

фону. И никто даже не догадывается, с кем именно я разговариваю. Уверена, что многие из проходящих мимо девушек и парней прекрасно знают его в образе солиста рок-группы. И они бы визжали бы от счастья, если бы увидели или услышали его голос.

– До встречи вечером, Алина, – шепчет мне напоследок Макс.

– До встречи, – едва заметно улыбаясь, шепчу в ответ. А внутри все дрожит от ожидания сегодняшнего разговора.

Отключившись, кладу телефон в карман темных с завышенной талией джинсов. Поправив воротник белой рубашки, выдыхаю и возвращаюсь обратно в кафе.

За столиком у стены, с мягкими коричневыми диванчиками, сидит Машка. Она опирается спиной о спинку, и лазит в телефоне.

– Что смотришь? – спрашиваю, садясь напротив девушки.

– Листаю ленту в Instagram. Поговорила со своим Самойловым? – отвечает, положив телефон на стол экраном вниз.

– Поговорила. Ты заказала мне кофе и пирожное? – спрашиваю, обхватывая руками чашку, из которой исходит струйка пара.

– Заказала, думала, что твой разговор затянется надолго, и я успею съесть твое пирожное.

– К сожалению, твоему и моему, недолго.

– И где твой Максимка, что вы не вместе после универа? – упираясь локтями в стол, опирается Машка головой о ладо-

ни.

– Встречается со своими знакомыми, – отвечаю, отпивая немного кофе. Ложь так легко слетает с моего языка, словно это обыденная вещь.

– Ничего себе, у него есть друзья, – делает наигранно удивленный вид.

– Машка, прекрати, – невольно улыбнувшись уголками губ, хмурю брови.

– Ладно, ладно, – утихомирившись, поднимает миролюбиво руки вверх. – Я его просто не знаю.

– Ты не знаешь о нем всего.

– Конечно, не знаю.

Посидев еще некоторое время, мы с Машкой, заплатив за кофе и пирожные, попрощались. Машка пошла к себе домой, а я отправилась к себе. По дороге к дому я думала о том, что жизнь – непредсказуема. Могла ли я мечтать всего месяц назад, когда отправлялась в университет с замиранием сердца, готовясь к парному проекту с Сосновым, что буду встречаться с парнем, с которым видела столько клипов, интервью и концертов. С солистом моей любимой рок-группы.

Поднявшись к себе в квартиру, на секунду застываю на месте. Везде тихо и спокойно. Никаких криков, визгов и ругани. Словно я оказалась в другом измерении. Сняв обувь и повесив на крючок куртку, тихо прохожу по коридору до гостиной. И тут по-настоящему удивляюсь. Приваливаюсь боком к косяку двери, рюкзак выпадает из моих ослабевших

рук. Лиза с Эдиком в своей обычной домашней одежде сидят на диване, поедая попкорн и запивая холодной колой, смотрят первую часть Мстителей.

– Эмм, что здесь происходит? – спрашиваю, нерешительно ступая в комнату.

Лиза с Эдиком оборачиваются ко мне, мило улыбаясь.

– Вечер кино, – отвечает Эдик, положив руку на спинку дивана. – Присоединяйся.

Улыбнувшись, выбегаю из гостиной. В своей комнате бросаю рюкзак на стул, а сама переодеваюсь в шорты и футболку, которую я недавно забрала у Максима. Должно же у меня быть от него хоть что-то. И завязав волосы в слабый хвост на затылке, возвращаюсь в гостиную. Сажусь между Лизой и Эдиком, и, поставив попкорн на колени, присоединяюсь к просмотру своей любимой вселенной Marvel.

Глава 42

Оторвать меня от просмотра любимого фильма может только разговор с любимым человеком. Для меня уже стало привычным говорить так про Макса. Только ему об этом пока рано знать, так как я не полностью уверена в своих чувствах к нему. Какой-то настырный червячок внутри грыз меня мыслью о том, что парень что-то от меня скрывает. Хотя я думала, что между нами уже нет никаких секретов. Но память настырно напоминала мне о том дне, когда я с Максимом подглядывала со второго этажа за репетицией остальных парней из группы.

К чему я это вспоминаю, не имею понятия. Но слова парней не дают мне покоя. Я до сих пор помню слова Хоука:

«Скорее к нам перестанут на концерты девушки ходить, чем Рейв забудет о любви всей своей жизни».

И что это за девушка? Почему он сейчас не с ней? Или то, что происходит между нами сейчас, для него несерьезно. Всего лишь проходной этап к великой цели.

С чего вдруг я задумалась об этом?

Во время просмотра Мстителей, прямо посреди эпической битвы началась реклама, и Эдик переключил на другой канал, где как раз было интервью с участниками «В огне».

– Стой! – кричу, отбирая пульт у Эдика, и не обращая внимания на его недоуменный взгляд, смотрю в телевизор. В

верхнем правом углу мигает красным цветом надпись «прямой эфир».

В просторной студии, на нескольких мягких диванчиках сидят парни «В огне» в полном составе. Ближе всех к высокой, с идеальной прической и в обтягивающей стройные бедра юбке-карандаш, ведущей, сидит Макс в образе Рейва. С растрепанными черными волосами и широкой ухмылкой на полных губах. На Рейве в этот раз черный кожаный плащ до колен с поднятым воротником, белая рубашка с несколькими расстегнутыми пуговицами, черные обтягивающие джинсы и черные ботинки Doc Martins. Рядом с ним сидит Хоук в белой обтягивающей футболке, темно-серых джинсах и в черных кедах Convers. Возле него сидит Фрост в черном кожаном жилете поверх белой рубашки с закатанными до локтей рукавами, черных джинсах и черных ботинках-казаках. Опираясь о подлокотник дивана, рядом сидит Винд в черной рубашке, с белым ослабленным галстуком, черных джинсах и в черных туфлях.

– Итак, парни, я очень рада видеть вас в нашей студии, – мелодичным и соблазнительным голосом говорит девушка, до этого представившаяся как Александра Карлова.

– Мы тоже рады присутствовать в этой студии, – улыбаясь, отвечает Хоук, поправляя блондинистые пряди.

– Итак, начнем тогда, – улыбаясь и бросая жадные взгляды на Рейва, говорит девушка-ведущая, доставая планшетку с вопросами.

– Алин, успокойся. Это ее работа, – шепчет мне на ухо Лиза, когда всем вокруг становится слышен скрип моих зубов.

– Угу, – киваю, вцепившись руками в небольшую диванную подушку.

– Первый вопрос: кому первому пришло в голову создать группу? – в это время спрашивает у парней ведущая.

– Ну, – говорит Рейв, переглянувшись с остальными. – Вообще это была идея Хоука. Сначала просто идея, а потом он просто стал задалбывать нас этим. Каждый разговор он переводил на создание группы.

– То есть, Рейв, ты говоришь, что вы создали группу только для того, что бы успокоить Хоука? – изогнула бровь девушка.

– Можно сказать и так, – улыбаясь, кивает Рейв.

– Тогда второй вопрос: почти все ваши песни о неразделенной любви или покинутых чувствах, кто их пишет?

– Рейв, – вместе отвечают Хоук, Фрост и Винд, показывая пальцем на спокойного Рейва.

– Это правда? – спрашивает девушка у солиста.

– Конечно, – кивает он в ответ.

– Откуда вы берете вдохновение на создание своих песен?

– Из жизни.

– Тогда, Рейв, ответь на вопрос многих фанаток вашего творчества – у тебя есть девушка, завладевшая твоим сердцем?

Наступает минута молчания, во время которой все ожидают ответа солиста. Замерли все, и в студии, и перед экранами телевизоров. Мы тоже замерли в ожидании. И если Лиза с Эдиком думают о том, что сейчас Рейв скажет обо мне, то я вспоминаю слова Хоука сказанные несколько недель назад о любви всей жизни Рейва, неподалеку от которой он жил раньше.

– Есть такая девушка, – в конце концов, кивает солист.

– Вы встречаетесь?

Черт, а вот теперь я начинаю по-настоящему бояться его ответа. Сердце замирает в предвкушении его ответа. Кажется, что сейчас замерла не только я, но и все вокруг меня.

– Нет, – качает головой Рейв.

Его ответ становится для меня выстрелом в пустом зале. Оглушительным. На сердце с каждой секундой небольшая трещинка становится все больше и больше. Пока не добирается до центра сердца и не ударяет по нему сильным ударом.

Сажу напротив телевизора, уставившись остекленевшими глазами в спокойное лицо Рейва, а из ослабевших рук выпадает небольшая подушка. В комнате повисает молчание, которое Лиза с Эдиком не решаются прервать.

– Мелкая, – ласково обращается ко мне Эдик, прижав к себе за плечи. Но я не смотрю на него, а только на лицо своего, еще утром, парня.

– А она знает о твоих чувствах? – спрашивает в это время ведущая у Рейва.

– Пока нет, – качает парень головой.

– А собираешься ли ты признаться ей в своих чувствах?

– А это пока тайна, – с широкой ухмылкой отвечает Рейв, задорно подмигнув ведущей.

Девушка задает парням еще пару вопросов, но мне уже плевать на все. В моей голове до сих пор звучит ответ Макса на вопрос, встречается ли он с дамой своего сердца. Его короткое «нет», которое разбило все мои надежды и мечты. А они только начали появляться в моей голове. Все-таки мечтать о том, что ты действительно нравишься кумиру миллионов девушек, лучше, чем осознавать, что ты всего лишь временный этап в его жизни. Что в данный момент он влюблен в другую девушку, которая даже не знает о его чувствах.

– Я... Я пожалуй... пойду в свою комнату, – безразличным голосом шепчу в тишине комнаты, медленно поднимаясь с дивана.

– Алина, – расстроено шепчет Лиза за моей спиной.

– Мелкая, ты же не думаешь...? – спрашивает Эдик, когда я захлопываю дверь своей комнаты.

Оказавшись внутри, я делаю несколько шагов к кровати и без сил падаю на нее. Уткнувшись лицом в подушку, я не могу сдержать тихих всхлипов и слез. Мне больно от его слов. Больно от того, с каким спокойствием и безразличием он сказал, что сейчас ни с кем не встречается.

От дальнейшего погружения в жалость к себе, меня спасает звонок из скайпа на ноутбуке. Подняв голову, сажусь

и перекладываю ноутбук с прикроватной тумбочки на колени. Утерев влажные следы под глазами, не глядя нажимаю на кнопку «Принять звонок».

– Привет, малышка, – звучит в динамиках радостный голос Макса.

Открыв глаза, смотрю на экран с лицом Макса, сидящего у себя дома на диване.

– Макс? – шепчу охрипшим от слез голосом, забыв о том, что мы сегодня должны были созвониться.

– Алин, ты что, плакала? – с тревогой в голосе спрашивает солист, суетливо бегая глазами по моему заплаканному лицу.

– Нет, – качаю головой, пытаюсь успокоиться, что бы из моего рта перестали вылетать всхлипы.

– Что случилось?

– Ничего, – снова качаю головой. – Просто момент трогательный в фильме.

– Малышка, – ласково обращается ко мне парень через ноутбук. – Я же вижу, что это не фильм. Что случилось? Кто тебя обидел?

– Никто. Меня никто не обижал. Просто неприятно осознавать, что ты маленький этап на пути к большой цели.

– Алинка, – вновь зовет меня Макс. Поднимаю на него заплаканные глаза, и тогда его взгляд меняется и в нем появляется осознание. – Ты видела интервью?

– Почти, – шепчу, опустив голову.

– Это не то, что ты думаешь, малышка. Я не это имел...

– Макс, – выдыхаю, посмотрев на него. – Я хочу побыть одной. Встретимся завтра.

– Малышка, я... – пытается сказать Макс, но я разъединяю звонок и закрываю ноутбук.

Кладу его обратно на прикроватную тумбочку, а сама ложусь набок и, подперев голову ладонями, смотрю перед собой. В моей голове просто не укладывается, как Макс может так спокойно себя вести после того, что сказал в прямом эфире в интервью. И он еще думал, что я не посмотрю его? Та если бы я узнала раньше, я бы непременно заняла телевизор, и гори синим пламенем этот вечер кино. А так, благодаря обыкновенной случайности, я узнала правду про парня, с которым встречаюсь почти две недели.

Мне кажется, что если бы он изменил или предал, мне было бы не так больно и обидно. Но тот факт, что он меня использовал, ранит больше всего. И не просто ради чего-то, как спор или что-то другое. Нет, просто потому что ему скучно. Просто потому, что он еще не добился девушки, которую любит уже долгие годы. А я для него, как развлечение, просто как средство от скуки и одиночества на некоторое время. Пока он не решится признаться той девушке, что любит ее. И после этого я стану не нужной. Старой игрушкой, которую выбросили в мусор за ненадобностью.

Проходит время, и не замечаю, как мои глаза закрываются, и я медленно погружаюсь в сон. Но он не длится и ча-

са, как меня будит шум в прихожей. Приоткрыв сонные глаза, приподнимаюсь на кровати и слышу, как ударяется наша входная дверь о стену. Первой моей мыслью становится, что к нам заявился муж или парень одной из десятков пассий Эдика. Другой, что это один из бывших ухажеров Лизы наконец узнал о том, что он бывший. Но точно не того, кто оказался на нашем пороге на самом деле.

– Мне кажется, что твое появление здесь не вовремя, – мягко говорит кому-то Лиза за дверью.

– Тебе кажется, а я уверен в этом, – с металлом в голосе договаривает за нее Эдик. – Я вообще не понимаю, зачем ты открыла дверь?

За стеной повисла тишина. Наверно тот, кто решил потревожить покой Эдика, начал отвечать.

– Та мне до лампочки, что ты хочешь, – рычит Эдик. – Какого хрена ты сейчас зубами ступеньки не пересчитываешь, я не знаю. Но знай, что она тебя от этого спасает.

Вновь гость что-то отвечает.

– Она спит, – едва слышно говорит Лиза после того, как попыталась успокоить Эдика. – Ее это очень расстроило.

Макс?

Резко сажусь на кровати, повернув голову в сторону двери. Там... Макс? Что он здесь делает?

– Я бы тебя никогда в жизни туда не пустил, – сурово говорит Эдик за дверью. – Но это не мне решать. Если она решит, что ты должен уйти, ты у меня все ступеньки зубами

пересчитаешь.

Послышались тихие переговоры, рык Эдика, а потом торопливые шаги. В следующий момент, тяжелые шаги приблизились к моей комнате, а затем ручка опустилась и открылась дверь. Сначала в небольшом разьеме показались мужские ноги в черных джинсах, затем черная рубашка. А вскоре и лицо с черными взъерошенными волосами с несколькими спадающими на высокий лоб, прядями.

– Привет, малышка, – с улыбкой в уголках губ шепчет Макс, заходя в мою комнату и прикрывая за собой дверь.

– Привет, – шепчу, огромными глазами смотря на парня, шагающего ко мне и севшего рядом на кровать. – Что ты здесь делаешь?

– Как это что? – спокойно пожимает он плечами. – Ты сбросила звонок. Отказалась меня выслушать.

– Но я ведь сказала, что поговорим завтра, – шепчу в ответ, теребя между пальцами подол его футболки.

– Не мог уснуть, зная, что ты думаешь, – отвечает он, смотря на меня своими пронизывающими зелеными с золотыми вспышками, глазами. – Ты видела интервью?

– Видела, – киваю. – И слышала, что ты говорил.

– Малышка, послушай, – подвинувшись ко мне, парень, взяв мое лицо в чашу своих ладоней, и заставил посмотреть ему в глаза. – Я это сказал специально. Я не имел в виду, что ты не важна для меня. Просто я знаю, что было бы, если бы я сказал, что встречаюсь с одной потрясающей девушкой. За

мною бы началась слезка. И вся страна узнала бы не только о том, что ты – моя девушка, но и о моей учебе в универе, и о том, где я живу. А мне не нужно этой мороки.

– Ответь на вопрос, только честно: девушка, о которой ты говорил, существует?

Глава 43

И снова минута молчания. Я смотрю в сосредоточенные на моем лице глаза bruneta, и пытаюсь понять, что именно он в них ищет? Жажду знать правду? Или жалость к самой себе, из-за того, что поверила в его сказки?

– Макс, эта девушка существует? – повторяю свой вопрос, смотря в его глаза.

– Существует, – кивает он, не отводя взгляда от моих глаз.

– Кто она?

– Я пока не могу сказать, – опустив глаза вниз, он отпускает мое лицо.

– Почему? Боишься, что если я узнаю, мне будет еще больнее, чем есть? – спрашиваю, постепенно закипая.

– Алин, я не это имел в виду...

– Ты не это имел в виду, но выглядело все именно так. Словно я для тебя временная замена, как когда телефон сломался, и ты ходишь с другим, пока новый не купишь.

– С чего ты решила, что ты для меня всего лишь временная замена? – спрашивает парень, смотря на меня из-под наспуленных бровей.

– Да с того, что ты именно так и сказал. Только не упомянул, что сейчас встречаешься с другой.

– Ты меня неправильно поняла, – Макс пытается схватить меня за запястья.

– Да? Как это неправильно можно понять, когда парень говорит, что он ни с кем не встречается, – хотя вы вместе уже почти две недели, – и что он влюблен в другую? Что именно из этого я не так поняла? – ударяю руками по кровати, грозно смотря на Макса.

– То, что я чувствую к тебе, а не к ней! – уже едва ли не кричит он. – Она – далеко. И нам никогда не быть вместе.

– Но от этого ты ее любить не перестал! – кричу, поднимаясь на колени, что бы между нашими лицами оставались считанные сантиметры.

– Та я тебя люблю! – кричит Макс в ответ, и пока я пытаюсь обдумать его слова, он хватает меня за затылок и впивается в губы яростным поцелуем.

Он отказывается передать мне контроль или позволить ответить ему. Макс повелевает этим поцелуем. Едва ли не кусает меня за губу, тут же зализывая ее. Погружается в мой рот, переплетая наши языки. Наклоняет мою голову назад, вызывая невольный стон. Мое тело само по себе опускается назад, пока я не оказываюсь лежащей на кровати, а Макс, нависающим надо мной.

– Ты моя, малышка. Только моя, – шепчет в мои опухшие губы, смотря мне в глаза своими горящими жадными глазами. – И этого никто и ничто не изменит.

А потом, перекатившись с меня, Макс встал с постели, расстегнул рубашку, оставшись в одних джинсах. Пока я жадным взглядом пожирала его накачанное тело, он снял ре-

мень и повесил его вместе с рубашкой на кресло. Потом, поднял меня, словно пушинку, на руки, и откинул одеяло в сторону.

– Что ты делаешь? – спрашиваю, когда он укладывает меня на подушку, а сам ложится рядом.

– Как это что? – удивленно отвечает вопросом на вопрос. – Собираюсь спать. Ты меня измотала.

– Это чем же? – приподнимаю бровь, пока он укладывает меня на бок, и прижимает спиной к своей груди.

– Сначала тем, что сбросила вызов скайпа. Потом тем, что вынудила ехать к тебе на ночь глядя. И это кстати, после того, как меня замучали на этом интервью. Переодевали, красили, причесывали. Кажется, что я лишился четырех пучков волос. У меня там залысин не нащупала?

– Нет, – качаю головой, невольно улыбнувшись.

– Слава Богу, – выдыхает он мне в волосы.

– Так ты мне расскажешь про эту девушку, в которую влюблен столько лет? – спрашиваю, начиная зевать.

– Когда-нибудь, обязательно расскажу. Когда-нибудь, – шепчет мне в шею горячим дыханием.

Уткнувшись в мою шею, зарывшись носом в волосы, Макс прижимает меня к своему телу. И в такой позе мы засыпаем. И фигура этой неизвестной девушки, которая уже столько лет является любовью Макса, кажется мне призрачным силуэтом.

Первое, что я почувствовала, когда проснулась, было

неведомое ощущение чего-то постороннего на моей кровати. Чего-то, являющегося человеком с двумя руками, ногами и твердостью, упирающейся мне в пятую точку. Резко широко открываю глаза, осознав, что именно это такое и для чего оно собственно нужно. Дергаюсь в сторону, но сильная и тяжелая рука на моей талии, впечатывает меня обратно в твердое мужское тело.

– Спи, малышка, – обдает горячим дыханием кожу моей шеи Максим. – Еще рано.

– Что ты...? – шепчу ошарашенно, с трудом понимая, что именно Макс делает в моей постели.

– Ты вчера на меня обиделась, – зевая, объясняет парень. – Отключила звонок, и что бы все объяснить, мне пришлось приехать к тебе. А потом я решил остаться здесь, с тобой.

– Это я помню, – шиплю, с трудом повернувшись к нему лицом. – Но что ты до сих пор здесь делаешь?

– А где я должен быть? – с безмятежным лицом, сонным голосом и закрытыми глазами, шепчет он в ответ.

– У себя дома, – поджав губы, смотрю в это спокойное и сонное лицо, которого тут быть не должно.

Во мне ничего не просыпалось. Никакой совести или чего-то подобного. Просто я не ожидала, что он останется на ночь. Мне казалось, что он полежит со мной, пока я усну, а потом, как воспитанный человек, тихо закроет за собой дверь и поедет домой с чистой совестью.

– С чего бы это? – спрашивает Макс, наконец, приоткрыв один глаз.

– С того.

– Не вижу ничего такого в том, что бы засыпать вместе со своей девушкой, – вновь закрыв глаза, он пожимает плечами. – Кстати, мне нравится эта идея. А тебе?

– Ты о чем? – шепчу, резко забыв о теме нашего разговора. Приподнимаюсь на локте, нависая немного над его лицом.

– О том, что бы переехать ко мне, – полностью открыв глаза, говорит Максим.

– Ты шутишь? – неверяще выгибаю брови.

– А видно, что я шучу? – открыв серьезные зеленые глаза, приподнимается он на локте, нависая теперь надо мной. – Малышка, я абсолютно серьезно. Переезжай ко мне.

– Но... но... Но я не могу. Я ведь учусь. А Эдик с Лизой? – спрашиваю, начиная заикаться. – И тем более, – прикрываю глаза, что бы хоть как-то спрятаться от его взгляда, и сев рядом с Максом, складываю руки на груди. – Я несовершеннолетняя.

– Совершеннолетняя. Тебе уже есть восемнадцать, – с улыбкой кивает в ответ.

– Нет, по законам Соединенных штатов мне еще нет двадцати одного. Значит, еще не совершеннолетняя, – качаю головой из стороны в сторону.

– Но мы-то не в США, – хитро замечает, приближаясь своим лицом к моему, пока между нами не остается несколько

сантиметров.

– И что? Мне коньяк даже здесь не продают. Значит, еще не полностью совершеннолетняя, – дыхание перехватывает, как только его губы оказываются напротив моих.

– Малышка, здесь больше вопрос не в том, сколько аргументов ты находишь против, а хочешь ли ты этого сама. Ты хочешь переехать ко мне? Жить со мной в одной квартире?

– Макс, – выдыхаю, медленно теряя контроль над нашим разговором. – Мне кажется, что слишком рано думать об этом, – но не совсем теряю контроль, что помогает мне отклониться назад и вернуть себе трезвость разума. – Я согласна, что встречаться можно начать и ничего не зная друг о друге. Но насчет того, что бы жить вместе... Рано.

– Ох, Алинка, – выдыхает устало, опустив и покачав головой из стороны в сторону. – Все на свете можно решить. Ты только скажи мне «да».

– Макс, рано, – качаю головой.

– То есть, ты говоришь мне «нет»?

– Я говорю тебе «рано». Чем тебе не нравится то, что мы встречаемся во время учебы, после нее, дома по скайпу общаемся. Разве тебе этого мало?

– Мало, – кивает в ответ, смотря на меня горящим взглядом. Подвинувшись ко мне, он обхватывает мое лицо ладонями. – Я хочу засыпать, обнимая тебя. Хочу просыпаться с тобой в своих объятьях. Хочу утром готовить тебе завтрак, а вечером приходить домой и видеть тебя, заснувшей на моем

диване.

– Максим, – подаюсь вперед, обхватывая его лицо. – Я тоже этого хочу. И я не говорю «нет», идея жить вместе. Пока просто рано. Но обещаю тебе, что мы будем жить вместе. Только чуть попозже.

– Когда? – выдыхает, прислонившись своим лбом к моему.

– Скоро, Макс, скоро, – шепчу ему в губы, перед тем, как коротко к ним прижаться.

Руки солиста быстро перемещаются с моих скул на затылок, обхватывая его. А короткий поцелуй, находящийся под моим контролем, мгновенно оказывается во власти парня. Он проводит языком вдоль моих губ, прикусывает зубами нижнюю, умоляя раскрыться ему навстречу. Приоткрыв рот, он проглотил мой судорожный выдох. Приподняв руки, я вцепилась ладонями в его волосы на затылке. А Макс, обхватив меня за талию, начал склонять к постели, вынуждая лечь. Нависнув надо мной, он проводит своими горячими ладонями вдоль моего тела.

В тот момент, когда Макс начинает задирать подол моей футболки, в дверь раздается стук, а за ним и сердитое бормотание Эдика. Оторвавшись от губ Макса, тяжело дыша, поворачиваю голову в сторону двери. Макс же, словно не слышит голоса Эдика, опускает голову и целует мою кожу вдоль подбородка, шею и ключицы.

– Он все еще мне не нравится, – прикрыв глаза, слушаю

голос дяди за дверью, тихо выдохнув от жарких поцелуев Макса на своей коже. – Это я тебе, мелкая. Так что, если ты не хочешь кормить его пюре через трубочку, сбрось его с себя.

– Черт, – шиплю, не до конца понимая, как именно он понял, что происходит в комнате. А потом, выдохнув, упираюсь руками в широкие плечи брюнета.

– Что? – ошалело спрашивает, подняв на меня лицо с помутненным голодным взглядом и опухшими покрасневшими губами.

– Подъем, солист! – кричит со стороны двери Эдик. – Пусть я и не отец, а всего лишь дядя, но это не значит, что я не дам тебе в морду, если ты перейдешь границы дозволенного в моем доме.

Встретившись взглядами, Макс огорченно выдыхает, опустив голову мне на плечо и зарывшись носом в волосы.

А затем следует его тихое бормотание:

– Переезд – это отличная идея.

– Хрен тебе! – громко отвечает ему Эдик. – Запомни, мажор голосистый, ты уже перешел большинство границ в этом доме. Особенно те, что включают мелкую и ее комнату. Так что, учти на будущее, ты все еще живой только благодаря ей и тому, что ты ей нравишься.

– Значит, – с широкой улыбкой на лице, Макс поворачивает на меня довольные глаза. – Я тебе нравлюсь?

– Нет, – качаю головой, прикусив губу. – Эдик просто шу-

тит.

– Ничего подобного! – кричит он из-за двери. – Я совершенно серьезен.

– Эдик! – кричу, сев на кровати. – Мы сейчас выйдем.

– Одетые?

– Одетые! – прорычав сквозь зубы, мысленно желаю Эдику обжечь язык его любимым черным кофе.

Поворачиваю голову на сидящего напротив меня Макса, скрестившего ноги и упершегося ладонями в кровать.

– Ай-яй-яй, малышка. А врать нехорошо, – цокнув языком, качает головой.

– Насчет чего?

– Насчет твоих чувств ко мне. Признайся, наконец, в том, что ты не можешь сопротивляться моему обаянию и харизме.

– Хорошо, – киваю, драматично выдохнув. Упираясь руками перед собой, склоняюсь к парню и шепчу ему в губы. – Ты мне нравишься.

И коротко прижимаюсь к его губам, не позволяя снова затянуть меня в жаркий и ненасытный поцелуй.

– Все, а теперь пошли завтракать. Сомневаюсь, что Эдик шутил насчет пюре и дать тебе в морду.

– Та я тоже в этом сомневаюсь, – кивает, смотря на меня. – К счастью, его желание тебе счастья сильнее его жажды дать мне в морду.

– Пока, только пока, – шепчу, хихикнув, и не выдержав,

быстро чмокаю его в нос, а затем резко поднимаюсь с кровати и поправляю свою одежду. – А теперь давай отправимся на завтрак, пока Эдика не перестало заботить мое счастье.

– Абсолютно с тобой согласен, – серьезно кивает Макс, поднимаясь на ноги.

Подойдя к креслу, он накидывает на плечи рубашку, и, не застегнув пуговицы, выходит из моей комнаты, напоследок чмокнув меня в губы:

– Жду тебя на кухне, – и подмигнув, скрылся за дверями комнаты.

Глава 44

Набрав в легкие побольше воздуха, я выдохнула. Такого я точно не ожидала. Та и вся эта ситуация мне в принципе напоминала одну сцену в начале книги «Пятьдесят оттенков серого». Где Кристиан приходит домой к Анастейше, после того как ушел, отшлепав ее. У нас с Максом, конечно, все немного по-другому, но основная мысль та же. Макс приехал ко мне поздно вечером только ради того, что бы объяснить мне свои слова на интервью. А потом просто остался на ночь, обнимая меня во сне. Оу, и кроме этого, утром он предложил мне переехать к нему.

И вот теперь я сижу в своей комнате, – Макс на кухне общается с Лизой или Эдиком, – и абсолютно не представляю, что мне делать дальше. Всего каких-то несколько лет назад я мечтала о том, какими будут отношения с парнем моей мечты. Как мы просто познакомимся в парке или кофейне. Как будем долго приглядываться друг к другу, бросая скромные улыбки и отводя взгляды. Как однажды, он предложит мне свою руку с предложением погулять. После этого мы будем ходить на свидания, пока в один день наши губы не соприкоснутся и он не признается, глядя в глаза, что любит меня. После этого начнутся наши отношения. Дальнейшее знакомство с родными, съезд, а затем и брак. Ежедневные проводы его на работу, готовка еды и встреча после работы. Обычная

спокойная и размеренная жизнь.

– Алина, у тебя все хорошо? – приоткрыв дверь, и заглянув внутрь, спросила Лиза.

Она уже готова к труду и обороне. Волосы заплетены в косу и перекинута через плечо. На глазах тонкие стрелки и дымчатые коричневые тени. На губах нюдовая помада.

– Да, да все хорошо, – поспешно киваю, поправляя волосы. – Я сейчас выхожу.

– Мы на кухне, – коротко бросает Лиза, закрывая за собой дверь.

Качнув головой, решительно отдергиваю футболку и подхожу к шкафу. Открыв дверцы, наталкиваюсь взглядом на белое платье с вышивкой на груди и двойной полупрозрачной юбкой. И почему-то у меня не возникает мысли надеть что-либо другое. Аккуратно достаю вешалку с платьем и бросаю на кровать. Рядом на пол ставлю новые белые босоножки на толстом каблуке. Выглянув в окно, и невольно жмурясь от ярких лучей солнца, улыбаюсь. Весна окончательно прогнала зиму и вступила в свои права. Теплый легкий ветерок, проступившая зелень на деревьях и куча народу, выходящих из своих домов навстречу солнцу и теплу.

Закрыв за собой дверь, подхожу к кухне и застываю в дверях. На кухне повисла тишина. На диване сидит Макс, спокойно попивая кофе и закусывая бутербродами с сыром и колбасой. Эдик стоит, прислонившись к кухонной тумбе с кружкой кофе, и суровыми глазами наблюдает за спокойным

парнем. Лиза сидит рядом с Максом и переводит взгляд с него на своего брата и обратно.

– Что уже происходит? – спрашиваю, посмотрев на молчавшего до этого дядю.

– Ничего, – пожимает он плечами. – Видишь, завтракаем. Ты кофе будешь? – и наглядно демонстрирует свою чашку со струйкой горячего пара.

– Буду, – бурчу, сев на диван между Лизой и Максимом. Парень, повернув на меня голову, улыбается уголками губ и подмигивает. Эдик, хмуря брови, садится перед нами, поставив на стол еще одну тарелку с бутербродами и мою любимую чашку с котиком в черной куртке с гитарой наперевес.

– Спасибо, – киваю, улыбнувшись Максу уголками губ. Дальнейший завтрак проходит в тишине и напряжении. А все из-за грозных и недоверчивых взглядов Эдика в сторону солиста. И никто не собирается ему противостоять.

Спустя время, когда кофе допит, а бутерброды съедены, Лиза выдыхает, поднимаясь.

– Я на работу.

Пройдя через кухню к двери, она останавливается в проеме.

– Эдик, ты тоже, – качает она ему головой в сторону коридора.

– Мне не на работу, – безразлично-металлическим голосом отвечает тот, пронизывая брюнета гневным взглядом.

– Тебе на тренировку. Эдик подъем, и на выход.

Побеждено выдохнув, он поднимается на ноги и выходит вслед за сестрой. Уже в коридоре слышно, как он бурчит:

– Я не хочу оставлять ее с Вороновым наедине.

– Она взрослая девушка и сама со всем справится. В том числе со своим парнем, – шипит на него Лиза.

– Но не с этим. Лизон, ты даже не представляешь, кто его отец...

Дальнейшие их фразы заглушает шум одежды и хлопок двери. Задумавшись над словами дяди, поворачиваю голову на спокойного Максима, откинувшегося на спинку диванчика.

– Почему Эдика волнует твой отец?

– Малышка, я бы не хотел обсуждать тему моего отца именно сейчас, – выдыхает, положив ладонь мне на плечо и прижав к себе. – Тем более, у нас есть тема гораздо интересней.

– И какая же? – спрашиваю, прижавшись носом к его голой коже, не скрытой тканью рубашки.

– Очень привлекательная, – шепчет он мне в макушку, прижавшись к ней губами. – Давай сегодня прогуляем учебу.

– Сегодня нельзя, – отвечаю, отлепившись от его груди. Укоризненно смотрю на безмятежного парня. – Ты же помнишь, что мы до сих пор не сдали Геннадиевичу план проекта?

В тот вечер к проекту мы так и не вернулись, а на следу-

ющий день Макс не пришел в универ. Я собиралась пойти сдавать Геннадиевичу примерный план проекта, который мы набросали до того, как Максим набросился на меня с поцелуями. Днем я встретила его в коридоре, где он сказал, что ожидает увидеть нас обоих. И если, как он сказал, Самойлов не явился сегодня, то мы должны сдать план в любой другой день, но желательно на этой неделе.

– И что? Сдадим завтра.

– Не знаю, как ты, а я собираюсь пойти на учебу, – заявляю, поднимаясь с диванчика. Но Макс хватает меня за руку, сажая боком к себе на колени и сжимая мою талию руками.

– Малышка, – томно шепчет мне на ухо, коротко прижимаясь губами к зоне за ним, от чего по моему телу пронесится дрожь. – Составь мне сегодня компанию. Давай вместе проведем этот день.

– А как же учеба? Я не могу пропускать занятия, – шепчу, выдохнув от ощущения его губ на своей коже и рук на теле.

– Со мной можешь. Давай, только один день.

Выдохнув, я задумалась над его словами. И правда, что может быть плохого в одном дне, проведенным со своим парнем. Может быть, я смогу узнать о нем что-то новое. Особенно мне было бы интересно узнать об этой таинственной девушке, которой он посвящает свои песни, и которую любит уже долгие годы.

– Хорошо, – поднимаю на него глаза, согласно кивая.

– Отлично, – широко улыбнувшись, он наклоняется ко

мне и коротко, но не менее жадно, целует в губы. – Тогда собирайся, поедem с тобой в кино.

Улыбнувшись, поднимаюсь с его колен и встаю. И пройдя через кухню, останавливаюсь в дверном проеме.

– Значит, у нас будет классическое свидание в кино? – спрашиваю, повернув на него голову.

– Считай, что я решил прибегнуть к традициям.

Хихикнув, прячу лицо за волосами и, бросив на парня мимолетный взгляд, выхожу. А оказавшись в своей комнате, хватаю халат и бегу в ванную. Возвращаюсь обратно через десять минут, завернутая в халат с наброшенным на мокрые волосы, капюшоном. Сушу феном волосы, надеваю нижнее белье и, завязав волосы в низкий хвост, принимаюсь за макияж. Сегодня мне хочется быть красивой. Поэтому наношу тонкий слой туши, светло-коричневых теней и краской помады, что бы она лишь выделяла небольшую красноту, придавая губам полноты и пухлости. Затем следует очередь платья и туфель. Разгладив на себе небольшие складки юбки, подхожу к зеркалу и рассматриваю получившийся результат.

– Вот черт, – шиплю, оказавшись перед зеркалом. Макияж сделала, одежду красивую надела, а про прическу забыла. Так и стою вся такая нарядная, с вороньим гнездом на голове. Развязываю слабый хвост и расчесываю их. Несколько минут смотря на свое отражение, задумываюсь о прическе. И что бы такое сюда сделать? Обычный хвост? Слишком обычно. Завязать передние пряди сзади? Слишком романтично,

а у меня этой романтичности в платье и туфлях хватает.

Щелкнув пальцами, закусываю губу, и начинаю искать по тумбочкам и шкафчикам свою плойку. Вариант, возникший в моей голове, словно горящая лампочка, идеально подойдет к моему сегодняшнему образу. Спустя еще пять минут, стою, довольно улыбаясь и подхватив юбку кончиками пальцев, кружусь вокруг своей оси.

Вместо чего-то вычурного или обычного, я решила сделать себе локоны. Просто слабые локоны на кончиках волос. Что бы придать образу какой-то детской непосредственности.

– Малышка, – выдыхает за моей спиной хриплый голос Максима. Поворачиваю голову, обнаруживая того застывшего в дверях моей комнаты. – Ты прекрасна.

Опустив голову, что бы скрыть покрасневшие от румянца щеки, смущенно улыбаюсь уголками губ. Макс в это время медленно подходит ко мне, остановившись на расстоянии вытянутой руки. Подняв голову, смотрю в его затуманенные зеленые глаза, на быстро вздымающуюся грудь и сжатые кулаки. Кажется, что он готов в любой момент наброситься на меня.

– Ты похожа на темноволосого ангела, – хрипло шепчет, сократив расстояние между нами. Приподняв мою голову за подбородок кончиками пальцев, он заставляет меня посмотреть в свои глаза. – Я в смятении.

– Почему? – спрашиваю внезапно охрипшим голосом.

Сердце в груди бьется в удвоенном ритме, а дыхание замирает.

– Потому что одновременно хочу показать всему миру, что ты моя, а с другой, запереть тебя у себя дома и никому не показывать, – выдыхает мне в губы.

– Не мели ерунды, – выдыхаю вместе со смешком.

– С каждой секундой я больше склоняюсь к тому, что бы запереть тебя дома. У себя дома, – и посмотрев своими горящими глазами в мои, впивается в мои губы жадным поцелуем.

И в который раз его поцелуй пропитан жадностью, потребностью. И ощущается, словно клеймо. Он обхватывает мою голову, пока я закидываю руки на его шею, зарываясь пальцами в шелковистые пряди. Максим вжимает мое тело в свое, припечатывая к поверхности зеркала, таким образом не оставляя мне путей отхода.

– Ммм, – мычу, разрывая затянувшийся поцелуй. – Макс, моя помада.

Бросив на него суровый взгляд, и пытаюсь не дрожать от жадного взгляда и горячих рук на моем теле, разворачиваюсь к зеркалу, прижимаясь спиной к его груди.

– Ну что ты сделал? – поджимаю губы, бросив на него грозный взгляд. Широко ухмыльнувшись своими полными, опухшими от нашего поцелуя, губами, он зарывается носом в мои волосы.

– А что такого? – не очень разборчиво спрашивает, шепча

в волосы. Поднимает голову, встречаясь с моим взглядом в зеркале. – Мне кажется, что тебе так даже лучше.

В ответ только смеюсь, смотря на такого грозного рокера с растрепанными волосами, горящими глазами и красной помадой на лице. А также все еще в одних джинсах.

– А мне кажется, что красный, не твой цвет, – развернувшись к нему лицом, сквозь смех пытаюсь смазать помаду с его лица.

– Вот черт, – шипит, получше взглянув на свое отражение. Опустив голову, Максим смотрит на меня. – Только не говори мне, что твоя помада хреново смывается.

– Не скажу, – качаю головой, продолжая улыбаться. Спустив его ладони со своей талии, подхожу к своему туалетному столику и вручаю парню спонж и жидкость для снятия макияжа. – Держи.

– А может мне лучше оставить? – нерешительно спрашивает, посмотрев на меня с мукой в глазах. Выгибаю бровь, смотря на него с вопросом. – Ну, знаешь, что бы каждая девушка знала, что для меня есть только ты.

– Думаю, что многие не так поймут, – отвечаю, продолжая держать вытянутые в его сторону руки. – Так что, смывай.

– Эх, – шумно выдохнув, он забирает их с моих рук и садится на пуфик за мой столик. И пока парень, смочив спонж, пытается стереть следы помады, я разворачиваюсь и, стерев остатки, наношу новый слой.

Развернувшись, я мгновенно делаю шаг назад. Макс стоит

передо мной, широко ухмыляясь, а на его лице не осталось ни следа помады.

– Нет, – качаю головой. – Больше ты мою помаду не размажешь.

И слушая за своей спиной ворчание парня, выхожу из комнаты, на ходу бросив о том, что жду его одетого в коридоре.

Спустя пару минут Макс вышел из моей комнаты полностью одетый, на ходу поправляя волосы ладонью. Обувшись, он говорит:

– Все, я готов.

Усмехнувшись, я накидываю тонкую кофту и, одев босоножки, мы выходим из квартиры. Заперев за собой дверь, моя рука оказывается в плену ладони Максима.

Глава 45

Неделя проходит тихо и спокойно. В моей жизни наступила тишь да гладь. Дома Лиза с Эдиком больше не устраивали баталий, а проводили вечера за просмотрами наших любимых фильмов и сериалов. Правда, и тогда у нас возникали небольшие конфликты. Лиза и Эдик никак не могли прийти к соглашению, и выбрать один фильм. И никто из них не собирался отступать от своего. Эдик настаивал на фильме «Прибытие», а Лиза – «До встречи с тобой». Тогда в дело вмешивалась я и предлагала альтернативу, фильмы из киновселенной Марвел. Тут уже согласны были все.

А что до наших отношений с Максом, то у нас все отлично. Мы несколько раз гуляли по торговому центру, где он покупал мне по одной красной розе. На вопрос, почему именно одну, он отвечал:

– Потому что букет может любой дурак подарить, а выбрать одну лучшую...

Я в ответ только улыбалась, смущенно опустив взгляд, и с трепетом прижимала к своей груди одинокую розочку. Также мы ходили в кино на несколько комедий и боевиков. На любовную драму я отказалась идти, аргументируя это тем, что мне этой драмы в книжках хватает. И тем более, я не могу смотреть мелодрамы, только читать их. А Макс мне в ответ только улыбался, и, взяв за руку, вел на боевик. Ду-

маю, что он даже рад, что не пришлось вместе со мной идти на драму и наблюдать за терзаниями главной героини.

– Мелкая, как ты тут? – вырывает меня из раздумий голос Эдика. Поворачиваю голову на голос, замечая его голову в дверном проеме.

– Все нормально, – согласно киваю, улыбаясь уголками губ.

– Как там твой Максимка? Не позволяет себе лишнего?

Сев рядом со мной на кровать, он попытался заглянуть в книгу, лежащую у меня на коленях. Захлопываю ее, не позволяя увидеть самую интересную сцену – признание главного героя в любви девушке своей мечты, после долгих лет разлуки. Я не смогла удержаться, поэтому подсмотрела, что будет дальше. А будет дальше момент немного 18+.

– Ничего такого не позволяет, – если не считать наши затянувшиеся поцелуи у парня на диване. – И у него все хорошо.

– Хорошо, – медленно кивает дядя головой.

– Что-то не так? – спрашиваю, посмотрев на него с подозрением.

– С чего ты это взяла?

– С того, что ты уже целую неделю ходишь хмурый, – про себя подмечаю постоянно сжатые губы и плохое настроение. – И постоянно на всех рычишь. Кроме меня, – наклоняю голову набок. Каждый раз, когда он приходил домой и застал меня в гостиной или на кухне, то раздражительность ис-

чезала с его лица, уступая место растерянности. – Так что случилось?

– Ничего такого, – отводя взгляд в сторону, отвечает он.

– Неправда. Скажи, это из-за Максима?

– Причем до моего настроения твой парень? – выгнув бровь и грозно посмотрев на меня, Эдик надувает губы и складывает руки на груди. – У меня скоро гонка. Я нервничаю.

– Неправда, – качаю головой. – Ну, ты нервничаешь из-за гонки. Но хмурый ты ходишь как раз после того, как Макс переночевал у нас.

– Не у нас, заметь, – поднимает он палец, акцентируя внимание на своих словах. – А у тебя в кровати. Я вообще не понимаю, какого хрена ты не выгнала его взащей после того, что он сказал на интервью.

– Он объяснил мне причину своих слов, – отвечаю, опустив глаза на свои колени. Вот зачем он снова об этом мне напомнил? Я на целую неделю забыла об этой таинственной девушке, любви всей жизни Макса.

– Ты уверена? – спрашивает с подозрением в голосе. – А как же его слова о той девушке? Он объяснил, что, возможно, это он так тебя замаскировал, или у него действительно есть другая девушка?

– Чисто фактически, ее нет.

– Нет, ты мне ответь. Эта девушка существует, или нет?

Не нужно иметь пять пядей во лбу, что бы предугадать

реакцию Эдика на мой ответ. Он ему не понравится. И Макс, и так по неизвестной мне причине находящийся на дне, окажется еще ниже в списке претендентов на мое сердце.

– Так в этом причина твоей нелюбви к Максусу?

– Это твоя прерогатива его любить, а не моя, – отвечает, вгоняя меня в краску. – И я все еще жду ответа на свой вопрос. Она есть или нет?

– Ладно, – выдыхаю, подняв голову вверх и посмотрев на белый потолок своей комнаты. – Она существует, и что дальше? – опускаю взгляд на застывшего Эдика.

– Что дальше? – смотрит на меня огромными глазами, с шоком на лице. – Что дальше? Нет, я вас женщин вообще не понимаю.

Хлопнув ладонями себя по ногам, он встает и принимается ходить по моей комнате от стены к окну и обратно.

– Почему ты до сих пор с ним встречаешься? Мало того, что он в прямом эфире признался, что не встречается, тогда как на самом деле у него есть ты. Так еще и заявляет, что влюблен в другую девушку, которую любит всю свою гребаную жизнь.

– А что я должна была делать? – моему терпению приходит конец. Едва не крича, поднимаюсь с кровати и подхожу к Эдику. Останавливаюсь перед ним на расстоянии вытянутой руки. – Что? Да, я знаю, что он любит другую. И я не представляю, кто она. Он ничего о ней не рассказывает, ясно?

– Тогда почему ты с ним? – вскинув ладони, Эдик смотрит

мне в глаза.

– Потому что я люблю его! – выкрикиваю на одном дыхании.

А потом замираю, осознавая, что действительно это сказала. Я сказала, что люблю Макса. Не то, что он мне нравится. А что я люблю его.

– Ясно, – холодно кивает Эдик, поджав губы и посмотрев на меня безразличным взглядом.

Остаюсь стоять на том самом месте, пока Эдик пересекает мою комнату и выходит из нее. Слышно, как он тяжело вздыхает, а потом возвращается обратно. А у меня в этот момент в голове крутятся мысли о том, что я люблю Макса. Я успела его полюбить за такое короткое время.

– Алин, я не виню тебя, – доносится его голос за моей спиной. Уже гораздо спокойнее, с теплотой. – Любить – это не грех и не преступление. Просто, это самоубийство. Ты любишь парня, который влюблен в другую девушку.

– Я знаю, – выдыхаю, не заметив, как на глаза набежали слезы. – Но... я не могу... не могу...

Из моего рта вылетают всхлипы, а слезы непрерывными ручьями стекают по щекам. Закрываю рот, пытаюсь сдержать рыдания.

– Ох, мелкая, – выдыхает Эдик. Разворачиваюсь к нему, обхватывая руками за талию и уткнувшись лицом в футболку. – Все, все, успокойся. Все хорошо.

– Я не знаю... что мне делать... Я люблю.... – шепчу

сквозь рыдания, сжимая ткань футболки в своих ладонях. – Что будет... если... она появится?

– Не думай об этом, – шепчет дядя мне в макушку, продолжая успокаивающе гладить по волосам. – Не думай. Я уверен, что он так не сделает.

– Откуда... такие... мысли? – шепчу, икая.

– Я видел, как он смотрит на тебя. Знаешь, парень, который ничего не чувствует к девушке, не примчится к ней домой, после того, как она просто бросила трубку. Он не будет ехать через весь город, только для того, что бы объяснить своей временной девушке, что именно он имел в виду.

– Ты думаешь, что я что-то значу для него? – спрашиваю, поднимая на него глаза.

– Конечно, – ласково улыбнувшись, Эдик утирает засохшие дорожки у меня на щеках. – Он будет абсолютным идиотом, если выберет эту неизвестную мымру всей своей жизни. Да что я говорю, он будет самым настоящим кретином, если будет выбирать между ней и тобой.

Улыбнувшись, с благодарностью смотрю на спокойное и ласковое лицо Эдика. И пробормотав «спасибо», крепче обнимаю его, положив голову на плечо.

– Все будет хорошо, мелкая. Все будет хорошо. Будь уверена в этом.

– Обязательно, – подтверждаю. Разорвав наши объятия, делаю шаг назад и вытираю дорожки слез.

– Ладно, мелкая, – засунув руки в передние карманы

джинс, Эдик неловко переминается с пятки на носок. – Я пойду.

– Конечно, – киваю, успокаиваясь.

Напоследок улыбнувшись уголками губ, Эдик вышел из моей комнаты, закрыв за собой дверь. Оставшись одной, я выдохнула и присела на край кровати. Упираясь локтями в колени, я закрыла лицо ладонями.

Я действительно даже не представляю, что мне делать дальше. У Максима есть девушка, которую он любит уже долгие годы. И, по словам парней из группы, он хочет подойти к ней, но боится ее реакции. А также того, что, возможно, ее жизнь прекрасна и без него. Но тогда возникает другой вопрос: почему у меня в голове постоянно звучат слова Макса, сказанные тогда в пиццерии:

«Моя. Наконец-то моя».

Зачем говорить мне их, если сам влюблен в другую девушку уже долгое время? Зачем говорить мне «я тебя люблю»? Что бы однажды сделать побольнее? Или ему просто скучно?

Резко поднимаю голову, когда мне приходит неожиданная догадка. А не репетирует ли он со мной? Для того, что бы не опозориться перед девушкой своей мечты. Нарочно говорит все эти фразы, проверяя, какая у меня будет на них реакция.

И зачем ему нужно было тогда знать, что я чувствую? К чему были эти вопросы? Что бы в конце, когда его мечта сбудется и он будет со своей любимой, можно было сделать мне больно?

А может это спор? Он поспорил с одним из своих друзей о том, что заставит меня влюбиться в себя, а потом, когда я буду смотреть на него в розовых очках, беспощадно бросит меня? Ну нет, это уже совсем за гранью. И очень похоже на сюжет одной книги, которую я недавно дочитала. Правда, только первую часть, а их там еще штуки три или четыре на очереди. Но это не столь важно. Я не думаю, что Макс способен поспорить на то, что влюбит в себя девушку, а потом бросит ее. Нет, за это время, что мы знакомы, я точно знаю, он не такой.

Но тогда снова возвращаемся к вопросу о том, зачем ему я?

Мои раздумья прерывает вибрация телефона, а также мелодия, поставленная на конкретного человека. «В огне» – «Любовь».

Усмехнувшись, думаю о том, что что-то глубоко внутри, когда разум еще не догадывался о чувствах сердца, оно подобрало идеальную песню для Макса, исполняющую его голосом.

– Да? – выдохнув, принимаю звонок, поднося телефон к уху.

– Привет, малышка, еще раз, – с улыбкой в голосе говорит в ответ голос Максима.

– Привет, – опускаю голову, начав теревить подол его широкой футболки. Я сама не заметила, как она стала моей любимой, и я начала ходить в ней по дому и спать.

– Что делаешь?

– Ничего такого, – отвечаю, ложась на кровать и свесив ноги с края.

– А чем это таким, ничем? – с ухмылкой в голосе спрашивает Макс, и я почему-то сразу представляю его с улыбкой Джокера. Безумной и таинственной, словно он хочет узнать мой самый большой секрет.

Шумно выдохнув, я достала из-под головы книгу, которую так и не успела дочитать.

– Книгу читаю, а ты что делаешь? – спрашиваю в ответ, улыбаясь уголками губ.

– Та ничего, сижу на байке, наблюдаю за пустым окном. Жду свою Рапунцель.

– Что? – резко подсакиваю на кровати и в несколько шагов оказываюсь возле окна. Опираясь свободной ладонью об подоконник, смотрю на наш двор. И правда, прямо напротив двери в подъезд стоит черный байк, на котором расслабленно сидит парень в черной кожаной куртке, держа телефон у уха.

– А вот и моя принцесса, – с улыбкой в голосе говорит парень, подняв голову на уровень моего этажа. По моему телу мгновенно пронесется дрожь, ощущая на себе его взгляд. Правда, сомневаюсь, что он может точно видеть что это я. – Сбросишь свои косы?

– Сомневаюсь, что моих кос хватит на все этажи, – замечаю с ухмылкой. – Но что ты тут делаешь? Ты говорил, что

занят после универа.

– Да, занят, – кивает он снизу. – Именно поэтому я здесь.

– В смысле?

– Поехали со мной, – предлагает, и я впадаю в некий ступор.

– Куда поехать?

– Как куда? Со мной на репетицию. Хочу тебя с парнями познакомить.

Вот такого я уж точно не ожидала. Он хочет познакомить меня с парнями. С другими участниками группы «В огне». Черт, с одной стороны мне хочется прыгать до потолка от радости, что я поближе с ними познакомлюсь, а с другой, я не понимаю, как именно он представит меня парням?

«Привет, парни. Знакомьтесь, это Алина, моя девушка, пока я не признаюсь своей любимой».

– Я... Я не знаю, – начинаю мямлить, оказавшись в полнейшем шоке. Одной ладонью зарываюсь в распушенные волосы, потягивая за корни. Скривившись от легкой боли, могу с уверенностью сказать, что это не сон.

– Малышка, давай. У нас через три дня концерт. И мне нужно нормально отработать. А я не могу петь, пока думаю о тебе, находящейся где-то далеко. Поехали со мной?

– Хорошо, – киваю, сглатывая от волнения. – Я сейчас выйду.

Глава 46

Выходя из подъезда навстречу Максиму, я постоянно поправляла футболку или волосы, боясь, что выгляжу как пугало огородное. И пусть я простояла перед зеркалом двадцать минут, держа в руках по три или четыре варианта одежды. И между футболками, свитшотами, майками, рубашками, джинсами, брюками и платьями, я выбрала то, что больше всего, на мое скромное мнение, подойдет для встречи с участниками своей любимой группы. Бордовую рубашку с двумя расстегнутыми верхними пуговицами, заправленную в черные джинсы с завышенной талией, и черные кеды Convers. Поверх рубашки накинула черную кожанку. А волосы оставила распущенными.

– Малышка, – со смехом говорит Максим, подтягивая меня ближе к своему телу, сидящему на байке. – Перестань нервничать, – взяв мои ладони в свои, он смотрит на меня снизу вверх. – Ты потрясающая.

– Ты уверен, что это хорошая идея? – спрашиваю, смотря на него с нерешительностью.

– Что именно?

– Знакомить меня с остальными участниками группы.

– Конечно, уверен, – активно кивает, с горящими глазами и широкой ухмылкой. – Не беспокойся, Алинка, ты им понравишься. Конечно, не так как мне, так как любить тебя

настолько сильно могу лишь я.

– Но как ты можешь знать, что я им понравлюсь?

– А так, – коротко улыбнувшись, он поглаживает меня кончиками пальцев по щеке. – Ты не можешь не нравиться. А не любить тебя вообще невозможно.

Опустив голову, улыбаюсь уголками губ, чувствуя, как щеки покрываются румянцем.

– Ну, не прячь от меня доказательство своих чувств, – с легкой улыбкой в уголках губ и в глазах, Максим приподнимает мой подбородок кончиками пальцев.

– Так, – опускаю взгляд, встречаясь с его завораживающими глазами. – Где именно вы репетируете?

– На стадионе, – коротко кивает.

– А концерт где будет? – спрашиваю, выгнув бровь.

– Там же. Мы репетируем там, где в дальнейшем будем выступать. Знаешь, малышка, что бы привыкнуть, адаптироваться. Тем более наше постоянное огненное шоу. Мы должны понимать, что у нас получится, а что нет. Как это будет смотреться и так далее.

– Значит, мы едем на стадион? – спрашиваю с сомнением.

– Мы едем на стадион, – подтверждает парень, кивнув головой.

Кивнув в ответ, с помощью Макса надеваю на голову шлем и залезаю на байк, обхватывая талию парня. Сжав мои ладони вокруг своего торса, он снимает мотоцикл с подножки и трогается с места. Смотрю в сторону, провожая взгля-

дом людей, дома и торговые центры. А также думаю о том, что я никогда не смела о таком мечтать. Ведь, где Макс (Рейв), а где я. И вот теперь я еду с ним на байке на репетицию группы. Без кучи народа и бешеных фанаток, я увижу их настоящих. И Макс будет петь лишь для меня одной. Только об одной мысли об этом, по моему телу пробегает стая мурашек.

И вот, мы подъезжаем к самому крупному стадиону в нашем городе. Огромный, круглый, с широким парадным входом, куда, в день игры или концерта, сбегается почти весь город. Объехав стадион, Макс останавливает байк рядом с запасным выходом.

– А почему...? Разве мы не...? – спрашиваю, когда парень ставит байк на подножку и слезает на землю. Я остаюсь сидеть, откинув стекло, и нерешительно показав за свою спину.

– Малышка, – усмехается, подойдя ближе и поставив ладони по обе стороны от меня. – Парадный вход закрыт. Для репетиций мы обычно используем запасной выход.

– А как же клуб? – спрашиваю, вспомнив, как мы пробирались на второй этаж, что бы понаблюдать за репетицией, а взамен попали на разговор о его давней любви.

– Там все правильно, – кивает, помогая мне слезть и снять шлем. – Парни, так же как и мы, зашли через запасной. Только я тебя повел через запасной ход на второй этаж, а они пошли на первый.

– Ясно, – киваю, идя рядом с парнем.

– Прошу, мисс, – Макс придерживает дверь, протягивая руку, словно галантный дворецкий.

– Благодарю, мистер, – улыбаюсь в ответ, сделав неуклюжий книксен.

Засмеявшись своим мелодичным смехом, парень вслед за мной зашел внутрь.

– И куда дальше? – спрашиваю, вертя головой из стороны в сторону.

Никогда прежде не была внутри стадиона. Повода не было. Концерты групп и артистов, которые тут проходили, мне были не интересны, а футбол я не очень люблю. За дверью запасного выхода находился длинный темный коридор со стройным рядом лампочек на потолке. Если бы не Макс и отличимые друг от друга звуки со стадиона, я вполне могла ощутить себя в фильме ужасов. Где в конце этого коридора меня ожидает вселенский ужас или очередное чудовище, желающее меня сожрать.

– Ты чего? – с добрым смехом в зеленых глазах спрашивает Макс, сжав в своей ладони мою.

– Волнуюсь, – отвечаю, подняв на него взгляд.

– Малышка, тебе нечего бояться, – с ласковой улыбкой он поворачивается ко мне, проводя пальцами вдоль щеки и касаясь подушечкой нижней губы. – Парни не страшные. А если они что-то тебе скажут или сделают, я тут же им барабан в одно место засуну.

Усмехнувшись, опускаю голову, пряча от его взгляда свое

покрасневшее лицо.

– Господи, малышка, что же ты делаешь? – мученическим голосом выдавливает Макс мне в макушку. Поднимаю голову, не понимая такой реакции. А затем едва не задыхаюсь от промелькнувшего в глазах парня голода, а затем от жадного и требовательного поцелуя, опустившегося на мои губы. Губы Макса требовательно посасывают мои вперемешку с укусами, пытаюсь продвинуться глубже. Выдыхаю в его рот, давая зеленый свет. И тут он окончательно сходит с ума. Прорывав что-то в мой рот, он обхватывает мое тело и впечатывает своим в ближайшую стену.

Неизвестно, сколько бы еще я пыталась принять участие в этом поединке, если бы не вибрация в районе паха Макса, напугавшая меня до икоты.

– Ты чего? – недоуменно спрашивает парень, немного отодвинувшись и позволяя мне вдохнуть.

– У тебя там... это... вибрирует, – шепчу между вдохами, пытаюсь наполнить свои легкие воздухом. И заодно показываю пальцем вниз между нами. Туда же следует и взгляд брюнета.

Прошипев что-то сквозь зубы, он убирает одну руку, которой до этого опирался о стену рядом с моей головой и достает из переднего кармана джинсов свой телефон.

– Что? – рычит в телефон, продолжая прижимать мое тело к стене. И пока одна рука занята телефоном, второй он водит по моим волосам, лицу и останавливается на опухших губах,

покалывающих после его поцелуя. – Да, я уже здесь... Прекрати орать на меня... Нихрена... От озабоченного слышу.

И фыркнув, засовывает телефон в задний карман штанов.

– Немного задержались мы с тобой, Алинка. Как всегда отвлекаешь от дел, а мне репетировать нужно, – цокнув языком, он говорит со мной, словно маленького ребенка ругает, но при этом хочет, что бы он не плакал.

– Да ты сам... – шиплю, мгновенно растеряв весь туман, заполнивший мою голову во время поцелуя.

– Успокойся, малышка, – с широкой улыбкой на лице, он берет меня за руку и чмокает в кончик носа. – Пойдем, а то парни с ума сходят.

И как ни в чем не бывало, он ведет меня через коридор до самого конца. Не успеваю я настроиться, как он распахивает широкие двойные двери и меня на мгновение оглушает какофония звуков и ослепляет дневной свет. Зажмурившись, поворачиваю голову в сторону, пытаюсь избежать ярких солнечных лучей. Хмыкнув рядом со мной, Макс ведет меня дальше, к тому месту, где слышатся мужские голоса и редкие удары барабанов.

– Явился, не запылится! – выкрикивает знакомый голос на сцене, и я могу ясно увидеть огромную сцену у края стадиона.

Повсюду ходят люди в черных костюмах, работники переносящие оборудование. И трое парней на сцене, сидящие рядом с барабанной установкой. На репетицию парни оделись

вполне повседневно, в отличие от Макса. Он не изменяется себе и Рейву, и одевается в черное и кожу. Хоук сидит за барабанной установкой в серой толстовке, с накинутым на голову капюшоном, черных прямых джинсах и черных кроссовках. Винд стоит рядом, опираясь локтем о колонку, в синей футболке, с накинутой сверху рубашкой в белую полоску, светло-серых джинсах и черных ботинках. Фрост сидит на полу перед барабанами, скрестив ноги по-турецки, в красной кофте с длинными рукавами, темных джинсах и кедах.

Хоук первый поднимается нам навстречу, широко разведя руки в стороны. Но его широкая ухмылка мгновенно сходит с лица, а руки опускаются вдоль тела, как только он видит меня.

– Привет, детка, – стрельнув непонятым взглядом в стоящего рядом со мной Макса, обращается ко мне Хоук.

– Привет, – шепчу в ответ, сильнее сжав пальцы Макса в своей хватке. Бросив на него недоуменный взгляд, он сжимает мою ладонь в ответ, коротко кивнув.

– Чувак, мы тебя ждем долбанных пятнадцать минут, – насупив брови, говорит появившийся рядом с Хоуком Винд, смотря на Максима.

– Прости, у меня были дела поважнее, – и демонстративно обнимает меня за талию, притягивая к своему торсу.

– Аа, ясно, – кивает он в ответ, бросив на меня короткий взгляд, но потом возвращает его обратно, пытаясь что-то рассмотреть во мне. – Подожди, а это не та малышка, что

с подругой забежали к нам в раздевалку?

– Конечно, она, – широко усмехаясь отвечает вместо солиста Хоук. – Ты помнишь, мы его еле отлепили от нее тогда?

– Это точно, – хлопнув Винда по плечу, говорит Фрост. – Значит, ты Арина?

– Алина, – поправляю, вздернув подбородок.

– Конечно, Алина, – кивает Винд. – Так, – обращается к Макс, повернув на него голову. – Если ты закончил все свои важные дела, не против приступить к репетиции?

– Не против, – пожав плечами, Макс следует за парнями, так и не выпустив моей ладони.

– Макс?

– Что, малышка? – спрашивает, резко обернувшись на мой шепот.

– А что мне делать?

– Хмм, даже не знаю, – прикусывает губу, смотря по сторонам. – Хотя у меня есть идея.

Ничего не сказав в ответ, Макс обгоняет парней, неспешным шагом направляющихся к сцене, двигаясь немного в сторону. Остановившись неподалеку от того места, где начинается сцена, он резко разворачивается ко мне и подхватывает на руки. Коротко вскрикнув, я обхватываю его шею руками, а талию – ногами.

– Все нормально, я тебя держу, – шепчет Макс мне в шею, оставив на коже короткий поцелуй.

А потом сажает на край сцены. Расслабляю ноги вокруг

его талии, а ладони опускаю на плечи.

– И мне сидеть здесь?

– Да, – уверенно кивает. – Сиди и наслаждайся шоу.

И прижимает свои губы к моим, захватывая их в нежном и ласковом танце. Он, едва касаясь, проводит языком по моей нижней губе, проскальзывая внутрь моего покорного рта. Коротко застонав, впиваюсь ногтями в плечи парня.

– РЕЙВ!!! – одновременно кричат парни рядом с нами.

Отшатываюсь, насколько это возможно, ослабляя хватку на плечах солиста. Смотрю в помутневшие глаза парня, и невольно слежу за кончиком языка, проводящим по влажным и опухшим губам.

– Все, иду, – бросает он им, не отводя взгляда от моего лица. – Все, малышка. Мне пора репетировать.

– Хорошо, – киваю.

А затем он коротко прижимается к моим губам. Не успеваю как следует насладиться нашим поцелуем, как Макса отрывают от моих губ. Открыв глаза, смеюсь, наблюдая за надуленным Максом, следующим за Хоуком, держащим его за локоть, и что-то бурчавшего себе под нос.

Дальнейшая репетиция останется в моей памяти, как самое прекрасное событие в моей жизни. Парни репетируют первую песню, но у них все не очень выходит, так как Макс постоянно строит мне рожицы и пытается подвинуться с центра сцены поближе ко мне. Когда Винду это надоело, он собирался поставить меня прямо перед солистом, что бы он

нормально репетировал, а не строил из себя дурачка. Парни даже предложили версию похитить меня по-тихому, потребовав, что пока они нормально не отрепетируют, меня не вернут. Макс, подняв вверх руки, кивнул, сказав, что сейчас все будет нормально. И не солгал. Последующие песни он прекрасно отрепетировал, носясь по сцене и не сдерживаясь в выражениях, когда сталкивался с Виндом или Фростом. У них троих даже был бой на гитарах.

– Все, парни, до завтра, – накидывая куртку, и направляясь ко мне, говорит Макс парням.

– До завтра, – кивают они.

– Пока, детка. Еще увидимся, – машет мне на прощание Хоук.

Не сдержавшись, улыбаюсь ему, помахав в ответ свободной рукой.

– Не так, как ты того хочешь, – бросает ему через плечо Макс.

И слыша за своими спинами громкий смех парней, мы покинули стадион.

Глава 47

– И что ты думаешь, я сделала? Правильно, я послала его нахер, – вздернув нос и сложив руки на груди, Машка уже полчаса рассказывала мне о том, что произошло вчера у нее на свидании. Вообще, свидание у нее должно было быть с парнем с юридического курса. Но не успели они даже сделать заказ в ресторане, как туда заявился Соснов с претензиями. – Да как он, твою мать, смел! Он мне что, муж или парень? Я свободная девушка, с кем хочу, с тем и встречаюсь.

– Ага, – киваю, пытаюсь в пятый раз прочитать одно и то же предложение в учебнике по экономике.

Машка застала меня в коридоре, сидящей на подоконнике. На ногах у меня лежал учебник по экономике, а рядом стоял рюкзак. Что-то яростно бормоча себе под нос, она бросила свою сумку, и села рядом с моими ногами.

Резко дергаю ногами от удара ладони по моей голени. Книга падает с моих коленей на подоконник. А я, поджав ноги, поднимаю голову на Машку.

– Ай, черт, – шиплю, грозно посмотрев на девушку, и потирая место удара. – Ты чего?

– Я чего? – с большими глазами, словно сама невинность, она складывает руки на груди. – Это ты чего? Я тут тебе рассказываю важные вещи, надеюсь услышать мудрый совет, или хотя бы слова поддержки. А что получаю взамен? Ты си-

дишь, пляясь в свой учебник, и что-то мычишь себе под нос. Никакой поддержки. Подруга, называется.

И надув губы, она разворачивается ко мне спиной, опираясь поясницей о подоконник. Выдохнув, откладывая учебник в сторону и спускаю ноги вниз. Двигаюсь по нему в сторону и обнимаю Марию за шею, опустив голову ей на плечо.

– Ну, Машка, прости меня. Я так больше не буду.

– Снова о своем Максе мечтаешь, а на свою подругу, которая тебя с самой школы защищала от тупоголовых блондинок, внимания не обращаешь, – бурчит она в ответ.

– Обращаю. Еще как обращаю. Просто меня кое-что беспокоит, и я постоянно об этом думаю.

– Что тебя беспокоит? – заинтересовавшись, она поворачивается ко мне, положив ладони мне на ноги. – Максимилиан тебе что-то сделал?

– Та не в этом дело, – спускаю руки по ее плечам и складываю в замок у себя на ногах.

– А в чем тогда?

– Даже не знаю, как ты на это отреагируешь, – шепчу, опустив голову.

– Ей, – обращается она ко мне, заставляя поднять на нее голову. – Я твоя лучшая подруга. Разве я похожа на непредсказуемого человека? Ты же меня цитировать можешь еще до того, как я начну возмущаться.

– Это да, – смеюсь, посмотрев в ее лицо.

– Ну вот, так почему же ты сомневаешься? Рассказывай.

– В общем, – и я, скрыв некоторые факты, касающиеся Рейва и парней «В огне», рассказываю Машке о таинственной любви всей жизни Макса. О том, что боюсь, что однажды он решится признаться ей в своих чувствах. И что тогда я стану ему ненужной. – И я теперь не знаю, что делать. Я чувствую себя такой... использованной.

– Ну и дела... Ничего себе скромный ботаник, – выдыхает Машка. Поднимаю на нее голову, пытаюсь прочитать по ее недоуменному лицу, что именно у нее на уме. Но это то же самое, что играть в салки с гепардом и надеяться на победу. – А что ты чувствуешь к нему?

– Ну, – прикусываю нижнюю губу, пытаюсь понять, что ей говорить. Сказать, что я люблю его? Или что он мне просто нравится как парень?

– Ну, это похоже на... влюбленность, – отводя взгляд в сторону, отвечаю.

– Знаешь, будь я нормальным человеком, то предложила бы тебе бросить его первой, что бы он страдал и сразу понял, какое счастье потерял. Но, так как я твоя подруга, тогда я могу тебе только предложить...

– Что?

– Собственно, я ничего не могу тебе предложить, так как будучи твоей подругой я не могу не думать ни о чем другом, кроме как надавать твоему Максиму по шее только за одну мысль о его любви. Так что, как твоя подруга, точнее твоя лучшая подруга, я могу предложить тебе несколько коробок

нашей любимой пиццы и просмотра сопливых мелодрам.

– По рукам, – соглашаюсь, кивая. Протягиваю ей ладонь, и пожав руки, договариваемся о плане на будущее.

Мы еще полчаса говорим на разные темы, в том числе и о том, что происходит в жизни Машки. А там оказывается, что за время моей влюбленности в Максима, произошло очень много чего интересного. Большая часть чего включала Соснова. Он решил в любом случае сделать Машку одной из своих целей женского пола. И вот уже целую неделю она бежит от него по городу, отказываясь от приглашений на свидания, букетов цветов, мягких игрушек и прочей романтической лабуды, которую она не любит. Вот если бы он предложил ей букет конфет, приглашение в парк аттракционов, особенно на кару, билет в кино на боевик, тогда не было бы никаких шансов, что она откажется. Но, парень просто не знает, что с Машкой не сработает то, что работает с другими девушками, строящимися из себя милых, невинных и романтических.

– Ясно, – киваю, спрыгнув с подоконника и закинув рюкзак на спину. – Мне пора на филологию.

– Хорошо, – она обнимает меня, шепча в волосы. – Все будет хорошо. Если эта его девушка объявится, я ей все патлы повырываю быстрее, прежде чем у твоего Максимки появится призрачный выбор между вами.

– Спасибо, – шепчу в ответ, прикрыв глаза. – Я знала, что на тебя можно положиться.

– Всегда, детка, всегда.

И мы разошлись по разные стороны. Но, зайдя за угол, я выглянула, куда пошла Мария, а сама отправилась в другую сторону, противоположную той, где находится кабинет филологии. Спустившись на второй этаж, я подбежала к расписанию, что бы узнать, где сейчас четвертый курс юристов. А сейчас у них... уголовное право. Кабинет 640.

– Черт, – шиплю сквозь зубы, понимая что мне сейчас тащиться на четвертый этаж. Пешком.

– Чего ругаешься? – выдыхает мне на ухо хриплый мужской голос, от которого по телу проносятся толпы мурашек.

– Привет, – развернувшись к парню, улыбаюсь. – А ты чего не на парах?

– Я как раз туда и иду, – пожимает Макс плечами. – А вот куда ты идешь?

– Тоже на занятия, – киваю, прикусив губу.

– Ох, малышка, – выдыхает Максим, после чего резко наклоняется к моему лицу и захватывает мою нижнюю губу между своими зубами. – Хорошо, жду тебя на паре.

– Угу, – киваю, все еще ошарашенная его действиями. Улыбнувшись мне своей нахальной ухмылкой, он поднимается по лестнице.

Очень странно было видеть улыбку Рейва на лице Максима с большими очками и в свитере поверх рубашки.

Так, а теперь хватит думать про Максима. У меня есть дело поважнее. Моя личная жизнь кое-как устроена, надо ее и подруге устроить.

Остановившись на четвертом этаже, сгибаюсь пополам, пытаюсь справиться с отдышкой. И при этом, пытаюсь оглядываться по сторонам в поисках предполагаемого кандидата на роль парня своей лучшей подруги.

– Виктор! – кричу в коридоре, завидев спину парня, направляющегося к кабинету.

Вздвогнув, он стал суетливо оборачиваться по сторонам, и только спустя минуту заметил меня в другой стороне коридора. Приподняв изумленно брови, он указывает пальцем на себя. В ответ киваю, становясь в полный рост. Оглянувшись на других парней, застывших в дверях, он, пожав плечами, машет им рукой. А сам, к моему счастью, направляется ко мне.

– Ты меня звала? Эмм... – запнувшись, останавливается он передо мной.

– Алина, – напоминаю, поправив лямку рюкзака на плече.

– Да, точно, – кивает, как будто это имя вообще о чем-то говорит. – Так что ты хотела?

– Я лучшая подруга Маши, – начинаю, откашлявшись.

– Какой Маши?

– Ну, Кругловой. Которая твоя партнерша по проекту по экономике.

– Ааа, точно. Мария. Так что ты хотела?

– Она тут мне рассказала, что ты типа к ней со всяким ширпотребом пристаешь.

– Что? – спокойствие мгновенно слетело с парня. Уперев

руки в боки, он смотрит на меня с недовольством. – Значит, ширпотреб? Та я на нее все свое время потратил. Цветы ей не то, в театр она не хочет, мишек тоже. Чего ей надо?

– Ох, – выдыхаю, прикрыв глаза. – Ты что, до сих пор не понял?

– Чего именно?

– С Машкой стандартные подкаты не работают. Она не одна из первокурсниц. На тебя влюбленными глазками от двух-трех комплиментов и поцелуев в ручку, смотреть не будет.

– А с чего это ты вдруг решила мне рассказать, что я не так делаю? – прищурился, он складывает руки на груди, смотря на меня с подозрением.

– С того, что я ее лучшая подруга, – привожу ему самый разумный аргумент. – И потому, что я желаю ей только счастья. Даже на короткий срок и с таким как ты.

– В смысле, таким как я? – глупо похлопав своими зелеными глазами, он зарывается ладонью в свои густые рыжие волосы.

– Не важно, – отмахиваюсь, пытаюсь не забыть свою мысль. – Так вот, привожу тебе короткий блиц-ответ на тему Марии Кругловой. Не цветы, а конфеты. Не театр, а кино под открытым небом, желательно боевик или фантастика. Не мишек, а книгу.

– А если...? – внимательно смотря на меня и впитывая каждое мое слово, словно губка, Виктор начинает спрашивать, но я его резко прерываю.

– Никаких если. Только так.

– Хорошо, – медленно кивнув, он протягивает мне ладонь. – Кстати, мы, можно сказать, как следует так и не познакомились. Я Виктор, можно просто Витя.

– Алина, – отвечаю, пожимая его ладонь.

– Приятно познакомиться, – с широкой улыбкой, он не перестает пожимать мою руку.

– Тогда, Витя, – шиплю сквозь зубы, усилив хватку на его ладони. – Запомни одну вещь. Не обижай ее. Что хочешь делай, но только попробуй Машку обидеть.

– Конечно, не обижу, – кивает в ответ, не переставая улыбаться.

– Вот и ладушки, – широко миролюбиво улыбнувшись, отпускаю его ладонь и разворачиваюсь к лестнице. – Желаю удачи.

– Спасибо! – кричит он в ответ, пока я спускаюсь.

Улыбнувшись, и не переставая улыбаться, я иду по коридору второго этажа. Звонок уже давно прозвенел, и идти на филологию уже бесполезно. Поэтому, что бы зря не сотрясать воздух, спускаюсь в столовую и, заняв столик, залезаю в ленту Instagram.

Снова кто-то уехал на модный курорт. Кто-то расстался и теперь забивает мне ленту своими пессимистическими постами о конце жизни и прочей фигни. А кто-то начал встречаться и теперь раз за разом публикует фотографии со свиданий, встреч и прогулок. И попадаются вообще странные.

Те, которые постят фотографии еды, переплетенных рук. Даже руки в волосах. На секунду я задумалась о том, что, возможно, также публиковала бы наши с Максом фотографии. В парке. Дома на диване. В кафе с переплетенными руками. На репетициях и концертах. За кулисами, и в ресторане или клубе.

– Ты чего? – раздался рядом удивленный женский голос, вырвав меня из раздумий.

– А? – рассеяно поднимаю голову. И с удивлением замечаю напротив себя Ксюшу Синицыну. – Привет, Ксю.

Девушка как всегда скромна и невзрачна. Темно-каштановые волосы заплетены во французскую косу. Карие глаза скрыты за стеклами декоративных очков с узором цветов по ободку. На ней в этот раз насыщенное синее платье с неглубоким треугольным вырезом и длинными рукавами. На плече висит небольшая сумка такого же цвета, что и платье.

– Привет, Алинка, – кивает она мне, ставя на стол свою сумку. – Как дела?

– Все хорошо, – киваю, блокируя телефон и кладя его экраном вниз. – А ты как?

– Все также, что там с твоим Самойловым?

– Что? Откуда ты...? Та мы не... – резко запаниковав, я и не поняла, что именно она имела в виду.

Откинув голову назад, Ксюша громко засмеялась на всю пустую столовую. А я, опустив голову, залилась румянцем.

– Все нормально, – отвечаю, спрятавшись за своими во-

лосами. – Сработались.

– Та я вижу по твоему лицу, что очень неплохо сработались, – с широкой улыбкой на лице, говорит она мне. А потом склоняется над столом, шепча мне заговорщицким голосом в лицо. – И как он целуется? Или ты была его первой?

– Эмм, я пожалуй пойду, – мгновенно подхватываюсь с места и, схватив рюкзак, выбегаю из столовой под хохот Синицыной.

Бегу по коридору с мыслью спрятаться хоть где-то. Не знаю, почему я так отреагировала на слова Синицыной о Максе. Вообще не имею понятия, почему у меня была именно такая реакция. Пробегаю по коридору, намереваясь на минуту спрятаться в туалете, как одна из дверей приоткрывается, оттуда появляется рука в черном рукаве и, схватив меня за локоть, затаскивает внутрь. Не успеваю сообразить, что происходит, как уже две руки стальной хваткой вцепившись мне в локти, прижимают своим телом к стене. А подняв глаза, наталкиваюсь взглядом на хмурое и недовольное лицо Максима.

– Что ты делала рядом с Сосновым?!

Глава 48

Максим склонился надо мной, вжимая своим телом в стену, и стальной хваткой сжав локти.

– Макс? – спрашиваю нерешительно, чувствуя, как усиливается хватка на моих руках. – Что происходит?

– Ах, ты не понимаешь, – с улыбкой сумасшедшего на лице, Максим смотрит мне в глаза. – А разве это я пятнадцать минут назад ворковал в коридоре с Сосновым? Или это была ты?

– Я, – медленно киваю, не понимая, что происходит. – И что?

– И что? – удивленно приподняв бровь, он склоняется к моему лицу. – И что?! О чем ты говорила с Сосновым?

– Откуда ты знаешь?

– А это был секрет? Та вы вроде и не прятались. Вас пол универа видело.

– Мы просто разговаривали.

– И о чем же таком вы разговаривали? Что именно он говорил, когда прижимал тебя к себе?

– Что? – если бы была возможность, я бы шокировано отшатнулась назад. Но в данном положении я смогла только упереться затылком в стену. – Ты что, спятил? Макс, никто меня к себе не прижимал.

– Как же не прижимал, если я ясно все видел своими гла-

зами? – он наклоняет голову, пока наши носы не соприкоснутся, а его дыхание не обжигает мои губы. – Хотя знаешь, мне плевать, что он тебе говорил, и чего хотел. Ты моя. И это никогда не изменится.

И не дав мне и возможности оправдаться, он целует меня. Мычу в его губы, смыкая свои, и пытаюсь его оттолкнуть. В отличие от всех наших предыдущих поцелуев, даже те, которые казались мне грубыми и похожими на клеймо или метку, они не шли ни в какое сравнение с этим. Это не просто поцелуй, это именно клеймо, что я принадлежу Максиму. Макс больно посасывает мою нижнюю губу, прикусывает ее зубами и тянет на себя. Будто хочет, что бы я запомнила надолго, чьей являюсь. Я не имею никакого права в этом поцелуе, и вместо бесполезной борьбы, я выбрала тихую покорность. Опустила руки вдоль тела и расслабила рот, позволяя парню делать то, что он хочет. Услышав тихий стон боли, Максим словно очнулся. Резко отпрянул от меня, придерживая руками за талию. Посмотрев в мои прослезившиеся глаза, он притянул меня к себе. Но уже не грубо и сильно, а мягко, поглаживая талию и волосы на затылке.

– Прости, малышка. Прости. Алинка, я не хотел. Я просто сорвался, – притянув меня еще плотнее к себе, брюнет зарылся носом в волосы. Хватка его ладоней на моем теле усилилась, с чего можно было судить, что я ему очень нужна. И это безумно радовало мое несчастное влюбленное сердце, в последнее время постоянно переживающее из-за этой таин-

ственной девушки, которую он любит. Сердце радостно забилось в груди, радуясь словам парня.

– Тебе больно? – тихо шепчет.

Качаю головой, зарывшись носом в мягкую ткань воротника рубашки. Этот стон был скорее самозащитой, чем признаком боли. Мне было больно, но не физически, а морально.

– Ты даже представить себе не можешь, как я испугался, когда увидел вас двоих. У меня как будто вся жизнь перед глазами пролетела. Я даже на секунду подумал о том, что ты соглашаешься на его предложение сходить в кафе, кино или ресторан. Та в принципе все равно, куда он хотел тебя вести. Видя в голове, как ты вместе с ним уходишь, вынуждало меня сжимать кулаки, что бы не набить ему морду.

– Макс, Макс, – шепчу, насильно отодвинувшись, и взяв его лицо в свои ладони, фокусируя взгляд зеленых глаз на своем лице. – Я с Сосновым говорила про Машку. Он уже целую неделю ходит за ней и приглашает в кино или ресторан. А Машка, она ж не такая. И я захотела поговорить с ним и все объяснить.

– Только это? – нерешительно спрашивает Макс, и глаза его тревожно забегали по моему лицу.

– Только это. Мне не нужен Соснов.

– А совсем недавно был нужен.

– Да, был. Пока я не познакомилась с одним нестандартным ботаником, на самом деле оказавшимся солистом моей

любимой группы, – отвечаю, улыбаясь. И впервые с некоторых пор, сама прижимаюсь к его губам, захватывая их в нежном поцелуе. В нем я пытаюсь выложить всю свою любовь и ласку, которую не могу объяснить словами. Все, что пока слишком рано говорить. Надеюсь, что он не поймет, как я в этом поцелуе пытаюсь выразить всю свою тоску и страх от того, что когда-то мы расстанемся из-за появления той девушки.

– Ох, малышка, – хрипло выдыхает Макс мне в губы, когда я разъединяю наш поцелуй. – Ты моя. Только моя.

Безмолвно киваю, не опровергая его слов. Сердце пело и пустилось вскачь от его слов, а подлый червячок где-то глубоко внутри назойливо повторял, что это ненормально. Что он собственник. И действительно никогда меня не отпустит.

– Пойдем на занятия, – шепчу, подняв на него глаза.

– Пойдем, – кивает парень, отступая назад к парте, где он бросил свои вещи. Спустив рукава, он натягивает через голову свитер и поправляет его. Приглаживает волосы ладонями, придавая им более официальный вид. И надевает на нос свои огромные очки.

– Пошли, малышка, – на секунду взяв меня за руку, он коротко прижимается губами к моей щеке. А отойдя, принимает серьезный вид, словно это не он минуту назад сорвался и клеймил мои губы своими.

Выйдя из кабинета, словно чужие люди, мы расходимся по разные стороны, на прощанье обменявшись короткими

взглядами полными обещаний. Не знаю, что желал он, но я пожелала пройти через все свои страхи по поводу наших отношений.

Остальной день проходил в своем обычном ритме. Я пообедала вместе с Машкой в столовой. Обменивалась взглядами с Максом на парах. Поговорила с несколькими другими девушками из своей группы. Списала домашнее задание по английскому языку и высшей математике.

На крыльце универа, после занятий, меня ждал Максим в своем образе ботаника, нетерпеливо постукивая ногой по полу и отдергивая ляжку рюкзака.

– Меня ждешь? – подхожу к парню, довольно улыбаясь. Не могу перестать заставить свое сердце не трепетать каждый раз, когда вижу его. Просто не могу. Только при взгляде на эти широкие плечи, растрепанные черные волосы и изумрудные с золотом глаза, оно порывается вырваться из груди к нему навстречу. Отдаться добровольно в его руки. Но разум упорно кричит о том, что его сердце принадлежит другой, и мое ему ни к чему. И это останавливает мое сердце, вынуждая тревожно замереть.

– А кого мне еще ждать? Тебя, конечно, – кивает Максим, и наклоняется к моему лицу для поцелуя. Состроив предупреждающую гримасу на лице, делаю шаг назад. Как бы намекая, что в университете мы чужие друг другу люди, просто партнеры по проекту.

– Точно, – поджав губы, он кивает моим мыслям, отра-

жившимся на лице. – Куда ты теперь? С Марией в кафе или домой?

– Та не, – отмахиваюсь, фыркнув. – Машка еще в столовой мне что-то пыталась сказать, но я ее не услышала. А потом она впереди меня вылетела из универа на свидание с Сосновым у ее любимой пиццерии.

– Я надеюсь, не Олежки? – на его лице на мгновение мелькает ухмылка Рейва.

– Нет, – качаю головой, улыбнувшись. – Другая, обычная.

– Ясно. Значит, домой?

– Да, домой.

– Хорошо, – Макс кивает. – А мне пора к парням. Они меня задолбали за все это время. Хочется уже просто отработать и отдохнуть.

После этого он оборачивается по сторонам и, не заметив никого поблизости, делает шаг ко мне. Кладет ладонь мне на талию и притягивает к своему телу. Наклонившись к моему лицу, он откидывает прядь волос в сторону, и шепчет на ухо своим завораживающим голосом, которым он шепчет самые трогательные строки своих песен:

– В идеале, я бы хотел остаться с тобой наедине. Ты бы не отказала мне в выходных за городом в домике у озера? С широким крыльцом, где стоят кресла-качалки. С большим каменным камином, перед которым лежит мягкий ковер. Ты бы поехала со мной?

– Макс, – выдыхаю, ошеломленная его заявлением. – Я...

Я даже не знаю...

– А не надо знать, – качает он головой, прижимаясь своей щекой к моей. – Я не прошу ответа прямо сейчас. Скажи мне его завтра после концерта.

– Хорошо, – киваю, завороченно глядя на полные губы парня прямо передо мной. Влюбленная часть меня просто сгибается пополам от желание сократить расстояние между нашими лицами и поцеловать его.

– Вот и отлично, – широко улыбнувшись, он прижимается губами к моим, заставляя влюбленную в него девчонку запрыгать от радости.

Оторвавшись от меня через, по моим ощущениям, несколько минут, Макс широко ухмыляется, поддержав меня за талию, пока к моим ослабевшим ногам вернется способность твердо стоять на земле. А удостоверившись в этом, отпускает и, бросив на прощанье свою фирменную ухмылку, спускается по лестнице и исчезает из моего поля зрения.

Глубоко выдохнув, я решаю не стоять на крыльце университета, словно памятник. А идти домой и уже там отдохнуть от всего этого. Я слишком много и долго думаю над этой ситуацией. Долго думаю над действиями Максима. Так как совершенно непонятно, зачем он все это делает. Зачем знакомит меня с парнями из группы? Зачем предложил переехать к нему? Хотя я до сих пор надеюсь, что он забудет об этом и мне не придется говорить «нет». Зачем постоянно говорит «Ты моя. Только моя»? Зачем все это, если его сердце в ру-

ках другой девушки.

И сейчас, когда на меня навалились все эти проблемы, я хочу немного отдохнуть. Освободить свой мозг от всех проблем и подумать о вещах, гораздо менее важных. А потом, уже на свежую голову и с незатуманенным, влюбленным в Максима, взглядом, взглянуть на всю эту ситуацию.

Но, очевидно, госпожа судьба не разделяет моего мнения об отдыхе. Так как я не успеваю дойти до дверей своего подъезда, как замечаю в стороне спорткар с облокотившимся на его капот, светловолосым парнем. Он был в светло-голубой рубашке с закатанными до локтей рукавами, черных джинсах с дырками на коленях и черных ботинках-казаках. Сначала мне показалось, что этот парень мне знаком. Но когда он поднял на меня голову, откинув светлые пряди назад, я стала уверена в этом. Став на ровные ноги и поправив подол рубашки, Хоук немного опустил голову, что бы его лицо было трудно разглядеть, и направился ко мне.

– Привет, – кивает, остановившись передо мной.

– Привет, – нерешительно отвечаю, запахивая на себе джинсовую куртку.

– Идешь с учебы?

– Эм, да.

– А Рейв?

– На репетицию уехал, – не знаю, почему, но я делаю несмелый шаг назад, отступая от блондина. – И ты вроде тоже должен быть там.

Широко улыбнувшись, а затем и засмеявшись, он смотрит на меня веселыми серыми глазами.

– Не бойсь, детка. Я не кусаюсь. Я просто хочу поговорить.

– Я не думаю, что сейчас подходящее время для разговора, – повернув голову, я посмотрела на двери подъезда. Понадеявшись, что сейчас оттуда кто-то выйдет и мне не придется разговаривать с Хоуком. Хоть он и является лучшим другом Максима, это не значит, что он меня не пугает. Есть в нем что-то такое, что тревожит меня.

– Успокойся, Алина. Это касается Рейва.

Эти его слова как раз и становятся тем, что заставляет меня передумать.

– О чем? – подняв на него голову, всматриваюсь в его лицо, пытаюсь понять эмоции, которые он испытывает в данный момент. Но, видимо, он настолько привык прятать от других свои чувства, что его невозможно прочесть.

– Давай, для начала, сходим где-то посидим, где я тебе все и расскажу. Хорошо?

– Хорошо, – киваю, немного расслабив хватку своих пальцев на куртке. – Через дорогу есть кафе, где мы можем посидеть.

– Отлично, – кивнув, Хоук разворачивается и идет к выходу из двора. Выдохнув, и посмотрев на свой дом, я следую за ним.

Мы переходим через дорогу, и блондин пропускает меня в дверях кафе. Внутри все выглядит довольно просто и лако-

нично. Бежевые обои, белые потолки и коричневый паркет. Куча прямоугольных столов и мягких диванчиков у стен. В конце комнаты несколько дверей ведущих в туалет, подсобку, и на кухню.

Пока я оглядываюсь по сторонам, Хоук спокойно проходит через просторный зал к столикам с мягкими диванчиками, спрятанными в тени. Садится в самом углу, раскинув руки на спинке. Мне не остается ничего другого, как сесть напротив него, поставив рюкзак рядом с собой, и положив руки на стол, складываю их друг на друга, как в школе.

Не успев ничего сказать парню, рядом с нашим столиком появляется официантка. Она не может точно рассмотреть Хоука, что дает ему некую фору. Он заказывает нам по салату с кусочками копченой курицы, два сока и мороженое на десерт. Записав наш заказ, девушка кивнув, уходит. А я обращаю свое внимание на спокойного парня.

– Итак, о чем именно, ты хотел поговорить?

– Про давнюю любовь Рейва.

Глава 49

Для меня в этот момент наступил момент истины. С одной стороны, у меня появился реальный шанс узнать что-то об этой девушке. А с другой, я почувствовала, как сердце сжалось в груди от тревоги. Влюбленной части меня вообще не хотелось продолжать этот разговор. Раньше эта девушка была для меня только назойливым призраком, зависшим над нами с Максом. А сейчас она могла получить прошлое и стать реальной.

– Могу поспорить, что ты знаешь, о чем я говорю. Я хочу поговорить о той девушке, которую он недавно упоминал в нашем интервью, – говорит Хоук, смотря на меня с довольной ухмылкой на губах. Почему он улыбается? Он думает, что это смешно? Ха-ха, сейчас умру от смеха.

– А почему ты думаешь, что мне это интересно?

– Потому что ты влюбляешься в него. Честно скажу, ты мне нравишься. Ты хорошая девушка. И не заслуживаешь, что бы с тобой обращались, словно со сломанной игрушкой. Поэтому, ты должна знать правду.

– Какую именно? Что Макс любит девушку, хотя она сама не знает об этом? О том, что он боится с ней познакомиться, думая, что у нее в жизни все прекрасно и без него? – спрашиваю, сама не заметив, как приподнимаюсь на кресле.

– Хах, а я не ошибся в тебе. Просто, знаешь, Макс – он

однолюб. И такие как он, любят всего один раз в жизни. И он уже влюблен. И это ничто не изменит.

– Ты знаешь, что это за девушка? – даже «я» влюбленная, хочет знать правду.

– Не знаю. Он никому о ней не говорит. Мы вообще с парнями думали, что он просто прикалывается над нами. Типа, что бы к нему бешеные фанатки не цеплялись. Но потом стало ясно, что эта девушка реально существует.

– А ты знаешь, как он ее встретил?

– Частично, – отвечает, кивнув подходящей к столику, и поставившей перед нами тарелки, официантке. – Я знаю только о том, что они жили по соседству. В одном доме, прямо напротив друг друга. Он говорил, что влюбился в нее с первого взгляда. Он вообще, когда выпьет, ей целые дифирамбы начинает петь.

– Почему они тогда расстались? – спрашиваю, сглотнув вязкую слюну.

– Он переехал, – коротко отвечает Хоук, закидывая в рот кусочек курицы. – Его мать нашла квартиру в более престижном районе. И ему пришлось покинуть ее.

– А, она старше его? – спрашиваю, нерешительно взглянув на парня.

– Если честно, – немного растерянно отвечает Хоук, не донеся вилку с наколотым помидором до рта. – Я не знаю. Но могу предполагать, что она младше его. Когда-то, на одной из вечеринок, он упоминал что-то о том, что она должна

была пойти в первый класс, когда он уехал.

– Ясно, – опускаю голову, понуро водя листом салата по тарелке.

– Слушай, – отодвинув пустую тарелку в сторону, Хоук наклоняется над столом. – Я не хочу тебя расстроить или еще что-то. Я просто констатирую факты. Он влюблен в другую девушку уже кучу лет, и я сомневаюсь, что это когда-то изменится.

– Откуда ты знаешь, что его любовь никогда не пройдет? – предполагаю, смотря на свою тарелку. – И что в конце концов в его жизни не появится другая девушка?

– Оттуда, – самодовольно кивает Хоук. – Детка, я знаю его уже черт знает сколько лет. Я помню его всего такого опрятного и вежливого, когда он ходил на пение. И уже тогда он сходил с ума по этой девчонке. Ты знаешь, сколько у нас в кружке было девчонок, сходивших по нему с ума? Когда у нас в школе был День Святого Валентина, нам в класс тупо приносили коробку с валентинками и ставили ему на парту. И знаешь, там были очень неплохие девчонки. Но он, как заведенный, твердил, что его милая – самая красивая.

– Это было в детстве. Он мог давно перерасти эту любовь, – отвечаю, бросив на блондина нерешительный взгляд из-под бровей. Хотя я сама своим словам не верила.

– Нихрена подобного, – прикрыв глаза, качает он головой. – Если бы перерос. Мне кажется, что с годами его любовь только выросла. И теперь похожа на одержимость.

– В каком это смысле?

– В самом прямом. Ты ведь знаешь, что его отец большая шишка? – киваю головой, и он продолжает. – Так вот, как только его отец, так сказать, понял что у него есть сын, Макс сразу обратился к нему с просьбой.

– Какой просьбой? – спрашиваю, задержав дыхание и боясь его ответа.

– Мне не хочется расстраивать тебя дальше, – впервые за наш разговор, веселье спадает с его лица, и Хоук опускает глаза.

– Нет уж, договаривай, – требую, сжав кулаки под столом. И хоть на лице у меня стальная решимость, внутри все дрожит от страха. Я не хочу слышать его ответ. Я не хочу знать, с какой именно просьбой обратился Макс к своему отцу.

– Ты уверена? – нерешительно взглянув на меня, спрашивает парень.

– Нет, – качаю головой. – Но я все равно хочу знать.

– Как хочешь. Только потом не плачь мне в рубашку, – выдохнув, он откидывается на спинку стула. – Он попросил его разыскать эту девушку. Он хотел знать, живет ли она там же, где учиться и чем занимается.

Опустив взгляд, я несколько раз моргаю, пытаюсь смахнуть выступившие на глазах слезы. Но они, как назло, только прибавляются. Зажав средним и большим пальцами переносицу, начинаю глубоко дышать. И в конце концов устремляю взгляд своих покрасневших глаз на сидящего напротив Хо-

ука.

– Его отец... Он нашел ее? – спрашиваю, облизнув пересохшие губы.

– Да, – короткий кивок, и на моей шее затянулся узел, к которому привязан огромный булыжник. И он начинает стремительно опускать меня на дно, где царит отчаянье и одиночество. – И Макс уже несколько лет знает о том, как она выглядит сейчас, где живет, учиться и чем любит заниматься в свободное время.

– Но... почему он тогда...?

– Не знакомиться с ней? Не знаю, – сложив руки на груди, Хоук пожимает плечами. – Боится, наверно. Типа, она его и не помнит, или вообще забыла. Боится, что его чувства окажутся невзаимными.

– Я... Я не понимаю, – шепчу, смахнув выступившую слезу. – Но зачем тогда все это?

– Без понятия. Именно поэтому я здесь. Я знаю, что его любовь не исчезнет. И вскоре он возьмет себя в руки, и познакомится с ней. И ты станешь ему не нужна.

– А почему он учится в университете?

– Потому что хочет.

– А конкретней? Неужели он действительно учится из-за того, что однажды карьера рокера закончится и ему нужно будет кем-то работать?

Опустив голову, Хоук широко усмехается.

– Поверь мне, детка. Быть безработным ему уж точно не

грозит.

– Но тогда, зачем?

– Ох, – выдохнув, он закидывает голову назад, опираясь затылком о спинку дивана. – Хорошо, он всем нам пытался втереть эту херню о том, что учиться хочет только из-за того, что бы не зависеть от отца. Но мы-то с парнями отлично знаем, что у него, та и у нас всех за два года существования группы на счету имеется довольно большая сумма денег, что бы годы жить припеваючи. А представь, что будет, если мы перейдем на мировой уровень? Та мы будем миллиардерами.

– Хоук... пожалуйста, – шепчу, вцепившись пальцами в скатерть. И в этот момент сердце тревожно застыло, предчувствуя самый ужасный для себя финал.

– Давай без псевдонимов. Просто Дима. Раз уж тут такое дело, – протянув руку, говорит... Дима.

– Хорошо, – протянув ладонь, нерешительно пожимаю его. – Дима.

– Вот и отлично, – на мгновенье улыбнувшись и блеснув своими белыми зубами, он продолжает неприятную для меня тему. – Он поступил в твой универ из-за этой девушки. Отец сообщил ему, что она учиться там на курсе экономистов.

Дальше у меня пропал аппетит и желание вести разговор. Глотая набежавшие слезы, я сказала Диме, что хочу вернуться домой. Не став меня расспрашивать, и войдя в мое положение, он только кивнул, и попросил официантку прине-

сти счет. Доведя меня до моего подъезда, он сказал записать его номер телефона, так, на всякий случай. Согласившись, я вручила ему свой телефон, а получив его обратно, попрощалась с парнем и медленным шагом ушла к себе домой.

Поднявшись на свой этаж, до сих пор погруженная в свои мысли, и не замечающая ручьи слез, стекающих по щекам, захожу в квартиру. Не слыша разговоров на кухне, снимаю куртку и обувь, и отправляюсь в комнату. Там, поставив рюкзак на пол, и переодевшись в свою домашнюю майку и шорты, укладываюсь на кровать. Одна мысль о том, что бы надеть футболку Макса, заставляет слезы побежать по моим щекам.

И тут на меня нападают все мои мысли. Все, что я узнала из нашего с Димой разговора. И все, что так больно ранит мое юное влюбленное сердце.

Когда эта девушка была лишь призраком из прошлого Макса, было проще. Я еще как-то могла ее игнорировать. Словно ее и не существует. Но теперь, она, словно приобрела плоть и разум. Она обрела прошлое. Стала реальной. И теперь игнорировать ее не так-то просто. Точнее, почти невозможно.

Я люблю Макса. Очень сильно. И глупо продолжать это отрицать. И это только все усложняет. Потому что больно осознавать, что человек, которого ты любишь, уже годы влюблен в другую. И он прекрасно осведомлен о том, где она живет, как выглядит, где учится и чем занимается. Та даже

в университет этот он попал не просто так, а для того, что бы быть ближе к ней.

Но тогда зачем ему я? К чему все это? Что бы не привлекать внимания? А обо мне он подумал? О том, что я буду чувствовать, когда правда откроется? И как он мне все преподнесет?

Очевидно, нет. Не думал. Потому что ему важна только эта девушка. А о том, что подумаю я, ему было плевать. Но тогда непонятны его действия. Зачем нужно было заставлять меня влюбляться в себя, если это все лишь прикрытие.

Влага заполняет мои глаза еще сильнее, когда внезапная догадка приходит мне в голову. А вдруг я ее знаю? И все это время я была лишь прикрытием, что бы Макс мог приблизиться к ней. Но кто она? Кого я знаю, кто находится рядом со мной, но я ее обычно не замечала?

У нас в университете полным полно девушек, каждая из которых может быть той самой девушкой, в которую Макс влюбился еще в детстве. Стоп. Дима упоминал что-то о том, что она учиться на курсе экономистов. Но тогда она может быть на любом курсе. Хотя, он еще упоминал, что когда Макс переезжал, она должна была идти в первый класс. Но в каком классе он учился? В третьем? Или во втором? Значит, между ними примерно год-два разницы. И в данный момент, так как Макс учиться на четвертом курсе, можно предположить, что она тоже учиться на четвертом.

Я не слишком люблю общаться с незнакомыми людьми,

поэтому друзей у меня в университете практически нет. Если, конечно, не считать Машку и самого Макса. Есть еще Ксюша Синицына, но с ней все предпочитают общаться, так как она как никто другой знает каждого студента на всех курсах. Даже если вы ей просто назовете фамилию, она вам точно укажет на нужного человека, а еще скажет его курс, кафедру и специализацию. А больше, в принципе, я ни с кем не общаюсь.

Что собственно приводит меня в тупик. Потому что я не представляю, как найти человека, если ты знаешь только то, что она учиться с тобой на одном курсе, в одной группе, но может посещать совершенно другие предметы.

Но сейчас это не столь важно, как то, что в ближайшее время мои отношения с Максом могут закончиться. Что будет, как раз, логичным финалом. Ни одни отношения не длятся всю жизнь. И мои также не исключение. Особенно, если вспомнить об этой девушке. Но как же больно осознавать, что твои отношения закончатся не из-за чрезмерной влюбчивости твоего парня, не из-за ваших характеров, а из-за того, что твой парень, которого ты уже успела полюбить, всю свою жизнь влюблен в другую. И он не хочет от этого избавляться.

И что мне теперь делать? Что обычно главные героини моих любимых романов делали в таких ситуациях? А, ничего. Потому что с ними такого не случалось. Парни, которых они любили, обманывали их, врали, может быть даже предавали.

Но точно не использовали как прикрытие для того, что бы подобраться к долгожданной цели, которую они ищут всю свою жизнь.

Значит, выбор предстоит выбрать мне самой. Но что же выбрать? Как правильно поступить? Наслаждаться отношениями с Максом, пока она вновь не появится в его жизни? Или закончить все самой? И пусть, я и в том, и в другом случае останусь одна и с разбитым сердцем. Но, хотя бы, я не буду мучиться, когда Макс бросит меня из-за нее.

– Алина? – раздается нерешительный голос Лизы, вслед за тихим стуком. – Ты как?

Ничего не отвечаю, пытаюсь беззвучно глотать слезы и не издавать всхлипов. Лиза стоит за дверью еще некоторое время, но не решается зайти в мою комнату. И в данный момент я ей благодарна за это. За то, что она позволяет мне подумать об этом в одиночестве.

За дверью слышится тихий выдох, а затем удаляющиеся шаги. Подложив ладони под подушку, ложусь на бок, и вновь погружаюсь в собственные мысли, не замечая, как медленно меня захватывает царство Морфея.

Последняя мысль, которая проскакивает в моей голове, была о том, что я уже знаю, что делать. Но даже не представляю, как больно мне будет потом.

Глава 50

На следующее утро я просыпаюсь разбитой, словно по мне несколько раз проехался грузовик. Вяло плетусь в душ и на кухню. Эдик, сидящий за столом и жадно поглощающий завтрак, открывает рот, но останавливается увидев мое хмурое выражение лица.

– Алина, все хорошо? – заботливо спрашивает Лиза за моей спиной, положив ладони мне на плечи.

– Да. Да, все хорошо, – киваю, пытаюсь растянуть губы в улыбке.

– Ты уверена? – спрашивает Эдик, бросив на меня тревожный взгляд.

– Да, уверена.

– Хорошо, – кивает Лиза, обойдя меня. – Завтракать будешь?

– Только кофе.

Сев рядом с Эдиком, пытаюсь не думать о том, к чему вчера пришла. Не хочется загружать Эдика с Лизой своими проблемами.

– Спасибо, – киваю Лизе, когда она ставит передо мной дымящуюся чашку горячего кофе.

Выпив кофе с бутербродами, я возвращаюсь в свою комнату и переодеваюсь. Сегодня, не смотря на свое хмурое настроение, погода вполне радует ярким солнцем и теплым

ветерком. Поэтому и одежда подходящая погоде, но не моему настроению. Джинсовая юбка-трапеция чуть выше колена с несколькими потертостями спереди. Заправленная в нее футболка цвета морской волны с рукавами три четверти. Черные туфли с округлым носом и на среднем толстом каблуке. Поверх футболки джинсовая куртка с капюшоном. На плечо вешаю черную сумку с узором цветов.

Попрощавшись с Лизой и Эдиком, выхожу из дома, и засунув руки в карманы куртки, к своему несчастью, вновь погружаюсь в свои мысли. Я не могу перестать думать о том, что происходит вокруг меня. У меня просто не выходит из головы тот факт, что Макс меня просто использует.

Мои мысли прерывает вибрация телефона. Глубоко выдохнув, вынимаю его из кармана и с, неконтролируемым бегом своего сердца, смотрю на имя звонившего.

– Привет, малышка, – с нескрываемой улыбкой в голосе говорит Макс.

– Привет, – шепчу, пытаюсь не заплакать. Черт, еще ничего не произошло, а мне уже больно слышать один его голос. Что будет, когда я увижу его через несколько минут?

– Идешь в универ?

– Эмм, да. А ты? Уже там?

Засмеявшись в трубку, но не таким смехом, каким он смеется обычно, а тем, как будто ему неловко.

– Как тебе сказать, малышка. Нет, я сегодня не приду, – еще один больной удар по моему сердцу.

– Почему? – спрашиваю, сглотнув комок в горле.

– Сегодня концерт на стадионе. И мы с парнями целый день будем репетировать. Сегодня все должно пройти идеально.

– Это здорово, – выдыхаю с улыбкой.

– Мне кажется, что я сейчас сойду с ума в любой момент. Ты бы знала, какая здесь шумиха. Все бегают, прыгают, нервничают.

– Один ты, спокоен, – замечаю, невольно улыбаясь.

– Конечно, я само спокойствие.

– Так я тебе и поверила, – усмехаюсь, слыша, как на самом деле дрожит его голос.

– Ладно, ты меня подловила. Я нервничаю. Я капец, как нервничаю. Но это исключительно из-за того, что ты не рядом со мной.

– Прости, но я не могу пропускать учебу.

– Как не прискорбно мне это говорить, но я понимаю. И все равно хочу, что бы ты была рядом со мной.

– К сожалению, сегодня не получится.

– А ты бы согласилась приехать на концерт?

– Что? – застываю посреди тротуара, пораженная его словами.

– Ты приедешь на концерт? Ты ведь теперь встречаешься с рок-звездой. И мне хотелось бы видеть тебя за кулисами. Представь, ты увидишь, как это все происходит за ширмой.

– А, как ты себе это представляешь?

– Очень просто. Ты войдешь через запасной выход. Я сообщу охраннику, что бы он пропустил тебя. А внутри тебя уже встречу я. Так ты придешь? Мне очень нужно твое присутствие рядом. Эти хреновы черные костюмы задумали, что бы у меня горел плащ. Типа, это точно ошарашит народ и на следующий наш концерт придет еще больше людей. Только у меня один маленький вопрос: Куда уж нахрен больше?! – свой вопрос он уже больше прокричал не мне, а кому-то другому. – Мы на гребанном стадионе!... А мне до лампочки ваши продажи!... Если я сдохну прямо на сцене, тогда хрен вам, а не больше людей! – и гневно выдохнув мне в трубку, он шипит что-то вроде «фиг вам, ироды, я сдохну раньше вас». – Малышка, я вернулся, – говорит спокойно, и даже ласково. – Так ты придешь на концерт? Скажи «да», пожалуйста.

Выдохнув, я прикрываю глаза, пытаюсь отрешиться от окружающего мира. И не думать о том, что происходит вне наших отношений. Пытаюсь не думать о той девушке. И мне это удастся. В данный момент я решаю насладиться жизнью и прекрасным концертом в исполнении моей любимой группы с любимым солистом.

– Да, – коротко отвечаю, кивнув. Точнее, киваю для уверенности в своих собственных словах. – Я приду.

– Юхуу! – громко кричит Макс в трубку. И на мгновение я представляю, как он, стоя посреди стадиона, когда вокруг него ходят черные костюмы и люди, переносящие оборудо-

вание, подпрыгивает на месте, вскинув руку вверх, и прокричав это «Юхуу!». Не удивлюсь, если все стали оборачиваться на него с недоуменными выражениями лиц, а потом, просто пожав плечами, вернулись к своим делам. – Отлично, малышка. Тогда жду тебя сегодня у заднего выхода в восемь часов.

– Хорошо, – киваю, прикусив губу от волнения.

– Тогда до вечера, Алинка.

– До вечера, Максим, – шепчу, слыша монотонные гудки.

Он уже бросил трубку. И мне хотелось бы возмутиться. Но в свете ближайших событий ясно, что он не будет ждать, пока я скажу ему «до вечера». Макс и остальным нужно готовить концерт, что бы все прошло идеально. Как и всегда.

Заблокировав телефон, кладу его обратно в карман куртки и иду к университету, последние этажи которого уже виднеются на горизонте. Осталось только пережить этот день, и я смогу разобраться со своей жизнью. Так дальше продолжаться не может.

Вернувшись после университета домой, я, бросив вещи, отправилась в душ. Зайдя в комнату с тюрбаном на голове и полотенце обмотанном вокруг тела, я раскрыла дверцы шкафа. И вот тут мой мозг с проблем в моей личной жизни, перешел на другую проблему. Что мне надеть на концерт своего все еще парня? На концерт, куда я иду не просто, как фанатка, а как девушка солиста и любимца всех девушек нашей страны. Все черное и кожаное, как в прошлый раз, уже не

сработает. Нужно что-то другое.

И в этот момент мой взгляд натывается на безумный, но достаточно привлекательный вариант. Легкое белое платье чуть выше колена, с узорной вышивкой на груди и по подолу. С короткими легкими рукавами и округлым вырезом. К этому платью, которое просто источает нежность и невинность, идеально подойдет черная кожаная куртка с серебряными вставками на груди и черные Док Мартинс. Невинность, слегка разбавленная грубостью и порочностью. Как раз то что нужно.

На мгновенье в голове проскакивает мысль о том, что, возможно, этот наряд не совсем подходит для того, что я собираюсь сказать Максу после концерта. Вот вообще не подходит. В этом платье хочется прыгать от радости и веселиться. Радоваться жизни и кричать всему миру о том, что я счастлива.

– Нет, – покачав головой, убираю платье подальше. Оно не подходит для сегодняшнего дня. Когда-нибудь, но точно не сегодня.

Несколько минут, а может и полчаса, перебираю вешалки и стопки, пытаюсь найти то самое. И, наконец, нахожу. Черное платье с ассиметричным подолом, спереди чуть выше колена и сзади касающимся голеней. С треугольным вырезом и воротником стоечкой. С россыпью ярких стразов, разбросанных вдоль всего подола. К платью выбираю черные чулки в мелкую сетку. А также черную кожанку, которую

чуть раньше хотела надеть вместе с белым платьем, и высокие Док Мартинс. Отложив получившийся наряд в сторону, принимаюсь сушить волосы и укладывать их легкими волнами. Наношу на глаза тонкий слой темных дымчатых теней, немного туши, и слой прозрачного блеска на губы. Критичным взглядом осмотрев свой вид, довольно киваю. Надеваю платье, куртку и ботинки. И придав волосам легкий объем, прикусываю губу, придавая ей легкой припухлости и красноты. словно после жадных поцелуев Максима. Захватив с собой черный клатч на длинной тонкой цепочке, перекидываю его через плечо и выхожу из комнаты.

Внезапно останавливаюсь, увидев перед собой застывших Лизу и Эдика. Лиза стоит вся такая нарядная, с макияжем и уложенными в аккуратную косу волосами. Эдик в своем привычном образе плохого парня, в черной рубашке и джинсах. С босыми ногами, как будто показывает, что он здесь альфа-самец.

– А, что происходит? – спрашиваю нерешительно.

– А куда ты собралась? – отвечает вопросом на вопрос Эдик.

– Эмм, на концерт. Меня Максим пригласил.

– Ах, Максим, – задрав голову, с нескрываемым раздражением выдыхает Эдик. – И почему я сразу не догадался?

– Прекрати, – нервно покрутив руки, Лиза пихает его в бок.

– Лиз, а что случилось? – поняв, что с Эдиком не полу-

чится нормально поговорить, обращаясь к Лизе.

– Сегодня к нам на ужин приходит Денис. Для знакомства с моей семьей, – опустив голову и пряча пунцовые щеки, отвечает девушка.

– Ой, точно, – мысленно ударяю себя по лбу, в реальности боясь испортить макияж. – Прости, я забыла.

– Ничего, все нормально, – подняв на меня глаза, говорит она. – А на какой концерт ты идешь?

– На Рейва. У них сегодня концерт на стадионе. Я обещала прийти, что бы он не нервничал.

– Конечно, – отвернув лицо, фыркает Эдик. Но я не обращаю на него внимания, смотря исключительно на Лизу.

– Хорошо, а с Денисом ты сможешь увидеться в другой раз. Я уверена, что он еще придет к нам.

– Это мы еще посмотрим, – бормочет Эдик, сложив руки на груди и отправившись на кухню.

– Не обращай на него внимания, – махнув в сторону брата, Лиза неловко мне улыбается. – Побурчит немного и успокоится.

– Я знаю, – отвечаю, поправив цепочку сумки. – Я, тогда, пойду?

– Иди, конечно, – кивает Лиза. – У тебя ведь все хорошо?

– Конечно, – киваю в ответ, не желая признаваться в том, что все вообще не хорошо. Но я не хочу ее расстраивать, когда должен состояться ужин с ее парнем.

И обнявшись напоследок, я выхожу из квартиры, а Лиза

отправилась на кухню к бурчащему и недовольному Эдику.

Выйдя из подъезда, подхожу к поджидавшему меня такси. Конечно, не такого шикарного, как в фильмах, но и этого достаточно, что бы отправиться на концерт своего парня.

Сев в машину, устремляю свой взгляд на мелькавшие мимо дома, парки, улицы и людей, гуляющих неспешным шагом, или возвращающихся домой. И чем ближе мы были к стадиону, тем больше становилось людей. Они шли сплошным потоком к стадиону, смеясь и громко распевая самые знаменитые хиты «В огне». От этого зрелища на лице невольно появляется улыбка. Максим, как никто другой, достоин быть звездой и петь для огромной публики. Уж я-то знаю об этом. Помню, как в один из вечеров я попросила его спеть для меня. Он принес из своей комнаты свою гитару, и сев рядом со мной, проиграл несколько аккордов. А потом запел одну из своих песен. Его голос ласково и неспешно растекался по комнате, окружая меня лаской, заботой и уютом. Его голос хотелось слушать вечно.

Сама не замечаю, как машина останавливается на свободном месте рядом со стадионом, и водитель, невысокий полный мужчина лет сорока с проседью на редких волосах, поворачивается ко мне, опираясь рукой о спинку кресла.

– Ваша остановка, – говорит он с гадкой ухмылкой, от которой по моему телу проносится дрожь страха.

– Спасибо, – благодарю, и положив деньги на сиденье, поспешно выбираюсь из салона на чистый воздух с толпой лю-

дей, орущих вокруг.

Обхожу по кругу огромный стадион, разительно отличающийся от того, что я видела всего-навсего вчера днем. Но и на запасном выходе меня встречает огромная толпа девушек, кричащих что-то о девушках Рейва или Хоука двум огромным парням в черных костюмах, с ярко выступающей на груди кобурой. И что мне сейчас делать? Как пробраться через эту толпу, не повредив себе ничего такого.

Но для меня оказывается неожиданностью, когда взгляд одного из охранников сталкивается с моим и он, взглянув на что-то в своих руках, кивает второму.

Глава 51

По моему телу проносится дрожь, и я делаю осторожный шаг назад, когда второй охранник пробирается через эту толпу, намеренно идя ко мне. Отступаю, когда он останавливается передо мной, поправляя лацканы пиджака. Он огромный. Действительно огромный. Метра два, не меньше. С коротким ежиком темных волос, маленькими темными глазами, слегка кривым носом и небольшой деформацией нижней челюсти. Бывший боксер, наверно.

– Малышка Рейва? – спрашивает грубым хриплым голосом, нависая своей огромной накачанной тушей надо мной.

– Д-д-да, Алина, – отвечаю с дрожью в голосе, сглотнув комок в горле.

– Пошли, – кивает мужчина на запасной выход, беря меня за локоть и своими огромными руками расталкивает визжащих девчонок, что-то требующих и спрашивающих.

После того, как толпа девчонок остается позади, а первому охраннику все еще удастся их сдержать, второй приоткрывает дверь и вталкивает меня внутрь, закрывая ее обратно. Боясь открыть глаза, я стою несколько секунд в коридоре, задержав от страха дыхание.

– Ты все-таки здесь, – хрипло шепчет знакомый голос, обдавая мои губы своим горячим дыханием. Не успеваю открыть глаза и увидеть лицо парня, которого не видела со вче-

рашнего вечера, как его губы впиваются в мои, поглощая и забирая мое дыхание.

Резко отстранившись от моих бедных опухших губ, Максим обнимает меня за талию, прижимая к своему телу. Открыв глаза, утыкаюсь лицом в его плечо, обтянутое черной кожей.

– Я рад, что ты пришла, – шепчет он в мои волосы.

– Я тоже рада, что пришла, – отвечаю, крепче обнимая его за шею.

– Ну что, пойдём? Ты наконец увидишь, что собой представляет за кулисы, – немного отодвинувшись от меня, с ухмылкой говорит Максим. – Кстати, ты потрясающие выглядишь. Настоящая дрянная девчонка, – ухмыльнувшись, он коротко прижимается своими губами к моим. И это становится моей благодарностью за его слова. Я уже усвоила урок, что слова в качестве благодарности он не принимает.

А у меня в этот момент появляется возможность как следует рассмотреть его. И скажу честно, выглядит он сногшибательно. Черная футболка с треугольным вырезом, черные джинсы с прорезями на коленях, заправленные в высокие черные ботинки на тонкой подошве. И поверх всего этого длинный черный плащ с большим капюшоном, накинутым в данный момент на голову солиста. Он красиво струится за его спиной, подолом касаясь щиколоток Максима.

– Я и не ожидала, что у тебя будет настолько официальный вид, – замечаю, проведя взглядом брюнета с ног до головы.

– Мне пришлось, – подчеркнуто поправив плащ на плечах, отвечает Макс, улыбнувшись. – Ты даже не представляешь, как долго они жрали мой мозг чайной ложечкой, пытаюсь правильно его уложить и забросить на мою голову.

– А ты уверен, что плащ не загорится полностью? – спрашиваю, с нескрываемой тревогой в голосе, проведя ладонью по ткани плаща на плече парня. Материал похож на кожу, но это не она.

– Ты переживаешь за меня?

Посмотрев в лицо парня, поджав губы, ударяю его ладонью по груди. Он просто смеется надо мной. Стоит такой весь передо мной в шикарном прикиде, с шикарной прической, и думает, что я не буду переживать, когда его ожидает реальный поджог плаща на сцене.

– Да, переживаю, – отвечаю, снова ударив его по груди. – А ты что думал? Устроить шоу перед смертью и что бы я спокойно стояла и восхищалась?

– Ей, ей, – шепчет Максим заключив меня в свои крепкие объятия. – Малышка, я не имел в виду ничего такого. Просто, знаешь, обычно девушки не переживают обо мне.

– Я тебе не другие девушки, – шиплю ему в плечо, не удержавшись и хлопнув его ладонью по боку.

– Ау, – шипит мне в ухо парень, дернув тазом, и в ответ несильно укусив меня за мочку уха.

– Ай. За что?

– Это что бы не билась. Ты меня поддерживать должна, а

не драться. Разве любимая девушка так себя ведет?

– После того, как насмеялся над моей заботой, то да, дерется, – бурчу, на время нашей перепалки полностью забыв о проблемах, гудящих в моей голове всего несколько минут назад.

– Ладно, прости, Алинка, – ласково шепчет, поцеловав в макушку. – Ну что, готова к зрелищам?

– Готова, – киваю, улыбнувшись.

Улыбнувшись в ответ, Максим отходит немного, и переплетя наши руки, ведет по коридору. В отличие от того, что я слышала в коридоре в прошлый раз, на репетиции, сейчас шум намного громче. Отовсюду слышатся мужские голоса, женские визги и зов «В огне!». Где-то наверху раздаются тяжелые шаги и жесткие маты. И как только Максим открывает двери, этот шум усиливается в несколько раз. Со стороны огромного черного экрана, задней стенки сцены, слышно, как люди вместе скандирую название группы, требуя начала. Как разговаривают мужчины, перенося последнюю аппаратуру и настраивая звук и свет. Как кричит со стороны закрытой двери Хоук, требуя попеременно вместе с матами, что бы его оставили в покое. Мимо нас проходит мужчина в белой рубашке, с черным расстегнутым жилетом, и в больших наушниках, что-то говоривший в микрофон. Увидев спокойного Максима, он на секунду останавливается, и что-то пробормотав, подходит к нам.

– Рейв, где ты шляешься? Начало через пять минут, –

говорит мужчина, демонстративно постучав пальцем по циферблату наручных часов. Кстати, довольно неплохие часики. Эдику бы понравились.

– Я здесь, Захарыч. Остынь, – спокойно отвечает Рейв, мазнув взглядом по мужчине. – Я здесь и готов устроить шоу.

– Отлично, что ты с нами, а не в облаках, – с ухмылкой говорит мужчина, сверкнув своими отбеленными зубами. В этот момент его взгляд наталкивается на меня и бровь вздергивается вверх. Он переводит взгляд на Макса, ним одним требуя ответа, что я здесь делаю.

Но в ответ Максим только дергает меня к себе, оборачивая руку вокруг талии.

– Благодаря ей, как раз и отличное. Я надеюсь, ты понимаешь, что будет, если вдруг она исчезнет? – с нескрываемой иронией в голосе, спрашивает Макс, выгнув бровь. А меня весьма смущают его слова. Что значит, вдруг исчезну? Меня типа могут закрыть в подсобке, что бы не мешала концерту, что ли?

– Рейв, ты уверен? – бросив на меня красноречивый взгляд, спрашивает мужчина, которого Макс окрестил, как Захарыч.

– Абсолютно, – твердо кивает он.

– Хорошо, но она под твоим присмотром. У меня нет времени следить за твоими девушками.

Он сказал, «твоими девушками»? Во множественном падеже? Не значит ли это, что кроме меня так на концерты по-

падали еще и другие девушки? Наверно, такие же легкомысленные дуры, как и я, поверившие, что он сможет их полюбить. Черта с два.

– Фиг вам я ее доверю кому-то из твоих работничков, – крепче прижав меня к своему боку, говорит Макс.

– Тогда, смотри не облажайся, – ухмыльнувшись напоследок, мужчина разворачивается и уходит.

– Это было типа, как в театре «ни пуха, ни пера – к черту»? – спрашиваю, повернув голову на парня.

– Что-то типа этого, – отвечает он, пожав плечами.

– Ясно, – киваю, заметив приближающиеся к нам фигуры парней. А вот и остальные подоспели...

– Как раз вовремя, – с ухмылкой замечает Макс, повернув голову на одетых и готовых парней, снаряженных своим оборудованием. У Винда и Фроста это гитары, а у Хоука – барабанные палочки, которые он в данный момент крутит между пальцами.

– Ну что, неудачники, готовы начать концерт? – широко улыбаясь, с огнем в глазах, спрашивает Хоук, вскидывая руку вверх.

– Всегда, – единогласно отвечают остальные парни, аналогично вскинув руки.

Растянув губы в кривой ухмылке, Максим поворачивает голову на меня и опускает свои губы на мои, захватывая те в жадном поцелуе. И это выглядит так, словно он хочет таким образом попросить пожелать ему удачи. И я с удовольствием

ему ее подарю. Жадно отвечаю, открывая рот, и позволяя его языку получить то, что он хочет. Тихо застонав, я вцепляюсь пальцами в его плечи, притягивая к себе. Его руки сжимаются вокруг моей талии, буквально вжимая в сильное тело, напряженно застывшее напротив.

– Так, прекратите, – говорит за нами Винд, похлопывая Макса по плечу.

С едва слышным рычанием, солист разрывает наш поцелуй, повернув голову на парней.

– Пошли, – машет в сторону обезумевшей толпы, которым голос громко сообщает о выходе группы, Хоук. – Нам пора.

– Хорошо, – кивает Макс, и поворачивает на меня голову.

Несмело улыбаюсь ему, пытаюсь подбодрить. Взяв за руку, он ведет меня прямо к сцене, поставив в небольшом разьеме между боковой и передней стенками. Как раз отсюда парни выходят на сцену, где их уже ожидают тысячи человек. Макс перебрасывает через плечо лямку гитары, и закрепляет наушник в ухе.

– Все малышка, пожелай мне удачи, – перед тем, как выйти навстречу заполненному стадиону, он прижимается к моим губам в коротком поцелуе, а затем выходит вместе с парнями на сцену. Последним туда выходит Хоук, бросив на меня взгляд полный сожаления и тревоги. И он один уже сказал мне все, что говорил до этого в кафе. Что это просто игра для Макса. Что я в его жизни всего лишь на время.

Хоук спокойно выходит на сцену, приветствуя публику и

сядаясь за барабанную установку. А я, опираясь боком о стенку, обнимаю себя руками, пытаюсь избавиться от мыслей, появившихся в голове.

Вчера я часы провела за тем, что бы обдумать свое решение. Но сейчас, смотря, с какой радостью Макс приветствует толпу перед ним, я начинаю сомневаться, что это нужно делать именно сегодня. Не хочется расстраивать его в этот момент. Но и дальше так продолжаться не может. Я не могу больше. Это слишком тяжело для меня. Каждый день смотреть ему в глаза, слышать его голос, говорящий, как я важна для него. Но при этом знать, что это все вранье и его сердце принадлежит другой.

Подняв глаза, я застаю как раз тот момент, когда наступит тишина, весь зал замирает, и Хоук начинает ударять по барабанам. К ним присоединяются гитары, а затем весь стадион слышит завораживающий голос Рейва. Именно им он является в данный момент. Не Максимом, нет. Именно Рейвом. Идолом, которого обожают миллионы. Парнем, о прошлом которого никто не знает, но это не мешает им любить его.

Сначала они играют любимую всеми песню «Поиск». Песню о любви, проходящей через года. О том, как полюбив однажды, парень проносит свою любовь через года. И как он, бросив слепые надежды, отправляется на ее поиски. А когда находит, любовь вспыхивает огромным огнем, грозясь сжечь все вокруг. Но для этих двоих не существует ничего, кро-

ме них. И сколько бы не было препятствий на их пути, они пройдут через все. Вместе. Крепко держась за руки, смотря друг другу в глаза и говоря «Я люблю тебя».

Посмотрев по сторонам, что бы никто не видел, смахиваю слезу, мгновенно выступившую в уголке глаза. Эту песню Макс посвятил ей. Той самой девушке, которую когда-то полюбил. Он ищет ее. Но в отличие от того парня из песни, он не решается подойти к ней и признаться в своих чувствах.

Одинокая слезинка спускается по моей щеке, по подбородку, падая на пол. Потому что эта песня не для нас. Она не про нас. Она о нем и той девушке. И это как раз становится той самой точкой в принятии моего решения. Так не может больше продолжаться. Больше нет.

И я знаю, что потом мне будет больно. Знаю что, возможно, это будет слишком тяжело пережить. Но еще больнее чем бросить парня которого ты любишь, может быть только продолжать встречаться с ним, зная, что ты в его жизни всего лишь ненадолго. Встряхнув головой, я пытаюсь сейчас не думать об этом.

Сама не замечаю, как окунаюсь в эту атмосферу концерта, перешедшую с зала на за кулисы. Все возбуждены, застыли под сценой, наблюдая за выступлением парней. Некоторые не только подпевают, но и пританцовывают. И будто время застыло, пораженное выступлением «В огне». Но и концерту когда-то приходит концерт. Звучат последние оглушительные басы, и плащи парней вспыхивают ярким огнем. Про-

тянув последнюю ноту, Рейв мгновенно замолкает, схватив свой подол и раскрутив его вокруг своего тела. В тот же момент со всех сторон на парней выстреливает дым, полностью пряча их от взглядов толпы. И пока выстреливает дым, они, ухмыляясь, пробегают за сцену. Макс, словно только этого и ждал, весь потный и запыхавшийся, подбегает ко мне, подхватывает на руки и жадно целует. Со всеми своими чувствами, которые я испытываю к нему, целую в ответ.

Глава 52

Если бы не появившийся Захарыч, неизвестно, куда бы затянулся наш поцелуй. Пока тот появился, Макс к этому времени уже прижимал меня спиной к стене, а его руки двигались по моим бедрам.

– Я, конечно, извиняюсь, но может вы прекратите раскрепощать моих ребят? – хмуро произнес мужчина за нами.

Разорвав наш поцелуй, Максим поднял взгляд своих глаз на меня, не переставая широко ухмыляться.

– Захарыч, куда уж больше, – смотря на меня, отвечает Рейв, опуская на ноги. – Твоих парней ничто не раскрепостит больше, чем уже есть.

– Все равно, шагай в примерку, – хмуро насупив черные брови, отвечает Захарыч, указывая пальцем на неприметную боковую дверь.

– Слушаюсь и повинуюсь, – почтенно склонившись, Макс ухмыльнувшись хватает меня за руку и ведет к двери в примерку.

Немногие парни оборачиваются нам вслед, пока мы не заходим внутрь и за нами не закрывается дверь. Внутри довольно просторно и пусто. Пару черных диванчиков, барная стойка у стенки с рядами алкоголя и воды. В углу стоят стойки с одеждой, и несколько пуфиков рядом, где в данный момент в четыре кучи свалена одежда парней. Осталь-

ные участники группы, в отличие от Макса, уже давно переделались, и теперь, развалившись на диванах, спокойно попиливали воду из бутылок.

– Задержался ты, – говорит Винд, лежа вдоль дивана и положив голову на колени Фросту.

Фыркнув в ответ, Макс только пожал плечами, скидывая плащ на пол. К счастью, как он и говорил, у плаща загорелась только необходимая часть, не навредив ему. Для меня было невыносимо стоять за сценой и наблюдать, как огонь неожиданно вспыхнул по всему подолу, а затем, взмахнув им, он сбежал за кулисы.

– Ну как, детка, тебе понравилось шоу? – раскинув руки на спинке дивана, спрашивает Хоук, делая глоток воды из бутылки.

– Да, – кивает Фрост, а от Винда послышался только тихое «угу». Кажется, что он уже вымотался.

– Ну что, малышка? – проворными пальцами расстегивая пуговицы рубашки, говорит Максим стоя у стойки с одеждой.

– Это было что-то нереальное, – выдыхая, окидываю взглядом всех парней, довольных моим ответом. На их лицах появились широкие улыбки, которые так и говорят, что они прекрасно осведомлены об этом.

– Собственно, как всегда, – с улыбкой говорит Хоук, прикрыв глаза.

– Кроме того, что мы впервые выступили на стадионе для

тысяч людей, – замечает Винд, продолжая лежать на диване, подняв вверх палец и акцентируя на этом внимание остальных.

– Это точно, – кивает Фрост. – Черт, я едва не сдох, когда девка в переднем ряду сняла майку.

– Я не успел рассмотреть, но она что-то кричала. Кто-то видел? – приоткрыв один глаз, спрашивает у него Винд.

– «Рейв возьми меня», вот что было у нее написано прямо на сиськах, – отвечает Хоук открыв глаза и с ухмылкой посмотрев в сторону Макса, одевающего в этот момент белую рубашку с английской надписью на спине.

Парни общались между собой так, словно меня здесь и нет. Собственно, я не виню их за это. Почему они должны обращать внимание на девушку, которую Рейв привел вместе с собой на концерт? Особенно если вспомнить о том, что я совсем недавно услышала от Захарыча, что я не первая девушка, которую Максим приводит на свой концерт за кулисы.

– Я ничего не видел, – хмуро отвечает Макс, развернувшись к нам лицом, и поправив воротник рубашки, подошел ко мне. Обняв за талию, парень притягивает меня к своему телу, зарываясь лицом в распущенные волосы.

– Конечно, не видел, – говорит в это время Фрост. – Вы чего, если он постоянно за кулисы глядел.

– Это точно, – с ухмылкой кивает Хоук. – Захватила ты малышка, сердце нашего сердцеда.

Не знаю, что именно он имел в виду своей фразой, но от нее у меня резко пронесся мороз по коже и я задрожала. Макс, подумав скорее всего, о том, что я замерзла, только крепче прижал к своему телу. И он не чувствует, как замерло мое сердце при мысли о том, на что именно намекает своей фразой Дима.

– Я надеюсь, Максимка, – за закрытой дверью гримерки уже нет такой надобности не говорить настоящие имена друг друга. – Что ты не домой под одеялко, а с нами в клуб.

Даже непонятно, это предложение было больше утверждением или вопросом, прозвучавшим из уст Винда.

– Мы домой или нет? – обращается ко мне Максим, повернув голову и заглядывая в глаза своими зелеными с золотыми вспышками.

– Я... Я не знаю, – отвечаю, пожав плечами.

Я действительно не знаю, что делать в данный момент. Согласиться и вместе с Рейвом отправиться в клуб? Или рискнуть и поговорить с ним на чистоту? Как же трудно в данную минуту принять такое важное решение.

– Вообще-то, я хотела с тобой поговорить, – шепчу, опустив голову.

– Парни, мы скоро, – махнув рукой, говорит остальным Макс. И я благодарна ему за это. Не хотелось бы разговаривать о наших отношениях при парнях.

Выпустив меня из своих объятий, он отходит за черной кожаной курткой, а я разворачиваюсь и выхожу из гример-

ки. Вслед мне слышна тишина. Не знаю, заметили парни мое миг ухудшившееся настроение или нет, но солист – точно нет. Хмыкнув позади, Максим закрывает двери и мы вместе проходим через помещение, он приоткрывает двери, ведущие в коридор, и пропускает меня вперед.

– Спасибо, – шепчу, обняв себя руками и опустив голову.

– Малышка, с тобой все нормально? – с тревогой в голосе спрашивает Макс, поглаживая меня от локтей до плеч.

– Нет, со мной не все нормально, – качаю головой, понимая, что вот-вот расплачусь. – Я очень долго держала это в себе, но теперь я хочу знать.

– Что именно? – спрашивает парень с искренним изумлением на лице.

– Я хочу, знать, кто я для тебя?

Поднимаю на него голову, чувствуя, как глаза медленно заполняются влагой.

– Как это кто? Ты – моя любимая девушка.

– Неправда, – снова качаю головой, позволив себе тихо всхлипнуть. – Ты врешь.

– Почему?

– Потому что я знаю, что ты влюблен. И это не я, как ты постоянно повторяешь. Эта та девушка из твоего прошлого. Ты ее любишь, – говорю, подняв на него заплаканные глаза.

– Малышка, – шепчет Макс, протягивая ко мне руки.

– Не надо, – шепчу делая шаг назад. – Не надо, Максим. Пожалуйста, мне и так очень тяжело.

– Тяжело что?

– Я думаю, что... – из-за слез я начинаю заикаться, но не пытаюсь остановить вырывающиеся всхлипы и слезы, стекающие по щекам. – Нам нужно расстаться.

– Что? – шокировано выдыхает парень, отшатываясь от меня. – Малышка, ты же не серьезно.

Я не отвечаю, давая ему право обдумать мои слова. Черт, неужели я серьезно ему это сказала? Но я не могу по другому. Я и так пыталась сдержаться, что бы не разрыдаться на этом месте. Он должен понять, что я не могу жить, зная, что надо мной постоянно нависает эта его любовь в виде другой девушки.

– Макс, – поднимаю на него голову, опустив руки вдоль своего тела. – Прошу, это слишком тяжело для меня.

– Неужели тебе настолько тягостны наши отношения?

– Нет, никак нет. Наши отношения здесь не причем.

– Тогда что причем? С чего вдруг ты решила, что мы должны расстаться? – он делает шаг вперед, протягивая ко мне руки.

– С того, что ты влюблен в другую! А я не могу радоваться нашим отношениям, зная, что ты бросишь меня ради другой. Понимаешь? Не могу! – кричу, всплеснув руками, и отходя назад.

– Почему брошу?

– Ты хочешь, что бы я тебе это сказала? Сама? Ладно, я скажу, – спрашиваю, утерев рукавом куртки дорожки на ще-

ках. – Мне рассказали о том, что ты всю свою жизнь влюблен в девушку, с которой когда-то жил по соседству. Я знаю, что, перед тем, как помириться с отцом, ты попросил его об одолжении. Что бы он разыскал эту девушку и сообщил тебе о том, где она живет, где учиться и чем занимается. Черт, та я даже знаю, что она учится в нашем университете вместе со мной на одном курсе.

– Алина... – шепчет Максим, смотря на меня с сожалением в глазах. Неужели у него проснулись какие-то чувства и он сожалеет о том, что использовал меня? Или это совершенно другое сожаление, из-за того, что я узнала об этом.

– И теперь я понимаю, зачем ты учишься в университете, – шепчу, сжав губы. – Почему именно на четвертом, а не на пятом. Из-за нее. Но при чем тут я? Зачем тебе я? Как прикрытие? Или для развлечения?

– Не говори глупостей. Ты никогда не была развлечением.

– Тогда зачем все это? Почему ты продолжаешь мучить меня, зная, что это ненадолго? Пожалуйста, скажи мне правду.

– Алинка, малышка... – ему все таки удается подойти ко мне, и нерешительно притянуть к своему телу. Всхлипывая, утыкаюсь головой в его грудь.

– Не надо. Не утешай меня. Не ври. Ты на мне испытывал, как это будет с ней, да? Я была всего лишь тестом, как обращаться с ней?

– Нет, ни в коем случае, – его сердце начинает биться

быстрее, принося мне очередную порцию боли. Я больше никогда не услышу ударов его сердца. И больше никогда не буду лежать на этой груди, смотря телевизор в его доме.

– Тогда зачем? Зачем нужно было мучить меня, говоря, что я твоя? Зачем нужно было предлагать переехать к тебе? Зачем было все это? Зачем все это говорить, зная, что твое сердце принадлежит другой?

– Я...

Поднимаю на солиста голову, сжав в ладонях рубашку на его груди. С мольбой в голосе шепчу ему:

– Макс, пожалуйста. Я не хочу продолжать. Пожалуйста, отпусти меня. Я уверена, что она тебя полюбит. И ты будешь с ней счастлив. Прошу, давай прекратим все это.

– А если я не хочу прекращать? – шепчет он в ответ, упираясь лбом в мой.

– Пожалуйста, ради меня. Пока я не успела достаточно сильно полюбить тебя, – поднимаю на него глаза, моля. Опустив взгляд, я наталкиваюсь на его губы, сейчас сжатые в одну линию. Он больше никогда меня не поцелует. Не обнимет и не скажет, что я – его.

Я не смогла сдержаться, и не поцеловать его в последний раз. Но поцелуй, который должен был быть коротким прикосновением, незаметно перерос в настоящий жадный поцелуй, пропитанный обреченностью, жадностью, потребностью и любовью. Макс крепко обхватывает мою талию, прижимая к себе. Зарываюсь пальцами в его шелковистые пря-

ди, пытаюсь раз и навсегда запомнить ощущение его волос между пальцами. Пытаюсь навсегда запомнить, как это, ощущать его поцелуи на своих губах.

– Отпусти меня, – шепчу опухшими губами, жадно глотая воздух.

– Не могу, – отвечает он в мои губы, облизывая свои.

– Пожалуйста. Макс, это невыносимо. Отпусти меня, пока мне не стало слишком больно, – но он только крепче сцепляет ладони на моей талии. Упираясь руками в его грудь, говорю то, чего я точно от себя не ожидала. – Если этого не можешь сделать ты, тогда это сделаю я.

Выбравшись из его объятий, я развернулась и побежала по коридору. Короткое мгновение мне кажется, что он сорвется с места, побежит за мной, а догнав крепко обнимет и скажет, что никакой другой девушки из его детства нет. Что это была просто выдумка. И что он действительно любит только меня. Что все его слова были правдой. Со стороны за кулисы открылись двери и послышались голоса парней. Они пытались разузнать у Макса, что происходит. Он им тихо рычал что-то, и я чувствовала его взгляд на своей спине. И тогда мое сердце окончательно разбилось на тысячу маленьких осколков. Это все было правдой. Он не побежал за мной. Не обнял и не сказал, что ее не существует. И этим только все подтвердил.

Не знаю, что произошло далее, но Макс начал кричать. Мне было трудно разобрать, что именно он хотел от Хоука, –

слезы настолько заслонили мне глаза, что я не разбирала дороги, но упорно пыталась сосредоточиться только на ней, игнорируя посторонние звуки, что уж говорить о голосах парней на заднем фоне, – тем более, что меня это уже не касалось. Я как раз приблизилась к дверям запасного выхода, когда Макс закричал на весь коридор:

– ... есть!

Это было последнее, что я услышала из уст парня, перед тем, как покинуть стадион, не жалея слез. И пока я бежала вокруг стадиона, в моей голове билась одна и та же мысль.

Я рассталась с парнем, без которого уже не могла жить. Но который не мог жить без другой.

Глава 53

Поймав первое встречное такси, не оглядываясь назад, и избегая огромной толпы вокруг стадиона, до сих пор ожидавших выхода своих кумиров, я поехала домой. Всю дорогу я игнорировала тревожные взгляды водителя в зеркале заднего вида. И когда он предложил мне помощь, я только покачала головой, пытаясь сдержать рыдания. Остановившись перед моим домом, я уже собиралась достать деньги из сумочки, когда рука водителя опустилась на мою.

– Не надо, – хриплым голосом прошептал мужчина, когда я подняла на него глаза. – Я не буду брать деньги с девушки, только заработавшей сердечную рану.

– С... С чего вы взяли? – отвечаю между всхлипами.

– Девочка, мне уже пятьдесят два года, – улыбается он тонкими губами, вокруг которых мгновенно появилось большое количество морщин. – И я в браке уже очень и очень много лет. У нас с женой три дочери, которые также как и ты, плачут дома после расставания со своими парнями. И знаешь, – он сжимает мои пальцы в своей руке. – Я скажу тебе то же самое, что постоянно повторяю им. Все образумится. И скоро в твоей жизни появиться парень гораздо лучше этого.

– Нет, – качаю головой, громко всхлипнув. – Лучше чем он, не бывает.

– Это ты сейчас так думаешь. Но наступит день, и солнце

вновь засияет для тебя.

– Он и был моим солнцем, – шепчу, сжимая в ответ его ладонь. – Но все равно спасибо.

Не услышав ничего в ответ, кроме вздоха, выхожу из машины.

Мне удастся сдерживать свои собственные рыдания аж до самой квартиры. Но как только я оказываюсь внутри, пока с кухни раздается смех и разговоры, сумка выпадает из моих рук, падаю на колени и упираясь руками в пол, не сдерживаю своих слез. Мне больно. Ужасно больно от того, что я сделала. Мне хочется вернуть время вспять и не расставаться с Максом. Хочется сделать так, что бы я вообще ни о чем не знала. И пусть в конце мне было бы больно. Но до этого по крайней мере, я бы радовалась жизни и нашим отношениям.

– Алина?! – вскрикивает в стороне знакомый голос, который в данный момент я не могу распознать. – Алиночка, детка!

Две женские руки обнимают меня, притягивая к своему телу. Инстинктивно обнимаю ее в ответ, зарываясь заплаканным лицом в волосы, пахнущие ванилью.

– Малышка, что случилось? – только сейчас рыдания более-менее спадают, и у меня появляется возможность понять, что ко мне обращается Лиза. Она сидит вместе со мной на полу посреди прихожей, крепко прижав к себе и укачивая из стороны в сторону.

Она называет меня точно также, как всегда называл Макс.

И именно это прозвище становится тем рычагом, включившим второй раунд. Слезы с большей силой льются из моих глаз, а рыдания становятся громче. И до меня самой долетают эти звуки, откатившиеся от стен. Это похоже на крики раненого животного. И именно им я сейчас себя чувствую. У меня, словно вырвали сердце, оставив там пустую кровоточащую рану.

– Детка, что случилось на концерте? Тебя обидели? Что случилось? – торопливо шепчет она в мои волосы. – Пожалуйста, ответь. У меня сердце разрывается, когда ты плачешь.

– Я... Я... – пытаюсь ответить между всхлипами, но из моего рта не вырывается ничего, кроме громких рыданий и попыток вдохнуть хоть каплю воздуха. – Мы с Максом расстались!!

Кричу, выдыхая эти слова. Снова утыкаюсь заложенным носом в волосы Лизы, пока она прошипев сквозь зубы ругательства, притягивает меня к себе, обнимая сильнее.

– Мелкая?! – изумленно вскрикивает Эдик перед нами. Но я только качаю головой, продолжая рыдать.

– Алинка, успокойся. Алиночка, все будет хорошо, – поглаживая меня по волосам, пытается успокоить меня Лиза.

– Нет, не будет.

– Обязательно будет. Вот увидишь.

– Уже не будет, – отвечаю, проглотив всхлип. – Лиза, я бросила его. Бросила Максима.

– Почему?

– Он любит другууую!

– Все, все. Успокойся. Ты справишься с этим.

– Нет, – качаю головой, заметно успокоившись.

Заметив, что я все-таки успокоилась и уже не сотрясаюсь от рыданий, Лиза помогает мне подняться на ноги. Захожу в комнату вместе с ней, пытаюсь удержаться на ослабевших ногах. Она доводит меня до кровати и помогает переодеться в футболку и шорты. Уложив меня под одеяло, Лиза садится рядом, сжимая в своей ладони мою. Потянувшись за чем-то она протягивает мне салфетки. Приняв, высмаркиваюсь в одну, а другой утираю слезы. Тогда в комнате появляется Эдик с дымящейся чашкой.

– Спасибо, – шепчу, обхватив ее обеими руками.

Отпив немного, начинаю чувствовать себя немного лучше. А подняв голову, замечаю в комнате третьего, незнакомого человека. Мужчина, выглядящий как одноклассник моих дяди и тети, стоит рядом с дверью, сложив руки за спиной, и внимательно смотря на меня с Лизой. У него аккуратно подстриженные каштановые волосы, зачесанные назад, карие глаза, прямой нос немного искривлен в сторону, и полные губы. На нем голубая рубашка, заправленная в черные джинсы, и красиво обтягивающая его широкую грудь и плечи.

– Оу, – замечает мой взгляд Лиза. – Алина, познакомься, это Денис, мой парень. Денис, а это Алина, моя племянница.

– Приятно познакомиться, даже в такой момент, – хриплым голосом говорит мужчина.

– Мне тоже, – киваю, пытаюсь улыбнуться хотя бы губами.

Но боль настолько поглотила меня, что у меня ни на что не хватает сил. Даже на то, что бы улыбнуться. Допив горячий чай с мятой, и уже значительно успокоившись, я отправляю Лизу с Эдиком, говоря, что они могут вернуться к ужину. И после долгих обещаний о том, что я просто лягу спать, они закрыли за собой дверь моей комнаты.

Перевернувшись на бок, и подложив руки под подушку, я могла думать только о том, что сама, своими руками, похоронила свое счастье. Но другого выхода в сложившейся ситуации просто не было. Я не смогла бы и дальше продолжать так жить и притворяться, что у нас все хорошо. И втайне прятать от Максима взгляд, что бы он не догадался, что я прекрасно знаю о его чувствах к другой девушке.

К сожалению, заснуть, как я и планировала, что бы очистить разум, у меня не получилось из-за стука во входную дверь. Мгновенно подрываюсь на кровати, натягивая одеяло до носа. Сердце тревожно замирает от мысли, что это может быть Максим. Сейчас бы я отдала все на свете, что бы увидеть его в последний раз. Но при этом, я не вынесу его присутствия в своем доме. Не смогу сидеть и смотреть ему в глаза, зная, что мое сердце принадлежит ему, а его – другой.

К счастью, судьба сжаловалась надо мной. Спустя несколько минут после хлопка входной двери, моя распа-

живается и в проеме оказывается Машка. Только какая-то странная. С завязанными в небрежный хвост волосами, в платье, черном пиджаке и... с красными заплаканными глазами.

– Маша? – приподнимаюсь на кровати, неверяще смотря на свою лучшую, всегда веселую и радостную, подругу. – Что случилось?

– Алинка, – выдыхает Машка, перед тем как выдать нечто неожиданное:

– Я влюбилась, – и расплакавшись, она подбегает ко мне и садится на кровать. Подвигаюсь к ней, обнимая за плечи, и пока она плачет в мою футболку, поглаживаю ее по волосам. И у самой на глаза наворачиваются слезы. Всего лишь пятнадцать минут назад я также сидела в коридоре и захлебывалась в рыданиях, пока Лиза укачивала меня в своих руках, мягко гладя волосы.

Не думаю, что в данный момент надо слишком сильно напрягать мозги, что бы понять, кто именно стал этим счастливым, заполучившим сердце моей независимый подруги.

– Черт, – громко шмыгнув носом, Маша немного отстраняется от меня, утирая слезы тыльной стороной ладони. – Не могу поверить, что влюбилась.

– Подозреваю, что это Соснов?

– Да, это Витя, – кивает подруга, а мне внезапно хочется улыбнуться. Я столько времени бредила Сосновым, что да-

же в голове не могла позволить себе называть его просто Витя, а не Виктор или Соснов. Возможно, где-то на интуитивном уровне я подозревала, что не настолько сильно люблю его. Может, эта часть меня даже заранее ожидала появления Максима-Рейва Самойлова-Воронова.

– Тогда почему ты ревешь? – спрашиваю, и без подсказок отвечая в голове на свой невысказанный вопрос: Что она делает у меня дома? Потому что это в принципе и так понятно. Она поняла, что влюбилась и решила обратиться к единственному человеку в своей жизни, способного ее понять. То есть, ко мне.

Семья Марии Кругловой относится к тому типу людей, которые просто обожают своих первенцев. Они всегда ставят их превыше всего, их потребности и желания. Тогда как младшие остаются в немилости. С самого рождения, Оле доставалось все самое лучшее. Родители отдали ее в специальный садик с уклоном на английский язык, тогда как Машку – в обычный, районный. Вместо школы Оля пошла в пансионат за городом, в который просто невозможно попасть обычным людям. А Маша в школу недалеко от центра, куда ходила я. А когда пришел выбор университета, родители Машки и Ольки, послушались выбора своего старшего чада и заплатили весьма крупную сумму для ее удержания на выбранном курсе. А учится Олька на международных отношениях. И это не ради путешествий или потому что, ей очень легко даются языки. Ни хрена подобного. Все это только ради

влиятельного и богатого иностранного папика, которого она мечтает подцепить в будущем. А Машка, ее родители решили, что бы она поступила в технический универ. Якобы для того, что бы она не мешала учиться Оленьке. Но Машка не была бы Машкой, если бы втайне не сдала экзамены в наш универ, и не поступила бы на бюджет. Тогда у ее родителей просто не осталось выбора, кроме как позволить ей учиться.

– Как это почему? – спрашивает Машка, подняв на меня глаза, вокруг которых застыли блеклые следы потекшей туши. – Потому что он бабник и врун. С таким как он вообще не заводят отношений. Ему нужны только одноразовые развлечения. Но я ведь не такая. И мне такое не нужно. Я хочу отношений. Хочу гулять вместе по парку держась за руки и постоянно останавливаясь, что бы поцеловаться. Хочу ходить в кино на ужастики и вместе смеяться над дебильными решениями героев. Хочу просыпаться от его сообщения с добрым утром. Хочу улыбаться друг другу в универе.

– Ох, Машка, – шепчу, впервые за последние годы видя эту ее сторону. Не безразличной ко всему, а хрупкой и ранимой девушкой, желающей настоящей любви.

– Не надо, – качает она головой. – Я знаю, что это было глупо. Влюбляться в такого парня, как Витя, зная, какой он.

– Ты не виновата, – шепчу подруге, заглядывая в ее потухшие глаза. – Сердцу не прикажешь, кого любить. Оно само выбирает.

– Видимо, мое сердце мазохист, – выдыхает она, усмех-

нувшись уголками губ. Ох, наконец-то появились первые проблески моей лучшей подруги.

– Видимо, мое тоже, – киваю, опустив голову и, к своему несчастью, вспомнив то, о чем пыталась забыть последние минуты.

– Почему? Что случилось? Максимка тебя бросил ради той швабры?

– Нет, – качаю головой, с силой прикусывая нижнюю губу, что бы снова не начать плакать. – Я его бросила.

– Почему?

– Как это почему? Глупый вопрос, – отворачиваю голову, пытаюсь скрыть слезы, спрятавшиеся в уголках глаз.

– Нет, ты уж говори, – требовательно говорит Машка, за подбородок повернув мою голову на себя и заставляя посмотреть ей в глаза. – Что произошло между вами?

– Ничего такого, кроме того, что он с детства влюблен в другую, – отвечаю, прикрыв глаза. – Вот, я это сказала, то что ты и так знаешь. Ты довольна?

– Я даже не знаю что сказать... – недоуменно приподняв бровь, в глазах подруги вспыхивает огонек жалости. Но не надо меня жалеть. Тут уж точно я сама виновата.

– А не надо ничего говорить. Он с детства влюблен в девушку, с которой когда-то жил по соседству. Потом он переехал, и потерял ее. И вот он вновь вернулся, что бы найти ее. Та он даже в наш универ поступил только ради того, что бы быть ближе к ней.

– А ты?

– А я была прикрытием. Всего лишь временной заменой, пока он не наберется смелости признаться той девушке о своих чувствах, – выдыхаю, все-таки не сдержав небольшой слезы, скатившейся по щеке.

– Ох, детка, – тихо выдыхает Машка, на этот раз, обнимая меня. Всхлипнув, вцепляюсь ладонями в подругу.

– Все у нас будет хорошо. Мы со всем справимся, – говорит мне подруга, схватив за плечи и смотря в мои глаза. – Плевать на этих парней. Нам и без них будет прекрасно жить.

– Обязательно, – киваю, нерешительно улыбаясь, и веря в эти слова.

В оформлении обложки использовано фото с лицензией CC0: <https://www.pexels.com/ru-ru/photo/1549004/>.